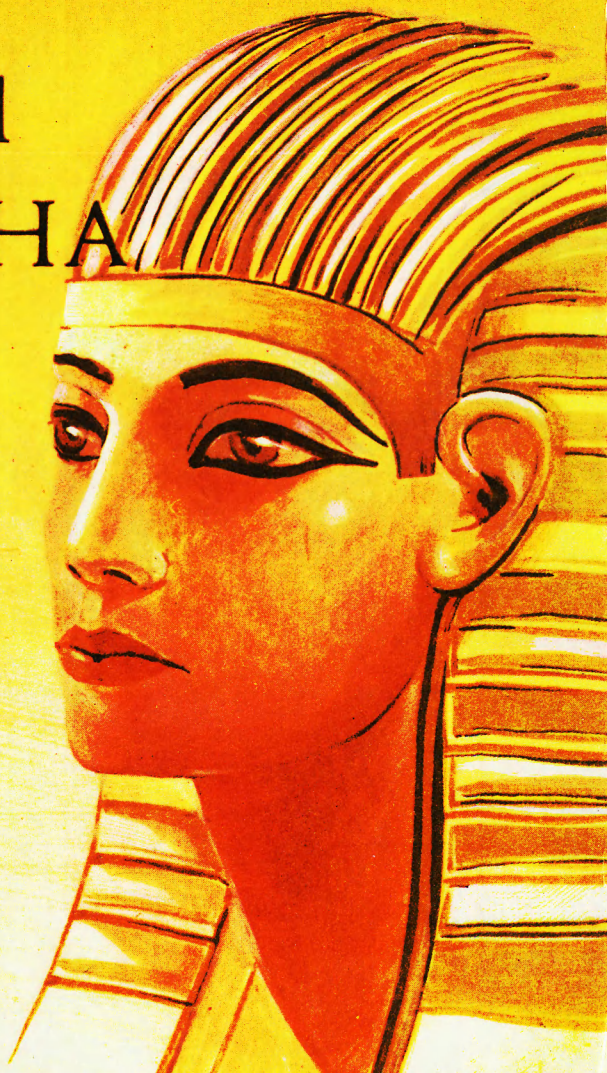

Тенри Райдер Хаггард

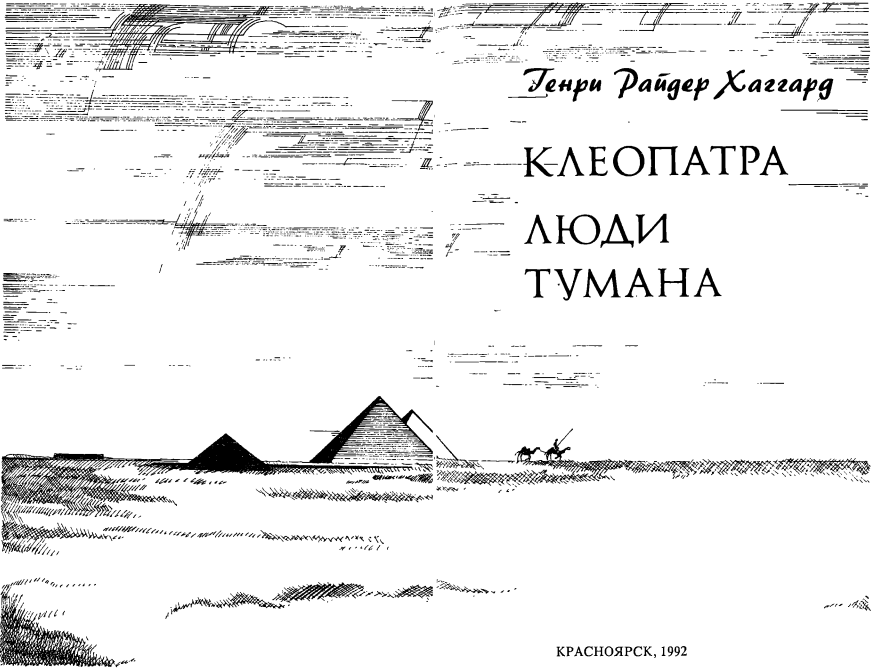
КЛЕОПАТРА

ЛЮДИ

ТУМАНА

*Перевод с английского:
Клеопатра В. Карпинской
Люди Тумана С Михайловой-Штерн*

The background of the entire page is a detailed black and white sketch of a desert landscape. In the foreground, there are rolling dunes or hills rendered with dense cross-hatching. In the middle ground, three pyramids of varying sizes are visible on the left side. To the right of the pyramids, two camels are depicted, one of which appears to be carrying a load. The sky is filled with horizontal, wavy lines, suggesting a misty or smoky atmosphere. The overall style is that of a hand-drawn illustration.

Генри Райдер Хаггард

КЛЕОПАТРА
ЛЮДИ
ТУМАНА

КРАСНОЯРСК, 1992

ББК 84 (4Вл)

X 13

Хаггард Г. Р.

X 13 Клеопатра, Люди тумана: Романы.

Перевод с английского.

Красноярск: РИЦ "Гротеск" упринформпечати,
1991. - 384 с.

Исторический роман "Клеопатра" Хаггарда перенесет читателя в Древний Египет. Свиток папируса, найденный в одной из пирамид, повествует о реальных исторических лицах - Клеопатре, Антонии...

"Люди тумана" - остросюжетный роман. Действие его разворачивается в Африке. В поисках сокровищ "земли тумана" его герои Леонард, Хуанна и Оттер претерпевают самые невероятные приключения

X 4703010100-033
М 574(3)-91

без объявл.

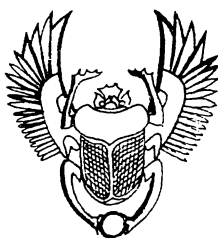
ББК 84 (4Вл)

ISBN 5-86426-021-5

© Художественное оформление
С. Гладченко

ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ

ВВЕДЕНИЕ

В мрачном уединении пустынных Ливийских гор, лежащих позади храма и города Абидоса, предполагаемого места погребения священного Озириса*, недавно было открыта гробница. В ней нашли, между прочим, свиток папируса, на котором была написана вся история Гармахиса, потомка фараонов. Гробница очень обширна и замечательна уже глубиной входа, спускающегося вертикально вниз, в самый склеп, из пещеры, высеченной в скале и служившей, очевидно, надгробной часовней для друзей и родственников усопшего. Вход этот имеет не менее 89 футов в глубину. Внизу, в склепе, нашли три гроба, хотя там могло поместиться и более. Два гроба, в которых, вероятно, покоились останки великого жреца Аменемхата и его жены, родителей Гармахиса, героя рассказа, были взломаны бесстыдными арабами. Хищники растерзали тела, своими нечестивыми руками касались тела священного Аменемхата и той, через которую, как было написано, говорило великое божество, рвали их на части, ища сокровищ между костями;— быть может, и самые кости они, по своему обычаю, продали за несколько пиастров какому-нибудь невежественному туристу, побывавшему там мимоходом. В Египте всякий бедняк зарабатывает себе хлеб на гробницах великих людей, живших задолго до него.

В это время один знакомый автора, доктор по профессии, путешествовал по Нилу до Абидоса и познакомился с теми арабами, которые нашли гробницу. Они открыли ему тайну, что один гроб остался нетронутым. Вероятно, говорили они, это был гроб бедного человека, и, торопясь, они не успели ограбить его.

Побуждаемый любопытством исследовать тайну и увидеть гробницу, не оскверненную туристами, мой друг подкупил арабов, чтобы они показали ему гроб.

Что из этого произошло, пусть он рассказывает сам так, как писал мне.

«Я спал,— пишет он,— эту ночь близ храма Сети и на следующее утро проснулся еще до рассвета. Спутниками моими

* Бог света в Древнем Египте.

были: косоглазая каналья Али — я звал его Али-баба, — тот самый, у которого я достал посланное мною вам кольцо, и несколько удачно подобранных его товарищей, таких же грабителей. Спустя час после восхода солнца мы очутились в долине, где находилась гробница. Это пустынное место, накаляемое солнцем в течение целого дня до того, что до огромных коричневых скал нельзя коснуться рукой, а песок жжет ноги. Было слишком жарко, мы не могли идти пешком, сели на ослов и таким образом ехали по долине, где единственным свидетелем нашего путешествия был коршун, реявший над нашими головами в безбрежной синеве неба.

Так мы добрались до огромной скалы, отполированной в течение столетий и солнцем, и песком. Здесь Али остановился, заявив, что гробница находится под камнем. Мы слезли и, оставив ослов на попечение мальчика-феллаха, направились к скале. Внизу скалы виднелось небольшое отверстие, достаточное, чтобы пролезть человеку. Вероятно, его проделали шакалы, и, благодаря им, гробница была открыта. Али пополз на четвереньках в отверстие, я последовал за ним и скоро очутился в темноте. После яркого света и теплого воздуха тут было очень холодно и темно. Мы зажгли свечи, и я принялся за исследование. Мы находились в пещере, похожей на комнату. Дотронувшись рукой до стен, я заметил, что пыли здесь не было и что религиозные изображения имели обычный характер Птолемеев. Между ними я заметил изображение величественного старца с длинной белой бородой, сидевшего в резном кресле, держа в руке жезл*. Перед ним шла процессия жрецов с священными реликвиями. В правом углу находился зияющий четырехугольный колодец, вырытый в черной скале. Мы принесли с собой бревно из тернового дерева и, положив его поперек колодца, привязали к нему веревку. Али — надо отдать ему справедливость, смелый негодяй — схватился за веревку и, засунув за пазуху несколько свечей, уперся босыми ногами в стенки колодца и быстро спустился вниз. Скоро он исчез из виду, и только колебания веревки показывали нам, что он продолжает спускаться ниже. Наконец веревка перестала колебаться и слабый звук выстрела долетел до нас из колодца: то Али извещал нас, что спустился благополучно. Далеко внизу показался свет: Али зажег свечу; свет ее спугнул сотни летучих мышей, которые тихо, как духи, летали и метались вверх и вниз. Веревку вытянули наверх. Настала моя очередь спускаться. Я решился на такой рискованный спуск; конец веревки обвязали посредине моего тела и спустили меня в глубину. Нельзя сказать, чтобы это было приятное путешествие, так как ес-

* Очевидно, это портрет самого Аменемхата.

ли бы спускавшие меня вниз люди сделали маленькую ошибку, я разбился бы вдребезги. Летучие мыши били меня в лицо, цепляясь за мои волосы, а я очень не люблю их.

Прошло несколько минут качания на веревке, и я очутился на ногах рядом с достойным Али, в узком проходе, покрытый потом, усеянный летучими мышами; локти и колени мои были изодраны. За мной спустился один из спутников, скользя по веревке как матрос. Остальные стояли наверху, по уговору ожидая нашего возвращения. Али пошел вперед с свечой в руке; каждый из нас имел свечу, указывая дорогу в длинном коридоре пяти футов в высоту. Дальше коридор был шире, и мы очутились в склепе. Тут царила тишина, но было так жарко, что можно было задохнуться.

Это была четырехугольная камера, высеченная в скале и совершенно лишенная всяких украшений: не было ни священных изображений, ни скульптуры. Я взял свечу и оглядел склеп. Неподалеку лежали крышки гробниц и остатки мумий, оскверненных руками арабов. Я заметил, что рисунки на первой гробнице были замечательно красивы, хотя, не имея понятия о иероглифах, ничего разобрать не мог. Бисер и покров валялись около останков, очевидно, мужчины и женщины*. Голова мужчины была отделена от тела. Я взял эту голову и долго разглядывал ее. Она была чисто выбрита — после смерти, как мне показалось по некоторым признакам, и черты лица были обезображены золотым листом, обыкновенно накладываемым на лицо мумий. Несмотря на это и на морщины, лицо было поразительно красиво. Это был очень старый человек, на мертвом лице его застыло выражение такого торжественного покоя, что мне стало страшно, какой-то суеверный ужас охватил меня (хотя я, как вы знаете, весьма привык к мертвецам), и я положил голову опять на место. Лицо второго трупа было закрыто покрывом, и я не тронул его. Но это, очевидно, была при жизни очень высокая женщина.

— Здесь еще есть мумия! — проговорил Али, указывая на большой и прочный ящик, который, казалось, был небрежно брошен в угол и лежал на боку.

Я решился осмотреть мумию. Это был хорошо сделанный ящик из кедрового дерева, без всякой надписи или изображения.

— Никогда я не видал такого! — заметил Али. — Бросим его опять назад!

Я смотрел на ящик с возрастающим интересом. Потрясенный видом праха усопших, я сначала не хотел трогать гроба, но любопытство превозмогло, и мы принялись за работу.

* Несомненно, Аменемхата и его жены.

Али принес долото и молоток и, усевшись на гробницу, принялся за дело со всем усердием опытного гробокопателя и вора. Он указал мне на нечто странное. Обыкновенно ящики с мумиями скрепляются четырьмя маленькими деревянными клинышками, по два с каждой стороны, этот же ящик имел целых восемь клинышков, хорошо закрепленных.

Очевидно, ящик старались закрыть крепче и плотнее.

Наконец с большим трудом мы подняли массивную крышку около трех дюймов в толщину и на дне ящика увидели труп, прикрытый толстым слоем ароматных трав. Али смотрел на мумию, широко раскрыв глаза: мумия не походила на другие. Обыкновенно мумии лежат на спине с спокойным и окаменелым видом, словно высеченные из дерева. Наша же мумия лежала на боку, и под покровом заметно было, что ее колени согнуты. Более того, золотая маска, которая по обычаю во времена Птоломеев надевалась на лицо, была сброшена и буквально сплюснута под головой. При виде всего этого невольно приходило в голову, что мумия была жива и даже двигалась тогда, когда была положена в гробницу.

— Странная мумия, — сказал Али, — точно она была жива, когда ее положили сюда!

— Глупости, — возразил я. — Кто слышал о живых мумиях?

Мы подняли труп из ящика, избегая прикосновения к нему, и под ним, в покровах, нашли сверток папируса, небрежно связанный и, казалось, брошенный в ящик в момент его заделывания*.

Али жадно смотрел на папирус, но я схватил его и спрятал в карман, так как по уговору все, что мы найдем, принадлежало мне. Потом мы начали разворачивать труп, покрытый широкими повязками, навитыми и грубо перевязанными узлом. Казалось, все это делалось наспех и с трудом. Теперь, когда все покровы были сняты, на лице мумии оказался второй свиток папируса. Я хотел взять его, но не мог. Оказалось, что он был прикреплен к савану без швов, наброшенному как мешок и завязанному у ног. Этот саван, плотно навощенный, был сделан из одного большого куска.

Я взял свечу, чтобы разглядеть свиток, и понял, почему он не отставал от трупа: душистые мази приклеили его. Невозможно было отнять его от трупа, не разорвав нижних листов папируса**.

* Этот свертос содержал в себе третью, неоконченную книгу истории. Остальные два свертка были завязаны обычным способом. Все три написаны одной рукой демотическим письмом.

** В силу этого, вероятно, и произошли пропуски в последних листах 2-го папируса.

Наконец я добыл его и опустил в карман, затем, заботливо сняв саван, осмотрел труп мужчины. Между его коленями находился третий свиток папируса. Я взял его и взглянул в лицо мумии. Одного взгляда на его лицо было достаточно для меня, врача, чтобы понять, отчего он умер. Труп не очень высох. Очевидно, он не лежал положенных 70 дней до погребения, и поэтому выражение лица и сходство сохранилось лучше обыкновенного. Не входя в подробности, скажу только, что не дай мне бог когда-нибудь увидеть такое ужасное лицо, как у этого мертвеца. Даже арабы с ужасом отвернулись и начали бормотать молитвы. Кроме этого, на трупе не оказалось обыкновенного отверстия в левом боку, через которое его бальзамируют. Тонкие, правильные черты лица принадлежали человеку средних лет, хотя волосы были совершенно седые. Сложение тела говорило о физически сильном человеке, плечи были необыкновенно широки. Я не успел хорошенько рассмотреть его, так как через несколько секунд ненабальзамированное тело начало рассыпаться под влиянием воздуха. Через 5 или 6 минут от него буквально ничего не осталось, кроме клочка волос, черепа и нескольких больших костей. Я заметил, что берцовая кость — не помню, правая или левая — была сломана и очень дурно вправлена. Одна нога была на дюйм короче другой.

Больше искать здесь было нечего. Когда наше возбуждение улеглось от жары, опьяняющего запаха ароматов и мумий, я упал полумертвый на землю...

Я устал писать, корабль сильно качает. Это письмо, конечно, пойдет сухим путем, а я поеду «вдоль по морю» и надеюсь быть в Лондоне дней на 10 позже письма. Тогда расскажу вам при свидании о моих забавных приключениях при подъеме из склона, как мошенник из мошенников Али-баба и его достойные друзья пытались напугать меня и отнять папирусы, и как я отделался от них. Мы с вами прочитаем папирусы. Я ожидаю, что это будет простая штука, копия с «книги мертвых», но, быть может, в них есть еще что-нибудь. Разумеется, я никому не говорил о своем маленьком приключении в Египте, иначе весь Булакский музей погнался бы за мной по пятам. Прощайте, «Mafech Fineech», как говорил Али-баба».

В скором времени мой друг, автор письма, действительно приехал в Лондон. Мы отправились с визитом к одному ученому, знатоку иероглифов и демотического письма. Можно представить себе наш страх, с каким мы следили, когда он серьезно и последовательно смачивал и рассматривал свитки сквозь стекла своих золотых очков.

— Ну,— заявил он,— что бы там ни было, но это не копия с «книги мертвых», клянусь Георгом! Что же это такое? Клео-Клео-Клеопатра... О, милостивые государи, это так же верно,

как то, что я живой человек, что это история кого-то, кто жил во времена Клеопатры; рядом с ней встречается имя Антония!.. Отлично, шесть месяцев работы — шесть месяцев, и все будет ясно!— При этой приятной перспективе ученый потерял всякую власть над собой и начал прыгать по комнате, пожимая нам руки и бормоча:— Я переведу, переведу это, хотя бы мне грозила смерть, мы напечатаем, и, клянусь Озирисом, все египтологи в Европе лопнут от зависти. О, какая находка! Какая драгоценная находка!..

Ученый исполнил свое обещание, и перед нами явился удивительный рассказ из давно минувших времен.

Гармахис заговорил из своей забытой могилы. Стены веков упали, и, словно при ярком блеске молний, явились картины прошлого, окаймленные мрачной тенью протекших столетий...

Перед нами два Египта: молчаливые пирамиды одного смотрят на нас через многие сотни веков; это Египет греков, римлян, Птолемеев. Другой — одряхлевший Египет Гиеорфантов, покрытый плесенью веков, подавленный тяжестью древних легенд, воспоминанием о давно потерянном величии.

Из рассказа Гармахиса мы узнали, как погибающая страна Кеми ожила и вспыхнула перед смертью, как стойко боролась древняя, временем освященная вера против нового веяния, которое разлилось, подобно Нилу, по стране и потопило древних богов Египта.

Эти страницы скажут нам о почитании великой, многообразной Изиды, исполнительницы высших начертаний. Мы познакомимся с Клеопатрой, «сотканной из пламени», чья страстью пышущая красота играла судьбами царства. Прочитаем, как душа Хармионы погибла от меча, выкованного ее мстительностью.

Гармахис, царственный египтянин, из-за могилы приветствует вас, шествующих по жизненному пути. История его разбитой жизни укажет вам на проступки вашего собственного существования. Из мрачного Аменти*, где он искупает свой грех, взывает он к вам, рассказывая историю своего падения, судьбу того, кто продал и забыл своего бога, свою честь и свою страну.

* Египетский ад или чистилище.

Часть I

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ГАРМАХИСА

I

*Рождение Гармахиса.— Пророчество.—
Убийство невинного дитяти.*

Именем священного Озириса, «почивающего в Абуфисе, клянусь, пишу истинную правду я, Гармахис, наследственный жрец храма, воздвигнутого в честь божественного Сети, бывшего фараона в Египте, теперь почившего в лоне Озириса, властителя Аменти.

Я, Гармахис, по воле божества происхожу от крови царственного властителя двойной короны, фараонов Верхнего и Нижнего Египта!..

Я — Гармахис, отложивший в сторону все светлые надежды, свернувший с правого пути, забывший голос бога ради голоса прекрасной женщины! Я — Гармахис, падший и погибший человек, над которым склонились все горести и невзгоды, подобно тому, как скапливаются воды в пустынном колодце; который вкусил и стыд, и унижение, сделался предателем из предателей, потерял будущие блага ради земного счастья, теперь несчастный, опозоренный, — я пишу, клянусь именем священной гробницы Озириса, пишу только правду.

О Египет! Дорогая страна Кеми, чья чрезмерная почва вскормила меня, страна, которую я предал! Озирис! Изида! Хор! Боги Египта, которым я изменил! О храмы священные, портики которых возносятся к небу, вашу веру я бессовестно предал! О царственная кровь старейших фараонов, что медленно течет теперь в моих ослабленных венах, вашу чистоту и добродетель я опозорил!

О Невидимое Существо Всевидящего Бога!

О судьба, чья чаша весов под тяжестью моих преступлений склонилась на мою сторону, услышьте меня и в день страшный последнего суда засвидетельствуйте, что я пишу правду!

В то время как я пишу, вдали, за зеленеющими полями, течет Нил, и волны его кажутся окрашенными кровью. Передо мной солнечные лучи заливают горы Ливии, играя на колоннах Абуфиса. Жрецы и теперь еще молятся в храмах Абуфиса, который навеки отвернулся от меня. Там приносятся жертвы, и каменные своды вторят жарким молитвам народа. Поныне из уединенной кельи моей башни-тюрьмы я, олицетворение стыда, жадно сторожу развевающиеся священные знамена на стенах Абуфиса, жадно вслушиваюсь в пение, когда длинная священная процессия извивается, подвигаясь от святилища к святилищу.

Абуфис, навеки потерянный Абуфис! Мое сердце рвется к тебе! Наступит день, когда песок пустыни занесет все твои священные уголки! Боги осуждены, о Абуфис! Новая вера будет смеяться над твоей святыней, и на крепостных стенах раздастся зычный клик центуриона*. Я плачу, плачу кровавыми слезами; я виновник всех твоих несчастий, твоё унижение покрыло меня позором!

Я родился здесь, в Абуфисе, я, Гармахис, и мой отец, почивший в Озирисе, был великим жрецом храма Сети. В самый день моего рождения родилась и Клеопатра, царица Египта. Я провел свое детство среди цветущих полей, наблюдая за тяжелой трудовой жизнью народа, бегая по обширным дворам храма. О своей матери я ничего не знал, так как она умерла, когда я был грудным ребенком. Но перед смертью — она умерла в царствование Птолемея Анлета, прозванного Флейтистом, — по словам старой женщины, Атуи, моя мать открыла ящичек из слоновой кости, вынула из него золотой уреус, символ нашей царственной крови, и положила мне на лоб. Те, кто видел это, подумали, что Божество внушило ей этот поступок, и что под наитием Высшей Силы она предвидела, что дни македонян Лагидов** кончились и что скипетр Египта перейдет наконец в руки настоящего царственного рода. Мой отец, великий жрец Аменемхат, у которого я был единственным ребенком, узнав о поступке умирающей жены, возвел руки и очи к небу и благодарил Божество за посланную свыше милость. Во время его молитвы аторы*** осенили мою умирающую мать даром пророчества; больная с необыкновенной силой поднялась на своем ложе, трижды простерла руки над колыбелью, в которой я спал с священным уреусом на лбу, и воскликнула: «Приветствую тебя, плод моего чрева! Приветствую тебя, царственное дитя! Приветствую тебя, будущий фараон! Священное

* Так назывались сотники у римлян.

** Первый Птоломей Лагид был военачальником Александра Македонского.

*** Египетские парки, боги судьбы.

семя Нектнера, ведущее род свой от Изиды, чрез тебя Бог очистит страну! Береги свою чистоту и будешь возвеличен и освободишь Египет! Но если в тяжкий час испытания ты не выдержишь и изменишь, да падет на тебя проклятие всех богов Египта, проклятие твоих царственных предков, которые правили Египтом со времен Хора. Тогда ты будешь несчастнейшим из людей! Тогда после смерти пусть Озирис отвергнет тебя и судьи Аменти пусть свидетельствуют против тебя. Сет и Сехмет будут мучить тебя, пока не искупишь ты грех свой, пока боги Египта, названные чужими именами, не будут снова восстановлены в храмах Египта, пока жезл Гонителя не сломается совсем и следы чужестранца не изгладятся в египетской земле, пока не совершится все, что ты причинил по своей слабости и неразумию!» Когда моя мать произнесла эти слова, дар пророчества оставил ее, и она упала мертвая на мою колыбель. Я проснулся с криком ужаса.

Отец мой, великий жрец Аменемхат, страшно испугался, так как пророческие слова матери были явной изменой Птолемею. Он хорошо знал, что если эти слова дойдут до ушей Птолемея, фараон немедленно пришлет солдат, чтобы убить дитя, к которому относилось это пророчество. Отец мой запер двери и заставил всех присутствующих дать ему под клятвой обещание, что ни одно слово из слышанного не сойдет с их губ. Все поклялись ему святым символом храма, именем Божественных трех Атор и душой умершей, лежавшей под камнями храма.

Среди присутствующих находилась старая женщина, Атуа, бывшая кормилица моей матери, горячо любившая ее. В наши дни — и не знаю, как это было в прошлом и как будет в будущем, — я наверное знаю, что нет такой клятвы, которая могла бы сдерживать женский язык. Мало-помалу, когда старая Атуа освоилась с происшедшим и страх отлетел от нее, она сообщила о пророчестве своей дочери, моей кормилице, заменившей мне мать.

Атуа рассказала обо всем дочери во время прогулки, когда они несли обед ее мужу, скульптору, высекавшему изображение богов на могилах.

Рассказав, она добавила, что заботы и любовь кормилицы ко мне должны быть особенно велики и дороги, так как я будущий фараон, долженствующий изгнать Птолемея из Египта.

Дочь Атуи, моя кормилица, была так поражена этим чудом, что не могла сдержаться и ночью рассказала все своему мужу, тем самым подготовив свою собственную гибель и гибель своего ребенка, моего молочного брата. Муж ее рассказал своему приятелю, тайному шпиону фараона.

Таким образом фараон скоро узнал обо всем. Тот был очень смущен известием. Хотя в пьяном виде Птоломей издевался над богами египтян и клялся, что Римский сенат — единственное божество, перед которым он склонит колени, но в глубине души Птоломей боялся их, как я узнал впоследствии от его лекаря.

Оставаясь один ночью, он вопил и кричал, обращаясь к великому Серапису и другим богам, боясь быть убитым, боясь, что душа его обречена на вечные мучения. Чувствуя, что его трон колеблется, фараон рассылал богатые подарки в храмы, вопрошал оракулов (в особенности чтимый им оракул — в Фивах). Когда до него дошел слух, что жена великого жреца при великом и древнем храме Абуфиса, одержимая перед смертью духом пророчества, предсказала, что ее сын будет фараоном, он сильно испугался и, собрав несколько надежных солдат, — они были греки и не боялись святотатства, — отправил их в лодке по Нилу с приказом проникнуть в Абуфис, отрубить голову сыну великого жреца и принести ему эту голову в корзине.

Но случилось так, что лодка, в которой поплыли солдаты, глубоко сидела в воде, а время плавания совпало как раз с убылью воды в реке. Лодка наткнулась и задержалась песчаными отмелями, а северный ветер дул так свирепо, что была опасность утонуть.

Тогда солдаты фараона начали сзывать народ, работавший вдоль берегов реки, приказывая им взять лодки и снять их с мели.

Народ, видя, что это были греки из Александрии, не шевельнулся: египтяне не любили греков. Но солдаты кричали, что они едут по делу фараона. Народ непременно хотел знать, что это за дело. Среди солдат был евнух, совершенно опьяневший от страха; он сообщил толпе, что они посланы убить дитя великого жреца Аменемхата, которому предсказано, что он будет фараоном и выгонит греков из Египта. Народ не посмел кочесаться далее и исполнил приказание, не совсем понимая слов евнуха. Но один из присутствующих, фермер и смотритель каналов, родственник моей матери, слышавший ее пророческие слова над моей колыбелью, быстро пустился в путь и через три четверти часа стоял в нашем доме, со стороны северной стены великого храма. В это время мой отец находился в Долине Смерти, налево от большой крепостной стены, а солдаты фараона, усевшись на ослов, скоро добрались до нас. Фермер закричал старой Атуе, язык которой наделал столько зла, что солдаты, прибывшие с целью убить меня, близко от нас. Оба они с ужасом смотрели друг на друга, не зная, что делать. Если бы они спрятали меня, солдаты не ушли бы, не ра-

зыскав моего убежища. Вдруг фермер, взглянув на двор, заметил игравшего там маленького ребенка.

— Женщина,— спросил он,— чье это дитя?

— Это мой внук,— отвечала она,— молочный брат принца Гармахиса; его мать навлекла на нас столько несчастий и бед!

— Женщина,— произнес фермер,— ты знаешь свой долг! Делай же!— Он снова указал на играющее дитя.— Я приказываю тебе это священным именем Озириса!

Атуа затряслась от горя: дитя было ее собственной крови, ее родной внук, но, несмотря на это, быстро схватила его, вымыла, надела на него дорожное шелковое платье и положила в мою колыбель, меня же старательно испачкала песком, чтобы моя белая кожа казалась темнее, сняла хорошее платье и сунула меня в грязный угол двора, чему, впрочем, я был очень рад.

Едва успел мой добрый родственник скрыться, как вошли солдаты и спросили старую Атую, где находится жилище великого жреца Аменемхата.

Атуа попросила их войти в дом и подала им меду и молока, так как они были утомлены и хотели пить.

Утолив жажду, евнух, находившийся среди солдат, спросил, действительно ли сын Аменемхата лежит в колыбели. Атуа отвечала утвердительно и начала рассказывать солдатам, что ребенку предсказаны величие и царская власть.

Греки засмеялись, один из них схватил дитя и отрубил ему голову мечом. Евнух показал Атуе бумагу, полномочие на убийство с печатью фараона, и велел ей передать великому жрецу, что его сын может быть царем и без головы.

Когда солдаты уходили, один из них заметил меня, игравшего в грязном углу, и заявил, что я больше похож на принца Гармахиса, чем убитый ребенок. На одну минуту они остановились было, но потом прошли мимо, унося с собой голову моего молочного брата.

Через короткое время вернулась с рынка моя кормилица, мать убитого ребенка, и, когда узнала все, что произошло, пришла в отчаяние. Она и муж ее хотели убить старую Атую и отдать меня солдатам фараона. В это время вернулся мой отец и, узнав всю правду, приказал ночью схватить скульптора и его жену и спрятать их в один из темных углов храма, чтоб никто более не мог видеть их.

Теперь у меня часто является сожаление, что по воле богов солдаты не убили меня вместо невинного ребенка.

С тех пор стало известно, что великий жрец Аменемхат взял меня к себе вместо Гармахиса, убитого фараоном.

*Неповиновение Гармахиса.— Гармахис убивает
льва.— О чем говорила старая Атуа.*

После всего случившегося Птоломей Флейтист более не беспокоил нас и не посылал своих солдат на поиски того, кому было предсказано быть фараоном. Евнух принес ему голову дитяти, моего молочного брата, когда царь сидел в своем мраморном дворце в Александрии, пил кипрское вино и играл на флейте перед своей женой.

По его приказанию евнух, держа за волосы, поднес ему голову, чтобы рассмотреть получше. Фараон засмеялся, ударил ее по щеке своей сандалией и приказал одной из девушек убирать фараона цветами, потом, преклонив колена, стал издеваться над мертвой головой убитого ребенка. Девушка, бойкая и смелая на язык — все это я узнал уже потом, — сказала фараону, что он хорошо сделал, преклонив колена, так как убитое дитя было истинным фараоном, величайшим из царей, имя его было Озирис, а престолом — Смерть. Птоломей смутился при этих словах и задрожал. Злой и дурной по натуре, он страшно боялся суда Аменти и смерти. Он приказал убить девушку, найдя в ее словах дурное для себя предзнаменование, крича, что он охотно посылает ее вслед за убитым фараоном, которого она может почитать, как ей угодно. Птоломей отослал прочь и других женщин и перестал даже играть на флейте, пока на другой день снова не напился пьяным.

Александрийцы сложили по этому поводу песню, которая и до сих пор распевается на улицах Александрии. В ней они осмеивают Птолемея Флейтиста, играющего на своей флейте над мертвыми и умирающими.

«Флейта его, — говорится в песне, — сделана из сырого тростника, взятого с берегов адской реки. Когда-нибудь под мрачной сенью ада вместе с тремя парками он будет играть на флейте. Лягушка займет должность его дворецкого, а вода адской реки будет вином для Птолемея Флейтиста».

Годы шли. Я был слишком мал еще и не имел понятия о важных событиях, происходивших тогда в Египте. Да у меня осталось и слишком мало времени, и я хочу говорить только о том, что близко касалось меня.

За эти истекшие годы мой отец и учителя обучали меня древней науке нашего народа, применяясь к моему детскому понятию. Я рос сильным, красивым мальчиком; волосы мои были черны, подобно волосам божественной Ну, глаза походили на голубой цветок лотоса, кожа уподоблялась алебастру. Теперь, когда все это давно миновало, я могу говорить об этом без стыда. Я обладал большой физической силой.

Во всем Абуфисе не было юноши моих лет, который бы мог побороть меня или сравниться со мной в искусстве метать пращу или копье.

Я страстно желал поохотиться за львом, но тот, кого я привык называть отцом, строго воспрещал мне это, говоря, что моя жизнь слишком дорога, чтобы так безрассудно рисковать ею. Когда я, склонившись перед ним, умолял объяснить мне смысл этих слов, старик нахмурился и отвечал, что боги посылают все в свое время. Что касается меня, я ушел рассерженный.

В Абуфисе был юноша, который вместе с другими убил льва, часто нападавшего на стада его отца. Завидуя моей силе и красоте, он уверял, что я страшный трус в душе и способен охотиться только за шакалами и газелями. Мне в то время шел семнадцатый год, и я был вполне зрелым мужчиной. Когда я ушел, рассерженный, от отца, то случайно встретился с этим юношей. Тот снова стал подсмеиваться надо мной, говоря, что кое-кто из жителей городка сказал ему, что огромный лев засел на берегах канала, пересекающего храм, и что берлога льва находится на расстоянии 30 стадий от Абуфиса. Он спросил меня с насмешкой, не хочу ли я помочь ему убить льва, или, может быть, желаю уйти домой посидеть со старухами, которые будут расчесывать мои локоны.

Это издевательство глубоко оскорбило меня. Я готов был броситься на юношу, но вместо того, забыв слова отца, ответил ему, что охотно пойду с ним, разыщу льва и докажу, такой ли я трус, каким он меня считает. Сначала юноша колебался, не хотел идти со мной, хотя у нас есть обычай охотиться за львом целой компанией. Наступила моя очередь смеяться. Тогда юноша пошел, чтобы захватить свой лук, стрелы и острый нож.

Я же взял с собой мое тяжелое копье с рукояткой из тернового дерева и с серебряным яблоком на конце, чтобы не скользила рука.

Мы отправились молча, бок о бок, к берлоге льва. Когда мы пришли на место, солнце было близко к закату. На берегу мы нашли следы льва, который скрывался в прибрежном тростнике.

— Ну, хвастун,— сказал я,— ты желаешь пойти в тростник ко льву или мне идти? Я пойду поищу дорогу!

— Нет, нет,— возразил он,— не будь так глуп! Чудовище прыгнет и разорвет тебя. Смотри!

— Я буду стрелять в камыши, может быть, он спит, я его подниму!

Юноша взял свой лук и прицелился.

Я не знал, как это случилось, но стрела разбудила спяще-

го льва. С быстротой молнии, внезапно сверкнувшей из облака, выпрыгнул он из тростника и остановился перед нами с оцепеневшейся гривой и налитыми кровью глазами. Стрела торчала в его боку. Лев яростно заревел; земля тряслась под нами от его криков.

— Пускай стрелу!— крикнул я.— Пускай, прежде чем он прыгнет!

Но мужество покинуло хвастуна, его зубы стучали, пальцы разжались, лук упал на землю, а сам охотник с громким криком бросился бежать, предоставив мне льва. Я стоял неподвижно, ожидая своего приговора, испуганный до того, что не мог бежать. Лев встряхнулся, присел и, одним огромным прыжком перелетев через меня, прыгнул опять вслед за убежавшим юношей, нагнал его и ударил своей огромной лапой по голове, так что голова его разбилась, как яйцо, которое ударили камнем.

Несчастный упал на землю мертвый. Лев остановился над ним и снова заревел. Охваченный ужасом, почти бессознательно я схватил копье и бросился на зверя. Тот поднялся на задние лапы и пошел мне навстречу, так что голова его очутилась выше моей. Он ударил меня лапой. Я собрался со всеми силами и вонзил ему в горло широкое копье; лев с ревом опрокинулся назад, успев только слегка оцарапать меня. Дико рыча от боли, он сделал два огромных прыжка в воздухе и, ударив передними лапами о копье, упал на землю. Кровь из раны текла ручьем, он постепенно ослабел и ревел, как бык, пока не издох. Я был молод, стоял и дрожал от страха, хотя всякая опасность миновала.

Пока я стоял и смотрел на мертвое тело того, кто издевался надо мной, и на труп льва, ко мне поспешно подбежала женщина, старая Атуа, которая — я тогда еще не знал этого — пожертвовала своей плотью и кровью, своим внуком ради спасения моей жизни. Старуха собирала на берегу лекарственные травы, в которых она знала толк, не подозревая даже о близости льва. (Действительно, львы, по большей части, редко встречаются около селений и чаще всего уходят в пустыню и Ливийские горы.) Но издали Атуа видела все, что произошло. Подойдя ко мне, она узнала меня, поклонилась и приветствовала меня, называя царственным юношей, достойным всяких почестей, возлюбленным избранником святых Трех и фараоном-освободителем!

Полагая, что старуха помешалась от страха, я спросил ее, о чем она толкует.

— Разве это такой великий подвиг, что я убил льва?— спросил я.— Стоит ли об этом так много говорить? Были и есть люди, которые убивали львов. Разве божественный Аменкетеп

не убил своей рукой более сотни львов? На скарабее*, что висит в комнате моего отца, написано, что некогда он сам убивал львов. А другие? Для чего же ты этот вздор городишь, глупая женщина?

По молодости я не придавал особого значения тому, что убил льва, и искренно удивлялся словам Атуи. Но старуха не переставала прославлять меня, называя разными священными именами.

— О царственный отрок!— кричала она.— Справедливо пророчество твоей матери! Истинно Великий Дух осенил ее. Божественный! Исполняется предсказание! Лев рычит в римском Капитолии, умирающий человек — это Птоломей — македонское отродье, рассеянное, как плевелы, по всей стране Нила. Вместе с македонянами и лагидами ты поразишь и римского льва. Но македонская собака постыдно убежит, и римский лев поразит ее, а ты поразишь льва,— и дорогая страна Кеми будет вновь свободна, свободна! Только будь чист, как повелели боги! Ты — сын царственного дома! Надежда Кеми! Берегись только женщины-губительницы, и все сбудется, что я сказала! Я бедна, несчастна и убита горем. Я согрешила, рассказав и открыв великую тайну, и за этот грех дорого заплатила своей плотью и кровью, но ради тебя я охотно отдам все. Во мне уцелела еще мудрость нашего народа, и перед богами все равны. Они не отталкивают от себя бедняков. Божественная мать Изида говорила со мной прошлой ночью, приказала мне собрать лекарственных трав и рассказать тебе все знамения. И все сбудется так, как я сказала, если ты устоишь против великого искушения. Пойди сюда, царственный юноша!

Атуа поставила меня на самом берегу канала, вода которого была глубока и прозрачна.

— Посмотри на это лицо, которое отражается в воде! Разве не достойно это чело двойной царской короны? Разве в этих прекрасных глазах не светится царское величие? Разве творец наш, великий Пта, не для того создал этот стан, чтобы облечь его царской лентой и привлекать взоры людей, которые в лице твоём видят Бога?

Слушай же, слушай!— продолжала старуха уже другим, визгливым, старушечьим голосом.— Не будь глупцом, мальчик, царапина льва — вещь опасная. Она ядовита, как укус змеи,— ее надо лечить, иначе она будет гноиться, ты будешь бредить львами и змеями, царапина превратится в язву. Но я умею помочь, умею. Я не совсем еще глупа. Заметь, все сходится: в безумии заключается мудрость, а в мудрости много безумия. Ля! Ля! Ля! Сам фараон не сумеет сказать, где начинает

* Священный жук египтян.

ся одно и где кончается другое. Ну, не гляди же так печально, словно кот в красном платье, как говорят в Александрии. Дай мне положить целебной травы на твою рану, и через шесть дней ты будешь совсем здоров, и кожа твоя будет опять нежна и бела, как у трехлетнего ребенка. Нужды нет, что будет немножко больно, мальчик. Клянусь тем, кто спит в Абуфисе, клянусь Озирисом, от этой царапины не останется и следа, ты будешь чист и здоров, как жертва Изиды в новолуние, если позволишь мне приложить этих трав. Не так ли, добрые люди?— обратилась Атуа к толпе, собравшейся около нас, пока она пророчествовала.— Я произнесла над ним заговор, который очень помогает моему лечению. Ля! Ля! Нет ничего лучше заговора. Если вы верите в него, приходите ко мне, когда ваши жены бесплодны. Это будет лучше, чем царапать столбы в храме Озириса, я уверена. Я сделаю их плодовитыми, как двадцатилетние пальмы. Но, видите ли, надо знать заговор, все приходит к своему концу! Ля! Ля!

Слушая все это, я, Гармахис, приложил руку к голове, не зная, брежу ли я или вижу все это во сне, но, оглянувшись кругом, заметил в толпе седоволосого человека, который зорко наблюдал за нами. После я узнал, что это был шпион Птоломея, который был послан фараоном вместе с солдатами, чтобы убить меня, когда я лежал еще в колыбели. Мне стало понятно тогда, почему Атуа напускала на себя вид безумной.

— Странный у тебя заговор, старуха,— сказал насмешливо шпион.— Ты болтала о фараоне, о двойной короне, о Пта, который создал этого юношу, чтобы носить ее, не так ли?

— Ну да, это только часть моего заговора, глупый человек! Скажи, чем же мне клясться, как не именем божественного фараона Флейтиста, который своей музыкой очаровывает нашу счастливую страну? Как же мне не клясться его двойной короной, которую он носит по милости Александра Македонского? А вот что вы все знаете: вернули ли они хламиду, которую Митридат взял в Коссе? Помпей, не правда ли, носил ее в дни торжества? Помпей в одежде Александра! Комнатная собачка в львиной шкуре! Говоря о львах,— посмотрите-ка, что сделал этот юноша: убил льва своим копьем! Вы должны быть рады этому, добрые люди, ведь это был ужасный лев. Взгляните на его зубы, на его когти! Какие когти! Такой старой женщине, как я, довольно взглянуть на них, чтобы закричать от страха! А мертвец там, мертвое тело — лев убил его. Увы, он в лоне Озириса теперь. А подумать, час тому назад он был жив, как вы или я! Ну, несите же труп набальзамировать! Он быстро распухнет и разложится от жары; и тогда его нельзя будет резать. Семьдесят дней в щелоче — это все, что ему предстоит. Ля! Ля! Как долго болтает мой язык, а уже темнеет! Убе-

рите же прочь труп бедного мальчика и унесите льва! Ты, мой мальчик, возьми траву, и твоя царапина быстро пройдет. Я знаю кое-что, хотя и безумна, мой милый внучек! Дорогой мой! Я счастлива, что его святость великий жрец усыновил тебя, когда фараон, да благословит Озирис его священное имя, прикончил его собственного сына. Ты глядишь красавцем! Я уверена, что настоящий Гармахис не сумел бы искуснее тебя убить льва! Простая кровь — здоровая и хорошая кровь!

— Ты знаешь слишком много и говоришь слишком скоро! — проворчал совершенно обманутый шпион. — Правда, это — храбрый юноша. Ну, вы, люди, несите труп в Абуфис, а остальные помогите мне содрать шкуру со льва. Мы пришлем тебе эту шкуру, молодой человек, хотя ты и не заслуживаешь этого. Нападать на льва — это безумие, а всякий безумец достоин гибели. Никогда не борись с сильным, пока сам не будешь так же силен!

Я отправился домой, изумленный всем происшедшим.

III

*Выговор Аменемхата. — Гармахис молится. —
Знамение, посланное великими богами.*

Пока я, Гармахис, шел домой, сок травы, которую Атуа положила на мои раны, причинял мне жгучую боль, но потом эта боль утихла. Правду говоря, я думаю, что трава эта — замечательное средство, так как через два дня я был совсем здоров, и на моем теле не осталось даже следа царапины. Теперь меня беспокоило только то, что я ослушался приказа великого жреца Аменемхата, которого называл отцом. До настоящего дня я не знал, что он мой родной отец, полагая, что его сын убит и что с согласия богов он усыновил меня и воспитал, приучая прислуживать в храме. Сердце мое было беспокойно, я боялся старика, который был страшен в гневе и говорил со мной холодным голосом мудрости, но, во всяком случае, решил пойти к нему, сознаться в моем непослушании и вынести наказание.

Держа окровавленное копье в руке, с кровавой раной в груди, я прошел наружный двор храма и подошел к двери жилища великого жреца. Это была большая комната, уставленная кругом скульптурными изображениями богов. Днем солнечный свет проникал в нее через отверстие в массивном каменном своде. Ночью же она освещалась висячей бронзовой лампой. Я бесшумно проскользнул в комнату, благо, дверь была не заперта, приподнял тяжелые занавеси и остановился с сильно бьющимся сердцем.

Лампа освещала комнату, и при свете ее я увидел старика, сидевшего на кресле из слоновой кости и черного дерева перед каменным столом, на котором были разложены мистические письма великих сказаний о жизни и смерти. Старик не читал, а спал. Его длинная белая борода лежала на столе, подобно бороде мертвого человека. Мягкий свет лампы падал на его лицо, на папирусы, на его бритую голову, на белые одеяния, на стоявший около него посох из кедра — знак его жреческого достоинства, на кресло из слоновой кости с ножками в виде львиных лап. Ясно обрисовывался сильный и мощный лоб, царственное величие в резких чертах лица, седые брови и черные впадины глубоко впавших глаз. Мягко поблескивало на его руке золотое кольцо с выгравированными на нем символами невидимого божества. Все остальное было в тени. Я смотрел на него и трепетал; во всей его фигуре было почти божественное величие. Он так долго жил в постоянном общении с богами, так глубоко проник во все тайны божества, которых мы не умеем постичь, что теперь, казалось, приобщился Озирису и заставлял благоговеть перед собой простых смертных. Я стоял и смотрел на него. Вдруг он открыл свои глубокие темные глаза и, не глядя на меня, не поворачивая головы, заговорил:

— Почему ты не послушался меня, сын мой? Как могло случиться, что ты вступил в борьбу со львом, когда я запретил тебе?

— От кого ты узнал это, отец мой?— спросил я, совершенно пораженный.

— Как я знаю это? Разве нет других средств узнать, кроме наших чувств? О, глупое дитя! Разве мой дух не был с тобой, когда лев прыгнул на твоего спутника? Разве я не молился, прося богов защитить тебя и вернее направить твой удар в горло льва? Как ты мог решиться на это, сын мой?

— Хвастун посмеялся надо мной, и я пошел!— ответил я.

— Я знаю это и прощаю тебя ради твоей горячей молодой крови, Гармахис! Слушай меня теперь, и пусть мои слова глубоко вопьются в твое сердце, подобно водам Сигора, разливающимся по горячим пескам при восходе Сириуса*. Слушай же! Хвастун был послан, чтобы испытать тебя, твою силу и твердость, а ты не выдержал искушения. Поэтому час твой отсрочен. Если же бы ты отвернулся от искушения и устоял, то путь твой был бы широко открыт перед тобой... Но ты слаб еще, и час твой не пришел еще!

— Я ничего не понимаю, отец мой!— отвечал я в полном недоумении.

* Звезда, с появлением которой совпадает начало разлития Нила.

— Что сказала тебе старуха Атуа на берегу канала?

Я повторил отцу все, что говорила мне старуха.

— И ты веришь этому, Гармахис, сын мой?

— Нет,— ответил я,— как я могу верить всем этим сказкам? Она, наверное, помешалась. Все считают ее безумной!

Аменемхат в первый раз взглянул на меня, стоявшего в тени.

— Сын мой! Сын мой!— вскричал он.— Ты ошибаешься. Старуха не безумная! Она говорила правду, говорила не от себя, а повинаясь голосу, который не будет лгать. Эта Атуа — пророчица. Узнай же, что боги Египта предназначили тебе исполнить. Горе тебе, если ты уступишь слабости! Слушай: ты вовсе не чужой мне, усыновленный и принятый мной в дом и храм. Ты — мой родной сын, и эта старуха спасла тебя от смерти. Больше того, Гармахис, только в тебе и во мне течет еще царственная кровь Египта. Ты и я, из всех людей, произошли непосредственно от фараона Нектнебфа, которого персиянин Охус выгнал из Египта. Персиянин пришел и ушел, за ним пришел македонянин, и вот уже более трех столетий, как Лагиды-узурпаторы владеют двойной короной, оскверняя страну Кеми и подрывая нашу религию. Заметь теперь: около двух недель, как Птоломей Дионисий, Птоломей Авлет, Флейтист, который хотел убить тебя, умер: евнух Потин, тот самый, который несколько лет тому назад приходил к нам с солдатами фараона, вопреки воле своего господина, покойного Авлета, посадил на трон его сына, мальчика Птолемея. Сестра его, прекрасная и гордая девушка Клеопатра, которой был завещан престол, убежала в Сирию. Если не ошибаюсь, она собирает войска и хочет воевать с братом. Между тем, заметив это, сын мой, римский орел парит в вышине, распустив свои когти и поджидая удобного случая спуститься на жирного барана — Египет, чтобы растерзать его. Народ Египта измучен под иноземным игом, египтяне ненавидят персиян, не могут слышать без злобы гимны македонян, даже на рынках Александрии. Вся страна ропщет и страдает под игом греков, под сенью Рима. Мало ли нас угнетали? Разве не избивались наши дети, не грабились наши богатства в угоду жадности и распутству Лагидов? Разве не были заброшены наши храмы? Разве эти ничтожные греческие болтуны не издевались над величием наших вечных богов, не осмелились смеяться над бессмертной истиной, не называли всевышнее существо другим именем — Сераписа? Разве Египет не скорбит о свободе? Ужели его вопль будет напрасным? В тебе, сын мой, начертан путь к свободе. Тебе я передам мои права. Твое имя уже произносится шепотом в святилищах. Жрецы и народ готовы принести клятву верности тому, кто будет представленным. Но время еще не

пришло. Ты, подобно молодому зеленеющему дереву, не вынесешь такой бури. Сегодня тебе было послано испытание, и ты не устоял! Тот, кто служит богам, Гармахис, должен забыть все плотские слабости. Он должен быть равнодушным к насмешкам и похоти. Высока твоя миссия, но ты должен быть достоин ее. Если ты не подготовишься и окажешься слабым, на твою голову падет мое проклятие, проклятие всего Египта, всех оскорбленных египетских богов! Пойми, что сами бессмертные боги в своих мудрых предназначениях требуют от человека, орудия своих планов, стойкости и храбрости, как от воина с мечом в руке! Горе мечу, ломающемуся в час битвы, ибо он достоин быть брошенным в жертву ржавчине или расплавленным в огне! Пусть сердце твое будет чистым, сильным и великим! Твой удел — не обычный удел всех смертных! Если восторжествуешь, Гармахис, слава твоя будет велика и здесь, на земле, и после смерти! Падешь ты — горе, горе тебе тогда!

Он помолчал, склонив голову, потом снова заговорил:

— О всем этом ты узнаешь после! А пока ты должен многому учиться. Завтра я тебе дам письма, ты поедешь вниз по Нилу, за белостенный Мемфис, в Анну. Там ты пробудешь несколько лет и будешь изучать нашу древнюю мудрость под сенью таинственных пирамид, при которых будешь состоять в качестве наследственного великого жреца. Тем временем я останусь здесь и буду ждать, так как час мой еще не пробил. С помощью богов я буду плести паутину смерти, в которую ты поймашь македонскую осу. Подойди, мой сын, подойди и поцелуй меня в лоб. В тебе — вся моя надежда, надежда всего Египта. Будь верен правде, воспарь с мужеством орла над превратностями судьбы — и ты будешь велик и славен! Если же предашься лжи и падешь, я плюну на тебя, и ты будешь проклят, а дух твой останется в рабстве до тех пор, пока не настанет день, печаль превратится в радость, и Египет почувствует себя свободным!

Весь дрожа, я подошел к отцу и поцеловал его в лоб.

— Пусть самое тяжкое проклятие падет на меня, — сказал я, — если я обману тебя и окажусь слабым, отец мой!

— Нет, не мое, нет, — вскричал он, — но тех, кому я служу и повинуюсь! Иди, мой сын, и сбереги мои слова в глубочайших тайниках своего сердца! Замечай все, что увидишь, собирай росу мудрости, будь всегда готов к борьбе. Не бойся за себя, ты защищен от всего. Ничто не может повредить тебе, только ты сам можешь сделаться врагом самому себе и погубить себя. Иди. Я все сказал!

Я ушел с переполненным сердцем. Ночь была тиха. Ни малейшего движения не замечалось в дворах храма. Я прошел по ним и достиг входа в портик у наружных ворот храма. Я жаж-

дал уединения, стремился к небу, быстро взбежал двести ступенек и очутился на массивной кровле портика, здесь прижался к парапету и засмотрелся вдаль. Полный месяц выплыл над холмами Аравии; лучи его озарили портик, где я стоял, стену храма позади меня и неподвижные изваяния богов. Холодный свет луны упал на далеко простирающиеся обработанные поля. Небесная лампада Изида загорелась на небе, и лучи ее ласково скользнули вниз, в долину, где Сигор, отец страны Кеми, медленно катит свои волны к морю. Яркие лучи нежно поцеловали воду, которая улыбнулась им в ответ; и горы, и долина, река, храм, город, степь — все это залилось ярким светом. Божественная мать Изида проснулась и облекла землю в блестящее, нарядное платье. Это была красота, не успевшая еще разогнать сладкой дремоты, торжественная и тихая, словно в час смерти. Мощно высились храмы перед лицом ночи. Никогда они не казались мне столь величественными, как в этот час, — эти вечные алтари божества, перед которыми вся жизнь кажется жалкой и ничтожной. Мне предназначено было править этой залитой бледными лучами луны страной. На мою долю выпала честь охранять эти священные алтари, оберегать честь богов. Я должен изгнать Птолomeев и освободить Египет от чужеземного ига!

В моих жилах текла кровь великих фараонов, которые мирно спали в своих гробницах в долине Фив, ожидая страшного судного дня. Душа моя переполнилась, когда я мечтал о моей великой, славной участи. Я сложил руки и тут же, на крыше портика, начал молиться так горячо, как никогда не молился после, взывая к Тому, Кого называют многими именами, Кто проявляет себя в разных формах.

— О Вечная Истина, — молился я, — Бог богов, Который был от начала веков, Бог истины, дающий всему жизнь, около Которого вращаются все божества, саморожденный и пребывающий вовек, услышь меня! Услышь! О Озирис, повелитель стран и ветров, правитель веков, властитель запада, владыка Аменти, услышь меня! О Изида, великая, божественная мать, мать Хора! Тайнственная мать, сестра, супруга! Услышь меня! Если я действительно избран Богом для выполнения Его предначертаний, дайте мне знамение сейчас, чтобы навеки запечатлеть мою жизнь небесной милостью. Прикоснитесь до меня, о боги, и покажите мне славу и сияние лица вашего! Услышьте, услышьте меня!

Я опустил на колени и поднял глаза к небу. Вдруг облако закрыло месяц, стало темно, воцарилась глубокая тишина. Даже собаки перестали выть в городе. Тишина становилась все томительнее. Стало тяжело, как в присутствии смерти. Я чувствовал, что душа моя готова была вырваться из тела, и

волосы шевелились на голове. Потом мне показалось, что крепкий портик обрушился подо мной, сильный ветер подул мне в лицо, и чей-то голос проник в мое сердце.

— Смотри, вот знамение! Приучайся терпеливо владеть собой, Гармахис!

Когда голос произнес эти слова, холодная рука коснулась меня, вложив что-то в мою руку. Облако исчезло, снова засияла луна, ветер прекратился, портик не колебался больше подо мной, и ночь снова вступила в свои права.

При свете месяца я мог рассмотреть, что осталось в моей руке. Это был дивный распускающийся бутон священного лотоса, от которого исходило чудное благоухание.

Пока я разглядывал его, лотос упал из моей руки и исчез, оставив меня в полном удивлении.

IV

*Ответ Гармахиса и его встреча с дядей
Сена, великим жрецом Анну-ель-ра.—
Его жизнь в Анну и слова Сена.*

Рано утром на следующий день меня разбудил жрец храма и передал мне приказание готовиться к путешествию, о котором говорил мой отец. Я должен был отправиться в греческий Гелиополь с жрецами храма Пта в Мемфис. Они пришли в Абуфис, чтобы положить в гробницу одного из своих великих людей, и эта гробница была приготовлена недалеко от места упокоения священного Озириса.

Я скоро приготовился к отъезду и в тот же самый вечер получил от отца письмо, простился с ним и со всем, что было мне дорого в Абуфисе, поплыл вниз по течению. Когда кормчий наш, стоя на корме с жезлом в руке, приказал матросам убрать сходни, соединявшие корабль с берегом, к нам быстро подбежала старуха Атуа с корзиной трав в руке, пожелала мне благополучного пути и бросила нам вслед, на счастье, сандалию. Эту сандалию я берег много лет.

Мы отправились. Шесть дней мы плыли по дивной реке, останавливаясь на ночь в укромном месте. Когда очутился один, далеко от родных, от родины, которой я привык любоваться с детства, среди чужих людей, мне сделалось так грустно и тяжело, что я готов был заплакать, если бы не стыдился окружающих. Дивная природа, разнообразные впечатления — все это было так ново для меня, но я не хочу описывать это теперь. Жрецы, сопровождавшие меня, относились ко мне с уважением и поясняли все, что встречалось на пути.

Утром, на седьмой день, мы прибыли в Мемфис, в город Белой Стены. Здесь я целых три дня отдыхал от путешествия, беседовал с жрецами чудного храма Пта, Бога-Создателя, и любовался красотой большого и роскошного города. Великий жрец и с ним два других тайным образом доставили мне возможность лицезреть самого бога Ациса, который утомляет людей жить среди них в виде черного быка с белым четырехугольником на лбу. На спине быка был белый знак, похожий на орла, хвост состоял из двойного ряда волос, под языком находилось что-то похожее на скарабея, а между рогами висела дощечка из чистого золота. Я вошел в обиталище Бога и преклонился перед ним, пока великий жрец и с ним другие стояли в стороне, наблюдая за мной. Когда я помолился, бог Ацис опустился на землю и лег передо мной. Тогда великий жрец и другие присутствовавшие, как я узнал после, великие мужи из Верхнего Египта, крайне удивленные, подошли ко мне и принесли мне клятву верности.

Много других вещей я видел в Мемфисе, о которых долго и говорить здесь.

На четвертый день жрецы из Анну повели меня к Сепе, моему дяде, великому жрецу при храме Анну. Простившись с Мемфисом, мы переплыли реку, сели на ослов и целых два дня ехали через деревушки, где царствовала страшная нищета благодаря притеснениям сборщиков податей. На пути я увидел в первый раз величайшие пирамиды, сфинкса, которого греки называли Гармахисом, храмы божественной матери Изиды, царицы Мемнонии, бога Озириса, повелителя Розету. При этих храмах, вместе с храмом почитателя божественного Менкау-ра, я, Гармахис, по божественному праву состою наследственным великим жрецом. Я смотрел и удивлялся их величию, белому резному известняку, красному сионскому граниту, на котором отражались солнечные лучи. В это время я еще ничего не знал о сокровищах, сокрытых в третьей пирамиде Гер, и лучше бы было, если б я никогда в своей жизни не узнал этого!

Наконец мы добрались до Анну, который после Мемфиса кажется небольшим городом, но стоит на возвышении. Перед городом много озер, питаемых каналом, позади — огороженное поле при храме бога Ра. Мы сошли близ портика и были встречены человеком небольшого роста, благородной наружности, с гладко выбритой головой и темными глазами, сиявшими, как звезды.

— Стой! — закричал он громким голосом, который потряс все его слабое тело. — Стой! Я — Сепе, отверзающий уста богов!

— А я — Гармахис, — отвечал я, — сын Аменемхата, на-

следственного великого жреца и правителя священного города Абуфиса. Я привез тебе письмо, о Сепе!

— Войди!— сказал он, пронизывая меня своим сверкающим взглядом, и ввел меня во внутреннюю комнату, затем, заперев дверь и пробежав привезенное мною письмо, внезапно бросился мне на шею и расцеловал меня.

— Добро пожаловать,— кричал он,— добро пожаловать! Сын сестры моей, надежда Кемии! Моя молитва услышана Богом! Я дожил до этой минуты, когда могу видеть тебя и передать тебе мудрость, которой, быть может, обладаю я, один из всех живущих в Египте. Немного есть людей, которых по праву я мог бы научить этой мудрости. Это великий удел, и твои уши услышат уроки богов!

Он снова обнял меня и послал помыться и закусить, добавляя, что завтра он поговорит со мной побольше.

Действительно, много великих истин я слышал от него и на другой день, и после, и если бы вздумал записывать их, то не хватило бы папируса в Египте, чтобы выполнить мою задачу. Мне же надо так много сказать, и времени остается так мало, что я пропускаю все последующие события.

Жизнь моя сложилась следующим образом. Я вставал рано, шел в храм и посвящал целые дни науке. Я изучал религиозные обычаи, основу религии, начало богов и высшего мира, изучал таинственные движения небесных звезд и вращение земли около них. Мне объясняли древнюю науку, называемую магией, искусство толкования снов и способы общения с богами. Я был посвящен в язык символов, в его сокровенные тайны, познал вечные законы добра и зла и тайну веры, поддерживающей человека, изучил тайны пирамид, которые бы мне лучше никогда не знать. Потом читал летописи прошлого, деяния древних царей, которые правили страной со времен Хора. Изучал искусство государственного правления, историю Греции и Рима. Научился греческому и римскому языку, о которых имел понятие и раньше. В течение всего этого времени, пяти долгих лет, руки мои были незапятнаны и сердце чисто, я не делал зла ни перед лицом богов, ни перед людьми. Я работал усердно, готовясь к моему высокому назначению.

Два раза в год приходили письма от моего отца Аменемхата, и дважды в год я посылал ему ответ, спрашивая, не пришло ли время окончить мое учение? Срок моего искуса приближался к концу. Я начал скучать, так как возмужал вполне; многому научился и стремился начать настоящую жизнь зрелого мужа. Часто в мою душу западало сомнение в пророчестве. Не было ли это бредом ума людей, забежавших вперед? Я знал на верное, что в моих жилах течет царственная кровь. Мой дядя Сепе, жрец, показал мне тайну происхождения нашего рода,

родословный список, выгравированный мистическими символами на доске из сионского камня. Но какой толк в том, что я происхожу из царственного рода, когда Египет, мое наследство, был в рабстве, в порабощении у македонян Лагидов, служил их страсти к роскоши и сластолюбию? Долго тянулось это рабство. Сумеет ли Египет забыть тяжелое иго, отбросить подобострастную улыбку раба и взглянуть на мир счастливыми глазами свободы?

Мне припомнилась моя молитва на портике и ответ, данный мне богами, и удивление, охватившее меня тогда, и я решил, что все это было бредом, мечтой.

Однажды ночью, желая отдохнуть от занятий, я гулял по священной роще, в саду храма, как вдруг встретился с дядей Сепом.

— Стой! — закричал он громко. — Почему твое лицо так печально, Гармахис? Разве ты не мог справиться с последней задачей, которую изучал?

— Нет, дядя, — ответил я, — задача легко далась мне. Но я устал, у меня тяжело на сердце, я измучился от такой жизни: все эти занятия отягчают меня. Какой толк изучать все это, не прилагая к делу?

— У тебя мало терпения, Гармахис, — ответил Сеп. — В тебе говорит безумие юности. Ты хочешь борьбы, тебе надоело ждать, пока волны разобьются о берег, тебе хотелось бы погрузиться и вступить в отчаянный бой с бурей! Ты этого хочешь, Гармахис? Птенцы улетают из гнезда, когда подрастут, ласточки покидают карнизы старого храма. Хорошо, твое желание исполнится, час твой близок. Я научил тебя всему, что знал, и думаю, что ученик превзошел учителя!

Сеп замолчал и вытер слезы на своих черных глазах: видимо, старику было тяжело расстаться со мной.

— Куда же я отправлюсь, дядя, — спросил я, обрадовавшись, — назад в Абуфис, чтобы быть посвященным в таинство богов?

— Да, обратно в Абуфис, оттуда — в Александрию, а из Александрии на трон твоих предков. Гармахис, выслушай меня теперь! Ты знаешь, что царица Клеопатра бежала в Сирию, когда лживый евнух Потин против воли усопшего фараона Авлета посадил на престол Египта ее брата Птоломся. Ты знаешь, что она вернулась обратно, как настоящая царица, с сильной армией и остановилась у Пелузия. Величайший из мужей, могущественный цезарь в это время прибыл с небольшим количеством людей в Александрию, преследуя Помпея. Но Помпей уже умер, убитый изменнически Ахиллом и Люцием Септимом, начальником римских легионов в Египте. Ты знаешь, как испугались александрийцы его прибытия и хотели убить лик-

торов. Ты, наверное, тоже слышал, что цезарь велел схватить Птолемея, молодого царя, его сестру Арсиною и приказал войску Клеопатры и Птолемея разойтись, не вступая в бой. В ответ Ахилл пошел на цезаря и осадил его при Брухиуме, близ Александрии; никто не знает теперь, кто вступит на престол Египта. Тогда Клеопатра придумала ловкую хитрость, необычайно смелую вещь. Оставив войска у Пелузия, она пришла в сумерки в александрийскую гавань одна, в сопровождении сицилийца Аполлодора, переплыла реку и высадилась на берег. Аполлодор закатал ее в тюк богатейших сирийских ковров и послал в подарок цезарю. Когда во дворце развязали ковры — там оказалась прелестнейшая девушка, мудрейшая и образованнейшая на земле. Она сумела очаровать цезаря, который, несмотря на свой почтенный возраст, не устоял против ее чар. Результатом этой страсти получилось то, что он забыл все, опозорил себя и свою жизнь, озаренную славой прошлых военных подвигов.

— Безумец! — прервал я дядю. — Безумец! Ты называешь его великим? Может ли великий человек не устоять против чар женщины? Цезарь, державший в своей власти целый мир! Цезарь, по одному мановению руки которого сорок легионов солдат шли в поход, играя судьбами народов! Цезарь, холодный, дальновидный герой! Подобно зрелому плоду, упал этот великий цезарь в объятия коварной женщины. В сущности, из какого же простого теста сделан этот цезарь! Как это прискорбно.

Сева посмотрел на меня и покачал головой.

— Не спеши, Гармахис, не будь так горд! Разве ты не знаешь, что между кольцами самой прочной кольчуги бывает свободный промежуток, и горе тому, кого ударит меч в незащищенное место! Женщина, сын мой, при всей своей слабости — сильнейшее существо на земле. Она управляет миром, принимает разные формы, стучится во многие двери; она спокойна и терпелива, не поддается страсти, как мужчина, владеет собой отлично. Свои желания и страсти она направляет умелой рукой, как послушного коня, то натягивая, то отпуская поводья. У нее орлиный взор полководца, и крепка та твердыня сердца, куда она не сумеет проникнуть! Разве не кипит молодая кровь юноши! Женщина предупредит молодые порывы, засыплет его поцелуями. Если ты честолюбив, она проникнет в тайники твоего сердца и укажет путь к славе. Если ты устал и измучен, то найдешь покой на ее груди. Если ты пал, она поддержит тебя и ободрит, позолотит и смягчит твоё падение. О Гармахис, женщина всесильна, так как природа на ее стороне! Женщина правит миром. Ради нее ведутся войны, люди тратят силы и расточают богатства, ради нее они делают много доб-

ра и зла, стремятся к величию, ищут забвения. А женщина смотрит на все это, улыбаясь, как сфинкс, и никто не разгадал еще ее загадочной улыбки, никто не знает тайников ее сердца! Не смейся, нет, не смейся, Гармахис! Поистине велик тот человек, кто может презирать женщину и ее силу. Как воздух, она охватывает человека со всех сторон, и часто ее сила проявляется там, где меньше всего можно ожидать ее!

Я громко засмеялся.

— Ты говоришь серьезно, дядя Сеп, — сказал я, — можно подумать, что ты прошел невредимым через этот огонь искушения! Что касается меня, я не боюсь женщины и ее желаний. Я ничего не знаю о ней и не хочу знать, но утверждаю, что цезарь был безумен. Если бы я был на месте цезаря, я вышвырнул бы эти ковры вместе с той, которая была закутана в них, вон из дворца, прямо в уличную грязь!

— Перестань, перестань! — кричал Сеп. — Нехорошо говорить так! Да отвратят от тебя боги всякое дурное предзнаменование и да помогут тебе сохранить твою молодую силу, которой ты хвалишься! О юноша, ничего ты еще не знаешь! Со всей твоей силой и чудной красотой, во всеоружии твоих познаний, со всей сладостью речи — ты ничего не ведаешь! Мир, в который ты должен вступить, не похож на святилище богини Изиды. Молись, чтобы лед твоего сердца никогда не растаял, тогда ты будешь велик и счастлив и освободишь Египет. А теперь дай мне досказать! Ты видишь, Гармахис, в этой истории первое место занимает женщина. Юный Птоломей, брат Клеопатры, отпущенный цезарем на свободу, изменнически обратился на него. Тогда цезарь и Митридат напали на лагерь Птолемея, который убежал, пытаясь переплыть через реку. Но лодка, переполненная беглецами, затонула. Таков был жалкий конец Птолемея.

Война была окончена. Клеопатра родила цезарю сына Цезариона. Цезарь назначил на царство младшего Птолемея вместе с Клеопатрой, соединив их супружеством, конечно, только по имени, а сам уехал в Рим, увозя с собой прекрасную принцессу Арсиною, которая должна была сопровождать его триумфальную колесницу, закованная в цепи.

Теперь великого цезаря нет в живых: он умер, как жил, пролив кровь во всем царственном величии! Клеопатра же, царица, если верить слухам, отравила Птолемея, своего брата и супруга, и посадила с собой на престол своего сына Цезариона. Ее поддерживают римские легионы, а молодой Секст Помпей наследовал ее любовь после цезаря.

Но, Гармахис, вся страна ропщет и возмущается против нее. В каждом городе Кеми толкуют об объявившемся освободителе, и этот освободитель — ты, Гармахис! Время настало!

Час твой близится! Возвращайся в Абуфис, познай тайну богов и познакомься с теми, кто будет руководить восстанием. Действуй, действуй, Гармахис, борись за страну Кемі, очисти страну от греков и римлян и садись на трон божественных предков! Будь царем и владыкой мира! Для этого ты рожден и живешь!

V

Возвращение Гармахиса в Абуфис.— Совершение мистерии.— Гимн Изиде.— Предостережение Аменемхата.

На следующий день я простился с дядей Сепом и с легким сердцем отправился из Анну в Абуфис. Короче говоря, я вернулся в полном здравии и благополучии из моей отлучки, продолжавшейся пять лет и один месяц, вернулся уже не мальчиком, а мужчиной, с умом, развитым науками и изучением древней египетской мудрости, с некоторым знанием людей. Я снова увидел родную страну, знакомые лица, хотя многие из них свершили свой земной путь и переселились к Озирису. Проезжая через поля, я подъезжал к ограде храма, из которого выходили жрецы и народ. Все они радостно приветствовали меня, вместе со старой Атуей, которая, кроме нескольких морщин на лбу, наложенных временем, нисколько не изменилась, оставаясь той же старой Атуей, которая несколько лет тому назад прощалась со мной, бросив мне вслед сандалию.

— Ля! Ля! Ля!— кричала она.— Ты вернулся, мой прекрасный юноша! Красивее, чем был! Ля! Ля! Настоящий мужчина! Какие плечи! Какое лицо! Какой стан! Честь и слава старухе, которая тебя вынянчила! Отчего ты так бледен? Наверное, жрецы в Анну морили тебя голодом? Нет, не истощай себя! Боги не любят скелетов. «При тощем желудке — тощая голова!»— говорят в Александрии. Для нас это счастливая минута, радостный день! Иди же, иди!

Она крепко обняла меня, но я оттолкнул ее.

— Мой отец! Где мой отец?— вскричал я.— Я не вижу его!

— Нет, нет, не бойся!— отвечала она.— Его святость чувствует себя прекрасно. Он ждет тебя в своей комнате. Проходи же. О счастливый день! О счастливый Абуфис!

Я пошел, вернее побежал и скоро достиг комнаты великого жреца. За столом сидел мой отец, Аменемхат, мало изменившийся, хотя постаревший. Я подошел к нему, опустился на колени и поцеловал его руку. Он благословил меня.

— Взгляни на меня, сын мой,— сказал отец,— дай моим старым глазам рассмотреть твое лицо, чтобы прочесть в твоём сердце!

Я поднял голову, и отец долго и серьезно смотрел на меня.

— Я знаю все,— произнес он медленно,— ты чист сердцем и силен в мудрости, я не обманулся в тебе. О, как медленно и грустно тянулись годы, но я хорошо сделал, что усладил тебя отсюда! Теперь расскажи мне о своей жизни, письма ничего не сказали мне, а ты еще не знаешь, мой сын, как тоскует отцовское сердце!

Я рассказал ему все. Мы просидели долго, за полночь, в беседе. В конце концов отец сказал мне, что я должен готовиться к посвящению в мистерии, которые должны быть известны избранныкам богов.

В продолжение трех месяцев я и готовился к ним, согласно священным обычаям страны. Я не ел месяц, постоянно находился в святилище, изучая тайны великого жертвоприношения и священной матери богов, молясь перед алтарями. Душа моя стремилась к Богу, и в грезах я общался Невидимому, пока земля и все земные страсти и желания совершенно не забылись мной. Я не желал более мирской славы; мое сердце, подобно орлу, парило в вышине, голос мира не находил во мне отклика, и зрелище земной красоты не восхищало его. Надо мной простирался огромный небесный свод, по которому двигались неизменные процессии звезд, равнодушно смотря вниз на жалкие судьбы людей, где восседал на сияющем престоле Бог, созерцая колесницу судьбы, катившейся из сферы в сферу.

О великие часы священного созерцания! Кто может, вкусив вашу прелесть, снова мыкаться на земле? О порочная плоть, влекущая нас в бездну! Я хотел бы совершенно уничтожить тебя, чтобы дух мой свободно искал Озириса!

Месяцы искуса быстро пролетели. Близился священный день, когда я должен был соединиться с всеобщей Матерью. Никогда ночь не ждала так страстно рассвета, никогда сердце влюбленного не ждало так нетерпеливо прибытия невесты, как я жаждал лицезреть твой сияющий лик, о Изида! Даже теперь, когда я вероломно изменил тебе и ты отвернулась от меня, Божественная, моя душа рвется к тебе, и я знаю... Но я не должен, не могу говорить об этом и буду продолжать свою историю.

Семь дней продолжался праздник, вспоминались страдания Озириса, вспоминалась печаль матери Изиды и славное пришествие Хора, сына мстителя, от бога рожденного.

Все это исполнялось согласно древним обычаям. Лодки плавали по священному озеру, жрецы бичевали себя перед святилищами, и священные изображения до поздней ночи носились по улицам. На седьмой день, когда солнце закатилось, еще раз собралась большая процессия воспеть печали Изиды и искупление греха.

Молча шли мы из храма по городским улицам. Впереди шли слуги, расчищавшие нам путь, потом мой отец Аменемхат во всем своем жреческом одеянии, с кедровым посохом в руке. Я, неофит, шел за ним, одетый в чистую полотняную одежду, за мной жрецы в белых одеждах, с священными знаменами и эмблемами богов. Потом несли священную лодку, и шли певцы и плакальщики. Всюду, куда падал взор, шли толпы народа, одетого в траур по Озирису.

В молчании прошли мы улицы, достигли стены храма и вошли в него. Как только мой отец, великий жрец, вошел под ворота наружного портика, нежный женский голос начал петь священный гимн: «Воспоем смерть Озириса, поплачем над его поникшей головой! Свет мира погас, и мир покрылся мрачной скорбью! Звезды небесные скрылись в беспросветной мгле! Изида горько оплакивает Озириса! Плачьте вы, звезды, огни, реки, рыдайте горько, дети Нила, оплакивайте смерть вашего господина!»

Певцы остановились на высокой нежной ноте. Толпа же запела печальный припев:

«Мягко, мерною стопой вступим мы в святилище! Нежно взвоем к усопшему: вернись, вернись к нам, Озирис, из холодного царства смерти! Вернись к тем, кто чтит память твою и воздаст тебе поклонение от века!»

Певица снова начала: «Мы идем в храм через семь переходов священных, и эхо вторит нашему плачу, неся жалобные звуки в тот далекий мир, в нетленные обители, где плачут священные сестры Изида и Нефтида над беспробудно уснувшим Озирисом!»

Хор повторил припев, и снова зазвучал серебристый голос певицы: «Обитающий на западе, возлюбленный, владыка мира! Твоя любимая сестра Изида зовет тебя сюда! Возвратись к нам из мрачной обители, повелитель солнца, озари наш темный мир своим лучезарным блеском! Вернись к нам! Пусть воспарит твой дух, свободный от тлена смерти, в небесной высоте и, приветствуемый светилами, вернется к нам! За тобой проснутся от смерти и оживут горы, долины, страны и небеса и воздадут хвалу тебе! Восстань, вернись к нам, властитель Озирис!»

Хор вторил припев. Певица запела радостным и звонким голосом:

«Он проснулся и освободился от смерти! Воспоем восставшего Озириса, воспоем светлое дитя священного Пота! Твоя любовь, Изида, ждет тебя! Дыхание любви несется над тобою! Ты, мрачный Тифон, уходи, лети прочь! День осуждения близок! Как огненная стрела, исчезнет Хор с небесной высоты!»

Еще раз, когда мы все склонились пред святыней, светлые

радостные звуки понеслись к сводам. Певица запела гимн Озирису, песнь надежды и победы. Сердце трепетно забилося в груди. В тишине храма дивно звучала чудная мелодия.

«Воспоем священных Трех, воспоем и восхвалим Властителя миров на престол, источника истины и мира, и преклонимся перед ним! Исчезли мрачные тени, воспрянули усталые крылья! Возрадуемся мы, слуги повелителя нашего! Мстительный Хор исчез — лучезарный свет воцарился!»

Тысячи голосов подхватили припев. Пение кончилось. Солнце близилось к закату. Великий жрец поднял статую живого бога и держал его перед народом, собравшимся на дворе храма. Раздался могучий, радостный клик: «Озирис, наша надежда! Озирис! Озирис!»

Народ сорвал с себя траурное одеяние и остался в надетой снизу белой одежде, и как один человек преклонился перед Озирисом. Праздник кончился.

Но для меня церемония только еще начиналась, так как наступающая ночь была ночью моего посвящения. Покинув внутренний двор, я вымылся, оделся в чистую полотняную одежду и прошел по обычаю во внутреннее святилище, где возложил обычную жертву на алтарь. Подняв руки к небу, я оставался в продолжение нескольких часов в немом созерцании, стараясь молитвой и размышлением собрать все силы к страшной минуте моего испытания.

Часы медленно проходили в тишине храма, пока не отворилась дверь, в которую вошел мой отец, Аменемхат, великий жрец, в белом одеянии, ведя за руку жреца Изида. Будучи женат, жрец не имел права входить один в таинственное святилище божественной Изида.

Я поднялся на ноги и скромно стоял перед ними.

— Готов ли ты? — спросил жрец, поднимая лампаду, которую он держал в руке, и освещая мое лицо. — О ты, избранник богов, готов ли ты лицезреть славу божественного лица?

— Готов! — отвечал я.

— Подумай! — сказал он снова торжественным тоном. — Это великая вещь. Если ты хочешь исполнить последнее желание, пойми, царственный Гармахис, что в эту ночь твоя плоть должна умереть, а твой дух устремиться ввысь. И если что-нибудь дурное и злое найдется в твоём сердце, когда ты предстанешь перед божеством, горе тебе, Гармахис, тогда, ибо дыхание жизни покинет тебя, твоё тело погибнет, а что случится с остальной частью твоего существа, я знаю, но не могу сказать*. Чист ли ты и свободен от греховных мыслей? Готов ли

* По египетской религии существо человека состоит из четырех частей: тела, двойного или звездного вида, души и светоча жизни от божества.

ты вступить в лоно богини, той, которая была, есть и пребудет вечно, и исполнять во всем ее божественную волю? Готов ли ты ради нее отбросить всякую мысль о земной женщине и трудиться для ее слова, пока твоя жизнь не сольется с ее вечной жизнью?

— Готов!— повторил я.

— Хорошо,— сказал жрец.— Благородный Аменемхат, мы пойдем одни!

— Прощай, сын мой!— сказал мне отец.— Будь тверд и восторжествуй над духовным миром, как восторжествовал над земным. Тот, кому суждено править миром, должен возвыситься над ним! Он должен приобщиться Богу и для этого должен изучить тайны Божества. Будь осторожен! Боги много требуют от того, кто дерзает вступить в круг их божественной славы. Если смертный, вступивший туда, уйдет назад, он будет осужден навеки и бичуем и наказан строго, ибо как велика была его слава, так же велик будет его позор! Будь силен сердцем, царственный Гармахис! Помни, что кому много дано, с того много и спросится! А теперь, если ты твердо решил, иди, куда мне не дано еще следовать за тобой. Прощай!

На минуту эти серьезные слова поколебали меня. Но я страстно желал быть приобщенным к божествам, не чувствовал в себе зла и так горячо жаждал истины.

— Веди меня,— вскричал я громким голосом,— веди меня, священный жрец! Я последую за тобой!

И мы пошли.

VI

*Посвящение Гармахиса.— Его видения.—
Гармахис идет в город, находящийся в долине
смерти.— Явление Изиды.— Посланицы.*

Молча вошли мы в гробницу Изиды. Там было темно и пусто, только слабый свет лампы мерцал на украшенных скульптурой стенах, где в сотне изображений повторялась священная мать, кормившая грудью священное дитя.

Жрец запер двери и задвинул засов.

— Еще раз спрашиваю тебя,— сказал он,— готов ли ты, Гармахис?

— Еще раз,— ответил я,— я готов!

Он не сказал более ни слова, но, подняв с молитвой руки, повел меня в центр святилища и быстрым движением погасил лампаду.

— Смотри перед собой, Гармахис!— воскликнул он, и голос его глухо звучал в торжественной тишине святилища.

Я вглядывался, но не видел ничего. Вдруг из высокой ниши в стене, где был скрыт священный символ богини, донесся до меня звук систры*. Я слушал, смотрел, пораженный. В темноте ясно выступили огненные очертания символа богини. Он висел над моей головой и звенел. Я ясно увидел лицо матери Изиды, начертанное на одной его стороне, символ бесконечного рождения, а на другой стороне — лицо ее священной сестры, Нефтиды, означающее конец рождения в смерти.

Медленно повернулся символ и зазвенел, словно кто-то таинственный исполнял танец в воздухе надо мной и держал его в руке. Наконец свет погас и звуки прекратились. Затем в южном конце святилища вспыхнул свет, и в этом белом свете появился передо мной ряд картин.

Я увидел древний Нил, катящий свои волны к морю. Его берега были пустынные, не было ни людей, ни храмов, только дикие птицы носились над Сигором, и чудовищные звери кишели в его водах. Солнце во всем величии закатывалось позади Ливийской пустыни, окрашивая воду цветом крови. Горы молчаливо тянулись к небу. Но в горах, пустыне и на реке не было и признака человеческой жизни. Я понял, что вижу картину мира, каким он был до человека, и ужас одиночества проник в мою душу.

Картина исчезла, на ее месте появилась другая. Я снова видел берега Сигора, на которых толпились создания с дикими лицами, скорее обезьяны, чем люди. Они дрались и убивали друг друга, поджигая дома. Дикие птицы с ужасом улетали, когда пламя вырывалось из жилищ, сожженных и разграбленных. Они воровали, убивали, разбивая головы младенцев каменными секирами. И хотя никто не говорил мне этого, я понял, что вижу человека, каким он был десятки тысяч лет назад, его первые шаги на земле.

Но вот появилась иная картина — опять берега Сигора, на которых, подобно цветам, выросли красивые города. В ворота и из ворот идут женщины, мужчины, некоторые направляются к хорошо обработанным полям. Но я не видел ни стражи, ни оружия, ни армии. Повсюду царствовал мир, благоденствие и мудрость. Пока я смотрел, победоносная фигура, одежды которой горели, как пламя, вышла из ворот храма. Звуки музыки сопровождали ее. Она села на трон из слоновой кости, поставленный на рыночной площади, лицом к воде. Когда закатилось солнце, она призвала всех к молитве, и все молились в один голос с видом глубокого благоговения. Я понял, что это царство богов на земле, существовавшее задолго до дней Менса.

* Музыкальный инструмент, посвященный богине Изиде.

Картина снова изменилась. Тот же самый прекрасный город, но другие люди — злоба и жадность рисовались на их лицах! Они ненавидят правду и стремятся к греху. Наступил вечер. Светлая фигура взошла на трон и позвала всех к молитве. Никто не хотел молиться.

— Ты надоела нам!— кричали они.— Злое создание! Убьем его, убьем! Уничтожим его козни!

Светоносная фигура поднялась, кротко взглянув на людей.

— Вы не знаете сами, чего хотите!— прозвучал кроткий голос.— Пусть будет, как вы хотите! Я умру, после мук и долгих страданий вы найдете путь к царству правды и божества!

Пока он говорил, отвратительное на вид, безобразное чудовище набросилось на фигуру, убило ее, разорвав на части, и среди приветственных кликов толпы воссело на трон и начало править. Тогда дух, лицо которого было закрыто, спустился на крыльях тени с неба и с рыданием собрал растерзанные остатки бытия.

На одно мгновение дух склонился над убитым, поднял руки и заплакал. И вдруг около него появился вооруженный воин с лицом, похожим на лик бога Ра. Мститель с криком бросился на чудовище, захватившее трон. Они начали борьбу и, сжимая друг друга, поднялись к небесам.

Картина следовала за картиной. Я видел могущество и народы, одетые в разнообразные одежды, говорящие на разных языках... Видел, как они проходили миллионами, любя, ненавидя, борясь и умирая. Немногие были счастливы, горе запечатлелось на лицах людей. На многих лежала печать труда и терпения. И пока они проходили, минув века, в высоте небесной над ними мститель продолжал свою борьбу со злом; победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Никто не победил, но мне дано было понять, чем кончится борьба. Я понял, что это было священное видение борьбы добра с могуществом зла. Понял, что человек сотворен порочным, но боги сжалились над ним и помогли ему сделаться добродетельным и счастливым, так как добродетель и счастье — нераздельны. Но человек снова вернулся на путь порока, и божественное существо, которое мы называем Озирисом, называемое также многими другими именами, пожертвовало собой, чтобы искупить злодеяния племени, свергнувшего его с трона. От него и божественной матери, которая олицетворяет собой всю природу, произошел наш дух — покровитель на земле, как Озирис — наш покровитель в Аменти. Такова мистерия Озириса.

Видения пояснили мне все. Слово завеса упала с глаз моих, и я понял тайну жертвоприношения. Картины исчезли. Жрец заговорил со мной.

— Понял ли ты, Гармахис, то, что дано было видеть тебе?

— Понял!— ответил я.— Кончены ли обряды?

— Нет, только еще начинаются! То, что последует, ты должен перенести один. Я покину тебя и вернусь только на рассвете. Еще раз предупреждаю тебя. То, что ты увидишь, не многие в силах видеть и остаться в живых. Во всю свою жизнь я видел только троих, которые дерзнули пережить этот страшный час, и то один из троих был найден мертвым. Я сам не рискнул на это: это слишком возвышенно для меня!

— Уходи,— сказал я,— душа моя жаждет познаний! Я решился!

Он возложил руки мне на голову, благословил меня и ушел. Я слышал, как закрылась за ним дверь и звук его шагов замер вдаль; я остался один, один в священном месте, лицом к лицу с божеством. Глубокая тишина и мрак окружали меня. Эта тишина охватывала и окутывала меня, как облако, которое закрыло собой месяц в ту ночь, когда я молился на портике храма.

Мрак надвигался все гуще и плотнее, пока не проник в мое сердце и не закричал там страшными голосами, так как мертвое молчание имеет голос гораздо более ужасный, чем простой крик. Я заговорил, но эхо моих слов, возвращаясь ко мне от стен и сводов, только еще больше давило меня. Легче было переносить эту мертвую тишину, чем ужасное эхо. Что я увижу сейчас? Должен ли я умереть в расцвете молодости и силы? Страшны были предостережения жрецов. Я был охвачен ужасом и готов был бежать. Бежать, но куда? Двери храма заперты, я не мог бежать. Я был один с божеством, с невидимой силой, которую вызвал. Нет, сердце мое было чисто. Я увижу все, что мне предстоит видеть, хотя бы мне пришлось умереть!

«Изида, священная матерь!— молился я.— Изида, супруга неба, приди ко мне, будь со мной! Я слабею! Не покидай меня!» И я увидел нечто необычное. Воздух вокруг меня начал шуметь и двигаться, как крылья орла, как нечто живое. Огненные глаза глядели на меня, странный шепот проник в мою душу. В темноте появились полосы света.

Они менялись, колебались, сплетались в таинственные символы, которых я не мог понять. Быстрее и быстрее летели эти световые полосы; символы соединялись, собирались, исчезали и снова появлялись, так что мои глаза не могли сосчитать их. Мне казалось, что я несусь по морю славы, вздымавшемуся, как океан, которое то подбрасывало меня вверх, то низвергало вниз. Слава громоздилась на славу, невыносимый блеск затмевал свет, и я парил над всем этим! Скоро свет начал бледнеть в воздухе. Большие тени спустились на него, мрачные полосы пересекали его, и мрак обрушился на свет, и только я оставался, подобно огненной звезде, во тьме бесконечной ночи.

Издали слышались звуки неземной музыки. Я слышал, как они звенели сквозь тьму, надвигались все ближе, становились громче, и вдруг закружились надо мной, позади, сверху, внизу, кругом меня, ужасая и восхищая меня. Потом они растаяли в пространстве. За ними налетели другие нежные звуки, словно десять тысяч сестр сотрясались разом, и громкие, словно медные горла бесчисленных труб. Я слышал дивные песни нечеловеческих голосов, которые замирали в громе барабанов.

Наконец все прекратилось. Последние звуки замерли под сводами, и снова воцарилась тягостная тишина. Силы мои стали слабеть. Я чувствовал, что моя жизнь колеблется. На меня надвигалась смерть в образе мертвящей тишины. Она вошла в мое сердце и охватила меня щемящим чувством холода, но мой ум еще жил, я мог мыслить. Я знал, что близок к смерти. Я умирал и — о ужас! — пытался молиться, но не мог! Не было времени для молитвы!

Минута сопротивления — и тишина заползла в мой мозг. Страх прошел. Неизмеримая тяжесть давила меня. Я умирал, и вдруг наступило ничто, небытие. Я умер. Во мне произошла перемена. Жизнь вернулась ко мне, но не было ничего общего между ней и прошлой жизнью. Между ними легла бездна. Я снова стоял во мраке храма, но мне было легко и светло, как днем. Я стоял, или, вернее, мое духовное существо, так как тело мое лежало мертвым у моих ног. Оно лежало, немое и неподвижное, и печать неземного покоя отражалась на челе. Крылья пламени подхватили меня и помчали дальше с быстротой молнии. Я летел через пустые пространства, усеянные блестящими коронами звезд, вниз, на десять миллионов верст и десять раз десять миллионов, пока не очутился в облаках нежного, неменяющегося света, в котором тонули храмы, дворцы, обители, каких человек не видал и во сне. Они были построены из пламени и мрака. Башни вздымались ввысь, обширные дворы тянулись кругом.

Они постоянно менялись на вид: пламя превращалось в мрак, и мрак — в пламя. Здесь блеснул кристалл, там сверкали драгоценные камни сквозь славу, окружавшую города в долине смерти. Шелест деревьев походил на звуки музыки, дыхание воздуха походило на замирающие звуки пения. Образы, изменчивые, таинственные, удивительные неслись мне навстречу, увлекая меня вниз, пока я очутился, как мне казалось, на другой земле.

«Кто идет?» — закричал громкий голос.

«Гармахис, — отвечали духи. — Гармахис, взятый от земли, чтобы взглянуть в лицо той, которая есть, была и пребудет вовек. Гармахис, дитя земли!»

«Закройте ворота и откройте двери!— слышался неземной голос.— Закройте ворота и широко раскройте двери! Запечатлейте уста его, чтобы его голос не ворвался в гармонию неба, возьмите у него зрение, чтобы он не увидел того, что ему не дано видеть, и пусть Гармахис вступит на путь неизменяемого. Иди, дитя земли! Но прежде посмотри, как далек ты от земли!»

Я поднял глаза. За славой, сияющей над городом, растянулась мрачная ночь, на лоне которой мерцала одинокая звезда.

«Посмотри, вот мир, покинутый тобой! Смотри и трепещи!»

Что-то коснулось моих уст и глаз, печать молчания была наложена на них. Я стал нем и слеп. Ворота закрылись, двери распахнулись. Я очутился в городе, лежащем в Долине Смерти, и стоял опять на ногах. Страшный голос сказал: «Снимите мрачную повязку с его глаз, откройте ему уста, чтобы Гармахис, дитя земли, мог видеть, слышать и понимать, и преклониться перед вечной матерью»!

Мои глаза и уста открылись, снова вернулись зрение и дар речи. И вот я очутился в зале из черного мрамора; зал был так высок, что взор мой при разлитом кругом розовом свете не мог достигнуть сводов крыши. Музыка звучала в нем. Крылатые духи, сверкающие таким ярким блеском, что я не мог смотреть на них, наполняли зал. В центре находился маленький четырехугольный алтарь, и я стоял перед пустым алтарем.

Небесный голос произнес: «О ты, которая была, есть и будешь, имеющая много имен, но без имени, руководительница времени, посланница богов, хранительница миров и племен, живущих в них, всеобщая мать, рожденная из ничего, создательница всего, живущий блеск, не имеющий формы, живая форма без существа, служительница невидимого, дитя закона, держащая весы и меч судьбы, сосуд жизни, из которого изливается жизнь, и куда она вновь собирается, заступница свершавшегося, исполнительница предначертаний! Слушай! Гармахис, египтянин, вызванный с земли, ждет перед твоим алтарем с открытыми ушами и глазами и с раскрытым сердцем! Выслушай и сойди! Сойди, о многообразная! Сойди в пламени! Сойди в звуке! Сойди в духе! Выслушай и сойди!»

Голос умолк, и наступила тишина, сквозь которую скоро донесся до меня звук, подобный рокоту моря. Я отнял руки от глаз и увидел маленькое облако над алтарем, в котором извивался огненный змей. Тогда все блестящие духи пали перед алтарем на мраморный пол и громко славословили богиню, но я не мог понять их слов. Вдруг темное облако спустилось на алтарь, огненный змей коснулся моего чела языком и исчез. По-

добно музыке, из облака зазвучал дивный, нежный и чистый голос.

«Уходите вы, служители! Оставьте меня с моим сыном, которого я позвала!»

Как огненные стрелы, лучезарные духи поднялись и исчезли.

«О Гармахис,— продолжал голос,— не пугайся! Я та, которую ты знаешь как Изиду египтян! Не пытайся узнать более, это свыше твоих сил! Я — все и во всем, жизнь — это мой дух, и природа — мое одеяние. Я — первая улыбка ребенка, я — первая любовь девушки, я — нежный поцелуй матери. Я — дитя и слуга Невидимого, Который есть Бог, Закон, Судьба, но я сама ни бог, ни закон, ни судьба. Мой голос слышится во все бури, в океане, на земле, ты видишь мое лицо — в глубоком звездном небе. Моя улыбка — это бутон благоухающего цветка, который тянется к солнцу! Я — это природа, и все ее образы — мои образы! Я дышу в каждом дыхании. Я вырастаю и уменьшаюсь в изменчивом свете луны, я расту в приливах моря, я встаю с солнцем, блистаю в свете молний, говорю голосом бури! Нельзя измерить мое величие, я нахожу приют в ничтожестве, в песчинке! Я — в тебе и ты — во мне! О Гармахис! Кто создал тебя, создал и меня! Хотя величие мое безгранично, а твое — мало, но бойся! Мы связаны с тобой той цепью жизни, что проходит через солнце, звезды и пространства, через духов и души людей, объединяя природу в одно целое, которое, меняясь, остается неизменным!»

Я склонил голову и молчал, объятый трепетом.

«С верой служил ты мне, сын мой! — продолжал чудный голос.— Велико твое стремление увидеть меня лицом к лицу, здесь, в Аменти. Велик дух твой, дерзнувший исполнить свое желание! Не легко это тебе было — сбросить оболочку тела ранее назначенного времени и хотя на час облечься в одеяние Духа. И я сильно желала, служитель мой и сын, взглянуть на тебя здесь. Боги любят тех, кто их любит глубокой и полной любовью, и я, слуга невидимого, который так же далек от меня, как я далека от тебя, смертный, я — богиня богов. Поэтому тебя принесли сюда, Гармахис, и я говорю с тобой, сын мой, и позволяю тебе иметь общение со мной, как в ту ночь, на портике храма в Абуфисе. Я была тогда с тобой, Гармахис, положила священный лотос в твою руку, посылая тебе знамение, которое ты просил. Ведь ты — потомок царственной крови моих детей, которые служили мне из века в век. Если ты не ослабеешь, ты воссядешь на трон предков твоих и восстановишь древнее поклонение мне во всей его чистоте и очистишь храмы от осквернения. А если ты падешь, вечный дух Изиды исчезнет из памяти Египта!»

Голос замолк. Собрав всю свою силу, я решился спросить: «Скажи мне, священная, устою ли я?»

«Не спрашивай меня,— отвечал голос.— Я не могу сказать тебе этого. Быть может, я знаю, что будет с тобой, быть может, я не могу знать. Зачем божеству думать о конечном, смотря на цветок, который еще не распустился, но семя которого даст пышный цвет в свое время! Знай, Гармахис, что будущее не в моих руках! Будущее твое — в тебе, а не во мне, так как рождено законом, но предначертанием Невидимого. Ты свободен поступать как хочешь, ты победишь или падешь соответственно чистоте твоего сердца. На тебе лежит долг, на тебя же падет слава или позор. Я только исполняю предначертанное. Слушай меня: я буду всегда с тобой, мой сын, так как кому дана любовь моя, у того она не отнимется, только грех может потерять ее. Помни это! Если ты восторжествуешь, награда твоя велика! Если же ты падешь, ужасно будет твое наказание и в земной жизни, и здесь, в Аменти. Но утешься, сын мой! Стыд и муки не вечны. Как бы ни было глубоко твое падение, если раскаяние грызет твое сердце, это путь — тяжелый, каменистый путь — к прежней высоте. Пусть не таков будет твой удел, Гармахис!»

Так как ты возлюбил меня, сын мой, то не должен блуждать в тех сказочных потемках, в которых запутались люди на земле, принимая ошибочно материю за дух и алтарь за Бога: ты получил путь к истине многообразной! Я возлюбила тебя и предвижу день, который наступит, и ты будешь жить, благословляемый, в свете моей славы, исполняя мое приказание. Поэтому, говорю тебе, тебе дано, Гармахис, услышать слово, которым можешь вызвать меня от Всемогущего, тебе, который приобщился мне и лицезрел меня лицом к лицу! Слушай! Смотри!»

Нежный голос умолк. Темное облако над алтарем изменялось, принимая то бледный, то яркий свет, и, наконец, получило образ закутанной женщины. Золотой змей выполз из ее сердца и, подобно живой диадеме, обвился вокруг небесного тела. Вдруг голос произнес страшное слово. Облако рассеялось, и я увидел Славу, при мысли о которой душа моя трепещет и замирает. Я не могу сказать, что я видел. После многих протекших лет я говорю и теперь: то, что я видел,— выше человеческого воображения! Человеку трудно постичь это. Эхо того страшного слова, память о том, что я видел, навеки запечатлелись в моем сердце; мой дух ослабел, и я упал ниц перед лицом Славы. Когда же я упал, казалось, весь зал рушился подо мной и рассыпался огненными искрами. Подул сильный вихрь, отзвук божественных слов, канувших в поток времени! Больше я ничего не помню!

*Пробуждение Гармахиса.— Церемония его
коронования фараоном Верхнего и Нижнего
Египта.— Жертвоприношение нового фараона.*

Очнулся я на каменном полу святилища Изиды, в Абуфисе. Около меня стоял жрец с лампадой в руке. Он склонился надо мной, всматриваясь в мое лицо.

— Этот день — день твоего нового рождения, и ты жив и видишь его, Гармахис. Благодарение богам! Встань, царственный Гармахис, и не говори мне ничего, что произошло с тобой! Восстань, возлюбленный священной матерью! Иди, прошедший сквозь пламя, познавший, что лежит за мраком, иди, новорожденный!

Я встал, шатаясь, и пошел за ним; выйдя из темноты храма с потрясенной душой, я жадно вдохнул чистый утренний воздух, затем прошел в свою комнату и заснул. Ни одно сновидение не смутило моего сна.

Никто, даже отец не спрашивал меня о том, что я видел ночью и как я приобщился богам. После этого я усердно предавался поклонению матери Изиды и изучению тех таинств, к которым я имел ключ теперь. Кроме того, я изучал государственную политику, так как много великих людей — наших сторонников — тайно приходили ко мне со всех частей Египта и много говорили о ненависти народа к царице Клеопатре и о других вещах.

Близилась решительная минута. Прошло три месяца и десять дней с той ночи, когда я, сбросив телесную оболочку, был геренесен на лоно Изиды, которой угодно было, чтобы я по обычным обрядам в глубокой тайне призван был на трон Верхнего и Нижнего Египта. Когда настала священная минута, со всего Египта собрались великие мужи в виде жрецов, пилигримов, нищих. Между ними находился и мой дядя Сеп, переодетый доктором, стремящийся сдержать свой могучий голос, выдававший его. Я узнал его, встретив однажды на берегах канала, где гулял. Я узнал сейчас же, хотя было темно и большой капюшон, по обычаю докторов накинутый на голову, наполовину скрывал его лицо.

— Чума на тебя! — вскричал он, когда я назвал его по имени. — Может ли человек хотя на один час перестать быть самим собой? Сколько я мучился, чтобы научиться играть роль доктора, а ты узнал меня даже в темноте!

Потом по обыкновению громко он рассказал мне, что путешествовал пешком, чтобы избежать шпионов, скрывающихся по берегам реки. Он добавил, что вернется по воде, переодевшись иначе, так как, одевшись доктором, он вынужден

разыгрывать доктора, ничего не понимая в медицине. «Наверное, между Анну и Абуфисом многие пострадали от моего лечения»*. — И он громко захохотал, обняв меня, забывая свою роль. Сепа был слишком прямой и сердечный человек, чтобы играть роль, и хотел войти в Абуфис, держа меня за руку.

Наконец все были в сборе. Наступила ночь. Ворота храма заперли. В храме находились тридцать семь мужей, мой отец, великий жрец Аменемхат, старый жрец, который ввел меня в храм Изиды, старуха Атуа, которая согласно древнему обычаю должна была приготовить меня к помазанию, и пятеро других жрецов, поклявшихся хранить все это в тайне. Все они собрались во втором зале большого храма; я остался один, одетый в белое одеяние, в переходах, которые носят имена семидесяти древних царей, живших прежде божественного Сети.

Кругом была темнота, потом мой отец, Аменемхат, вошел, неся лампаду и склонившись низко передо мной, повел меня за руку в большой зал. Там и сям в темноте зала, между огромными колоннами, горели огни, озарявшие скульптурные изображения на стенах и длинные одеяния тридцати семи сановников, жрецов, князей, молчаливо сидевших в разных креслах в ожидании моего прихода. Перед ними, задом к семи святилищам, стоял трон, окруженный жрецами, державшими священные реликвии и знамена. Когда я вступил в мрачное святое место, все присутствовавшие поднялись и молча поклонились мне. Отец мой ввел меня на ступени трона, тихо велел мне стать тут и сказал:

— Сановники, жрецы и князья древних родов страны Кем! Благородные мужи Верхней и Нижней Страны, собравшиеся на мой зов сюда, выслушайте меня! Я представляю вам князя Гармахиса, по праву потомка царственной крови древних фараонов нашей несчастной страны, Гармахиса, жреца таинств божественной Изиды, владыки таинств, наследственного жреца пирамид Мемфиса, наученного торжественным обычаям священного Озириса! Есть ли между нами кто-либо, кто может возразить против происхождения его от царственной крови?

Он замолчал. Мой дядя Сепа, поднявшись с кресла, сказал:

— Мы рассмотрели списки. В нем подлинно течет царственная кровь, его происхождение истинно!

— Есть ли кто-либо среди вас, — продолжал мой отец, — кто может отрицать, что царственный Гармахис по изволению богов приобрел матери Изиде, узнал священный путь к Озирису, допущен быть наследственным жрецом пирамид при Мемфисе и храмов при пирамидах?

* В Египте неискусные врачи подвергались тяжелому наказанию.

Тогда встал старый жрец, мой проводник в святилище Изиды, и сказал:

— Никого нет, о Аменемхат! Я знаю это сам!

Еще раз мой отец повторил:

— Найдется ли кто между вами, кто мог бы возразить, что царственный Гармахис по злобе сердца или по нечистоте жизни, по лживости или порочности недостойн принять корону фараона всей страны?

Тогда встал пожилой князь из Мемфиса и ответил:

— Мы исследовали все это, и никто не может отрицать его достоинств!

— Хорошо,— сказал мой отец,— в князе Гармахисе не имеется недостатков, как в священном семени Нект-Небфа Озирийского. Пусть же старая женщина Атуа расскажет всем присутствующим о том, что произошло в час смерти моей жены, которая, исполнившись духа, пророчествовала о Гармахисе!

Тогда старая Атуа отделилась от тени колонн и важно рассказала все, что знала.

— Вы слышали,— сказал мой отец,— верите ли вы, что через мою жену говорил божественный голос?

— Верим все!— был общий ответ.

Снова встал мой дядя Сепа и сказал:

— Царственный Гармахис, ты слышишь? Знай же, что мы собрались здесь короновать тебя фараоном Верхнего и Нижнего Египта: святой отец Аменемхат отказывается от свских прав в твою пользу. Нам не придется совершать это со всей приличествующей пышностью и церемониями, так как мы должны сохранить в строжайшей тайне ради сбережения нашей жизни, хотя это дело дороже для нас самой жизни. Все же мы совершим твое коронование с достоинством и согласно древним обычаям, как только позволяют обстоятельства. Узнай же, в чем дело, и, узнавши, если ум твой не имеет препятствий, воссядь на трон фараонов и принеси присягу! Давно и долго стонет страна Кемі под тяжелым игом греков и трепещет при виде римских копий. Давно уже оскверняется наша древняя вера, а народ томится под властью иноземцев! Мы верим, что час освобождения настал, и торжественным голосом всего Египта и древних египетских богов, с которыми ты связан крепкими узами, взываем к тебе, князь: «Будь мечом нашего освободителя!» Слушай же! Двадцать тысяч верных и храбрых мужей ждут твоего слова и по твоему знаку встанут как один человек, чтобы избить греков, и из крови и тел их построить тебе трон на земле Кемі, прочнее и крепче древних пирамид, такой престол, чтобы далеко отбросить все римские легионы! Сигналом восстания будет смерть смелой разврат-

ницы Клеопатры. Ты должен позаботиться об ее смерти и ее кровью будешь помазан на царственном троне Египта. Можешь ли ты отказаться, наша надежда? Разве твое сердце не полно священной любви к родине? Можешь ли ты отнять от уст Египта чашу свободы или заставить пить горький напиток рабства? Твоя задача велика. Она может не удался, и ты заплатишь тогда твоей жизнью, как мы. Но что из этого, Гармахис? Разве жизнь так уж сладка? Разве мы уж так дорожим каменистым ложем земли? Разве горечи и печали земли не ничтожны? Неужели мы дышим таким божественным воздухом, что побоимся взглянуть в лицо смерти? Что есть у нас на земле, кроме надежды и воспоминаний? Что видим мы, кроме теней? Разве побоимся с чистыми руками идти туда, где исполнение всего, где воспоминание теряется в собственном источнике и тени исчезают во всепроникающем свете? О Гармахис, истинно блажен тот человек, кто венчает свою жизнь пышным венцом славы! Смерть протягивает всему живущему свои мрачные цветы мака, и счастлив тот, кто сумеет внести эти цветы в свой венец славы! Какая смерть лучше для человека, чем смерть за свободу своей родины, за ее права, чтобы родная страна могла встать лицом к небу и, испустив клич свободы, снова облачилась в броню силы, растоптала ногами иго рабства, земных тиранов, наложивших печать неволи на ее чело? — Кеми призывает тебя, Гармахис! Иди, иди, Освободитель, подобно Хору, спустись с неба, разбей цепи рабства, рассея врагов и царствуй на троне фараонов!

— Довольно, довольно! — вскричал я, и долгий ропот одобрения послышался у колонн и массивных стен. — Довольно! Разве нужно так заклинять меня? Если б я имел не одну, а сто жизней, я с радостью отдал бы их за Египет!

— Хорошо сказано, хорошо! — подхватил Сеп. — Теперь иди с этой женщиной, чтобы она омыла твои руки, перед тем как они коснутся священных эмблем, и помазала твое чело, прежде чем оно украсится диадемой!

Я пошел в отдельную комнату с Атуей. Там она, бормоча молитвы, налила мне на руки чистой воды над золотой чашей и, обмакнув в масло кусочек сукна, помазала им мое чело.

— О счастливый Египет! — бормотала при этом старуха. — Счастливый князь, будущий правитель Египта! О царственный юноша! Слишком царственный, чтобы быть жрецом, так, наверное, будут думать многие прекрасные женщины! Может быть, для тебя и изменят жреческий закон, иначе как же продолжится твой род фараонов? Как счастлива я, вынянчившая тебя, отдавшая мою плоть и кровь ради твоего спасения! О царственный красавец, Гармахис, родившийся для роскоши, счастья и любви!

— Перестань, перестань! — прервал я ее болтовню, которая раздражала меня. — Не называй меня счастливым, пока не узнаешь, как я кончу, и никогда не говори мне о любви; с любовью нераздельна печаль, мой путь иной и лучший!

— Ай, ай, как ты говоришь! Но и радость приходит с любовью! Не говори легко о любви, мой царь, ведь ты сам произошел от любви. Ля! Ля! Но это всегда так бывает! «Гуси, распустив крылья, смеются над крокодилами, — говорят в Александрии, — а когда гуси спят в воде, смеются крокодилы!» Пожалуй, женщины похожи на прекрасных крокодилов! Люди поклоняются крокодилам в Антрибисе — он называется теперь крокодилополисом. Не правда ли? Люди поклоняются также женщинам во всем мире. Ля! Как вертится мой язык! А ты сейчас будешь коронован фараоном! Разве я не предсказала это? Ну, теперь ты чист, властитель двойной короны. Иди же!

Я вышел из комнаты со старухой, безумная болтовня которой звенела в моих ушах, хотя в ее безумии заключалось зерно мудрости.

Когда я вошел, сановники встали и снова поклонились мне. Тогда мой отец, не медля, подошел ко мне и дал мне в руки золотое изображение божественной Ма, богини истины, золотые изображения ковчегов бога Амега-Ра, божественных Моут и Кон и торжественно произнес:

— Клянешься ли ты живым величием Ма, величием Амега-Ра, Моут и Кон?

— Клянусь! — ответил я.

— Клянешься ли ты священной страной Кеми, священной водой Сигора, храмами богов и вечными пирамидами?

— Клянусь!

— Помни об ужасном наказании, которое постигнет тебя, если ты нарушишь клятву! Клянись, что будешь править Египтом согласно древним законам, что будешь оберегать поклонение богам, будешь справедлив, не будешь угнетать народ, что не изменишь ему, не будешь заключать союза с римлянами или греками, что выбросишь иноземных идолов и посвятишь всю свою жизнь свободе и счастьем страны Кеми!

— Клянусь!

— Хорошо. Взойди на трон, чтобы я мог назвать тебя фараоном в присутствии твоих подданных!

Я взошел на трон. Подножием его был сфинкс, а балдахин — распростертые крылья бога Ма.

Аменемхат подошел ближе и возложил пшент* на мое чело, двойную корону на мою голову и царское одеяние на мои плечи. В руках я держал скипетр и бич.

* Царская повязка фараонов.

— Царственный Гармахис,— вскричал он,— этими знаками я, великий жрец храма Ра-Мен-Ма в Абуфисе, короную тебя фараоном Верхнего и Нижнего Египта! Царствуй и благоденствуй, о надежда Кеми!

— Царствуй и благоденствуй, о фараон!— как эхо повторили все присутствующие, склоняясь передо мной.

Один за другим они принесли мне присягу и дали клятву. Потом отец взял меня за руку и в торжественной процессии повел меня в каждое из семи святилищ в храме Ра-Мен-Ма. Я приносил жертву, курил фимиам и священнодействовал как жрец. В царском одеянии я принес жертву в храме Хора, Изиды, Озириса, в храме Амен-Ра, в храме Пта, пока не достиг храма Царской комнаты, где уже мне как божественному фараону были принесены жертвы. Потом все ушли, оставив меня одного; теперь я был уже царем Египта.

(На этом кончается первый, маленький лист папируса.)

Часть II

ПАДЕНИЕ ГАРМАХИСА

I

*Прощание Аменемхата с Гармахисом.—
Гармахис отправляется в Александрию.—
Увещания Сепы.— Клеопатра в одежде Изиды.—
Гармахис поражает гладиатора.*

Долгие дни приготовления закончились. Время настало. Я был посвящен и коронован, и, хотя простой народ не знал меня или знал только как жреца Изиды, в Египте были уже тысячи людей, которые в душе чтили меня и поклонялись мне как фараону. Час мой близился, и дух мой рвался ему навстречу. Я жаждал низвергнуть иноплеменника, видеть Египет свободным, взойти на трон — мое наследство, и очистить храмы моих богов. Я стремился к борьбе и не сомневался в ее исходе. Смотрясь в зеркало, я видел триумф и победу на своем челе. Путь славы был уготован мне в будущем, сияющий, как Сигор, в лучах солнца.

Я приобщился матери Изиде, мысленно советовался с своим сердцем, воздвигал великие законы, которые должны осчастливить мой народ, и в моих ушах звучали восторженные крики, приветствовавшие победоносного фараона на троне.

Пока я находился в Абуфисе и мечтал, мои остриженные волосы снова отросли, длинные и черные, как вороново крыло. Я упражнялся в военном искусстве и для известных мне целей усвершенствовался в египетской магии. Научился читать по звездам и даже достиг в этом большой ловкости.

Настало время исполнять составленный план. Мой дядя Сепы на время покинул храм в Анну, сославшись на расстроенное здоровье, и поселился в своем доме в Александрии, чтобы набраться сил, как он говорил, и подышать морским воздухом, полюбоваться чудесами великого музея и славой двора Клеопатры. Там я должен был присоединиться к нему, так как в самой Александрии положено было начало заговора. Согласно условию, как только меня потребовали, все было подготовлено, я собрался в путь и прошел в комнату моего отца, чтобы по-

лучить от него благословение. Старик сидел на своем обычном месте, его длинная белая борода лежала на каменном столе, в руке он держал связанные письма. Когда я вошел в комнату, мой отец встал с места и хотел встать на колени передо мной, вскричав: «Приветствую тебя, фараон!» Но я удержал его за руку.

— Это не подобает тебе, отец!— сказал я.

— Нет, подобает,— ответил он,— подобает мне поклониться моему царю. Но пусть будет по-твоему! Итак, ты уезжаешь, Гармахис, благословение мое да будет с тобой! О сын мой! Пусть боги, которым я служу, даруют счастье моим старым глазам видеть тебя на троне! Я много и упорно трудился, Гармахис, стараясь узнать тайну будущего, но вся моя мудрость не могла помочь мне. Это закрыто передо мной; иногда мое сердце слабеет. Но выслушай. Тебе предстоит опасность в образе женщины. Я давно знаю это, поэтому-то ты и был призван к почитанию божественной Ифиды, которая запрещает своим избранникам всякую мысль о земной женщине, пока ей не угодно будет смягчить обет. О сын мой, я хотел бы, чтобы ты не был так красив и силен — ты красивее и сильнее всех мужей Египта, как и подобает царю! Но эта красота и сила может быть причиной твоего падения. Берегись, сын мой, чародеи Александрии, чтобы они, подобно червю, не вползли в твое сердце и не сглодали твоей тайны!

— Не бойся, отец,— отвечал я, нахмурившись,— моя мысль занята другим, я не думаю о пунцовых губах и смеющихся глазах!

— Это хорошо,— ответил он,— пусть будет так. А теперь прощай! Когда мы снова встретимся, быть может, в счастливый час, я приду из Абуфиса со всеми жрецами Верхнего Египта поклониться фараону на его троне!

Он нежно обнял меня, и я ушел. Увы! Как мало я думал о том, как нам придется встретиться.

Итак, еще раз пришлось путешествовать мне по Нилу в качестве обыкновенного человека. Тем, кто любопытствовал относительно меня, отвечали, что я приемный сын великого жреца в Абуфисе, воспитанный им для службы жреца, что я отказался от служения богам и решил отправиться в Александрию попытать счастья. Кто не знал правды, тот полагал, что я действительно внук старой Атуи.

На десятую ночь, плывя по ветру, мы достигли могущественной Александрии, города тысячи сверкающих маяков: над городом господствовал белый Фарос, одно из чудес мира, от венца которого разливался свет, подобный солнечному, освещавший воду и указывавший путь морякам. Когда судно вошло в гавань и было тщательно привязано, так как наступи-

ла ночь, я сошел на берег и стоял, изумленный громадой домов, смущенный шумом и говором на разных языках. Казалось, все народы собрались сюда со всего мира и каждый говорил на языке своей страны. Пока я стоял, какой-то молодой человек подошел ко мне и, тронув меня за плечо, спросил, не из Абуфиса ли я и не зовут ли меня Гармахисом. Я ответил утвердительно. Тогда, склонившись ко мне, он прошептал мне на ухо тайный пароль и приказал двум невольникам взять мой багаж с корабля. Они исполнили приказание, расчистив себе путь через толпу носильщиков, пристававших со своими услугами. Я последовал за незнакомцем по набережной мимо бесчисленных винных лавок, где толпились всевозможного рода люди, попивая вино и любясь пляской женщин, из которых одни были полуодеты, другие — совершенно нагие.

Мы прошли мимо освещенных домов, добрались до берега гавани и свернули направо вдоль широкой дороги, вымощенной камнем. По краям дороги стояли огромные дома с галереями, каких я никогда не видел. Мы повернули еще раз направо и очутились в менее шумной части города. Улицы были пустынные и тихие, только изредка оживляемые толпами гуляк. Мой путеводитель остановился у дома, выстроенного из белого камня. Мы вошли внутрь и, пройдя маленький дворик, очутились в освещенной комнате, где я нашел дядю Сепу. Он сильно обрадовался мне. Когда я помылся с дороги и поел, он сказал мне, что все идет хорошо, что при дворе ничего не подозревают. Далее он рассказал мне, что, когда ушей царицы достигло известие, что жрец из Анну поселился в Александрии, она послала за ним и много расспрашивала его — не о заговоре — ей не приходило и в голову это, — а о сокровище, скрытом в великой пирамиде близ Анну, так как слышала об этом. Расточительная, она вечно нуждалась в деньгах и мечтала раскрыть пирамиду. Сепу смеялся над ней, говоря, что пирамида служит только местом упокоения божественного Куфу, что он ничего не слышал о сокровищах.

Клеопатра рассердилась и поклялась, что она разрушит пирамиду, не оставит камня на камне и вырвет тайну из ее сердца, что это так же верно, как то, что она правит Египтом. Сепу опять засмеялся и ответил ей александрийской пословицей: «Горы переживают царей!» Она тоже засмеялась его удачному ответу и отпустила его. Затем дядя Сепу сказал мне, что завтра будет день рождения Клеопатры, также и мой, и что я увижу ее, так как она в одеянии священной Изиды отправится из своего дворца на Лохиа в Серапиум, чтобы принести жертву в храме ложного бога. А потом, прибавил он, надо будет поразмыслить, как мне проникнуть во дворец царицы. Я очень устал и пошел спать, но не мог уснуть в незнакомом мес-

те, тревожимый шумом улицы и мыслью о завтрашнем дне.

Было еще темно, когда я встал, забрался по лестнице на кровлю дома и ждал. Вдруг, подобно стрелам, брызнули лучи солнца и осветили чудный беломраморный Фарос, свет которого померк и погас, словно лучи солнца убили его. Солнечный свет озарил дворец Лохиа, где покоилась Клеопатра и, словно алмазы, заблестали они на темной и холодной груди моря. Лучи побежали дальше, лобзая священный купол Сомы, под которым спит вечным сном Александр Македонский; заигрывая с высокими верхушками тысячи дворцов и храмов, с портиками великого музея, с горделивой гробницей, на которой высечено из слоновой кости изображение ложного бога Сераписа, и затерялись в огромном и мрачном Некрополисе.

Наступал день; целый поток света, победив мрак ночи, опрокинулся на землю, залил улицы и окутал Александрию пурпуром солнечных лучей, словно пышной царской мантией. Эфесский ветер подул с севера и разогнал туман в гавани, так что я увидел голубые воды, ласкающие тысячи кораблей. Я видел огромный мол Гептастадиум, видел сотни улиц, бесчисленные громады домов, неисчислимое богатство Александрии, возлегшей подобно царице между озером Мареотис и океаном и господствовавшей над ними. Я был поражен. «Так вот один из городов моего наследства!— думалось мне.— Да, он стоит борьбы!» Наглядевшись и насытив свое сердце видом всего этого великолепия, я помолился священной Изиде и сошел вниз. Внизу, в комнате, меня встретил дядя Сеп. Я сказал ему, что наблюдал восход солнца над Александрией.

— Так,— сказал он, посмотрев на меня из-под своих косматых бровей,— как же ты находишь Александрию?

— Это — настоящий город богов!— ответил я.

— О, это город адских богов,— сурово возразил он,— яма разврата, кипящий источник нечестия, дом лживой веры, исходящей из лживых сердец, я не оставил бы камня на камне от этого города, я желал бы, чтобы все его богатство лежало глубоко, под теми водами! Я хотел бы, чтобы чайки реяли над городом и ветер, не зараженный греческим дыханием, носился бы над его развалинами от океана до Мареотиса! О царственный Гармахис! Берегись, чтобы роскошь и красота Александрии не отравили твоего сердца, потому что в этом смертоносном воздухе погибает вера и святая религия не может расправить своих небесных крыльев. Когда пробьет твой час, Гармахис, и ты будешь на троне, уничтожь этот проклятый город и по примеру отцов перенеси престол свой в белостенный Мемфис. Я говорю тебе, что Александрия — это пышные ворота разрушения для всего Египта, и, пока она существует, все земные народы будут приходить в нее, чтобы грабить страну,

все лживые религии будут гнездиться в ней, подготавливая гибель египетских богов!

Я ничего не ответил дяде, сознавая, что он сказал правду. Но город казался мне очень красивым на вид. Когда мы поехали, дядя сказал мне, что пора уже идти смотреть шествие Клеопатры.

— Хотя она не явится раньше двух часов пополудни,— добавил он,— но александрийцы так любят зрелища, что мы, придя позднее, не в силах будем протолкаться через толпу, которая уже, наверное, собралась вдоль главных улиц, где должна ехать царица.

Мы отправились занять места на подмостках, построенных по одной стороне большой дороги, пересекающей город до Канопских ворот. Мой дядя заранее купил право входа туда за дорогую цену. С большим трудом пробрались мы через огромную толпу, собравшуюся на улице, и достигли подмостков, покрытых ярко-красным сукном. Здесь мы уселись на скамью и ждали несколько часов, наблюдая толпу, теснившуюся около нас, которая пела, кричала и болтала на разных языках. Наконец появились солдаты, расчищавшие путь и одетые по римскому обычаю в стальные кольчуги. За ними шел герольд, приглашавший к молчанию (причем народ начал петь и кричать еще сильнее), объявлявший, что шествует Клеопатра, царица Египта. Затем шли тысяча киликийцев, тысяча фракийцев, тысяча македонян и тысяча греков. Все они были вооружены по обычаю своей родины. За ними ехали пятьсот всадников, причем и сами они, и их лошади были покрыты кольчугами. Потом шли юноши и девушки, роскошно одетые, неся золотые короны и символические изображения дня и ночи, утра и полудня, неба и земли, и прекраснейшие женщины, курившие ароматы и усыпавшие дорогу чудными цветами. Вот раздался громкий крик: «Клеопатра! Клеопатра!» Я затаил дыхание и наклонился вперед, чтобы видеть ту, которая осмелилась одеться Изидой. В эту минуту громадная толпа скучилась и загородила меня, так что я не мог ничего видеть. По горячности я быстро перепрыгнул барьер подмостков и, пользуясь своей силой, растолкал толпу и вышел в передний ряд. В это время нубийские невольники, увенчанные плющом, побежали вперед, разгоняя народ и немилосердно колотя его своими толстыми палками. Один из них, которого я заметил благодаря гигантскому росту, обладал огромной силой и, забыв всякую меру, непрестанно бил народ, как это часто бывает с людьми низкого сословия, захватившими в свои руки власть.

Около меня стояла женщина, по виду египтянка, державшая ребенка. Видя, что она слаба и беспомощна, нубиец ударил ее по голове палкой так, что она упала. Народ начал роп-

тать. При виде этого кровь бросилась мне в голову и затемнила рассудок. В руках у меня был оливковый посох с Кипра, и когда черный негодяй захохотал, увидя, что женщина упала, а ее дитя покатилося на землю, я размахнулся и ударил его посохом. Удар был так силен, что палка сломалась о его плечи, кровь брызнула и запачкала спустившиеся листья плюща. Крича от ярости и боли, — ведь тот, кто любит бить, не любит быть битым, — нубиец обернулся и бросился на меня. Народ подался назад, окружив нас кольцом, а бедная женщина не могла подняться с земли.

С ревом нубиец набросился на меня. Но я, как безумный, с силой ударил его сжатым кулаком между глаз: у меня не было другого оружия. Он зашатался, как бык под ударом жреческого топора. Народ волновался и кричал — толпа любит бой, а гигант был известный гладиатор, привыкший к победам на играх. Собрав всю силу, нубиец снова бросился на меня с ругательством и с такой силой размахнулся своей огромной палкой, что я был бы убит наповал, если бы не сумел ловко увернуться от удара. Палка отлетела в сторону и разлетелась на куски. Толпа снова одобрительно закричала, а гигант, бледный от ярости, кинулся на меня. С криком я вцепился в его горло — он был так велик и тяжел, что я не мог рассчитывать повалить его, — и повис на нем. Его кулаки колотили меня, как дубины, а мои пальцы сжимали ему горло. Долго мы вертелись кругом, пока он не бросился на землю, надеясь оттолкнуть меня. Мы катались по земле, наконец он ослабел и начал задыхаться. Тогда я очутился сверху и, поставив колено ему на грудь, вероятно, убил бы его в припадке ярости, если б мой дядя и другие не оттащили меня от него.

В это время — я ничего не видел — колесница, в которой сидела Клеопатра, подъехала к нам и остановилась благодаря волнению и шуму. Впереди колесницы шли слоны, позади вели львов. Я — израненный, задыхаясь от усталости, в белой одежде, запачканной кровью, хлынувшей изо рта и ноздрей огромного нубийца, взглянул вверх и в первый раз увидел Клеопатру лицом к лицу. Колесница ее была из чистого золота и запряжена молочно-белыми конями. Она сидела в ней, а две прекрасные девушки в греческом одеянии, стоя по обеим сторонам царицы, обвеивали ее блестящими опахалами. На голове Клеопатры было покрывало Изиды, два золотых рога, между которыми находился круглый диск месяца и эмблема трона Озириса с уреусом, обвитым вокруг чела.

Из-под покрывала виднелась золотая шапочка с голубыми крыльями и голова коршуна с драгоценными камнями вместо глаз. Прекрасные черные волосы рассыпались до ног. Вокруг прекрасной шеи блестело золотое ожерелье, усеянное изум-

рудами и кораллами. На руках были надеты золотые браслеты с изумрудами и кораллами. В одной руке она держала золотой крест жизни из чистого хрусталя, в другой — царственный скипетр. Ее грудь была обнажена, и все одеяние сверкало, как чешуя змеи, усеянное драгоценными камнями. Из-под этой одежды спускалась вниз золотая материя, полузакрытая шарфом, вышитым шелками и спускающимся вниз, до сандалий. Эти сандалии, надетые на ее белые, маленькие ноги, были застегнуты большими перлами.

Все это я рассмотрел сразу. Потом я взглянул на ее лицо — лицо, соблазнившее цезаря, погубившего Египет, и позднее решившее судьбу Октавия, державшего скипетр всего мира! Я смотрел на правильные греческие черты лица, на круглый подбородок, полные страстные губы, на точеные ноздри правильного носа, на нежные уши, похожие на маленькие раковины, разглядывал ее лоб, низкий, широкий, красивый, вьющиеся черные волосы, падающие вниз роскошной волной, блестя в лучах солнца, дугообразные, правильные брови и длинные загнутые ресницы; я любовался царственной красотой ее форм. Передо мной на дивном лице искрились ее чудные глаза, похожие на кипрскую фиалку, — глаза, полузакрытые, кроющие в себе какую-то тайну, тайну ночи в одинокой пустыне, и, как эта ночь, постоянно меняющиеся. Порой они загорались ярким сиянием — сиянием звездных глубин в тишине ночи. Я видел все эти чудеса, хотя не обладаю искусством рассказывать о них, и понял, что все эти чары составляют могущество дивной красоты Клеопатры. Ее сила заключалась в славе и сиянии ее гордой души, сквозивших сквозь телесную оболочку. Это было пламенное существо, ни одна женщина не была подобна ей и никогда не будет. Даже когда она дремала, огонь ее сердца отражался на ее лице. Когда же она просыпалась, глаза ее искрились, страстная музыка голоса звучала на ее устах, кто мог тогда устоять против Клеопатры? В ней был блеск, данный женщине для славы, гений мужчины, дарованный небом.

Вместе с этим в ней жил злой дух, который ничего не боялся, смеялся над законами, играл судьбами империй и, улыбаясь, заливал свои желания потоками человеческой крови. Все это соединилось в ней и сделало Клеопатру такой, какой не может и изобразить человеческий язык, которую человек, увидев раз, уже не мог забыть никогда. Она походила на духа бури, на сияние света; она была жестока, как чума! Горе миру, если в нем появится еще такая женщина на погибель всем!

На минуту глаза мои встретились с глазами Клеопатры, когда она лениво приподнялась, чтобы узнать причину шума. Сначала эти глаза были темны и мрачны, как будто они виде-

ли что-то такое, чего не понимал ее мозг. Потом они оживились, и цвет их изменился, подобно цвету моря, меняющемуся от волнения воды. Сперва в них был написан гнев, ленивое любопытство, потом, когда она взглянула на огромное тело человека, которого я победил, и узнала в нем своего гладиатора, в них мелькнуло что-то похожее на удивление. Наконец они стали нежны, хотя лицо ее не изменилось. Тот, кто хотел читать в сердце Клеопатры, должен был смотреть в ее глаза, так как ее лицо не выражало ее чувств. Обернувшись, она произнесла несколько слов своим телохранителям, которые подошли ко мне и привели к ней. Толпа молчаливо ждала моего смертного приговора.

Я стоял перед ней, сложив руки на груди. Очарованный ее красотой, я все же ненавидел ее от всего сердца — эту женщину, осмелившуюся облечься в одеяние Изида, узурпаторшу, сидевшую на моем троне, эту блудницу, мотавшую богатства Египта на колесницы и благоухания. Она оглядела меня с головы до ног и заговорила полным, низким голосом на языке Кеми, которому она выучилась одна из всех Лагидов.

— Кто ты и что ты, египтянин? Я вижу, что ты египтянин, — как осмелился ты ударить моего невольника, когда я шествовала по моему городу?

— Я Гармахис, — отвечал я смело, — Гармахис-астролог, приемный сын великого жреца и правителя Абуфиса, приехавший сюда искать счастья. Я побил твоего невольника, царица, за то, что он без всякой причины ударил бедную женщину. Спроси тех, кто видел это все, царица Египта!

— Гармахис, — повторила она, — имя твое звучит красиво, и у тебя величественный вид!

Затем она приказала солдату, который видел всю историю нашей битвы, рассказать ей, как все это произошло. Солдат рассказал ей правдиво, видимо, дружески расположенный ко мне за мою победу над нубийцем. Тогда Клеопатра обернулась и что-то сказала девушке, стоявшей около нее и державшей опахало. Это была удивительно красивая женщина с вьющимися волосами и пугливыми черными глазами. Девушка ответила ей. Клеопатра вслепа привести нубийца. К ней подвели невольника-гиганта, уже усевшегося отдохнуть и оправиться, и женщину, которую он ударил.

— Собака! — произнесла она тем же низким голосом. — Ты трус! Силач! Ты смел ударить женщину и как трус был побежден этим молодым человеком. Я научу тебя вежливости! Впредь, если ты вздумаешь бить женщин, бей их левой рукой. Эй, возьмите этого черного раба и отрубите ему правую руку!

Отдав это приказание, она откинулась назад в свою золотую колесницу, и словно облако сгустилось в ее глазах. Тело-

хранители схватили нубийца, и, несмотря на его крики и мольбы о пощаде, отрубив ему руку мечом на барьере, унесли его.

Процессия двинулась дальше. Прекрасная девушка с опахалом повернула голову, встретила мой взгляд, улыбнулась и кивнула мне головой, как будто чему-то радовалась. Я был очень удивлен. Народ радовался и жестикулировал, крича, что я скоро буду астрологом во дворце.

При первой возможности мы с дядей поспешили вернуться домой. Все время он бранил меня за мою поспешность, но, когда мы очутились в комнате, он нежно обнял меня, радуясь, что я победил гиганта, не причинив себе особого вреда.

II

Приход Хармионы.— Гнев Сена.

В ту самую ночь, пока мы сидели за ужином, раздался стук в дверь. Наша дверь была не заперта, и в комнату вошла женщина, закутанная с ног до головы в широкий, большой пеплос или плащ, так что лица ее не было видно. Мой дядя встал, и женщина произнесла тайный пароль.

— Я пришла, отец мой,— произнесла она музыкальным и чистым голосом,— хотя, по правде говоря, не так-то легко ускользнуть из дворца. Я сказала царице, что солнце и уличный шум делают меня больной, и она отпустила меня!

— Хорошо,— ответил дядя,— сбрось покрывало, здесь ты в безопасности.

Со вздохом утомления она сбросила свой плащ и представала передо мной в образе той прекрасной девушки, которая стояла в колеснице Клеопатры с опахалом в руке. Она была очень хороша собой, и греческое одеяние красиво облегалo ее стройные члены и юные формы тела. Ее волосы, спускавшиеся локонами по плечам, были перехвачены золотой сеткой; на маленьких ногах, обутих в сандалии, блестели золотые пряжки. Щеки розовели, как цветок, а темные, нежные глаза были скромно опущены вниз, но на губах и в ямочках на щеках трепетала улыбка.

Мой дядя нахмурил брови, увидев ее одеяние.

— Зачем ты пришла сюда в этой одежде, Хармиона?— спросил он строго.— Разве платья твоей матери не хороши для тебя? Не время и не место здесь для женского тщеславия! Ты пришла не для того, чтобы побеждать, а должна только повиноваться!

— Не сердись, отец мой,— кротко ответила она,— ты,

вероятно, не знаешь, что та, которой я служу, не выносит египетской одежды. Это не в моде и носить ее — значит навлечь на себя подозрения, а я торопилась!

Пока она говорила, я видел, что она наблюдала за мной, хотя длинные ресницы ее глаз были скромно опущены.

— Хорошо, хорошо! — резко отвечал дядя, устремив свой пронизывающий взгляд на ее лицо. — Несомненно, ты говоришь правду, Хармиона. Помни твою клятву, девушка, и то дело, которому ты поклялась быть верной. Не будь легкомысленной, прошу тебя, забудь свою красоту, которая навлечет на тебя проклятие. Заметь это, Хармиона, постигни нас неудача, на тебя падет проклятие людей и богов! Ради этого дела, — продолжал он с возрастающим гневом, и его звучный голос гремел в узкой комнате, — тебя воспитали, обучили всему, что нужно, и поместили к той порочной женщине, которой ты служишь и чье доверие ты должна заслужить. Не забывай этого, берегись, чтобы роскошь царского двора не загрязнила твоей чистоты и не отвлекла от цели, берегись, Хармиона!

Его глаза метали молнии, и небольшая фигура, казалось, выросла до величия.

— Хармиона, — продолжал он, подходя к ней с поднятым пальцем, — я знаю, что иногда не могу доверять тебе. Две ночи тому назад я спал, и мне снилось, что ты стоишь в пустыне, смеешься и протягиваешь руки к небу, а с неба падает кровавый дождь. Потом я видел, как небо упало на страну Кеми и покрыло ее. Откуда этот сон, девушка, и что он означает? Я ничего не имею против тебя, но выслушай! В тот момент, когда я узнаю, что ты изменила нам, то, хотя ты приходишь из моего рода, твои нежные члены, которые ты так любишь показывать, будут обречены на съедение коршунам и шакалам, а душа твоя — на страшные муки. Ты будешь валяться непогребенной и, проклятая всеми, сойдешь в Аменти! Помни это!

Он замолчал, страстный порыв его гнева смягчился; яснее, чем когда-либо, я видел, какое глубокое и честное сердце скрывалось под веселой и простой оболочкой моего дяди и как глубоко проникся он целью, к которой стремился. Девушка с ужасом отшатнулась от него и, закрыв свое прекрасное лицо руками, начала плакать.

— Не говори так, отец мой! — просила она, рыдая. — Что я сделала? Я не разгадчица снов, и ничего не понимаю в них. Разве я не исполняла все ваши желания? Разве когда-нибудь подумала нарушить клятву? — Она задрожала сильнее. — Разве я не играю роль шпиона и не передаю вам все? Разве я не заручилась доверием царицы, которая любит меня, как сестру, и не отказывает мне ни в чем? Разве мне не доверяют все ок-

ружающие царицу? Зачем же пугать меня всеми этими словами и угрозами?

Она горько заплакала, и эти слезы придали ей еще больше красоты.

— Ну, довольно,— отвечал дядя Сеп, — что я сказал, то сказал. Берегись и не оскверняй наших глаз видом этой одежды блудниц. Неужели ты думаешь, что мы будем любоваться твоими округленными руками, мы, думающие только о Египте, мы, посвященные египетским богам? Девушка, смотри, это твой двоюродный брат и твой царь!

Она перестала плакать и вытерла хитом глаза, сделавшиеся еще нежнее и прелестнее от пролитых слез.

— Я думаю, царственный Гармахис и возлюбленный брат,— сказала она, склонившись предо мной,— что мы уже знакомы!

— Да, сестра,— ответил я не без смущения, так как никогда не говорил с такой прекрасной девушкой,— ты была в колеснице Клеопатры, когда я боролся с нубийцем!

— Верно,— возразила она с улыбкой и внезапным блеском в глазах,— это был удачный бой, и ты ловко поборол черного негодяя. Я видела все и, хотя не знала тебя, но боялась за храбреца. Но я хорошо отплатила ему за свой страх — ведь это я внушила Клеопатре мысль приказать телохранителям отрубить ему руку. А если б я знала, кто боролся с ним, то посоветовала бы даже отрубить ему голову!

Она кинула мне быстрый взгляд и улыбнулась.

— Довольно,— прервал дядя Сеп, — время уходить. Излагай свое дело и уходи, Хармиона!

Ее манеры изменились, она сложила руки и заговорила:

— Пусть фараон выслушает свою верную слугу. Я дочь дяди фараона, брата его отца, давно умершего, и в моих жилах течет царственная кровь Египта. Я глубоко почитаю нашу древнюю веру, ненавижу греков и многие годы лелею мечту видеть тебя на троне отцов наших. Для этой цели я, Хармиона, забыла мое происхождение, сделалась служанкой Клеопатры, чтобы вырубить ступень, на которую может твердо вступить твоя нога, когда настанет время взойти на трон. Теперь, фараон, эта ступень сделана! Царственный брат, выслушай наш заговор! Ты должен иметь право доступа во дворец, изучить все его выходы и тайники, насколько возможно, подкупить и военачальников. Некоторых я уже склонила на свою сторону. Когда это будет сделано и все приготовлено, ты должен убить Клеопатру и с моей помощью во время смятения впустить в дворцовые двери верных людей из нашей партии, которые будут ждать, и изрубить людей, преданных царице. Через два дня после этого изменчивая Александрия будет у твоих ног. В это

время те, кто принес тебе присягу в Египте, вооружатся, и через 10 дней после смерти Клеопатры ты будешь фараоном. Вот план, составленный нами, царственный брат, и ты видишь, что, хотя дядя считает меня дурной, я хорошо знаю свою роль и хорошо играю ее!

— Я слышу тебя, сестра,— ответил я, удивляясь, что столь молодая женщина (ей было 20 лет) так смело составила опасный план.— Продолжай, как же я получу право входа во дворец Клеопатры?

— Это очень легко. Клеопатра любит красивых мужчин, а ты, прости меня,— красавец. Даже сегодня она два раза вспоминала о тебе, жалея, что не знает, где найти красивого астролога; она думает, что человек, победивший гладиатора без всякого оружия, действительно колдун и умеет читать будущее по звездам. Я ответила, что найду его. Слушай, царственный Гармахис, в полдень Клеопатра спит во внутреннем покое, который выходит окнами на сады в гавани. Завтра в этот час я встречу тебя у ворот дворца, приходи смело и спроси господина Хармиону. Я переговорю с Клеопатрой, чтобы ты мог видеть ее наедине, когда она проснется. Остальное в твоих руках, Гармахис. Она очень любит играть тайнами магии и, я знаю, простаивает целые ночи, наблюдая течение звезд и питая надежду читать по ним. Недавно она отослала прочь врача Диоскорида! Бедный глупец! Он осмелился предсказать ей по звездам, что Кассий победит Марка Антония: Клеопатра сейчас же послала приказание военачальнику Аллиену, чтобы он присоединил легионы, посланные в Сирию на помощь Антонию, к войску Кассия, победа которого, по словам Диоскорида, была написана на звездах. Но Антоний сначала разрубил Кассия, потом Брута. Тогда Клеопатра прогнала Диоскорида, и теперь он читает лекции о травах в музее ради куска хлеба, возненавидя даже название звезд. Его место свободно, ты займешь его. Мы будем работать втайне, под сенью скипетра, подобно червю, точащему сердце плода, пока не придет время сорвать его. От прикосновения твоего кинжала, царственный брат, разрушится в прах этот сфабрикованный греками трон, червь, подтачивающий этот трон, сбросит одежду раба, и перед лицом империи распустит свои царственные крылья над Египтом!

Я смотрел на странную девушку еще более удивленный и видел на ее лице такой свет, какого никогда не замечал в глазах женщины.

— А,— прервал мой дядя, внимательно следивший за ней,— я люблю видеть тебя такой, девушка! Это моя Хармиона, которую я знал, которую воспитал,— не та, наряженная в шелка и раздушенная придворная девица! Пусть твое сердце

закаменеет в этой форме! Запечатлей его горячей преданностью к твоей вере, и велика будет твоя награда! Теперь закрой плащом свое бесстыдное одеяние и уходи, ведь уже поздно. Завтра Гармахис придет, как ты говорила. Прощай!

Хармиона склонила голову и закуталась в свой теплый плащ, не говоря ни слова.

— Странная женщина!— сказал дядя Сеп, когда она ушла,— очень странная женщина, ей нельзя доверять!

— Может быть, дядя,— возразил я,— только ты был очень строг к ней!

— Не без причины, сын мой! Смотри, Гармахис, берегись Хармионы! Она слишком своенравна и, я боюсь, может уклониться от дела. По правде говоря, это настоящая женщина и, подобно коню, выбирает тот путь, который ей нравится. У ней много ума, много огня, она предана нашему делу, и я молю богов, чтоб ее желания не встретили противоречия себе, она всегда будет поступать по желанию сердца, чего бы ей ни стоило! Кроме того, я припугнул ее! Ведь кто знает, что она сделает, когда будет вне моей власти? Я говорю тебе, что в руках этой девушки вся наша жизнь. Что будет, если она ведет ложную игру? Увы! Жаль, что мы должны пользоваться ею как орудием. Может быть, это пустяки! Иначе ничего не поделаешь! Я, вероятно, сомневаюсь напрасно и молюсь богам, чтобы все было хорошо! Но временами я боюсь племянницы Хармионы: она слишком хороша, слишком горячая, молодая кровь течет в ее жилах. Горе тому, кто доверится женской преданности! Женщины преданы только тому, кого они любят, и эта любовь становится их верой! Они не так постоянны, как мужчины. Они сумеют возвыситься выше мужчины, но падут ниже его, они сильны и изменчивы, как море! Гармахис, берегись Хармионы! Как бурный океан, она унесет тебя на своих волнах и, как океан, погубит тебя, а с тобой погибнут все надежды Египта!

III

Приход Гармахиса во дворец.— Как он проводит Павла через ворота.— Клеопатра спит.— Магическое искусство, которое Гармахис показывает ей.

На следующий день я оделся в длинное развевающееся платье по обычаю магов или астрологов, надел на голову шапочку с вышитыми на ней изображениями звезд и заткнул за пояс дощечку писца и свиток папируса, исписанный мистическими знаками и письменами. В руке я держал посох из черного дерева с ручкой из слоновой кости, как у жрецов и магов. Между ними, разумеется, я был лучшим, изучив их тайны в

Анну, и это заменило мне недостаток опыта, который приобретается лишь упражнением.

Не без внутреннего стыда — я не люблю притворства и магии — я направился через Бруциум во дворец, руководимый дядей Сепом. Наконец, пройдя аллею сфинксов, мы подошли к большим мраморным воротам с створками из бронзы, за которыми находилось помещение для стражи. Тут дядя покинул меня, бормоча молитвы о моем спасении и успехах. Я приблизился к воротам с спокойным сердцем. Меня грубо остановил галльский часовой, спросив мое имя и занятие. Я назвал свое имя, добавив, что я астролог и имею дело к госпоже Хармионе, приближенной царицы. Часовой хотел уже пропустить меня, но ко мне вышел начальник телохранителей, римлянин по имени Павел, и загородил вход. Этот римлянин был толстый человек с женским лицом и трясущимися от пьянства руками. Он сейчас же узнал меня.

— А,— закричал он, на латинском языке обращаясь к другому человеку, пришедшему вместе с ним,— это тот молодец, который дрался вчера с нубийским гладиатором, с тем самым, что воеет о своей руке под моим окном. Проклятие этой черной скотине! Я держал ставку за него, против Кая, на играх! Теперь он не может более драться, и я потеряю свои деньги, все по милости этого астролога! Что ты говоришь? Дело к госпоже Хармионе! Нет, стой! Я не пушу тебя. Я обожаю госпожу Хармиону, все мы поклоняемся ей, хотя получаем от нее больше щелчков, чем улыбок. Ты воображаешь, что мы потерпим здесь астролога с такими глазами и таким станом и впустим тебя в игру? Клянусь Бахусом! Пусть она выходит сама и решит дело, иначе ты не пройдеши!

— Господин,— сказал я скромно и с достоинством,— я попрошу тебя послать вестника к Хармионе, так как мое дело не терпит отлагательства!

— О бог, он не может ждать!— возразил глупец.— Как же это? Переодетый цезарь? Уходи прочь, если не желаешь быть проколотым копьем!

— Зачем,— прервал его спутник,— ведь он астролог; пускай предскажет, пускай покажет свое искусство!

— Да, да,— закричали все остальные, подходя к нам,— пусть покажет свое искусство! Если он маг, то может пройти в ворота с Павлом или без него.

— Весьма охотно, добрые господа,— отвечал я, не видя других средств войти в ворота.— Желаешь ли ты, молодой и благородный господин,— я обратился к спутнику Павла,— чтобы я тебе взглянул в глаза? Быть может, я сумею прочесть, что в них написано!

— Хорошо,— отвечал молодой человек,— но я желал бы,

чтобы колдуньей была Хармиона: я постоянно смотрел бы в ее глаза!

Я взял его за руку и начал вглядываться в глубину его глаз.

— Я вижу,— сказал я,— поле битвы ночью, между трупами твое тело, терзаемое гиеной. Благороднейший господин, ты умрешь от удара мечом в нынешнем году!

— Клянусь Бахусом!— произнес юноша, побледнев и отвернувшись.— Ты — зловещий колдун!— И он ушел.

В скором времени предсказание мое исполнилось. Он был послан на Кипр и там убит.

— Теперь тебе, великий начальник,— сказал я, обращаясь к Павлу.— Я покажу тебе, как пройду в ворота без твоего позволения и протащу тебя за собой! Будь добр, смотри пристально на рукоятку этого посоха в моей руке.

Побуждаемый товарищами, Павел неохотно согласился.

Я заставил его смотреть, пока не заметил, что глаза его стали смыкаться, как глаза совы при солнечном свете. Тогда, отдернув посох, я заместил его своим лицом, напрягши всю свою волю, чтобы заставить его повиноваться. Повертывая голову, я повлек его за собой, лицо его было неподвижно и словно впилося в мое. Я двигался вперед, пока мы не прошли ворота, все таща его за собой, потом отвернул голову. Толстяк упал на землю и поднялся опять, потирая лоб, с глупым видом.

— Довольно ли для тебя, благородный начальник?— сказал я.— Ты видишь, мы прошли ворота! Не желает ли еще кто-нибудь из благородных друзей твоих, чтобы я показал мое искусство?

— Клянусь властителем грома и всеми богами Олимпа! Нет, о нет!— проворчая старый центурион, галл по имени Бренн.— Ты мне не нравишься! Человек, который мог силой глаз протащить нашего Павла в ворота,— с ним шутить нельзя. Павел, который никому не уступит дороги! Ты даже не спросил его и тащил позади себя, словно осла. Ну, молодец, видно, у тебя в одном глазу сидит женщина, а в другом — кубок вина, если ты провел Павла за собой!

Наш разговор был прерван Хармионой, которая спускалась по мраморной лестнице в сопровождении вооруженного раба. Она шла тихо и беззаботно, заложив руки за спину, не смотря ни на кого. Но когда Хармиона не смотрела ни на кого, она видела все и всех. Начальники и солдаты почтительно склонились перед ней: как я узнал потом, эта девушка, любимица Клеопатры, после царицы была всевластным существом во дворце.

— Что за шум, Бренн?— произнесла Хармиона, тихо обращаясь к центуриону и как бы не замечая меня.— Разве ты не знаешь, что царица почивает в эти часы, и, если ее разбудят,

кто будет отвечать за это? Кто дорого поплатится за этот шум?

— Вот в чем дело, госпожа,— смиренно отвечал центурион.— Здесь у нас колдун — и самый опасный,— прошу у него извинения — самого высшего сорта! Он подставил свои глаза к носу достопочтенного начальника Павла и протащил его в ворота за собой, тогда как Павел поклялся, что не пропустит его. Этот маг говорит, что у него есть дело до тебя, госпожа, и это очень озабочивает меня!

Хармиона обернулась и небрежно взглянула на меня.

— Ах, я припоминаю!— сказала она.— Ну, пусть царица посмотрит на его фокус! Но если он не умеет сделать ничего лучшего, как пройти в ворота мимо носа этого дурака,— она бросила гневный взгляд на Павла,— то он может уходить откуда пришел. Следуй за мной, господин маг, а тебе, Бренн, советую сдерживать шумливую толпу. Что касается тебя, почтенный Павел, иди, протрезвись и на будущее время пропускай тех, кто спрашивает меня у ворот!

Гордо кивнув своей маленькой головой, она повернулась и пошла. Я и вооруженный раб следовали за ней на некотором расстоянии.

Мы прошли мраморную дорожку, пересекающую сад, по обеим сторонам которой стояли мраморные статуи, большей частью богов и богинь: Лагиды не стыдились украшать ими свои дворцы. Наконец дошли до чудного портика, украшенного колоннами в греческом стиле, где нас встретила стража, сейчас же пропустившая Хармиону. Пройдя портик, мы достигли мраморного вестибюля, где тихо журчал фонтан, и через низенькую дверь вошли в другую, удивительно красивую комнату, называемую алебастровым залом. Ее потолок поддерживали легкие колонны из черного мрамора, стены были выложены алебастром с вырезанными на нем греческими легендами. Пол был из богатой цветной мозаики, с рисунками, изображавшими историю страсти Психеи к греческому богу любви. Повсюду стояли кресла из слоновой кости с золотом. Хармиона приказала рабу остаться у дверей комнаты, и мы пошли дальше одни. Комната была пуста, только два евнуха с обнаженными мечами стояли перед занавесью в самом дальнем ее конце.

— Мне очень досадно, господин мой,— сказала Хармиона очень тихо и быстро,— что ты натолкнулся на такие неприятности у ворот. Но это была вторая смена стражи, а я отдала приказание начальнику, который должен был сменить ее. Эти римские солдаты так наглы, они притворяются верными слугами, но отлично знают, что Египет в их руках. Но это к лучшему. Солдаты очень суеверны и будут бояться тебя. Подожди немного, я пойду в комнату Клеопатры, где она спит. Я только что

пела ей, когда она засыпала. Как только она проснется, я позову тебя, всдь она ждет тебя!

И Хармиона скользнула в дверь. Скоро она вернулась и сказала мне:

— Хочешь ли ты видеть прекраснейшую в мире женщину спящей? Следуй за мной. Не бойся! Когда она проснется, то засмеется; она приказала мне доставить тебя немедленно, будет ли она спать или нет. Вот ее значок.

Мы прошли прекрасную комнату, пока евнухи с мечами не загородили мне дорогу. Хармиона нахмурилась и, взяв с груди кольцо, показала его евнухам. Внимательно осмотрев кольцо, те склонились, опустив мечи, и мы, подняв тяжелый занавес, вышитый золотом, вошли в спальню Клеопатры. Комната была так роскошна, что превосходила всякое воображение. Цветной мрамор, золото, слоновая кость, драгоценные камни, цветы — словом, здесь было все, что может доставить роскошь, что могло удовлетворить самый избалованный вкус. Картины были так хороши и правдивы, что обманули бы птиц, готовых клевать нарисованные плоды.

Женская прелесть была увековечена здесь в дивных статуях. Здесь были тончайшие шелковые занавески, затканые золотом, ложе и ковры, каких я не видал никогда в жизни. Воздух был напоен ароматами, и через открытое окно доносился рокот моря. На конце комнаты, на ложе из серебристого шелка, едва прикрытая тончайшим газом, спала Клеопатра. Она лежала спокойно, прекраснейшая из женщин, которую когда-либо видел глаз мужчины, — прелестные мечты и грезы. Волны черных волос рассыпались вокруг нее. Одна белая, нежно округленная рука была закинута за голову, другая свесилась до полу. Ее пышные губы сложились в улыбку, показывая линию белых, как слоновая кость, зубов, розовое тело, одетое в платье из тончайшего шелка, было опоясано драгоценным поясом. Белая кожа просвечивала сквозь шелк. Я стоял совершенно пораженный этой дивной красотой, хотя мысли мои были направлены в другую сторону. Я совсем потерялся на минуту и глубоко опечалился в сердце, что должен убить такое чудное создание.

Повернув голову, я увидел Хармиону, которая наблюдала за мной своими зоркими глазами, как будто хотела прочесть в моем сердце.

И, вероятно, мои мысли были написаны на моем лице, так как она прошептала мне на ухо:

— Тебе жаль ее, не правда ли? Гармахис, ты мужчина, мне кажется, тебе понадобится много душевной силы, чтобы решиться на убийство!

Я нахмурился, но прежде чем успел ей ответить, она слег-

ка тронула меня за руку, указывая на царицу. С Клеопатрой произошла перемена: ее руки были сжаты, на лице ее, розовом от сна, было выражение страха. Ее дыхание ускорилося, она подняла вверх руки, словно отражая удар, потом с тихим стоном села на ложе и открыла свои большие глаза. Они были темны, как ночь, но когда свет закрался в них, стали синими и глубокими, как небо перед закатом солнца.

— Цезарион!— произнесла она.— Где мой сын Цезарион? Разве это был сон? Я видела Юлия, Юлия Цезаря, который умер,— он пришел ко мне с лицом, закрытым окровавленной тогой, и, схватив мое дитя, унес его с собой. Мне снилось, что я умираю в крови, в агонии, и кто-то, кого я не могла увидеть, насмеялся надо мной! А кто этот человек?

— Успокойся, госпожа! Успокойся!— сказала Хармиона.— Это маг Гармахис, которого ты велела призвать!

— А, маг! Гармахис, победивший гладиатора! Я припоминаю теперь. Добро пожаловать! Скажи мне, господин маг, может ли твоя магия объяснить мне этот сон? Какая странная вещь — сон, окутывающий ум покровом мрака и подчиняющий его себе! Откуда эти образы страха, восстающие на горизонте души подобно месяцу на полуденном небе? Кто дал им власть вызывать воспоминания, смешивать настоящее с прошедшим? Разве это вестники грядущего? Сам цезарь, говорю тебе, стоял передо мной и бормотал мне сквозь свое окровавленное платье какие-то предостережения, которые ускользнули из моей памяти. Расскажи мне это, ты, египетский сфинкс*, и я укажу тебе блестящий путь к счастью лучше, чем могут предсказать звезды. Ты принес предзнаменование, реши же и задачу.

— Я пришел в добрый час, могущественная царица,— ответил я,— я обладаю искусством разгадывать тайны сна. Сон — это ступень, которая ведет в ворота вечности, по которой соединившиеся с Озирисом души, от времени до времени, подходят к воротам земной жизни, словами и знаками повторяя отдаленное эхо той обители света и правды, где они находятся. Сон — это ступень, по которой нисходят боги-покровители в разных образах к избранным ими душам! О царица! Тому, кто держит в своей руке ключ к тайне, безумие наших снов показывает яснее и говорит определеннее, чем вся мудрость нашей жизни, которая есть поистине — сон! Ты говоришь, что видела великого цезаря в окровавленном платье, он взял на руки Цезариона, твоего сына, и унес его. Слушай, я объясню тебе тайну этого сна. Сам цезарь пришел к тебе из мрачного

* Намек на его имя. Гармахисом греки называли божество сфинкса, как египтяне называли его Хоремку.

Аменти. Обняв сына, он как бы указал тебе, что к нему перейдет его собственное величие и его любовь. Он унес его, следовательно, унес из Египта, чтобы короновать в Капитолии, короновать императором Рима и царем всей страны. Что значит остальное, я не знаю, это скрыто от меня!

Так объяснил я Клеопатре ее сон, хотя сам думал иначе, но царям не годится предсказывать недоброе.

В это время Клеопатра встала и, откинув газ, села на край ложа, устремив на меня свои глубокие глаза, пока ее пальцы играли концами драгоценного пояса.

— По правде,— вскричала она,— ты лучший из магов, так как читаешь в моем сердце и умеешь найти скрытую сладость в самом зловещем предзнаменовании!

— О царица!— сказала Хармиона, стоявшая с опущенными глазами, и мне послышалась горькая нота в ее нежном голосе.— Пусть грубые слова никогда не коснутся твоих ушей и дурное предсказание не омрачит твоего счастья!

Клеопатра заложила свои руки за голову и, откинувшись назад, посмотрела на меня полузакрытыми глазами.

— Ну, покажи нам твою магию, египтянин,— сказала она,— я так устала от всех этих еврейских послов и их разговоров об Ироде и Иерусалиме. Я презираю Ирода и не выйду к послам сегодня, хотя хотела бы попробовать поговорить с ними по-еврейски. Что можешь ты показать? Есть ли у тебя что новое? Клянусь Сераписом! Если ты заклинаешь так же хорошо, как предсказываешь, то получишь прекрасное место при дворце, с хорошим жалованием и доходами, если твой возвышенный дух не гнушается их!

— Все фокусы стары,— сказал я,— но есть форма магии, очень редко употребляемая, быть может, ты не знаешь ее, царица? Не боишься ли ты чар?

— Я ничего не боюсь. Начинай и показывай нам самое страшное! Ну, иди Хармиона, сядь подле меня. Где же девушки? Где Ира и Мерира? Они тоже любят магию!

— Нет, нет,— сказал я,— чары плохо действуют, когда много зрителей! Теперь смотри!

Я бросил мой посох на мраморный пол, шепча заклинание. С минуту он лежал неподвижно, потом начал извиваться тихо, потом скорее.

Он извивался, становился на конец, двигался, наконец разделился на две части, превратившись в змею, которая ползла и шипела.

— Стыдись!— вскричала Клеопатра, всплескивая руками.— Это ты называешь магией? Это — старый фокус, который доступен всякому заклинателю. Я видала его не раз!

— Подожди, царица,— ответил я,— ты не все видала!

Пока я говорил, змея разломилась, казалось, на кусочки, и из каждого куска выросла новая змея. Эти змеи, в свою очередь, разломидьсь и произвели новых змей, пока вся комната не наполнилась целым морем змей, ползающих, шипящих и свивающихся в узлы. По моему знаку змеи собрались вокруг меня и, казалось, медленно начали обвиваться вокруг моего тела, пока, кроме лица, я не был весь обвит и увешан шипящими змеями.

— Ужасно! Ужасно!— вскричала Хармиона, закрывая себе лицо платьем царицы.

— Довольно, довольно, магик!— сказала царица.— Новая магия пугает нас!

Я взмахнул руками. Все исчезло... Лишь у моих ног лежал мой черных посох с ручкой из слоновой кости.

Обе женщины смотрели друг на друга и удивленно шептались. Я взял посох и стоял перед ними, сложив руки.

— Довольна ли царица моим бедным искусством?— спросил я смиренно.

— Довольна, египтянин, я никогда не видала ничего подобного! С этого дня ты мой придворный астролог с правом доступа в покои царицы! Нет ли у тебя еще чего-нибудь из этой магии?

— Да, царица Египта! Прикажи сделать комнату темнее, я покажу тебе кое-что!

— Я уже наполовину испугана,— отвечала она,— сделай, что велит Гармахис, слышишь, Хармиона!

Опустили занавесы, и в комнате стало темно, как будто наступили сумерки. Я вышел вперед и встал около Клеопатры.

— Смотри сюда!— сказал я сурово, указывая моим посохом на пустое место около себя,— ты увидишь, что у тебя на уме!

Воцарилась тишина, обе женщины испуганно и пристально смотрели в пустое пространство. Вдруг словно облако спустилось перед ними. Медленно, мало-помалу оно приняло вид и форму человека, который смутно рисовался в полумраке и, казалось, то увеличивался, то таял.

Я крикнул громким голосом: «Тень, заклинаю тебя, явись!»

Когда я крикнул это, нечто появилось перед нами, наполнив пространство, как при дневном свете. То был царственный Цезарь с лицом, закрытым тогой, с одеждой, окровавленной от сотни ран. Он стоял перед нами целую минуту, я махнул жезлом. Все исчезло.

Обернувшись к женщинам, сидевшим на ложе, я увидел, что прекрасное лицо Клеопатры изображало ужас. Ее губы побелели, как мел, глаза широко раскрылись, и все тело дрожало.

— Человек, — прошептала она, — кто ты, что можешь вызвать мертвеца сюда?

— Я — астролог, царица, магик, слуга согласно ее воле, — отвечал я смеясь. — Об этой ли тени ты думала, царица?

Она ничего не ответила, встала и вышла из комнаты через другую дверь.

Хармиона также встала, отняла руки от лица и казалась сильно испуганной.

— Как можешь ты это делать, царственный Гармахис? — спросила она. — Скажи мне по правде, я боюсь тебя!

— Не бойся, — отвечал я, — может быть, ты вовсе ничего не видела или видела то, что было у меня на уме, что я хотел, чтобы ты видела! Тень ложится от каждого предмета. Как можешь ты узнать природу вещей, различить то, что ты видишь, или что тебе кажется, ты видишь! Но как идут дела? Помни, Хармиона, наша игра идет к концу.

— Все идет хорошо! — ответила она. — Завтра толки о твоём искусстве распространятся повсюду, и тебя будут бояться так, как никого во всей Александрии! Следуй за мной, прошу тебя!

IV

Странности Хармионы. — Гармахиса венчают царем любви.

На следующий день я получил письмо о назначении меня на должность астролога и главного мага царицы с большим жалованьем и доходами. Мне отвели помещение во дворце. Ночью я мог выходить на высокую башню, наблюдать звезды и читать по ним.

Клеопатра была сильно встревожена политическими делами; не зная, чем окончится борьба римских партий и сильно желая быть на стороне сильнейшей из них, она постоянно совещалась со мной о предостережениях звезд. Я объяснял ей язык звезд, так как это мне нужно было для достижения моих высоких целей. Антоний, один из римских триумвиров, находился в Малой Азии и, шли слухи, страшно гневался, так как ему сказали, что Клеопатра относилась враждебно к триумвиату и ее полководец Серапион помогал Кассию. Но Клеопатра громко протестовала против этого, уверяя меня и других, что Серапион действовал против ее желания; Хармиона сказала мне, что благодаря предсказанию Диоскорида царица втайне приказала Серапиону помочь Кассию. Чтобы доказать Антонию свою невиновность, Клеопатра отозвала полководца и приказала его убить. Горе тем, кто исполняет волю тиранов, если дело обернется в дурную сторону! Серапион погиб!

В это время наши дела шли успешно; ум Клеопатры и ее

окружающих был направлен на внешние дела, так что она и не помышляла о возмущении внутри своего дворца. День ото дня наша партия становилась сильнее в городах Египта и даже в Александрии, которая совершенно чужда Египту, переполненная чужеземцами. Те, кто сомневался во мне, принимали присягу и давали клятву, которая не могла быть нарушена. Наш план действий становился все увереннее. Каждый день я уходил из дворца совещаться с моим дядей Сепа и в его доме встретил благородных мужей и великих жрецов, стоявших за партию Кеми.

Я часто видел и Клеопатру, царицу, и все больше удивлялся богатству и блеску ее ума, который своей изменчивостью и красотой походил на золотую ткань, пропускающую лучи света, на ее изменчивое прелестное лицо. Она немножко боялась меня и хотела сделать из меня друга, часто спрашивая меня о многих вещах, и советовалась со мной, заставляла высказывать больше, чем я был обязан моей должностью.

Я также часто видел госпожу Хармиону — она постоянно находилась около меня, и я не замечал, когда она приходила и уходила. Я не слышал ее тихих шагов, но стоило мне обернуться, как я находил ее подле себя. Она постоянно следила за мной из-под своих длинных опущенных ресниц. Не было услуги, которую она нашла бы тяжелой; днем и ночью она работала для меня, для нашего дела. Когда я поблагодарил ее за старание и сказал, что я в будущем не забуду о ней, она топнула ногой, надула губы, как капризное дитя, и сказала, что я многое знаю, многому выучился, но не знаю простой вещи, что услуга любви не требует награды, и награда заключается в самой любви. Я мало понимал в этих вещах, был глуп, полагая, что поступки женщин не заслуживают внимания, и истолковал слова Хармионы в том смысле, что ее услуги делу Кеми, которое она любит, сами по себе дают ей награду. Когда я похвалил ее за любовь к Кеми, она расплакалась сердитыми слезами и ушла, оставив меня в удивлении. Я ничего не знал о том, что происходило в ее сердце, не подозревал, что эта женщина отдала мне свою любовь и терзалась всеми муками страсти, впившейся, подобно стреле, в ее сердце. А я ничего не знал, да и как мог знать это, если никогда не смотрел на нее иначе, как на орудие нашего святого дела? Ее красота никогда не производила на меня никакого впечатления, даже тогда, когда она прижималась ко мне и ее дыхание касалось меня, я никогда не смотрел на нее иначе, как на прекрасную статую. На что мне нужна была ее любовь — мне, поклявшемуся Изиде, посвятившему свою жизнь Египту? О боги, засвидетельствуйте мою невиновность в том, что явилось источником несчастья моего и всей страны Кеми!

Время шло; наконец все было готово. Наступила ночь накануне той ночи, когда должна была разразиться гроза. Во дворце назначен был пир. В этот самый день я видел дядю Сепу и с ним начальников отряда в пятьсот человек, которые должны были ворваться во дворец на следующий день в полночь, когда я убью Клеопатру, чтобы изрубить римских и галльских легионеров. В этот день я окончательно подчинил себе военачальника Павла, который с тех пор, как я протащил его в ворота, был рабом моей воли. Наполовину страхом, наполовину обещанием крупной награды я добился своего. Он должен был ночью по сигналу отворить малые ворота, выходящие на восток. Все было готово. Цветок свободы, двадцать пять лет тому назад загложший, начинал пускать пышные ростки. Вооруженные люди собрались в городах, их шпионы торчали на городских стенах, ожидая посла с известием, что Клеопатры нет и Гармахис, царственный египтянин, овладел троном. Все приготовлено, победа была в моих руках, как сорванный, зрелый плод в руках человека, стремившегося сорвать его.

Я сидел на царском пиру, а на сердце у меня лежала тяжесть, и тень грядущего несчастья леденила мой мозг. Я сидел на почетном месте около царственной Клеопатры и смотрел на гостей, разукрашенных цветами и драгоценными камнями, отмечая мысленно тех, кого я осудил на смерть. Передо мной возлежала Клеопатра во всей своей царственной красоте, которая пронизывала смотревших на нее, подобно полному ветру, и поражала, как картина величественной бури. Я смотрел, как она обмакивала свои губы в вино и играла венком роз на голове, и думал о кинжале, спрятанном у меня под платьем, который я поклялся вонзить в ее грудь. Вновь смотрел на нее, страстно желал возненавидеть ее и не мог.

Позади царицы, наблюдая за мной, как всегда, своими загадочными, опущенными глазами, сидела красивая Хармиона. Кто мог бы думать, смотря на ее прелестное, невинное лицо, что она расставила западню, в которой должна была погибнуть царица, любившая ее, как сестру? Кто мог думать, что тайна смерти многих людей таилась в ее девичьей груди? Я смотрел и скорбел, что должен запятнать кровью свой трон и зло, сделанное стране, искупить злом. В эту минуту я желал быть скромным хлебопашцем, который в свое время засекает и собирает золотистое зерно! Увы! Мне суждено было посеять семя смерти и снять готовый плод!

— Что с тобой, Гармахис?— сказала Клеопатра с ленивой улыбкой.— Не запутался ли золотой моток звезд? О, милый астроном! Или ты придумываешь что-нибудь новое из твоей магии? Отчего, скажи, ты уделяешь так мало внимания нашему скромному пиру? Если б я не знала, что такие низкие

существа, как мы, бедные женщины, не заслуживают даже твоего взгляда, я поклялась бы, что Эрот нашел дорогу к твоему сердцу!

— Нет, я застрахован от этого, царица,— отвечал я.— Служитель звезд не замечает слабого блеска женских глаз, и в этом — его счастье!

Клеопатра придвинулась ко мне и взглянула мне в лицо долгим и вызывающим взглядом, так что, помимо воли, кровь бросилась мне в голову.

— Не хвастайся, гордый египтянин,— сказала она так тихо, что кроме меня и Хармионы никто не слышал ее слов,— или ты заставишь меня испытать на тебе магическое действие моих глаз! Может ли женщина простить, чтобы на нее смотрели, как на ничтожную вещь? Это оскорбление нашему полу, и сама природа не потерпит этого!

Она откинулась назад, засмеявшись музыкальным смехом. Я заметил, что Хармиона нахмурилась и закусила губу.

— Прости, царица Египта,— возразил я холодно и насколько мог спокойно,— перед царицей неба бледнеют самые звезды!

Я сказал это о луне — знаке священной матери Изиды, с которой Клеопатра дерзала соперничать, называя себя Изидой, сошедшей на землю.

— Прекрасно сказано!— ответила царица, захлопав своими белыми руками.— Вот каков мой астролог! Он умеет говорить любезности! Чтобы это чудо не прошло незамеченным, чтобы боги не разгневались на нас, Хармиона, сними этот венок из роз с моих волос и надень его на ученое чело нашего Гармахиса! Хочет он или не хочет, а мы должны венчать его царем любви!

Хармиона сняла венок с головы Клеопатры и, подойдя ко мне, с улыбкой надела его мне на голову, еще теплый и душистый от волос царицы. Она сделала это так неловко, что мне было больно: очевидно, она была раздражена, хотя улыбалась.

— Предзнаменование, царственный Гармахис!— шепнула она мне.

Хармиона была слишком женщина, и даже когда сердилась и ревновала, походила на капризное дитя.

Надев венок, она присела низко передо мной и насмешливо, самым нежным тоном на греческом языке сказала мне:

— Гармахис, царь любви!

Клеопатра засмеялась и выпила за «царя любви», выпили и прочие гости, находя шутку удачной и веселой; в Александрии не любят тех, кто живет строго и отворачивается от женщины.

Я сидел с улыбкой на губах, с мрачным гневом в сердце.

Зная, кто я и что я, я раздражался при мысли о том, что служу игрушкой для развращенной знати и легкомысленных красавиц двора Клеопатры. Я сердился на Хармиону за то, что она смеялась громче других, не зная еще тогда, что смех и горечь часто прикрывают слабость сердца, которую оно стремится скрыть от всех... «Предзнаменование,— сказала Хармиона,— этот венок из цветов!» И предзнаменование оправдалось. Мне суждено было променять двойную корону Верхнего и Нижнего Египта на венок из цветов страсти, увядших скоро после расцвета, и скипетр фараона — на пышную грудь вероломной женщины.

Царем любви! Шутя, они венчали меня царем любви! Я — царь стыда и позора!

С благоухающими розами на голове — по происхождению и назначению фараон Египта — я сидел и думал о нетленных обителях Абуфиса и о том венчании, которое должно совершиться завтра. Я смеялся, пел им в ответ и шутил. Наконец встал, склонился перед Клеопатрой и просил отпустить меня.

— Венера восходит,— сказал я, намекая на планету, которую мы утром называем Донау, а вечером Бону.— Как новокоронованный царь любви, я должен поклониться моей царице!

Я не знал еще, что эти варвары называют Венеру — царицей любви.

Под шум смеха я ушел на свою башню и, сняв постыдный венок, бросил его между инструментами моей науки, претендующей на познание течения светил. Углубившись в размышления, я ждал Хармиону, которая должна была пройти со списком осужденных на смерть и с вестями от дяди Сепы, которого она видела в этот вечер.

Наконец дверь тихо отворилась, и она вошла, сияя драгоценными камнями, в белом платье, как была на балу.

V

*Приход Клеопатры в комнату Гармахиса.—
Платок Хармионы.— Язык звезд.— Клеопатра дарит
свою дружбу своему слуге Гармахису.*

— Наконец ты пришла, Хармиона,— сказал я.— Уже очень поздно теперь!

— Да, господин мой! Не было возможности уйти от Клеопатры. Она сегодня странно настроена. Не знаю, что это значит! Станные причуды и капризы постоянно меняются у ней, подобно свету, причудливо играющему в волнах моря; я не понимаю, чего она хочет!

— Хорошо, хорошо! Будет о Клеопатре! Видела ты дядю?

— Да, царственный Гармахис!
— Принесла ты последние списки?
— Да, вот список тех, которые должны последовать за царицей!

Между ними помечен и старый галл Бренн. Мне жаль его, мы с ним друзья! Грустный список!

— Хорошо,— ответил я, просматривая список,— когда человек сводит свои счета, он не забывает ничего, наши счета стары и длинны! Что должно быть, пусть будет! Теперь перейдем к следующему!

— Здесь список тех, кого надо щадить из дружбы или равнодушия, а вот здесь записаны города, которые готовы к восстанию, как только гонец известит их о смерти Клеопатры.

— Хорошо, а теперь,— я запнулся,— а теперь о смерти Клеопатры! Какой род смерти ты выбрала? Должен ли я убить ее собственной рукой?

— Да, господин,— ответила она, и я заметил ноту горечи в ее голосе,— фараон должен быть доволен, что его рука освободит страну от ложной царицы и развратницы и одним ударом разобьет рабские цепи Египта!

— Не говори этого, девушка,— сказал я,— ты знаешь хорошо, что я не могу радоваться; только горькая необходимость и мой обет вынуждает меня на это. Разве ее нельзя отравить? Разве нельзя подкупить одного из евнухов, чтобы он убил ее? Душа моя отворачивается от кровавого дела! Поистине, я удивляюсь, как ни ужасны ее преступления, что ты можешь так легко говорить о смерти ее, об измене той, которая так любит тебя!

— Наверное, фараон искушает меня, забывая о величии минуты! Все зависит от твоего кинжала, который прервет нить жизни Клеопатры! Слушай, Гармахис! Ты должен убить ее, ты один! Я сделала бы это сама, если бы мои руки были сильны, но они слабы! Царицу нельзя отравить, так как все, к чему она прикасается губами, каждый кусок, который она проглатывает, тщательно пробуется тремя служителями, которых нельзя подкупить. Да и евнухи преданы ей. Двое из них, правда, поклялись нам в верности, но к третьему не подступишься. Его следует убить после. Завтра, за три часа до полуночи, ты должен узнать ответ богов об окончательном исходе войны. Затем по моему знаку ты войдешь со мной одной в переднюю комнату помещения царицы. Корабль, на котором посланы будут приказания легионам, отплывет на рассвете из Александрии. Оставшись один с Клеопатрой, так как она хочет держать все это в тайне, ты скажешь ей о предсказании звезд. Когда она будет читать папирус, ты вонзишь ей кинжал в затылок. Но берегись, чтобы твоя воля и твоя рука не ослабели!

Покончив с царицей,— и, право, это будет не трудно,— ты возьмешь ее значок и выйдешь туда, где стоит евнух,— других не будет. Если бы случилось так, что евнух выкажет беспокойство,— но этого не будет, он не осмелится войти в комнату царицы, а звук убийства не долетит до него,— ты можешь убить его! Я встречу тебя, мы пойдем к Павлу. Это уже мое дело — позаботиться, чтобы он не был упрям, и я умею держать его в повиновении. Он и его солдаты отворят нам ворота, когда Септа и пятьсот человек избранных людей, которые будут ждать, ворвутся во дворец и перебьют спящих легионеров. Все это легко устроится, если ты будешь верен себе и не позволишь страху заползти в твое сердце! Что такое один удар кинжала? Ничего, а от него зависит судьба Египта и всего мира!

— Тише,— остановил я ее,— ш-ш! Что это такое? Я слышу шаги!

Хармиона побежала к двери и, взглянув в длинный темный коридор, прислушалась. Потом сейчас же вернулась, приложив палец к губам.

— Это царица,— прошептала она торопливо,— царица, которая идет по лестнице одна. Я слышала, что она отпустила Иру. Я не могу встретиться с ней здесь в этот час, это покажется ей странным, она может заподозрить. Что ей нужно здесь? Куда мне скрыться?

Я оглянулся вокруг. На крайнем конце комнаты находилась тяжелая занавеска, за которой в нише, вырубленной в стене, я хранил свои свитки и инструменты.

— Спеша скорее туда!— сказал я ей, и Хармиона скользнула за занавеску, задернув ее за собой.

Я сунул роковой список под платье и наклонился над мистической хартией. Теперь мне был уже слышен шелест женской одежды. Раздался тихий стук в дверь.

— Войди, кто бы ты ни был!— сказал я.

Занавес откинулся, и вошла Клеопатра в царственном одеянии, с распущенными черными волосами и священной, царственной змеей на челе.

— Поистине, Гармахис,— сказала она мне со вздохом, опускаясь в кресло,— путь к небу труден. Я устала, взбираясь по лестнице. Но мне хотелось посмотреть на тебя, мой астролог, в твоём углу!

— Высоко чту эту честь, царица!— ответил я, низко склонившись перед ней.

— Ну, как ты теперь? Твое смуглое лицо смотрит сердитым — ты слишком молод и красив для такого скучного дела, Гармахис! Как! Я вижу, ты бросил мой розовый венок между ржавыми инструментами? Цари сберегли бы этот венок и украсили бы им свои любимые диадемы, Гармахис! А ты бросил

его, как негодную вещь! Что ты за человек! Подожди! Что это такое? Женский платок, клянусь Изидой! Ну, Гармахис, как же он попал сюда? Разве наши бедные платочки служат инструментами твоего высокого искусства? О, Гармахис! Неужели я поймала тебя? Неужели ты в самом деле такая лиса?

— Нет, нет, царица Египта!— вскричал я, отвернувшись: этот платок нечаянно упал с шеи Хармионы.— Поистине, я не знаю, как эта тряпка попала сюда! Быть может, его уронила одна из женщин, убравших комнату!

— Да, да, это так!— ответила она насмешливо и засмеялась журчащим, как ручей, смехом.— Ну, разумеется, невольница, убирая комнату, уронила эту вещь — платок из тончайшего шелка, дороже золота, вышитый шелками! Я сама не постыдилась бы такого платка! По правде, он мне кажется знаком!

Она надела платок себе на шею и завязала концы его своими белыми руками.

— Несомненно, в твоих глазах это — святотатство, что платок твоей возлюбленной покоится на моей жалкой груди! Возьми его, Гармахис, возьми его и спрячь на груди, поближе к сердцу!

Я взял проклятую тряпку, бормоча что-то, вышел на высокую площадку, где я наблюдал звезды, смял ее в комок и бросил на волю ветра.

Прекрасная царица захохотала.

— Подумай,— вскричала она,— что сказала бы твоя возлюбленная, если бы видела, что ты бросил прекрасный платок, залог ее любви, на волю ветров? Быть может, ты то же делаешь и с моим венком? Смотри, розы увяли! Брось его!

Она взяла венок и подала его мне. На минуту я был так раздражен, что хотел бросить венок вслед за платком, но одумался.

— Нет,— сказал я мягче,— это дар царицы, я сберегу его!

В это мгновение занавеска, где была спрятана Хармиона, зашевелилась. Часто после этой ночи я жалел, что произнес эти простые слова.

— Приношу благодарность «царю любви» за эту маленькую милость!— ответила Клеопатра, странно посмотрев на меня.— Довольно об этом! Пойдем на площадку — Расскажи мне тайны звезд. Я всегда любила звезды! Они чисты, ярки и холодны, и так далеки от нашей суеты. Я желала бы жить там, на мрачном лоне ночи, забыть о себе и вечно смотреть в лицо пространству, озаренному сиянием звездных глаз! Кто может сказать, Гармахис, быть может, эти звезды составляют часть нашего существования, соединены с нами невидимой целью и влекут за собой нашу судьбу? Помнишь греческую легенду о

том, кто сделался звездой? Может быть, это правда, и эти маленькие звездочки — души людей, которые горят ярким светом в счастливой обители неба и освещают вечную суету матери-земли. Или же это — маленькие лампы, висящие на небесном своде! Когда наступит ночь, какое-то божество, несущее мрак на своих крыльях, зажигает их бессмертным огнем, и они горят и светятся тихим светом! Научи меня этой мудрости, открой мне эти чудеса, служитель мой, потому что я невежественна. Сердце мое хочет объять это, я хотела бы все знать, мне нужен учитель!

Твердая почва была у меня под ногами, я обрадовался и удивляясь, что Клеопатра занята столь высокими мыслями, заговорил и охотно объяснил ей все, что мог. Я сказал ей, что небо — это жидкая масса, облегающая землю, поддерживаемая эластическими столбами воздуха, что сверху находится безграничный небесный океан Нот, и планеты плавают по этому океану, подобно кораблям, оставляющим за собой искристый путь. Я рассказывал ей многое, между прочим о планете Венера, называемой Донау, когда она сияет вечерней звездой, и Бону, когда она меркнет в предутренней мгле. Пока я стоял и говорил, смотря на звезды, она сидела, обняв руками колени и смотрела мне в лицо.

— А,— сказала она наконец,— так это Венера видна на утреннем и вечернем небе! Хорошо! Она повсюду, хотя предпочитает ночь. Но ты не любишь, когда я называю эти латинские имена. Давай говорить на древнем языке Кеми, который я хорошо знаю. Я первая, заметь это, из всех Лагидов научилась ему. А теперь,— заговорила она на моем языке с легким акцентом, придававшим ему еще более прелести,— довольно о звездах: они изменчивы и, быть может, пророчат горе тебе, или мне, или обоим вместе! Я люблю слушать, когда ты говоришь о них; ведь мрачное облако исчезает с твоего лица, оно делается спокойным и оживленным. Гармахис, ты слишком молод для такого торжественного дела. Быть может, я найду для тебя что-либо лучшее. Молодость бывает однажды. Зачем тратить ее на скучные вещи? Будем думать о них, когда больше нечего будет делать. Скажи мне, сколько тебе лет, Гармахис?

— Мне 26 лет, царица!— отвечал я.— Я родился в первом месяце Сому, летом, в третий день месяца!

— Как! Значит, мы ровесники, день в день!— вскричала она.— Ведь мне тоже 26 лет, и я родилась на третий день первого месяца Сому. Хорошо, но мы можем сказать смело: родившие нас не будут стыдиться! Если я, может быть, красивейшая женщина в Египте, Гармахис, то во всем Египте нет мужчины красивее, сильнее и учнее тебя! Мы родились в один день, не означает ли это, что нам назначено идти об руку?

Мне как царице, тебе, Гармахис, как одному из главных столпов моего трона! Мы должны вместе работать на счастье друг другу!

— Может быть, и на погибель!— отвечал я, смотря вверх.

Ее нежные слова стояли в моих ушах и вызвали краску на мое лицо.

— Не говори о гибели никогда! Садись подле меня, Гармахис, и поговорим не как царица с подданным, а как простые друзья. Ты рассердился на меня на пиру за то, что я посмеялась над тобой! Но это была шутка. Знаешь ли, как тяжела задача монархов, как утомительно и скучно проходят их дни и часы! Ты не стал бы сердиться, если бы знал, что я разогнала свою тоску простой шуткой! Как надоели мне все князья, сановники, надутые римляне! В моих покоях они притворяются верными рабами, а за моей спиной насмеваются надо мной, уверяя, что я служу их Триумвирату, или Империи, или Республике, смотря по тому, как повернется Фортуна. Нет ни одного между ними — глупцами, паразитами, куклами,— ни одного настоящего человека с тех пор, как подлый кинжал убил великого Цезаря, который сумел бы справиться с целым миром! А я должна притворяться, льстить им, чтобы спасти Египет от их когтей. И что мне в награду? Какая награда? Все говорят дурно обо мне, подданные ненавидят меня. Я думаю, хотя я женщина, они убили бы меня, если бы нашли средства!

Она умолкла и закрыла глаза рукой, что было кстати, так как ее слова больно укололи меня и я вздрогнул всем телом.

— Они думают дурно обо мне, я знаю, называют меня развратной, когда я любила только одного, величайшего из людей; любовь коснулась моего сердца и зажгла в нем священное пламя. Александрийские сплетники клянутся, что я отравила Птоломея, моего брата, которого Римский сенат хотел сделать против природы моим мужем — мужем родной сестры! Все это ложь! Он заболел и умер от лихорадки. Говорят, что я хочу убить Арсиною, мою сестру,— она действительно замышляла убить меня,— и это ложь! Она не хочет знать меня, но я люблю мою сестру. Все думают обо мне дурно без причины, даже ты, Гармахис, считаешь меня злой и дурной! О, Гармахис, прежде чем осуждать, вспомни, какая ужасная вещь — зависть! Это — болезнь ума, которая злыми, завистливыми глазами смотрит на все, извращает все, видит зло на лице добра и находит нечистыми мысли в самой чистой девственной душе! Подумай об этом, Гармахис! Как тяжело, размысли, стоять на высоте, над толпой рабов, которые ненавидят тебя за счастье и за ум, скрежещут зубами и мечут стрелы злобы из своей темной ямы, откуда им, бескрылым, не взлететь наверх, и жаждают низвести благородство на степень пошлости и глупости.

Не торопись осуждать великих людей, чье слово и каждое деяние рассматривается тысячами завистливых глаз, а малейшие недостатки которых громко выкрикиваются тысячами голосов, пока мир не наполнится отзвуками их греха! Не спеши сказать: «Это так, верно!» Лучше скажи: «Быть может, это верно!», «Верно ли я слышал? Не поступали ли они против своей воли?» Суди справедливо, Гармахис, как ты хотел бы сам быть судимым! Вспомни, что царица никогда не бывает свободна. Она поистине только орудие тех политических сил, которыми гравятся железные книги истории! О Гармахис! Будь моим другом, другом и советником! Другом, которому я могу довериться! Ведь здесь, во дворце, я более одинока, чем всякая другая душа в его коридорах. Тебе я доверяю. Правда и верность написаны в твоих спокойных глазах, и я хочу возвеличить тебя, Гармахис! Я не могу дальше выносить моего душевного одиночества, а должна найти кого-нибудь, с кем могу говорить, посоветоваться и высказать, что у меня на сердце! Я знаю, у меня есть недостатки, но я не так дурна, чтобы не заслуживала верности, есть и доброе во мне среди моих недостатков. Скажи, Гармахис, хочешь ли ты сжаться надо мной, над моим одиночеством, быть моим другом? У меня были любовники, ухаживали рабы, подданные больше чем нужно, но никогда не было ни одного друга!

Она наклонилась ко мне, слегка тронув меня за руку, и посмотрела на меня своими удивительными синими глазами. Я был поражен и подавлен. Когда я подумал о завтрашней ночи, стыд и печаль овладели мной. Я — ее друг! Я, убийца, с спрятанным кинжалом на груди! Я склонил голову, и тяжелый стон вырвался из моего страдающего сердца!

Клеопатра подумала, что я был удивлен ее неожиданной милостью, кротко улыбнулась и сказала:

— Уже поздно. Завтра ночью ты принесешь мне ответ богов, и мы побеседуем! О друг мой, Гармахис, тогда ты дашь мне ответ!

Она протянула мне руку для поцелуя.

Бессознательно я поцеловал ее руку, и она ушла, а я стоял, словно очарованный, смотря ей вслед.

VI

*Ревность Хармионы.— Смех Гармахиса.—
Приготовление к кровавому убийству.— Старая Атуа.*

Долго я стоял, погруженный в задумчивость, потом случайно взял венок из роз и посмотрел на него. Как долго я так

стоял, не знаю, но когда поднял глаза, увидел Хармиону, о которой, правда, совершенно позабыл.

Как ни мало я думал о ней в эту минуту, но все-таки успел заметить, что она была взволнована, рассержена и гневно колотила ногой о пол.

— Это ты, Хармиона?— сказал я.— Что с тобой? Ты, наверное, устала стоять так долго в углу за занавеской? Почему ты не ушла, когда Клеопатра увела меня на площадку богини?

— Где мой платок?— спросила она, бросая на меня сердитый взгляд.— Я обронила здесь мой вышитый платок!

— Платок?— возразил я.— Клеопатра подняла его здесь, а я выбросил!

— Я видела,— отвечала девушка,— и очень хорошо все видела. Ты выбросил мой платок, а венок из роз не бросил! Это был «дар царицы», и потому царственный Гармахис, жрец Изиды, избранник богов, коронованный фараоном на благо Кемии, дорожит им и сберег его. Мой же платок, осмеянный легкомысленной царицей, выброшен прочь!

— Что такое ты говоришь?— возразил я, удивленный ее горьким тоном.— Я не умею разгадывать загадки!

— Что я говорю?— спросила она, откидывая голову и показывая изгиб белой шеи.— Я ничего не говорю или все, думай, как хочешь! Желаешь знать, что я думаю, мой брат и господин?— Голос ее зазвучал глухо и тихо.— Я хочу сказать тебе, ты — в большой опасности! Клеопатра опутывает тебя своими роковыми чарами, и ты близок к тому, чтобы полюбить ее, полюбить ту, которую ты должен завтра убить! Смотри и любуйся на этот розовый венок — его ты не можешь выбросить вслед за моим платком: Клеопатра надевала его сегодня ночью!

Благоухание волос любовницы Цезаря, Цезаря и других! Венок еще пахнет розами! Скажи мне, Гармахис, как далеко зашло на башне? Там, в углу, я не могла все слышать и видеть. Прелестное местечко для влюбленных! Дивный час любви! Наверное, Венера первенствует над звездами сегодня ночью?

Все это она произнесла так спокойно, нежно и скромно, хотя ее слова не были скромны и звучали горечью; каждый звук их колотил меня в сердце и рассердил до того, что я не находил слов.

— Поистине, ты умно рассчитал,— продолжала она, замечая свое преимущество,— сегодня ты целовал губы, которые завтра заставишь замолчать навеки! Мудрое умение пользоваться моментом! Умное и достойное дело!

Наконец я прервал ее.

— Девушка,— вскричал я,— как ты смеешь говорить так

со мной? Вспомни, кто я! Ты позволяешь себе насмехаться надо мной?

— Я помню, чем и кем ты должен быть!— отвечала она спокойно.— А что ты такое теперь, я не знаю. Вероятно, ты знаешь это, ты и Клеопатра!

— Что ты думаешь обо мне?— сказал я.— Разве я достоин порицания, если царица...

— Царица! Что же творится у нас? У фараона есть царица...

— Если Клеопатра желала прийти сюда сегодня ночью и побеседовать...

— О звездах, Гармахис, наверное, о звездах и о розах, больше ни о чем!

Потом я не знаю, что наговорил ей. Я был взволнован, дерзкий язык девушки лишил меня самообладания и довел до бешенства. Одно я знаю. Я говорил так жестоко, что она вся согнулась передо мной, как тогда перед дядей Сепя, когда он упрекал ее за греческое одеяние. Она плакала тогда и теперь заплакала еще сильнее и горше.

Наконец я замолчал, устыдившись своего гнева и очень опечаленный. Рыдая, она все же нашла силы ответить мне совсем по-женски.

— Ты не должен был говорить так со мной!— возразила она, рыдая.— Это жестоко и бесчеловечно! Я забываю, что ты жрец, а не муж, исключая, может быть, одной Клеопатры!

— Какое право имеешь ты?— сказал я.— Как ты можешь думать?

— Какое право имею я?— спросила она, устремив на меня свои темные глаза, полные слез, которые текли по ее нежному лицу, подобно утренней росе на цветке лилии.— Какое право имею я, Гармахис! Разве ты слеп? Разве не знаешь, по какому праву я говорю с тобой? Я должна сказать тебе. Потому что это в моде здесь, в Александрии. По единственному и священному праву женщины, по праву великой любви моей к тебе, которую ты, кажется, не замечаешь, по праву моей славы и моего позора! О, не сердись на меня, Гармахис, не сердись, что правда вырвалась из моего сердца! Я вовсе не дурная. Я — такая, какой ты сделаешь меня. Я — воск в руках ваятеля, и ты можешь вылепить из меня, что тебе угодно. Во мне живет теперь дыхание славы, оживляя всю мою душу, которое может вознести меня так высоко, как я никогда не мечтала, если ты будешь моим кормчим, моим спутником. Но если я потеряю тебя, я потеряю все — все, что сдерживает меня от дурного,— и тогда я погибла. Ты не знаешь меня, Гармахис! Ты не знаешь, какая сильная душа борется в моем слабом теле! Для тебя я пустая, ловкая, своенравная девушка! О, нет, я больше и сильнее! Ука-

жи мне твою возвышенную мысль, и я угадаю ее, глубочайшую загадку жизни, и я разъясню ее! Мы — одной крови, любовь сгладит различие наших душ и сольет нас в единое целое и великое! У нас одна цель, мы любим свою страну, один обет связывает нас! Прижми же меня к твоему сердцу, Гармахис, посади меня с собой на трон двойной короны, и, клянусь, я подниму тебя на такую высоту, на которую не мог еще подняться человек. Если же ты оттолкнешь меня, то берегись, я могу погубить тебя! Я отбросила в сторону холодные приличия света, понимая все ухищрения прекрасной и развратной царицы, которая желает поработить тебя, сказала тебе все, что у меня на сердце, и ответила тебе!

Она сжала руки и, сделав шаг ко мне, смотрела, бледная и дрожащая, в мое лицо.

На минуту я против воли был оглушен чарами ее голоса, силой ее слов. Как музыка звучали ее речи в моих ушах. Если бы я любил эту женщину, ее любовь, несомненно, зажгла бы пламя в моем сердце, но я не любил ее и не умел играть в любовь. С быстротой молнии мелькнула у меня мысль о том, как в эту ночь она надела мне на голову венок из роз, как я выбросил вон ее платок. Я вспомнил, как долго Хармиона ждала и подслушивала наш разговор с Клеопатрой, и ее полные горечи слова! Наконец подумал о том, что сказал бы дядя Сеп, если бы мог видеть нас теперь, и странное, глупое положение, в которое я попал! Я захохотал, захохотал безумным смехом, и этот смех был моим погребальным звоном! Она отвернулась, бледная как смерть, и один взгляд на ее лицо остановил мой безумный смех.

— Ты находишь, Гармахис,— сказала она тихим, прерывающимся голосом, опустив глаза,— ты находишь мои слова смешными?

— Нет,— ответил я,— нет, Хармиона! Прости мне этот смех. Это — смех отчаяния! Что я могу сказать тебе? Ты говорила много высоких слов о том, чем ты могла бы быть! Мне остается сказать тебе, что ты есть теперь!

Она вздрогнула, я замолчал.

— Говори!— произнесла она.

— Ты знаешь и очень хорошо знаешь, кто я и какова моя миссия. Ты знаешь, что я поклялся Изиде, и по закону божества ты для меня — ничто!

— О, я знаю, что мысленно обет уже нарушен,— прервала она тихим голосом, с глазами, по-прежнему опущенными в землю,— мысленно, но не на деле — обет растает, подобно облаку... Гармахис, ты любишь Клеопатру!

— Это ложь!— вскричал я.— Ты сама развратная девушка, желавшая отклонить меня от долга и толкнуть на открытый

позор! Ты увлекалась своим честолюбием или любовью к злу и не постыдилась перешагнуть ограду стыдливости своего пола и сказать то, что ты сказала... Берегись заходить так далеко! Если ты желаешь, чтобы я ответил, я отвечу прямо, как ты спросила. Хармиона — не принимая во внимание моего долга и моих обетов — всегда была для меня и есть — ничто! Все твои нежные взгляды не заставят мое сердце забиться сильнее! Едва ли ты можешь быть моим другом, так как, говоря правду, я не могу доверить тебе. Еще раз говорю: берегись! Ты можешь делать зло мне, но если осмелишься поднять палец против нашего дела, умрешь в тот же день. Теперь наша игра сыграна!

Пока я гневно говорил это все, она отодвигалась назад, все дальше, и, наконец, оперлась о стену и закрыла глаза рукой. Когда же я замолчал, отняла руку, взглянула вверх, и лицо ее было лицом статуи, только большие глаза сверкали, как угли, и вокруг них залегли красные круги.

— Не совсем еще, — отвечала она кротко, — арену еще надо посыпать песком! — Она намекала на то, что арену посыпают песком, чтобы скрыть пятна крови при гладиаторских играх. — Довольно, — продолжала она, — не гневайся на такие пустяки! Я бросила кость и проиграла! Горе побежденному! Дашь ли ты мне свой кинжал, чтобы покончить с моим позором? Нет? Тогда еще одно слово, царственнейший Гармахис! Если можешь, забудь мое безумие! Не бойся меня! Я теперь, как и прежде, твоя слуга и слуга нашего дела! Прощай!

Она ушла, держась рукой за стену, а я, пройдя в свою комнату, бросился на свое ложе и застал от горя. Увы! Мы строим планы, строим себе дом надежды, не рассчитывая на гостей, на помеху! И как уберечься от такой гостии, как неожиданность?

Наконец я заснул, но мои сны были ужасны. Когда я проснулся, веселый свет дня, в который должен быть приведен в исполнение наш кровавый заговор, наполнял комнату, и птицы радостно пели на деревьях сада. Я проснулся, и чувство тревоги овладело мной. Я вспомнил, что прежде чем наступит рассвет, я должен обагрить мои руки кровью — кровью Клеопатры, которая мне доверяет! Почему я не мог возненавидеть ее? Было время, когда я смотрел на это убийство, как на справедливый акт усердия и любви к родине. Но теперь, теперь я охотно отдал бы свое царственное право рождения, чтобы освободиться от этой ужасной необходимости! Увы! Я знал, что избежать этого нельзя. Я должен испить эту чашу до дна или быть низверженным, чувствуя, что на меня устремлены взоры всего Египта и всех египетских богов. Я молился матери Изиде, чтобы она послала мне силу совершить убийство, молился так горячо, как никогда. И — о чудо! — никакого ответа. По

чему это? Что же порвало связь между мной и божеством, если в первый раз оно не удостоило ответить на призыв сына и избранного слуги своего? Разве я согрешил в сердце против матери Изиды? Хармиона сказала, что я люблю Клеопатру! Разве любовь — грех? Нет, и тысячу раз нет! Это протест природы против предательства и крови!

Божественная мать знает мою силу, быть может, она отвернула свой священный лик от преступления!

Я встал, полный ужаса и отчаяния, и отправился к своему делу, как человек, лишенный души. Я знал наизусть роковые списки, просмотрел планы и в своем уме повторял слова проклятия, которую завтра я должен выпустить перед пораженным миром.

«Граждане Александрии, обитатели Египта,— так началась она,— Клеопатра Македонянка по воле богов получила возмездие за свои преступления...»

Я повторил эти слова, сделал и другие дела как-то бессознательно, словно у меня не было души, как человек, которым руководила внешняя, а не внутренняя сила. Минуты проходили. В третьем часу пополудни я пошел, по условию, в дом моего дяди Сепы, в тот дом, куда я был приведен три месяца тому назад, по приезду в Александрию. Здесь я нашел вожakov возмущения, тайно собравшихся, в числе семи. Когда я вошел, двери были плотно закрыты, все они пали ниц и закричали: «Привет тебе, фараон!» Но я заставил их встать, говоря, что я еще не фараон, так как цыпленок не вылупился еще из яйца.

— Да, князь,— сказал дядя,— но его клюв уже виден. Египет не напрасно высиживал его все эти годы, если твой кинжал не изменит тебе сегодня ночью. Почему он может изменить? Ничто не может остановить нас на пути к победе!

— Все это в руках богов!— ответил я.

— Боги нашли исход и вручили его рукам смертного — твоим рукам, Гармахис, и в этом наше спасение. Смотри, вот последние списки. Тридцать одна тысяча вооруженных людей поклялись восстать, как только до них дойдет известие о смерти Клеопатры! Через пять дней все крепости Египта будут в наших руках. Чего нам бояться? Рим безопасен для нас, ибо его руки полны дела, мы можем вступать в союз с триумвиром, а если нужно, и подкупить его. Денег у нас много, и если они тебе понадобятся, Гармахис, ты знаешь, где их взять в случае нужды Кеми и опасности от римлян. Что может помешать нам? Ничто. Может быть, в этом беспокойном городе начнут борьбу, составят заговор, чтобы привести Арсиною в Египет и посадить ее на трон? Тогда с Александрией надо поступить со всей строгостью, даже разрушить ее, если понадобится! Что

касается Арсиной, она будет тайно убита завтра, после известия о смерти царицы!

— Остается еще Цезарион,— сказал я.— Рим может провозгласить сына Цезаря, и дитя Клеопатры наследует ее права. Тут двойная опасность!

— Не бойся,— сказал дядя Сепс,— завтра Цезарисс присоединится к своей матери в Аменти. Я это предвидел. Птоломеи должны погибнуть, чтобы ни одного отпрыска не произошло вновь от корня, который покарало мщение небес!

— Разве нет другого средства?— спросил я грустно.— Мое сердце болит при мысли убить ребенка. Я видел это дитя. Оно наследовало огонь и красоту Клеопатры и великую мудрость Цезаря! Позорно убивать его!

— Не будь так по-детски жалостлив, Гармахис!— возразил сурово мой дядя.— Что тебе до него? Если мальчик похож на родителей, тем необходимее убить его. Разве ты хочешь вскормить молодого львенка, чтобы он сбросил тебя с трона?

— Пусть будет так!— ответил я, вздохнув.— По крайней мере, он избавится от горя и уйдет невинным из этого мира. Теперь перейдем к планам!

Мы долго совещались, и под влиянием великого предприятия и великого общего воодушевления я почувствовал, что бодрость прежних дней вернулась в мое сердце. Наконец все было готово, условлено так, что не могло быть ошибки или неудачи. Если мне не удастся убить Клеопатру сегодня ночью, то исполнение заговора откладывалось до следующего дня или до первого удобного случая. Но смерть Клеопатры являлась сигналом.

Покончив с делом, мы встали, положив руки на священные символы, и поклялись клятвой, которую нельзя написать. Потом мой дядя поцеловал меня, и слезы надежды и радости стояли в его пронизательных черных глазах. Он благословил меня, говоря, что охотно отдал бы свою жизнь, не одну, сто жизней, если бы имел столько, чтобы видеть египетский народ свободным, а меня, Гармахиса, потомка древней царственной крови, на троне Египта. Он был истинный патриот, не требующий ничего для себя и готовый все отдать дорогому делу. Я поцеловал его, и мы расстались.

Я тихо проходил по площадям великого города, подмечая положение ворот и площадей, где должны были собраться наши силы. Наконец дошел до набережной, куда высадился, когда приехал в Александрию, и увидел корабль, идущий в море. Я долго смотрел на него, и на сердце у меня было так тяжело, что я желал бы быть на этом корабле, чтобы его белые крылья унесли меня далеко, где я мог бы жить, никому

не известный и всеми позабытый. Потом я увидел другой корабль, пришедший с Нила, с палубы которого сходили пассажиры. Мгновенье я стоял, наблюдая за ним, страстно желая, чтобы там был кто-нибудь из Абуфиса. Вдруг около меня раздался знакомый голос.

— Ля! Ля!— сказал голос.— Какой это город для старой женщины, которая хочет поискать в нем счастья! Как мне найти тех, кто меня знает? Убирайся прочь, плут! Не тронь мою корзину с травами! Или я тебя, клянусь богами, вылечу от любой болезни!

Я обернулся в изумлении и очутился лицом к лицу с моей старухой Атуей. Она узнала меня сейчас же, но в присутствии толпы не выдала своего удивления.

— Добрый господин,— плакалась она, обращая ко мне свое морщинистое лицо и делая мне тайный знак,— по платью твоему ты, вероятно, астролог, а мне говорили об астрологах как о лжецах, которые почитают только свои звезды. Я все же обращаюсь к тебе, так как противоречие — главный закон для женщины. Наверное, в вашей Александрии все идет наизуворот, астрологи здесь — честнейшие люди, а все остальные плуты!— Затем, видя, что ее никто не слушает, она сказала:— Царственный Гармахис, меня прислал к тебе с вестями твой отец, Аменемхат.

— Здоров ли он?— спросил я.

— Да, он здоров, хотя ожидание великой минуты озабочивает его!

— Какие же вести?

— Он посылает тебе привет и предостерегает, что тебе грозит большая опасность, хотя и не знает, какая. Вот его слова тебе: «Будь тверд и счастлив!»

Я склонил голову. От этих слов сердце мое наполнилось ужасом.

— Когда назначено время?— спросила она.

— Сегодня ночью. Куда идешь ты?

— В дом почтенного Сепы, жреца в Анну!

— Можешь ли ты проводить меня туда?

— Нет, не могу. Меня не должны видеть с тобой!

— Эй ты, стой!— Я позвал носильщика с набережной, сунул ему монету и приказал проводить старуху в дом Сепы.

— Прощай!— прошептала она,— прощай до завтра. Будь тверд и счастлив!

Я отвернулся и пошел своей дорогой по шумным улицам. Народ уступал мне дорогу как астрологу царицы, так как слава моя прогремела далеко. И когда я шел, мне казалось, что шаги мои выбивали: будь тверд, будь счастлив! Наконец мне стало казаться, что даже земля выкрикивала эти слова.

*Странные слова Хармионы.— Гармахис
у Клеопатры.— Поражение Гармахиса.*

Была ночь. Я сидел в своей комнате, ожидая назначенного времени. Хармиона должна была позвать меня к Клеопатре. Я сидел и смотрел на кинжал, лежавший передо мной. Кинжал был длинный и острый, рукоятка его представляла собой сфинкса из чистого золота. Я сидел один и напрасно вопрошал о будущем; ответа не было. Наконец я поднял глаза. Хармиона стояла передо мной — не прежняя веселая и блестящая девушка, а статуя с бледным лицом и ввалившимися глазами.

— Царственный Гармахис,— сказала она,— Клеопатра зовет тебя доложить ей о предсказании звезд! Итак, час пробил!

— Хорошо, Хармиона,— ответил я,— все ли в порядке?

— Да, господин, все в порядке. Опьяневший от вина Павел сторожит ворота, евнухи все, за исключением одного, удалены, легионеры спят, Сепы и его сила — уже в засаде. Ничто не упущено. Ягненок, прыгающий около бойни, не более подзревает об опасности, чем царица Клеопатра!

— Хорошо,— повторил я,— пойдем!— Я поднялся с своего места, спрятал кинжал на груди, под платье, потом взял чашу с вином, стоявшую около меня, и разом выпил ее. Весь этот день я ничего не ел.

— Одно слово,— сказала торопливо Хармиона,— мы еще успеем. Прошлой ночью, да, прошлой ночью,— грудь ее поднялась,— я видела сон, странный сон... быть может, ты также видел этот сон? Ведь это был сон и все забыто? Не так ли, господин мой?

— Да, да,— отвечал я,— зачем смущаешь ты меня в такую минуту?

— Я не знаю. Сегодня ночью, Гармахис, судьба готовит великое событие и, может быть, раздавит меня, или тебя, или обоих нас в своих когтях, Гармахис! А если это случится, я хотела бы раньше слышать от тебя, что все случившееся прошлой ночью — сон, забытый сон...

— Да, это сон,— отвечал я рассеянно,— и ты, и я, и наша земля, и эта ужасная ночь, и этот острый кинжал — все это сон, и с каким лицом проснемся мы?

— Ты шутишь, царственный Гармахис! Ты говоришь, мы грезим, спим, а во время сна сновидения меняются. Фантазия снов удивительна, они изменчивы, подобно облаку при закате солнца, образуют то одну фигуру, то другую, темнее и тяжелее, или залитое светом! Прежде чем мы проснемся завтра,

скажи мне одно слово. Прошлой ночью было это сновидение,— когда мне казалось, что я умираю от стыда, а тебе казалось, что ты смеешься над моим стыдом — только фантазией. или это может еще измениться? Помни, что при нашем пробуждении пережитое нами во сне остается уже неизменным и прочным, как пирамиды!

— Нет, Хармиона,— возразил я,— мне тяжело огорчить тебя, но это сновидение не может измениться. Я говорил все от искреннего сердца, и с этим покончено. Ты — моя сестра, мой друг, никем другим я не могу быть для тебя!

— Хорошо, очень хорошо!— сказала она.— Забудем все это! Теперь пойдем! От сна ко сну!— Она улыбнулась такой улыбкой, которой я никогда не видел на ее лице. Это была злобешая, ужасная улыбка, ужаснее самой отчаянной скорби. Слепленный моим безумием и смущением, я не подозревал, что в этой улыбке Хармиона-египтянка хоронит все счастье юности, всякую надежду на любовь и навеки порывает священные узы долга. Этой улыбкой она посвятила себя злу, отреклась от своей родины, своих богов и нарушила свою клятву. Этой улыбкой изменила ход исторических событий. Если бы я не видел этой улыбки на лице Хармионы, Октавий не победил бы мир, и Египет был бы свободной и великой страной!

Между тем это была просто улыбка женщины!

— Почему ты так строго смотришь на меня, девушка?— спросил я.

— Мы часто улыбаемся во сне!— отвечала она.— Пора идти, следуй за мной! Будь тверд и счастлив, Гармахис!

Склонившись передо мной, она взяла мою руку и поцеловала ее. Потом, бросив на меня последний, странный взгляд, повернулась и пошла по лестнице вниз через пустые покои.

В комнате, называемой алебастровым залом, мы остановились. Далее находилась уже комната Клеопатры, где я видел ее спящей.

— Подожди здесь,— сказала Хармиона,— я скажу Клеопатре о твоём приходе!— И она скользнула в комнату.

Наконец она вернулась тяжелой походкой, с низко опущенной головой.

— Клеопатра ожидает тебя,— произнесла она,— иди, стражи нет!

— Где я встречу тебя, когда все будет кончено?— спросил я хрипло.

— Ты встретишь меня здесь, потом пойдем к Павлу. Будь тверд и счастлив! Прощай, Гармахис!

Я пошел, но около занавеса внезапно обернулся и в слабо освещенном зале увидел странную картину. Вдали стояла Хармиона. Свет падал на ее фигуру, освещая закинутую назад го-

лову, белые руки, протянутые вперед, словно она хотела что-то удержать, и ее нежное лицо, искаженное такой нечеловеческой мукой, что на него было страшно смотреть. Хармиона знала, что я, кого она так любила, шел на верную смерть. Это было ее последнее «прости» мне.

Я ничего не подозревал. С своей мукой в душе я отдернул занавес и вошел в комнату Клеопатры.

В глубине благоухающей комнаты, на шелковом ложе, лежала Клеопатра, одетая в чудное белое одеяние.

Она тихо обмахивалась драгоценным веером из страусовых перьев, который держала в руке. Около нее лежала арфа из слоновой кости. На столике стояли смоквы, кубки и фляга с вином рубинового цвета. Я подошел ближе. Озаряемая мягким светом, покоилась на своем ложе обольстительная женщина, это чудо мира, во всей своей ослепительной красоте.

И правда, никогда я не видел ее столь прекрасной, как в эту роковую ночь. Опершись на душистые подушки, она сияла, как звезда, в слабом свете сумерек. От ее волос и платья исходило благоухание, ее голос походил на дивную музыку, а в ее чудных глазах сияли, меняясь, огоньки, как в зловещем камне опала.

И эту женщину я должен был убить!

Медленно приблизился я и склонился перед ней.

Она не обратила внимания, продолжая лежать и обмахиваться веером, который качался взад и вперед, подобно крылу порхающей птицы.

Наконец я встал перед ней; она взглянула на меня и прижала веер из страусовых перьев к своей груди, словно желая скрыть ее красоту.

— Это ты, друг, пришел ко мне?— сказала она.— Хорошо! Я соскучилась одна. Какой скучный мир! Мы знаем столько лиц, и как мало из них таких, которых мы любим! Не стой же, а садись!

Она указала мне веером резное кресло у своих ног. Я склонился еще раз и сел.

— Я исполнил твое желание, царица,— произнес я,— и тщательно и искусно прочел предсказание звезд. Вот плоды трудов моих! Если царица позволит, я объясню ей!

Я встал, желая обойти кругом ложе, чтобы вонзить ей кинжал в затылок, пока она будет читать.

— Нет, Гармахис,— произнесла она спокойно с милой улыбкой,— останься здесь и дай мне папирус. Клянусь Сераписом! Я так люблю смотреть на твое лицо, что мне не хочется терять его из виду!

Мое намерение не удалось, я вынужден был подать ей папирус, думая про себя, что, пока она будет читать его, я вне-

запно встану и поражу ее в сердце. Она взяла папирус, коснувшись моей руки, и сделала вид, что читает, но на самом деле не читала, и ее глаза были устремлены на меня поверх папируса.

— Зачем ты прячешь руку под платьем?— спросила она, так как я, действительно, сжал рукоятку кинжала,— разве у тебя бьется сердце так сильно?

— Да, царица,— сказал я,— оно сильно бьется!

Она ничего не ответила, снова сделала вид, что читает, продолжая наблюдать за мной. Я размышлял: «Как же мне совершить это ужасное убийство? Если я кинусь на нее, она увидит, будет бороться и кричать. Нет, надо ждать удобного случая!»

— Предсказания благоприятны, Гармахис!— сказала она, угадывая написанное, так как не прочла ни слова.

— Да, царица!— ответил я.

— Хорошо.— Она бросила папирус на мраморный пол.— Пусть корабли отплывут. Так или иначе, а мне надоело взвешивать случайность!

— Это трудно, царица,— сказал я,— я желал только показать, на чем основываю свое предсказание!

— Нет, Гармахис, я устала следить за путями звезд. Твое предсказание благоприятно, и с меня довольно. Несомненно, ты честен и написал добросовестно. Теперь бросим все рассуждения, будь весел! Что мы будем делать? Я хотела бы плясать — ведь никто не пляшет лучше меня,— но это не по-царски! Нет, я буду петь!

Она приподнялась, взяла арфу. Струны звучали. Своим полным, нежным голосом красавица запела дивную, чарующую мелодию.

«Море спит и небо спит,— пела она,— в наших сердцах звучит музыка. Ты и я, мы плывем по морю, убаюкиваемые тихим рокотом его волн! Нежно целует ветер мои локоны... Ты смотришь мне в лицо и шепчешь страстные речи... Сладкая песнь звучит и умирает в воздухе — песнь истомленного страстью сердца, песнь упоенья и любви!»

Последние ноты дивного голоса прозвучали в комнате и тихо замерли. Сердце мое вторило им в ответ. Среди певиц в Абуфисе я слышал лучшие голоса, чем у Клеопатры, но никогда не слышал такого нежного, одухотворенного страстью пения. Кроме голоса тут была благоухающая комната, в которой было все, чтобы разбудить чувство, необыкновенная нега и страстность голоса, и поразительная грация, чудная красота царственной певицы. Во время ее пения мне казалось, что мы плывем с ней на лодке, вдвоем, теплой ночью, под звездным небом. Когда же она перестала перебирать струны арфы и с последней нежной нотой, дрожавшей в ее устах, протянула мне

руки, взглянув мне в глаза своими удивительными очами, я готов был броситься к ней, но опомнился и сдержался.

— Разве у тебя не найдется ни одного слова благодарности за мое жалкое пение?— спросила она наконец.

— О царица!— ответил я тихо, голос мой прервался.— Твое пение не годится слушать мужам. Поистине оно победило меня!

— Нет, Гармахис, тебе нечего бояться,— сказала она с тихой усмешкой,— я знаю, как далеки твои мысли от женской красоты и как чужд ты слабостям твоего пола! Холодным железом можно безопасно играть!

Я думал про себя, что холодное железо можно накалил добела на сильном огне, но ничего не сказал и, хотя рука моя дрожала, еще раз взялся за кинжал и, пугаясь собственной слабости, пытался найти средство убить ее, пока силы не изменили мне.

— Иди сюда, Гармахис,— между тем продолжала Клеопатра своим нежным голосом,— иди, сядь около меня и побеседуем! Мне надо многое сказать тебе.— Она указала мне место подле себя на шелковом ложе.

Я, подумав, что чем ближе буду к ней, тем удобнее будет мне убить ее, встал и сел близ нее на ложе. Откинувшись назад, она смотрела на меня глазами сфинкса.

Теперь мне представлялся удобный случай убить ее, потому что ее горло и грудь были не защищены. Сделав над собой величайшее усилие, я схватился за кинжал. Но быстрее мысли она схватила мои пальцы своей рукой и тихо ударила их.

— Почему ты так дико смотришь на меня, Гармахис?— сказала она.— Не болен ли ты?

— Действительно, я нездоров!— пробормотал я.

— Облокотись на подушки и отдохни!— отвечала она, держа мою руку, теперь совершенно ослабевшую.— Это пройдет. Ты слишком много работал над звездами. Как нежен воздух этой ночи, напоенный ароматом лилий! Прислушайся к голосу моря, бьющегося о скалы! Рокот его доносится издалека и заглушает журчанье фонтана! Слушай, как поет Филомела!* Как сладка песнь переполненного любовью сердца, которую она шлет возлюбленному! Поистине это ночь любви! Как хороша музыка природы! В ней звучат сотни голосов, голос ветра, деревьев, океана — все это поет в унисон. Слушай, Гармахис! Я кое-что угадала. Ты приходишь от царственной крови. В твоих жилах струится кровь царственных предков твоих. Конечно, ты — отпрыск старого, царственного корня! Ты смог-

* Соловей.

ришь на знак в виде листа на моей груди? Он сделан в честь великого Озириса, которого я почитаю вместе с тобой!

— Отпусти меня!— простонал я, пытаюсь встать, но силы оставили меня.

— Нет, погоди еще! Ты не оставишь меня! Ты не можешь сейчас уйти от меня! Гармахис, разве ты никогда не любил?

— Нет, нет, царица! На что мне любовь? Отпусти меня! Я ослабел — мне дурно!

— Никогда не любил! Как это странно! Никогда не знать женского сердца, бьющегося в унисон с твоим! Никогда не видеть глаз возлюбленной, орошенных слезами страсти, не слышать шепота ее любви на своей груди! Никогда не любить! Никогда не теряться в тайниках родной души, не знать, что природа спасает нас от одиночества, связывая золотой цепью любви два существа, сливая их в одно целое! Разве ты никогда не любил, Гармахис?

Говоря это, она подвигалась ко мне все ближе и ближе, наконец с долгим и сладким вздохом обвила мою шею одной рукой и заглянула мне в глаза своими дивными синими глазами; губы ее раскрылись в загадочной улыбке, подобно раскрытой чашечке цветка, распустившегося во всей благоухающей красоте. Ближе склонилась она ко мне, все ближе ее царственные формы, еще секунда — и ее ароматное дыхание пошевелило мне волосы, и губы ее прижались к моим. О, горе мне, горе! В этом поцелуе — сильнее и ужаснее смерти — я забыл все: Изиду, мою небесную надежду, клятвы, честь, страну, друзей, все, кроме Клеопатры, которая сжимала меня в объятиях, называя своим возлюбленным и господином.

— Выпей теперь,— шепнула она,— выпей кубок вина за нашу любовь!

Я взял кубок и осушил его до дна. Позднее я узнал, что в вино был подмешан сонный порошок.

Я упал на ложе и, хотя сознание еще не покинуло меня, не мог ни подняться, ни говорить. Клеопатра же, наклонившись надо мной, вытащила из моей одежды кинжал.

— Я победила!— вскричала она, откидывая назад свои роскошные волосы.— Я победила, ставкой был Египет, игра стоила свеч! Этим кинжалом ты должен был убить меня, мой царственный соперник! И твои помощники собрались у ворот моего дворца! Очнулся ли ты? Кто помешает мне пронзить этим кинжалом твое сердце?

Я слышал ее слова и, собрав силы, указал на свою грудь, жаждая смерти. Она стояла передо мной во всем царственном величии, кинжал блестел в ее руке. Его острие слегка укололо меня.

— Нет,— вскричала Клеопатра, бросая кинжал,— ты

слишком дорог мне. Жаль убивать такого мужчину! Дарую тебе жизнь! Живи, погибший фараон! Живи, бедный, падший князь! Тебя победила хитрость женщины! Живи, Гармахис, живи, чтобы увеличить мой триумф!..

Сознание покидало меня. В ушах моих еще звучала песнь соловья, рокот моря и музыка торжествующего смеха Клеопатры. Этот тихий смех провожал меня в страну снов, звучит в моих ушах и теперь и будет звучать до смерти.

VIII

*Пробуждение Гармахиса.— Перед лицом смерти.—
Приход Клеопатры.— Она утешает Гармахиса.*

Еще раз я проснулся. Я находился в собственной комнате. Наверное, я спал и видел сон. Это было не что иное, как сон! Разве я проснулся для того, чтобы почувствовать себя предателем, чтобы вспомнить, что удобный случай более не вернется, что я погубил великое дело, что прошлой ночью храбрые, честные люди под руководством моего дяди прождали меня напрасно у ворот дворца.

Весь Египет ждал, и ждал — напрасно! Нет, этого не могло быть! Это был ужасный сон, подобный сон может убить человека. Лучше умереть, чем видеть такие сны, ниспосланные адом. Быть может, это была отвратительная фантазия измученного ума? Но где же я теперь? Я должен быть в алебастровом зале и ожидать Хармиону. Где я? О боги! Что это за ужасный предмет, имеющий образ человека, прикрытый белым, испачканный кровью, скорчившийся у подножия моего ложа?

Как лев, прыгнул я с ложа и из всей силы ударил его. От удара ужасный предмет покатился в сторону. Полумертвый от ужаса, я сбросил белый покров и увидел голую фигуру мертвого человека с согнутыми коленями. Это был римский военачальник Павел! В его сердце торчал кинжал — мой кинжал с золотым сфинксом на рукоятке. На свитке латинскими буквами было написано: «Привет тебе, Гармахис! Я был римлянин Павел, которого ты подкупил! Смотри же, хорошо ли быть предателем!»

Почти падая и ослабев, я отскочил от страшного трупа, обгаренного своей собственной кровью. Обессилив, я отодвинулся назад и прислонился к стене. За этой стеной наступал день и птицы весело щебетали. Итак, это не был сон! Я погиб! Погиб! Я подумал о моем старом отце, Аменемхате. Мысль о нем сверкнула в моем мозгу, сдавив мне сердце. Что будет с ним, когда до него дойдет весть о позоре сына, о разрушении

всех его священных надежд! Я подумал о патриотах-жрецах, о дяде Сепе, напрасно прождавших целую ночь сигнала! Другая мысль последовала за первой. Что случилось с ними? Не один я был предателем. Меня также предали. Но кто? Кто? Может быть, Павел, но он знал не многих участников нашего заговора. Тайные списки были спрятаны у меня в одежде. Озирис! Они исчезли! Судьба Павла может быть судьбой всех патриотов Египта. При этой мысли я совсем обезумел, зашатался и упал там, где стоял.

Когда я пришел в себя, длинные тени от деревьев пояснили мне, что полдень уже прошел. Я вскочил на ноги. Труп Павла лежал неподвижно, наблюдая за мной своими стеклянными глазами. В отчаянии я бросился к двери. Она была заперта, я слышал за ней шаги часовых, которые перекликались и гремели копьями. Вдруг часовые отодвинулись, дверь открылась и вошла сияющая, торжествующая Клеопатра в царском одеянии. Она вошла одна, и дверь заперлась за ней. Я стоял как безумный. Она подошла ближе ко мне, лицом к лицу.

— Приветствую тебя, Гармахис,— сказала она, нежно улыбаясь.— Мой посланник нашел тебя!— Она указала на труп Павла.— Фу, как он страшно выглядит! Эй, часовые!

Дверь отворилась, и двое вооруженных галлов остановились у двери.

— Уберите эту гадость,— сказала Клеопатра,— бросьте ее коршунам! Стойте, возьмите кинжал из груди изменника!

Люди низко поклонились, и кинжал, покрытый кровью, был вытащен из сердца Павла и положен на стол. Потом они схватили труп за голову и за ноги и унесли его. Я слышал, как замерли их тяжелые шаги на лестнице.

— Мне кажется, Гармахис, твое положение скверно,— сказала Клеопатра,— как странно вертится колесо фортуны! Не будь этого изменника,— она указала по направлению к двери, хотя труп уже был унесен,— на меня теперь было бы так же страшно смотреть, как на него, и кровь на том кинжале была бы кровью моего сердца!

— Итак, Павел предал меня!

— Когда ты пришел ко мне в прошлую ночь,— продолжала она,— я знала, что ты пришел убить меня. Когда время от времени ты прятал руку под платье, я знала, что ты сжимал кинжал, что ты собирал все свое мужество для преступления, которое противно твоей душе. О, это был ужасный час, я поражаюсь, не зная и колеблясь минутами, кто из нас обоих победит, когда мы мерялись хитростью и силой. Да, Гармахис, стража ходит за твоей дверью. Но не обманывай себя! Если бы я не была уверена, что держу тебя здесь узами более сильными, чем цепи тюрьмы, если бы не знала, что ты не можешь сделать мне

зло, так как для тебя легче перешагнуть через копья моих легионеров, чем через ограду чести,— ты давно был бы мертв! Гармахис! Смотри, вот твой кинжал!— Она протянула мне его.— Убей меня, если можешь!

Клеопатра подошла ближе, открыла грудь и ждала, спокойно смотря на меня.

— Ты не можешь убить меня,— продолжала она,— потому что я хорошо знаю, такой человек, как ты, не способен совершить преступление — убить женщину, которая принадлежит ему,— и жить! Долой руку! Не направляй кинжала в свою грудь! Если ты не можешь убить меня, как же можешь отнять у себя собственную жизнь? О ты, преступивший клятву жрец Изиды! Разве тебе так легко предстать пред лицом оскорбленного божества в Аменти? Как ты думаешь, какими глазами взглянет небесная мать на своего сына, опозоренного, нарушившего священный обет! Как будешь ты приветствовать ее, обгаренный своей собственной кровью? Где будет уготовано тебе место твоего искупления и очищения, если ты можешь еще очиститься в глазах богов?

Я не мог выносить более. Сердце мое было разбито. Увы! Это была правда — я не смел умереть.

Я дошел до того, что не мог умереть. Я бросился на свое ложе и заплакал кровавыми слезами тоски и отчаяния.

Клеопатра подошла ко мне, села около меня, стараясь утешить меня, обняла мою шею руками.

— Любовь моя, послушай,— сказала она,— еще не все потеряно для тебя, хотя я и рассердилась на тебя. Мы играли большую игру; сознаюсь: я пустила в ход женские чары против тебя и победила. Но я могу быть откровенной. Мне очень жаль тебя как царице и как женщине, даже более, мне тяжело видеть тебя печальным и тоскующим. Это было хорошо и справедливо, что ты хотел вернуть назад трон, захваченный моими предками, и свободу Египту! Я как законная царица сделала то же самое, не останавливаясь перед преступлением, так как дала клятву. Я глубоко сочувствую тебе как всему великому и смелому. Вполне понимаю твою горе и скорбь о глубине твоего падения, а как любящая женщина сочувствую тебе и жалею тебя! Не все еще потеряно. Твой план был смел, но безумен, так как Египет не может подняться на прежнюю высоту, хотя бы ты завоевал и корону, и страну — без сомнения, это удалось бы тебе,— есть еще римляне, с ними надо считаться. Пойми меня, здесь мало знают. Но во всей стране нет сердца, которое билось бы такой преданной любовью к древней стране Кеми, как мое, даже больше, чем твое, Гармахис! Война, возмущения, зависть, заговоры,— все это отвлекало меня и мешало мне служить так, как я могу, моему народу. Ты, Гармахис, на-

учишь меня! Ты будешь моим советником, моей любовью! Не трудно, Гармахис, завоевать сердце Клеопатры, сердце, которое — стыдись! — ты хотел умертвить! Ты соединишь меня с моим народом, мы будем царствовать вместе, объединим новое царство с старым, старую и новую мысль! Все делается к лучшему. Другим и лучшим путем ты взойдешь на трон фараонов! Видишь, Гармахис! Твоя измена будет скрыта, насколько это возможно. Разве ты виноват, что римлянин выдал тебя? Тебя опои́ли, твои бумаги украдены, и ключ к ним найден. Что ж позорного для тебя, хотя великий заговор и не удался и те, кто были участниками его, рассеялись, — ты остался тверд в преданности своей вере, воспользовался средствами, которыми одарила тебя природа, завоевать сердце египетской царицы? Под лучами ее нежной любви ты можешь добиться своей цели и расправить свои мощные крылья над страной Нила! Подумай, разве я плохой советник, Гармахис?

Я поднял голову, и слабый луч надежды загорелся во мраке моего сердца; падающий человек хватается за перышко. Я заговорил в первый раз.

— А те, кто был со мной, кто верил мне, — что стало с ними?

— А! — произнесла она. — Аменемхат, твой отец, престарелый жрец в Абуфисе, Сеп, твой дядя, горячий патриот. Под простой внешностью его кроется великое сердце!

Я думал, она назовет Хармиону, но она не упомянула о ней.

— И другие, — добавила она, — я знаю их всех!

— Что случилось с ними? — спросил я.

— Слушай, Гармахис, — ответила она, вставая и положив руку мне на плечо, — ради тебя я буду милосердна к ним. Я сделаю то, что должно быть сделано. Клянусь моим троном и всеми богами Египта, что ни один волос не упадет с головы твоего престарелого отца. Если еще не поздно, я пощажу твоего дядю Сеп и других. Я не буду брать примера с моего предка Епифана, который погубил массу людей, когда египтяне восстали против него. Он привязывал их к колеснице и волочил за собой вокруг городских стен. Я же пощажу всех, кроме евреев; их я ненавижу!

— Евреев — нет! — возразил я.

— Это хорошо, их я не буду щадить, евреев. Разве я такая жестокая женщина, как говорят? В твоём списке, Гармахис, многие осуждены на смерть; я отняла жизнь только у римского негодяя, двойного изменника, так как он предал меня и тебя. Если ты удивлен, Гармахис, теми милостями, которыми я тебя осыпаю, то это — по женскому расчету — ты мне нравишься, Гармахис! Нет, клянусь Сераписом, — добавила она с легким смехом, — я меняю мое намерение, я не могу тебе так мно-

го дать даром! Ты должен купить все это у меня — и ценой одного поцелуя, Гармахис!

— Нет,— возразил я, отвернувшись от прекрасной искусительницы,— цена очень тяжела. Я не целую более!

— Подумай,— ответила она, нахмурившись,— подумай и выбирай! Я — женщина, Гармахис, и не привыкла о чем-либо просить мужчин. Делай как знаешь, но я говорю тебе: «Если ты оттолкнешь меня, я переменю свое намерение и возьму назад свои милости». Итак, добродетельнейший жрец, выби-рай: или тяжкое бремя моей любви, или немедленная смерть твоего престарелого отца и всех остальных участников заговора!

Я взглянул на нее, заметив, что она рассердилась. Глаза ее заблестели, и грудь высоко поднялась, я вздохнул и поцеловал ее, окончательно запечатлев этим свой позор и рабство.

Улыбаясь, как торжествующая греческая Афродита, она ушла, унося с собой мой кинжал. Я не знал тогда, как низко я был обманут, почему нить жизни моей не была порвана, почему Клеопатра, обладавшая сердцем тигра, была так милосердна ко мне; не знал, что она боялась убить меня. Заговор был очень силен, она же так слабо держалась на троне двойной короны, что слух о моей насильственной смерти произвел бы сильное волнение и мог свергнуть ее с престола, даже если бы я не существовал более на свете.

Я не знал, что только из страха и политических расчетов она оказывала мне столько милости, что не ради священного чувства любви, а из хитрости — хотя поистине она меня любила!— она постаралась привязать меня к себе сердечными узами. Но я должен сказать в ее защиту, что потом, когда тучи опасности затемнили небо ее жизни, она сдержала данное мне слово: кроме Павла и еще одного человека никто из участников заговора против Клеопатры и ее рода не был убит, хотя они претерпели много других бедствий.

Она ушла, и ее образ боролся в моем сердце со стыдом и печалью. О, как горьки были эти часы, которые я не мог облегчить даже молитвой! Связь между божеством и мной порвалась, и Изида отвернулась от своего жреца. Тяжелы были эти часы мрака и упоения, но в этом мраке мне блестили дивные глаза Клеопатры и звучал ее нежный смех, отголосок ее любви. Чаша скорби еще не была полна. Надежда закралась в мое сердце, я мог думать, что пал ради достижения высокой цели и что из глубины падения я найду лучший, менее опасный путь к победе!

Так обманывают себя падшие люди, стараясь взвалить бремя своих порочных деяний на судьбу, пытаясь уверить себя, что их слабость поведет к лучшему и заглушит голос совести

сознанием необходимости. Увы! Рука об руку угрызения и гибель двигаются по пути греха! И горе тому, за кем они последуют! Горе мне, тяжкому грешнику из всех грешников!

IX

*Заключение Гармахиса.— Упреки и презрение
Хармионы.— Освобождение Гармахиса.—
Прибытие Квинта Деллия.*

Одиннадцать дней я был заключен в моей комнате и не видел никого, кроме часовых, рабов, которые молча приносили мне пищу и питье, и Клеопатры, часто приходившей навещать меня. Хотя она говорила мне много нежных слов, уверяла в своей любви, но не обмолвилась ни одним словом о том, что делалось за стенами моей тюрьмы. Она приходила ко мне в разном настроении, то веселая, сияющая, удивляя меня мудрыми мыслями и речами, то страстная, любящая, и каждому своему настроению придавала новую, своеобразную прелесть. Она много толковала, как должен я помочь ей сделать Египет великой страной, облегчить народ и прогнать римских орлов. Сначала мне было очень тяжело слушать ее речи, но мало-помалу она все крепче опутывала меня своими волшебными сетями, из которых не было выхода, и мой ум привык думать ее мыслями. Тогда я раскрыл ей мое сердце и некоторые планы. Она, казалось, слушала внимательно, весело, взвешивала мои слова, говорила о разных средствах и способах к достижению цели, о том, как желала она очистить древнюю веру, возобновить древние храмы, построить новые в честь египетских богов. Все глубже вползала она в мое сердце, пока я, для которого не осталось больше ничего на свете, не полюбил ее со всей глубокой страстью еще не любившего сердца. У меня не было уже ничего, кроме любви Клеопатры, моя жизнь сосредоточилась на этой любви, и я лелеял свое чувство, как вдова своего единственного ребенка. Виновница моего позора была для меня самым дорогим существом на свете, моя любовь к ней росла, пока все прошлое не потонуло в ней, а мое настоящее не превратилось в сон! Она покорила меня, отняла у меня честь, обрекла на позор, а я — бедное, падшее, ослепшее создание! — я целовал палку, которой она меня била, и был ее верным рабом.

Даже теперь, в грезах, которые слетают ко мне, когда сон раскрывает тайники сердца и всякие ужасы свободно появляются в обителях мысли, мне кажется, что я вижу царственную красоту Клеопатры, как я увидел ее впервые, ее протянутые нежные руки, огоньки страсти в ее чудных глазах, роскош-

ные, рассыпающиеся локоны и прелестное лицо, сияющее любовью и нежностью, той чарующей нежностью, которая присуща только ей, ей одной! После многих лет, мне кажется, я вижу ее такой, какой увидел в первый раз, и снова спрашиваю себя: неужели это была ложь?

Однажды она явилась ко мне поспешно, говоря, что пришла прямо с большого совещания относительно войны Антония в Сирии, как была, в царском одеянии, с скипетром в руке и золотой диадемой, с царственной змеей на челе. Смеясь, она села передо мной и рассказала, что давала аудиенцию каким-то послам и, когда они надоели ей, сказала, что ее отзывает незапное посольство из Рима, и убежала. Это ее очень позабавило. Вдруг Клеопатра встала, сняла диадему, положила на мои волосы и, сняв царскую мантию, возложила ее на мои плечи, дала мне в руки скипетр и встала на колени передо мной. Затем, смеясь, поцеловала меня в губы и сказала, что я — настоящий царь. Припомнив свое коронование в Абуфисе и душистый розовый венок, который венчал меня царем любви, я встал, побледнел от гнева, сбросил с себя царскую мантию и спросил ее, смеет ли она издеваться над своим пленником — над птицей, посаженной в клетку! Видимо, мой гнев поразил ее, она отшатнулась.

— Нет, Гармахис, не сердись! Почему ты думаешь, что я издеваюсь над тобой? Почему думаешь, что не можешь быть действительно фараоном?

— Что ты хочешь сказать? — сказал я. — Не будешь ли ты короновать меня перед всем Египтом? Как я могу иначе быть фараоном?

Она опустила глаза.

— Быть может, любовь моя, у меня есть мысль короновать тебя! — нежно произнесла она. — Выслушай меня: ты бледнеешь здесь, в тюрьме, и мало принимаешь пищи! Не противоречь мне! Я знаю это от невольников. Я держала тебя здесь, Гармахис, ради твоего собственного спасения, ты дорог мне. Ради твоего блага, ради твоей чести все должны думать, что ты мой пленник. Иначе ты был бы опозорен и убит — убит тайно. Сюда я больше не приду, так как завтра ты будешь свободен и появишься опять при дворе как мой астролог. Я пушу в ход все доводы, которыми ты оправдал себя. Все предсказания твои о войне оправдались, но за это мне, впрочем, нечего благодарить тебя, так как ты предсказывал согласно твоим целям и твоему плану. Теперь прощай. Я должна вернуться к меднолобым посланникам. Не сердись, Гармахис, кто знает, что еще может произойти между мной и тобой?!

Она кивнула головой и ушла, заронив во мне мысль, что она хочет открыто короновать меня.

Действительно, я верю, у нее была эта мысль в то время. Если она и не любила меня, то все же я был дорог ей и не успел еще надоесть.

На другой день вместо Клеопатры пришла Хармиона, которую я не видал с той роковой ночи.

Она вошла и остановилась передо мной с бледным лицом и опущенными глазами. Ее первые слова были горьким упреком.

— Прости, что я осмелилась прийти вместо Клеопатры, — сказала она своим нежным голосом, — твоя радость отсрочена ненадолго, ты скоро увидишь ее!

Я вздрогнул при этих словах, а она воспользовалась своим преимуществом и продолжала:

— Я пришла к тебе, Гармахис, уже не царственный, пришла сказать, что ты свободен. Ты свободен и можешь видеть свою собственную низость, видеть ее в глазах всех, слепо доверивших тебе, как тень, падающую на воду. Я пришла сказать тебе, что великий план — план, лелеянный в течение двадцати лет, — разрушен. Никто не убит, только Септа исчез бесследно. Все вожаки заговора схвачены, закованы в цепи или изгнаны из родной страны, их партия рассеялась, буря, не успев разразиться, затихла. Египет погиб, погиб навсегда, его последние надежды исчезли. Он не в силах более бороться. Теперь навсегда он должен склонить шею под ярмо и подставить спину под палку притеснителя!

Я громко застонал.

— Увы, я был предан! — сказал я. — Павел выдал меня!

— Тебя предали? Нет, ты сам предал всех! Как мог ты не убить Клеопатру, когда был с нею наедине? Говори, клятвопреступник!

— Она опоила меня! — сказал я.

— О Гармахис! — возразила безжалостная девушка. — Как низко ты упал в сравнении с тем князем, которого я знала! Ты даже не стыдишься лжи! Да, ты был опоен, опоен напитком любви! Ты продал Египет и свое великое дело за поцелуй развратницы! Тебе позор и стыд! — продолжала она, указывая на меня пальцем и устремив глаза на мое лицо. — Презрение и отвращение — вот чего ты заслужил! Возражай, если можешь! Дрожи передо мной, познай, что ты такое, ты должен дрожать! Пресмыкайся у ног Клеопатры, целуй ее сандалии, ей не надоест, и она не швырнет тебя в твою грязь! Перед всеми честными людьми — дрожи, дрожи!

Моя душа замерла под градом горьких упреков, ненависти, презрения, но я не находил слов для ответа.

— Как же это случилось, — сказал я глухим голосом, — что тебя не выдали, а ты здесь, пришла, чтобы язвить меня, ты,

которая клялась, что любишь меня! Ты — женщина и не имеешь сострадания к слабости мужчины?!

— Моего имени не было в списках,— возразила она, опуская свои темные глаза,— это случайность. Выдай меня, Гармахис! Я любила тебя, это правда,— ты помнишь?— я глубоко чувствую твоё падение. Позор человека, которого мы, женщины, любим, становится нашим позором, прилипает к нам, и мы бесконечно страдаем, чувствуя его. Не безумец ли ты? Не желаешь ли ты прямо из объятий царственной развратницы искать утешения у меня, у меня одной?

— Почему я знаю,— сказал я,— что это не ты в ревнивом гневе выдала наши планы? Хармиона, давно уже Сепы предостерегал меня против тебя, и я припоминаю теперь...

— Ты — предатель,— прервала она, краснея до самого лба,— и видишь в каждом человеке себе подобного, такого же изменника и предателя, как ты! Не я изменила тебе, это — бедный дурак, Павел, который не выдержал до конца и выдал нас. Я не хочу слушать твоих низких мыслей, Гармахис. не царственный более! Клеопатра, царица Египта, приказала мне сказать тебе, что ты свободен, и она ждет тебя в алебастровом зале!

Бросив быстрый взгляд на меня из-под своих длинных ресниц, она ушла.

И снова, хотя редко, я начал появляться при дворе, но сердце мое было полно стыда и ужаса, и на каждом лице я боялся увидеть презрение к себе. Но я не видел ничего, так как все, знавшие о заговоре, исчезли, а Хармиона молчала ради своих собственных интересов. Итак, Клеопатра объявила, что я был невиновен! Но мой позор придавил меня и унес всю красоту моего лица, положив на нем печать измождения и горечи. Хотя меня и освободили, но зорко наблюдали за каждым моим шагом; я не мог уйти из дворца.

Наконец наступил день, когда явился Квинт Деллий, лживый римлянин, который служил восходящему светилу. Он привез Клеопатре письмо от Марка Антония, триумвира, находившегося после победы над Филиппом в Азии. Там он разными способами собирал золото с побежденных царей, чтобы удовлетворить им жадность своих легионеров.

Я хорошо помню этот день. Клеопатра в царском одеянии, окруженная придворными и свитой, в числе которой находился и я, сидела в большом зале, на золотом троне, и приказала герольдам пригласить посла от Антония-триумвира.

Широкие двери распахнулись, и при звуках труб, при кликах галльских воинов вошел римлянин при блестящем золотом вооружении, в шелковом, пурпурного цвета плаще, в сопровождении свиты.

Он был красив и прекрасно сложен, но около его рта залегла холодная, надменная складка, а в быстрых глазах сквозило что-то фальшивое.

В то время, когда герольды выкликали его имя, титул и заслуги, он пристально смотрел на Клеопатру, — лениво сидевшую на троне, сияющую красотой, — и стоял, словно ослепленный. Герольды кончили. Он все стоял молча, не двигаясь. Клеопатра заговорила на латинском языке:

— Привет тебе, благородный Деллий, посол могущественного Антония! Тень его славы легла на мир, словно сам Марс спустился над нами, бедными князьями, чтобы приветствовать нас и удостоить своим прибытием наш бедный город, Александрию! Просим тебя, скажи нам цель твоего прибытия!

Хитрый Деллий не отвечал, продолжая стоять в оцепенении.

— Что с тобой, благородный Деллий, отчего ты молчишь? — спросила Клеопатра. — Разве ты так долго странствовал в Азии, что двери римского языка закрыты для тебя? На каком языке говоришь ты? Назови его, и мы будем говорить с тобой, все языки знакомы нам!

Наконец он заговорил тихим голосом:

— Прости меня, прекраснейшая царица Клеопатра, если я стоял немым перед тобой. Слишком поразительная красота, подобно смерти, лишает нас языка и парализует чувства. Глаза того, кто смотрит на блеск полуденного солнца, слепы на все остальное! Неожиданно поразила меня твоя красота и слава, царица Египта, и я подавлен, поработен, а мой ум не в силах понять что-либо!

Поистине, благородный Деллий, — отвечала Клеопатра, — в Киликии вы проходите хорошую школу лести!

Что же говорят у вас здесь, в Александрии? — возразил ловкий римлянин. — Дыхание лести не может рассеять облака! Не правда ли? Но к делу. Здесь, царица Египта, письма благородного Антония за его подписью и печатью. Он пишет о некоторых государственных делах. Угодно ли тебе, чтоб я прочитал их при всех?

— Сломай печать и читай!

Поклонившись, римлянин сломал печать и начал читать:

«*Triumviri Reipublicae Constitnendae*, устами Марка Антония, триумвира, Клеопатре, милостью римского народа царице Верхнего и Нижнего Египта, шлют свой привет.

До нашего сведения дошло, что ты, Клеопатра, вопреки долгу и обещанию приказала своим слугам, Аллиену и Сера-

* Другими словами, Божество выше человеческих похвал.

пиону, правителю Кипра, помочь бунтовщику и убийце Кассию против войска доблестного триумвирата.

Еще до нашего сведения дошло, что позднее ты приготовила для этой цели сильный флот. Мы требуем, чтобы ты, не медля, отправилась в Киликию для встречи с благородным Антонием и сама лично ответила на все обвинения, возводимые на тебя.

Если ты не захочешь повиноваться нашему требованию, предостерегаем тебя, ты — в большой опасности! Прощай!»

Глаза Клеопатры блеснули, когда она слушала эти надменные слова, и я видел, что ее руки сжимали головы золотых львов, на которых она опиралась.

— Нам польстили, — сказала она, — а теперь, чтобы мы не пресытились лестью, нам поднесли противоядие! Выслушай, Деллий. Обвинения, изложенные в этом письме, ложны, весь народ наш может засвидетельствовать это. Но не теперь и не перед тобой мы будем защищать наши поступки, военные и политические действия. Мы не желаем покинуть наше царство и плыть в далекую Киликию, чтобы там, подобно бедному истцу, ходатайствовать за себя перед двором благородного Антония. Если Антоний пожелает говорить с нами, осведомиться относительно дела, море открыто, ему оказан будет царственный прием. Пусть приедет сюда. Вот наш ответ тебе и триумвирату, Деллий!

Деллий улыбнулся и сказал:

— Царица Египта! Ты не знаешь благородного Антония! Он суров на бумаге и пишет как будто мечом, обгаренным человеческой кровью. Но лицом к лицу с ним ты увидишь, что Антоний — самый мягкий воин во всем свете, который когда либо выигрывал битвы. О, согласишься, царственная египтянка, и исполни требование. Не отсылай меня к нему с этими гневными словами, ведь, если Антоний двинется на Александрию, горе ей и всему народу египетскому и тебе самой, великая египтянка! Он явится вооруженный и принесет с собой дыхание войны! Тогда тебе будет плохо, так как ты не хотела признать соединенного могущества Рима. Прошу тебя, исполни требование! Отправься в Киликию с мирными дарами, а не с оружием в руках. С твоей красотой и прелестью тебе нечего бояться Антония!

Он замолчал и лукаво смотрел на нее, а я, угадав его мысль, почувствовал, что вся кровь бросилась мне в голову.

Клеопатра также отлично поняла его, и я увидел, что она оперлась подбородком на руку, и облако спустилось на ее глаза. Некоторое время сидела она так, пока лукавый Деллий с любопытством наблюдал за ней. Хармиона, стоявшая с другими женщинами около трона, также поняла его мысль, и лицо

ее просияло, подобно летнему облачку вечером, когда лучи заката пронизывают его. Потом лицо ее опять побледнело и стало спокойно.

Наконец Клеопатра заговорила.

— Это серьезное дело, и потому, благородный Деллий, нам необходимо время, чтобы обсудить его зрело. Останься у нас, повеселись, если тебе понравятся наши жалкие развлечения! Через десять дней ты получишь наш ответ!

Посол подумал немного, потом ответил, улыбаясь:

— Изволь, царица Египта! На десятый день я буду ждать твоего ответа, а на одиннадцатый отплыть отсюда, чтобы присоединиться к Антонию, моему великому господину!

По знаку Клеопатры снова зазвучали трубы, и посол с поклоном удалился.

Х

*Беспокойство Клеопатры.—Ее клятва
Гармахису.— Гармахис рассказывает Клеопатре
тайну сокровища, скрытого в пирамиде Гер.*

В ту же ночь Клеопатра призвала меня в свою комнату. Я пришел и увидел, что она в страшном смятении. Никогда я не видал ее такой взволнованной. Она была одна и, как раненая львица, металась по комнате, шагая взад и вперед по мраморному полу, в то время как мысль за мыслью сменялись в ее уме, как облачко над морем, сгущая тени в ее глубоких глазах.

— Хорошо, что ты пришел, Гармахис!— сказала она, останавливаясь на минуту и взяв меня за руку.— Посоветуй мне, научи, я никогда так не нуждалась в совете, как теперь! Какие дни боги послали мне, дни беспокойные, как океан? С самого детства я не знала покоя и, кажется, никогда не узнаю. Едва я избежала твоего кинжала, Гармахис, как новая забота, подобно буре, собралась на моем горизонте, чтобы вдруг разразиться надо мной! Заметил ли ты этого франта с видом тигра? Как хотела бы я прогнать его! Как он нежно говорил! Словно кот, который, мурлыча, показывает свои когти! Слышал ты письмо? Оно — зловеще. Я знаю этого Антония! Я видела его, когда была еще ребенком, но глаза мои были всегда проницательны, и я разгадала его!

Наполовину геркулес, наполовину безумец, с печатью гения в самом безумии! Хорош к тем, кто умеет потворствовать его сладострастию, и в раздражении — железный человек! Верен друзьям, если любит их, иногда фальшив ради своих целей. Великодушен, смел, даже добродетелен, в счастии — глупец и раб женщин! Таков Антоний. Как поступить с таким че-

ловеком, которого судьба и обстоятельства, помимо его воли, вознесли на высокую волну счастья? Когда-нибудь эта волна захлестнет его, а пока он переплывает мир и смеется над теми, кто тонет!

— Антоний — человек, — возразил я, — у него много врагов, и, как человек, он может пасть!

— Да, он может пасть, но он — один из трех. Кассий умер, и у Рима появилась новая голова гидры. Убей одну, другая будет шипеть тебе в лицо. Там есть Лепид, молодой Октавий, который с холодной усмешкой торжества будет смотреть на смерть пустого, недостойного Лепида, Антония и Клеопатры. Если я не поеду в Киликию, заметь это, Антоний заключит мир с парфянами и, поверив всем рассказам обо мне, — конечно, в них есть доля правды, — обрушится со всей своей силой на Египет. Что тогда?

— Мы прогоним его назад, в Рим!

— Ты так думаешь, Гармахис? Если бы я не выиграла игры, которую мы вели с тобою 12 дней тому назад, и ты был бы фараоном, то, наверное, мог бы сделать это, так как вокруг твоего трона собрался весь Древний Египет! Но меня Египет не любит, у меня в жилах течет греческая кровь. Я уничтожила твой великий заговор, в котором была замешана целая половина Египта. Захотят ли эти люди помочь мне? Если бы Египет любил меня, я, конечно, могла бы продержаться одна против всех сил Рима, но Египет ненавидит меня и предпочитает владычество римлян. Я могла бы защищаться, если бы у меня было золото, так как за деньги я могла бы нанять и прокормить солдат. Но у меня ничего нет. Моя казна пуста, и в моей богатой стране долги давят меня. Войны разорили меня, и я не знаю, где мне найти хоть один талант. Быть может, Гармахис, ты по праву наследства — жрец при пирамидах, — она близко подошла ко мне и заглядывала мне в глаза, — ты, быть может, если слух, дошедший до меня, справедлив, можешь сказать мне, где взять золота, чтобы спасти страну от гибели, а твою любовь от когтей Антония! Скажи, так это?

Я подумал с минуту и ответил:

— Если слухи были верны и я бы мог указать тебе сокровище, скопленное могущественными фараонами для нужд Кемии, как могу я быть уверен, что ты употребишь богатство на пользу страны, для высокой цели?

— Так сокровища эти действительно существуют? — спросила она с любопытством. — Нет, не терзай меня, Гармахис! Поистине одно слово «золото» теперь в нужде, подобно призраку воды в голой пустыне!

— Я думаю, — возразил я, — что сокровища есть, хотя я никогда не видал их. Я знаю, что они лежат там, где их положи-

ли. Тяжелое проклятие падет на того, чьи руки воспользуются ими для своих низких целей! Те фараоны, которым было известно местонахождение сокровищ, не осмелились тронуть их, хотя и очень нуждались!

— Так,— сказала Клеопатра,— они были трусливы или не очень нуждались! Покажи мне сокровища, Гармахис!

— Может быть,— ответил я,— я покажу тебе их, если ты поклянешься, что употребишь их в защиту Египта против римлянина Антония и на благо народа Кеми!

— Клянусь тебе!— вскричала она серьезно.— Клянусь тебе богами Кеми, что, если ты покажешь мне сокровища, я отрекусь от Антония и пошлю Деллия назад, в Киликию, с ответом, более гордым и резким, чем письмо Антония. Я сделаю это, Гармахис, и как скоро ты это устроишь мне, я перед всем миром назову тебя своим супругом; ты выполнишь все твои планы и разобьешь в прах римских орлов!

Она сказала это, смотря мне в лицо правдивым, серьезным взглядом. Я верил ей и в первый раз со времени моего падения почувствовал себя почти счастливым, думая, что не все еще потеряно для меня, и с помощью Клеопатры, которую я безумно любил, я мог добиться трона и власти.

— Клянись, Клеопатра!— сказал я.

— Клянусь, возлюбленный мой, и этим поцелуем запечатаваю мою клятву!— Она поцеловала меня в лоб, я ответил ей также поцелуем. Мы толковали о том, что будем делать, когда повенчаемся, и как мы победим Рим!

Я снова был обманут, хотя твердо уверен и теперь, что, если бы не ревнивый гнев Хармионы, которая, как мы увидим, не упускала случая помочь позорному делу и обмануть меня,— Клеопатра повенчалась бы со мной и порвала бы с Римом.

Да и в самом деле, это было бы выгоднее и лучше для нее и для Египта! Мы просидели долго ночью, и я открыл Клеопатре кое-что из великой тайны сокровища, скрытого в громаде Гер. Было условлено, что завтра мы пойдем туда и ночью начнем поиски.

Рано утром на следующий день нам была тайно приготовлена лодка. Клеопатра села в нее, закутанная, словно египтянка, собравшаяся на паломничество к храму Горемку. За ней вошел в лодку я, одетый пилигримом, и с нами десять человек вернейших слуг, переодетых матросами. Хармионы не было с нами. Попутный ветер помог нам быстро выбраться из устья Нила. Ночь была светлая. В полночь мы достигли Саяса и остановились тут ненадолго, потом снова сели в лодку и плыли целый день, пока через три часа после заката солнца перед нами не блеснули огни крепости Вавилон. Здесь, на противоположном берегу реки, мы пристали к тростниковым зарослям

и вышли из лодки. Пешком, тайно от всех, мы отправились к пирамидам, находившимся в двух лигах расстояния от нас. Нас было трое: Клеопатра, я и преданный евнух; остальных слуг мы оставили в лодке. Я нашел для Клеопатры осла, который пасся в поле, поймал его и покрыл плащом. Она уселась на осла, и я повел его знакомыми путями, а евнух следовал за нами пешком. Меньше чем через час, идя по большой дороге, мы увидали перед собой пирамиды, озаренные сиянием лунь, и молчаливо возвышавшиеся перед нами. Мы шли молча через город смерти и мертвецов, торжественные гробницы которых окружали нас со всех сторон.

Потом, наконец, мы взобрались на скалистый холм и стояли в глубокой тени древнего Куфу-Кут, блестящего трона Куфу.

— Поистине,— прошептала Клеопатра, смотря на ослепительный мрамор откоса с начертанными на нем миллионными мистических букв,— поистине в древние времена страну Кеми управляли боги, а не люди! Это место похоже на обиталище смерти, от него веет нечеловеческой мощью и силой! Мы сюда должны войти с тобой?

— Нет,— отвечал я,— не сюда. Иди дальше!

Я повел Клеопатру по дороге, мимо тысячи древних гробниц, до тех пор, пока мы не вошли в тень великой Ур и смотрели на ее красную, тянувшуюся к небу громаду.

— Сюда мы должны войти? — прошептала Клеопатра снова.

— Нет, не сюда!— отвечал я опять.

Мы прошли мимо гробниц и вошли, наконец, в тень пирамиды Гер. Клеопатра удивленно смотрела на ее ослепительную красоту, которая целые тысячи лет каждую ночь отражала лунные лучи, на черный пояс из эфиопского камня, окружавший ее основание. Это — красивейшая из всех пирамид.

— Сокровищница здесь?— спросила Клеопатра.

— Здесь!— ответил я.

Мы обошли вокруг храма для поклонения божественному величию Менкау-ра Озирийского, вокруг пирамиды и остановились у северной стороны. Здесь, в центре, вырезано имя фараона Менкау-ра, который выстроил пирамиду, желая сделать ее своей гробницей, и скрыл в ней сокровища для нужд Кеми.

— Если сокровище находится еще здесь,— сказал я Клеопатре,— как во времена моего предка, великого жреца пирамиды,— то оно скрыто в недрах громады, которую ты видишь перед собой, Клеопатра! Путь туда полон труда, опасностей и ужаса. Готова ли ты войти, потому что ты сама должна идти туда и обсудить все!

— А разве ты не можешь, Гармахис, вместе с евнухом ид-

ти туда и принести сокровище?—спросила Клеопатра, мужество которой начало слабеть.

— Нет, Клеопатра,— отвечал я,— не только ради тебя, но даже ради блага Египта я не могу это сделать, иначе из всех грехов моих это будет величайший. Я поступаю на законном основании. Я имею право как наследственный хранитель тайны по просьбе показать правящему монарху Кеми место, где лежит сокровище, и также показать предостерегающую надпись. Когда монарх увидит и прочтет надпись, он должен рассудить, так ли сильна нужда Кеми и дает ли она ему право пренебречь проклятием усопшего и наложить руки на сокровища! От его решения зависит все это ужасное дело. Три монарха—так гласят летописи, которые я читал,— осмелились войти сюда в минуту нужды. Это была божественная царица Хет-шеноу, избранница богов, ее божественный брат Техутим Мен-Кепер-ра и божественный Рамзес Ми-амень. Никто из них не осмелился дотронуться до сокровищ; как ни велика была нужда в деньгах, все же они не решились на это деяние. Боясь, что проклятие обрушится на них, они ушли отсюда опечаленные!

Клеопатра подумала немного, и ее смелая душа преодолела страх.

— Во всяком случае, я хочу видеть все своими глазами!

— Хорошо!— ответил я.

С помощью евнуха я нагромоздил камни около основания пирамиды выше человеческого роста, вскарабкался на них и начал искать тайный знак в пирамиде, величиной не более листа. Я не скоро нашел его, непогоды и бури почти стерли его с эфиопского камня. Затем я нажал его, не известным мне образом, изо всей силы. Пролежавший спокойно целый ряд столетий камень повернулся. Показалось отверстие, достаточное, чтобы в него мог пролезть человек. Из отверстия вылетела огромная летучая мышь, белая, почти седая, словно покрытая пылью веков, такой величины, какой я никогда в жизни не видал, величиной с сокола. Она с минуту кружилась над Клеопатрой, потом поднялась и исчезла в ярких лучах месяца. Клеопатра вскрикнула от ужаса, а евнух упал ниц со страху, думая, что это дух-хранитель пирамиды. Мне самому было страшно, но я молчал. Я думаю даже теперь, что это был дух Менкау-ра, который, приняв образ летучей мыши, как бы предостерегал нас, улетев прочь из своего священного дома.

Я ждал некоторое время, чтобы затхлый воздух в отверстии несколько освежился. Потом я зажег три светильника и, поставив их у входа в отверстие, отвел евнуха в сторону, заставив поклясться живым духом того, кто почивает в Абуфисе, что он никогда не скажет никому о том, что увидит.

Евнух поклялся, весь дрожа от страха. И действительно, он ничего никому не сказал.

Затем я влез в отверстие, взяв с собой веревок, обвязал себя одной веревкой вокруг тела и позвал Клеопатру с собой. Крепко держа подол своего платья, Клеопатра пришла; я помог ей влезть в отверстие, и она очутилась позади меня в проходе, выложенном гранитными плитами. За нами пролез и евнух. Тогда я еще раз посмотрел план прохода, который принес с собой. Этот план был списан с древних писем и дошел до моих рук через сорок одно поколение моих предшественников, жрецов пирамиды Гер; знаки, которыми он был написан, были понятны только посвященному. Я повел своих спутников по мрачному проходу к таинственно молчаливой гробнице.

Озаряемые слабым светом, мы спустились по крутому уклону, задыхаясь от жары и густого, затхлого воздуха. Мы прошли уже каменные постройки и очутились в галерее, вырытой в скале. На двадцать шагов или более она сбегала круто вниз, потом уклон уменьшался, и мы оказались в комнате, окрашенной в белый цвет и такой низкой, что я, благодаря своему высокому росту, не мог стоять прямо. В длину она была около четырех шагов, шириной — в три шага, и украшена скульптурой. Клеопатра опустилась на пол и сидела неподвижно, измученная жарой и глубоким мраком.

— Встань! — сказал я ей. — Нам нельзя оставаться здесь, иначе мы потеряем силы!

Она встала. Рука об руку мы прошли комнату и остановились перед огромной гранитной дверью, под тяжелым сводом. Еще раз взглянув на план, я придавил ногой известный мне камень и стал ждать. Внезапно и тихо, не знаю, каким образом, громада поднялась с своего ложа, высеченного в скале. Мы прошли дальше и очутились перед другой гранитной дверью. Опять я нажал известное мне место двери. Она широко распахнулась. Мы прошли через нее, и перед нами предстала третья дверь, еще огромное и крепче пройденных. Согласно плану, я ударил дверь ногой, она тихо опустилась, словно под влиянием волшебного слова, и верх ее оказался на уровне каменного пола. Мы достигли другого прохода, в сорок шагов длиной, который привел нас в большую комнату, выложенную черным мрамором; она имела девять локтей в высоту и ширину и тридцать локтей в длину. На мраморном полу ее стоял большой гранитный саркофаг, на котором были выгравированы имя и титул царицы Менкау-ра. В этой комнате воздух был чище, хотя я не знаю, каким образом он проникал сюда.

— Сокровища здесь? — прошептала Клеопатра.

— Нет, — ответил я, — следуя за мной!

Я повел ее по галерее, куда мы попали через отверстие в

полу большой комнаты, которое запиралось подъемной дверью. Теперь эта дверь была отворена. Пройдя шагов десять, мы подошли к колодцу глубиной в семь локтей. Поправив конец веревки, которой я обвязал себя вокруг тела, и прикрепив другой к кольцу на скале, я спустился вниз, держа светильник в руках, в место упокоения божественного Менкау-ра. Потом веревка поднялась наверх, и Клеопатра была опущена вниз евнухом. Я принял ее в свои объятия, приказав евнуху, хотя против его желания, так как он боялся остаться один, ожидать нашего возвращения у колодца: не подобало ему входить туда, куда мы вошли.

XI

*У гробницы божественного Менкау-ра.—
Письмена на груди Менкау-ра.— Захват сокровища.—
Обитатель гробницы.— Бегство Клеопатры
и Гармахиса из священного места.*

Мы стояли в маленькой сводчатой комнате, вымощенной и выложенной большими глыбами сионского гранита. Перед нами, высеченный из цельного базальта, в виде деревянного дома, на сфинксе с золотым лицом находился саркофаг божественного Менкау-ра. Мы молча смотрели на него. Мертвая и торжественная тишина священного места подавляла нас. Над нами на громадную высоту высилась пирамида, уходя в ночное небо.

Мы находились глубоко в недрах скалы, одни с мертвецом, вечный сон которого мы готовились нарушить. Ни один звук, ни одно движение воздуха, ни один признак жизни не нарушал мрачного молчания смерти. Я смотрел на саркофаг: его тяжелая крышка была снята и лежала сбоку, а вокруг слоями лежала вековая пыль.

— Смотри!— прошептал я, указывая на письма, начерченные краской на стене в виде священных символов древности.

— Прочитай их, Гармахис,— отвечала Клеопатра тихо.— Я не могу.

Я прочитал: «Я, Рамзес Ми-амень, в день и час нужды посетил эту гробницу. Хотя нужда моя велика и сердце мое смело, я не смею навлечь на себя проклятие Менкау-ра. О ты, кто придешь сюда после меня, если душа твоя чиста и нужда Кем-и неотложна, возьми то, что я оставил!»

— Где же сокровище?— прошептала Клеопатра.— Это золотое лицо сфинкса?

— Да, здесь,— отвечал я, указывая на саркофаг,— подойди и смотри!

Она, взяв меня за руку, подошла ближе.

Покрывало было снято, но разрисованный гроб фараона находился в недрах саркофага. Мы взобрались на сфинкса, я дунул, и пыль полетела от моего дуновения. Тогда можно было прочесть на крышке: «Фараон Менкау-ра, дитя Неба, Фараон Менкау-ра, царственный сын солнца, Фараон Менкау-ра, лежавший под сердцем Нут. Нут, твоя мать, окутывает тебя чарами своего священного имени! Имя твоей матери, Нут, есть тайна неба. Нут, твоя мать, причисляет тебя к лику богов! Нут, твоя мать, одним дыханием уничтожает твоих врагов! О Фараон Менкау-ра, живущий вовеки!»

— Где же сокровище?— опять спросила Клеопатра.— Здесь действительно находится тело божественного Менкау-ра. Но тело фараона — не золото, а сфинкс с золотым лицом... как нам унести его?

Вместо ответа я велел ей встать на сфинкса и поднять верхнюю часть гробницы, пока я подниму ее подножие. Крышка ящика снялась, и мы положили ее на пол. В ящике находилась мумия фараона в том виде, как она была положена туда три тысячи лет тому назад. То была большая мумия, плохо сделанная, без золотой маски, как повелевал обычай в наши дни. Голова мумии была обернута в пожелтевшее от времени полотно, скрепленное тонкими льняными повязками. Под ними находились стебли лотоса. На груди, обвитой цветами лотоса, лежала золотая дощечка с начертанными на ней священными письменами. Я взял дощечку, поднес ее к свету и прочитал: «Я, Менкау-ра, бывший фараон страны Кеми, жил в свое время праведно и не отступал от стези, указанной ногам моим повелением Невидимого, который есть начало и конец всего живущего! Из могилы я обращаюсь к тем, кто после меня будет сидеть на моем троне! Смотри, я, Менкау-ра, в дни жизни моей получил предостережение, во время сна, что наступит время, когда Кеми попадет в руки чужеземцев и его монарх будет нуждаться в сокровищах, чтобы нанять войско и прогнать варваров. Моя мудрость научила меня сделать это. Богам угодно было одарить меня таким богатством, какого не имел ни один фараон с времен Хора. Тысячи скота и гусей, тысячи телег и ослов, тысячи мер зерна, сотни мер золота и драгоценных камней! Это богатство я тратил бережливо, и все, что осталось, обменял на драгоценные камни, изумруды, прекраснейшие и лучшие из всех в мире. Эти камни я сберег для нужды Кеми!

Как всегда, на земле были и будут злодеи, которые из жадности могут захватить скопленное мною богатство и употребить для своих целей. Смотри, ты, еще не рожденный, настанет время, ты будешь стоять надо мной и читать, что написано,— я сохранил сокровище в костях моих! Помни, ты, не рож-

денный, спящий в утробе Нут, я говорю это тебе! Если ты нуждаешься действительно в богатстве, чтобы спасти Кеми от врагов, не бойся ничего и не медли, отними меня от моей гробницы, сбрось мои покровы, возьми сокровище из моей груди, и все удастся тебе! Я требую только одного, чтобы ты положил мои кости опять в пустой гроб! Но если нужда не велика и проходяща или ты замышляешь зло в сердце твоём, проклятие Менкау-ра падет на тебя! Проклятие тому, кто надругался над мертвым! Проклятие будет преследовать предателя! Да будет проклят тот, кто оскорбляет величие богов!

Ты будешь несчастен при жизни, умрешь в крови и скорби и будешь терзаться и мучиться вечно, вечно! В Аменти мы встретимся с тобой, злодей! Чтобы сохранить эту тайну, я, Менкау-ра, выстроил храм моего почитания на восточной стороне моего дома смерти. От времени до времени наследственный Великий Жрец моего храма будет знать о ней!

Если Великий Жрец откроет эту тайну кому-либо другому, не фараону или не той, которая носит корону фараонов и восседает на их троне, на него падет мое проклятие! Все это написал я, Менкау-ра! Теперь к тебе обращаюсь, лежащий в утробе Нут, когда настанет время, ты будешь стоять надо мной и читать, говорю тебе! Обсуди сам! И если дурно рассудишь, на тебя падет проклятие Менкау-ра, от которого тебе негде укрыться. Привет тебе и прощай!»

— Ты слышала, Клеопатра?— сказал я торжественно.— Посоветуйся с твоим сердцем, рассуди и, ради твоего собственного блага, суди справедливо!

Клеопатра склонила голову в раздумьи.

— Я боюсь сделать это!— сказала она.— Пойдем отсюда!

— Хорошо,— ответил я, чувствуя облегчение на сердце и наклоняясь, чтобы поднять деревянную крышку. Я тоже боялся, хотя и молчал.

— Что сказано в писаниях божественного Менкау-ра? Это все изумруды? Не правда ли? Изумруды редки и дороги! Я очень люблю изумруды и никогда не могла достать ни одного чистого камня!

— Дело не в том, что ты любишь, Клеопатра,— сказал я,— а в нуждах Кеми, в тайных побуждениях твоего сердца, которые ты одна только знаешь!

— Конечно, Гармахис, конечно! Разве не велика нужда Египта? В казне нет золота, как я могу порвать с Римом без денег? Разве я не поклялась, что короную тебя, обвенчаюсь с тобой и порву с Римом? В этот торжественный час, положив руку на сердце мертвого фараона, еще раз клянусь тебе! Разве это не такой случай, о котором было предупреждение во сне божественного Менкау-ра? Ты видишь: и Хет-шепсу, и Рамзес,

и другие фараоны не тронули сокровищ — не пришло время. Этот час настал теперь, и, если я не возьму камни, римляне захватят Египет, и тогда не будет фараона, которому можно открыть тайну. Бросим страхи, и за работу! Почему ты смотришь на меня так испуганно? Когда сердце чисто, нечего бояться, Гармахис!

— Как ты желаешь,— возразил я,— ты должна рассудить. Если ты рассудишь ложно, на тебя падет проклятие, которого ты не избежишь!

— Хорошо, Гармахис, держи голову фараона, а я... Какое это ужасное место!— Внезапно она прижалась ко мне.— Мне показалась тень, там, в темноте! Мне казалось, что она двигалась к нам и вдруг исчезла! Уйдем! Разве ты ничего не видел?

— Я ничего не видел, Клеопатра. Может быть, это был дух божественного Менкау-ра, ибо дух всегда парит над своим смертным обиталищем! Уйдем! Я рад уйти отсюда!

Клеопатра сделала шаг, но снова обернулась и заговорила:

— Ничего не было, ничего, кроме фантазии, порожденной страхом и темнотой этого ужасного места! Нет, я должна видеть эти изумруды. Пусть я умру, но увижу! За дело!

Своими собственными руками она взяла из гробницы одну из четырех алебастровых урн, на которых были выгравированы изображения богов-покровителей. В урне находилось сердце и внутренности божественного Менкау-ра, больше ничего. Тогда мы взобрались на сфинкса, с трудом вынули труп фараона и положили его на землю. Клеопатра взяла мой кинжал и разрешила им повязки, державшие покров; цветы лотоса, три тысячи лет тому назад положенные ему на грудь любящими руками, упали на пол. Мы нашли конец верхней повязки, которая была прикреплена к задней части, разрежали ее и принялись развертывать покров священного тела.

Прислонившись плечами к саркофагу, я сел на каменный пол, положив тело мертвеца к себе на колени. Я повертывал его, а Клеопатра развертывала полотно. Что-то выпало из покровов. То был скипетр фараона, сделанный из чистого золота, с яблоком из чистейшего изумруда на конце. Клеопатра взяла скипетр и молча смотрела на него. Затем мы продолжали наше ужасное дело. По мере того как мы развертывали тело, выпадали разные золотые украшения, с какими по обычаю хоронят фараонов,— кольцо, браслеты, сistrы, топорик, изображение священного Озириса и священной Кеми. Наконец все повязки были развернуты, под ними находилось покрывало из грубого холста. В те древние времена еще не умели так ловко и искусно бальзамировать тела, как теперь! На холсте находилась овальная надпись: «Менкау-ра, царственный сын солнца». Мы не знали, как снять холст,— он был прикреплен к телу. Изму-

ченные жарой, задыхающиеся от пыли и запаха благовоний, трепеща от страха за нашим святотатственным делом, в этом молчаливом и священном доме смерти, мы положили тело на землю и разрезали ножом последний покров. Прежде всего мы развернули голову фараона и увидели лицо его, которого не видел ни один человек в течение трех тысяч лет. Это было большое лицо с смелым лбом, увенчанным царским уреусом, из-под которого прямыми и дивными прядями ниспадали белые локоны. Ни холодная печать смерти, ни длинный ряд протекших столетий не могли отнять величия и достоинства у этих застывших черт. Мы смотрели на них и, перепуганные, быстро сняли покров с тела. Оно лежало перед нами, зачехленное, желтое, ужасное. В левом боку, выше бедра, был надрез, сделанный бальзамировщиками, но зашитый так искусно, что мы с трудом нашли его.

— Камни там, внутри! — прошептал я, чувствуя, что тело очень тяжело. — Если сердце твое не ослабело, ты должна войти в это бедное, смертное обиталище, бывшее когда-то могущественным фараоном!

Я подал ей свой кинжал — тот самый кинжал, который прикончил жизнь Павла.

— Поздно раздумывать и сомневаться, — отвечала Клеопатра, подняв свое бледное, прелестное лицо и устремив на меня свои большие синие глаза, широко раскрытые от ужаса.

Она взяла кинжал и, стиснув зубы, воткнула его в мертвую грудь того, кто был фараоном три тысячи лет тому назад.

В эту минуту до нас долетел ужасный стон через отверстие колодца, где мы оставили евнуха. Мы вскочили на ноги. Больше ничего не было слышно, только светильник мерцал в вышине, у отверстия.

— Ничего, — сказал я, — надо закончить!

С большим трудом мы разрезали жесткое мясо, и я слышал, как нож задевал за камни. Клеопатра запустила руку в мертвую грудь и, быстро вытащив что-то, понесла находку к свету. Из мрака фараоновой груди вернулся к жизни и свету великолепный изумруд. Цвет его был неподобен. Он был очень велик, без всякого порока, и сделан в виде скарабея, на нижней стороне которой находился овал с написанным на нем божественным именем Менкау-ра, сына солнца. Опять и опять она погрузила руку и вытащила огромные изумруды, лежавшие в груди фараона, среди благовоний. Одни были отделаны, другие — нет, но все совершенного цвета и огромной ценности. Несколько раз Клеопатра запускала руку в мертвую грудь, пока не вытащила всех изумрудов. Теперь у нас было сто сорок семь изумрудов, каких никто и никогда в мире не видел. Последний раз она нашла не изумруды, а две огромные

жемчужины неслыханной красоты. Сокровище огромной кучей сияло перед нами. Рядом с ним лежали золотые регалии, благовония, разрезанные покровы и растерзанное тело седоволосого фараона Менкау-ра, вечно живущего в Аменти.

Мы встали, и, когда все было уже кончено, на нас напал такой страх, что мы не могли произнести ни слова. Я сделал знак Клеопатре. Она взяла фараона за голову, я — за ноги, и мы, взобравшись на сфинкса, положили его обратно в гроб. Я набросил на него разрезанные покровы и закрыл гробницу крышкой. Потом мы собрали большие камни и те украшения, которые могли унести с собой. Некоторые из них я спрятал в складки моей одежды, остальные Клеопатра спрятала на своей груди. Тяжело нагруженные сокровищем, мы бросили последний взгляд на торжественное место смерти, на саркофаг, на сфинкса, спокойное лицо которого, казалось, смеялось, сияя своей вечной и мудрой улыбкой, повернулись и пошли из гробницы. У колодца мы остановились. Я позвал евнуха, и мне показалось, что насмешливый хохот отозвался мне сверху. Охваченный ужасом, не смея позвать вторично, боясь, что, если мы промедлим, то Клеопатра упадет без сознания, я схватил веревку и, так как обладал большой силой, быстро поднялся вверх. Светильник горел по-прежнему, но евнуха не было. Полагая, что он, вероятно, отошел в сторону и заснул, я велел Клеопатре обвязать себя веревкой и с большим усилием поднял ее вверх. Несколько отдохнув, мы начали искать евнуха.

— Он испугался и убежал, оставив светильник! — сказала Клеопатра. — О боги, что это там такое?

Я взгляделся в темноту, поднял светильник и при свете его увидал зрелище, при мысли о котором леденеет душа моя! Прислонясь к стене и расставив руки, лицом к нам сидел евнух, мертвый! Глаза его были широко раскрыты, толстые щеки отвисли, жидкие волосы стояли дыбом, а на лице застыло выражение такого нечеловеческого ужаса, что ум мутился при виде его! Зацепившись за его подбородок задними лапами, висела та белая огромная летучая мышь, которая вылетела при нашем входе в пирамиду, а затем вернулась, следуя за нами в недра ее. Она висела и раскачивалась на подбородке мертвеца, ее глаза искрились в темноте.

Совершенно обезумев от ужаса, мы стояли и смотрели на отвратительное зрелище. Расправив свои крылья, летучая мышь оставила свою жертву и направилась к нам; она начала кружиться над лицом Клеопатры, задевая ее своими белыми крыльями. Потом с визгом, похожим на крик женщины, проклятое чудовище полетело искать оскверненную гробницу и исчезло в отверстии колодца. Я прислонился к стене, чтобы не упасть. Клеопатра упала на пол и, закрыв лицо руками, за-

кричала так громко, что пустые переходы загремели эхом ее голоса, и этот крик, казалось, все рос и усиливался, глухо звуча в недрах пирамиды.

— Встань!— закричал я.— Встань и пойдем отсюда, пока дух не вернулся преследовать нас! Если ты не сможешь побороть сейчас твою слабость в этом ужасном месте, ты погибла!

Она встала, шатаясь. Я никогда не забуду ее искаженного лица и горящих глаз. Схватив светильник, мы прошли мимо ужасного мертвого евнуха — я придерживал Клеопатру рукой — и достигли большой комнаты, где находился саркофаг царицы Менкау-ра. Быстро пройдя комнату, мы побежали по проходу. Что будет с нами, если все три огромные двери закрыты? Нет, они были отворены, мы прошли через них, и я сам запер последнюю. Я тронул камень, и дверь опустилась, закрыв от нас навсегда и мертвого евнуха, и чудовище, висевшее у него на подбородке. Мы очутились в белой комнате с скульптурными панелями. Перед нами находился последний подъем. О, этот подъем! Дважды Клеопатра скользила и падала на гладкий пол. В другой раз — это было на половине пути — она уронила светильник и покатилась бы сама за ним следом, если бы я не поддержал ее. Но, помогая ей, я также уронил свой светильник, который упал и погас. Мы остались в темноте. А что, если в этом мраке над нами парит это ужасное существо?

— Будь мужественнее!— вскричал я.— О любовь моя, будь мужественнее, борись, иначе мы оба погибли! Пути осталось немного, и, хотя темно, мы можем осторожно подвигаться вперед! Если камни тяжелы, брось их!

— Нет,— пробормотала она,— я не хочу. Это значило бы не выдержать до конца! Я умру с ними!

Я увидел тогда всю смелость и величие этого женского сердца. В темноте, несмотря на все ужасы, на наше безвыходное положение, она, прижимаясь ко мне, шла по ужасному проходу. Так взбирались мы, рука об руку, с пылающими сердцами, пока, благодаря милосердию или гневу богов, не увидели слабого света луны, проникавшего в отверстие пирамиды. Еще несколько шагов — и цель достигнута! Свежий ночной воздух, подобно дыханию неба, обнял нас и освежил. Я пролез в отверстие и, стоя на камне, вытащил Клеопатру за собой. Она упала на землю и лежала неподвижно. Дрожащими руками я нажал камень. Он повернулся и закрыл отверстие, не оставив и следа на месте входа. Тогда я слез вниз и, оттолкнув камень, взглянул на Клеопатру. Она лежала без чувств, и, несмотря на пыль, лицо ее было так бледно, что я подумал, не умерла ли она, но, положив руку на ее сердце, почувствовал, что оно бьется. Измученный, я бросился на песок рядом с ней, чтобы отдохнуть и собраться с силами.

ХII

*Возвращение Гармахиса.— Приветствие Хармионы.—
Ответ Клеопатры Квинту Деллию, послу Антония-триумвира.*

Наконец я поднялся и, положив себе на колени голову египетской царицы, пытался привести ее в чувство. Как прекрасна она была в своей запыленной одежде, с длинными, спускившимися на грудь волосами!

Как убийственно хороша она была, озаряемая бледными лучами месяца,— эта женщина, история красоты и грехов которой переживет каменные громады пирамид! Тяжелый обморок смягчил некоторую лживость ее лица; на нем сиял теперь божественный отпечаток чудной женской красоты, смягченной тенями ночи и облагороженной сном, похожим на смерть. Я смотрел на это лицо, и сердце мое рвалось к ней. Казалось, я еще больше любил ее за всю глубину моего падения, за все ужасы, которые мы пережили вместе.

Мое сердце, усталое и истерзанное страхом и сознанием своей виновности, в ней одной жаждало найти покоя — кроме нее, у меня ничего не осталось на свете. Она поклялась, что коронует меня и, обладая сокровищем, мы освободим Египет от врагов, сделав его свободной и сильной страной! Все пойдет хорошо. О, если бы я мог знать будущее, если бы мог предвидеть, где и при каких обстоятельствах еще раз эта прекрасная женская голова будет лежать на моих коленях, бледная и с отпечатком смерти. Ах, если бы я знал это!

Я грел руку Клеопатры в своих руках, потом наклонился и поцеловал ее в губы. От моего поцелуя она очнулась, и легкая дрожь пробежала по ее нежным членам. Красавица устремляла на меня свои широко раскрытые глаза.

— А, это ты!— сказала она.— Я помню, знаю, ты спас меня и увел из этого ужасного места!

Она обвила мою шею руками и нежно поцеловала.

— Пойдем, любовь моя,— сказала она,— пойдем отсюда! Я хочу пить и так страшно устала! Камни жгут мне грудь. Никогда богатство не доставалось с таким трудом! Пойдем, покинем тень и мрак этого страшного места! Посмотри, слабый отблеск зари догорает на крыльях ночи! Как красив он, как приятно смотреть на него! Там, в обителях вечной ночи, я не смела и думать, что снова увижу зарю! О, мне страшно вспомнить лицо мертвого евнуха и это чудовище на его подбородке! Подумай! Там он остался сидеть навсегда и с этим ужасным существом! Пойдем! Где бы нам найти воды? Я отдала бы целый изумруд за чашку воды!

— Это близко,— отвечал я,— у канала, близ храма Горемку. Если кто-нибудь увидит нас, то подумает, что мы пили-

гримы, заблудившиеся ночью среди могил. Закутайся плотнее, Клеопатра.

Клеопатра закрылась; я посадил ее на осла, который оставался под рукой. Мы тихо двигались по равнине, пока не достигли места, где символ бога Горемку* в виде могучего сфинкса (греки называют его Гармахис), увенчанный короной Египта, величественно смотрит на страну, устремив взор на восток.

Первый луч восходящего солнца засиял в туманном воздухе и скользнул по губам бога Горемку — это заря послала свой приветственный поцелуй богу света! Яркие лучи собрались, заиграли на блестящих боках двадцати пирамид и, словно бросая вызов жизни, разлились потоком по порталам десяти тысяч гробниц. Песок пустыни превратился в золотую сияющую реку. Солнечный свет прогнал мрак ночи и блестящими искрами рассыпался по зелени полей, по косматым верхушкам пальм. На горизонте проснулся царственный Ра и поднялся во всем своем великолепии. Настал день.

Пройдя храм, посвященный величию Горемку, выстроенный из гранита и алебаstra, мы спустились к берегам канала. Тут напился воды, и эта мутная вода показалась нам слаще самых избранных, тонких вин Александрии. Тут же мы смыли пыль и грязь с рук и лица и почистились. Пока Клеопатра мыла себе шею, склоняясь над водой, один из больших изумрудов выскользнул из-под ее одежды и упал в канал. По счастью, я нашел его в прибрежной грязи. Снова посадил я Клеопатру на осла, и медленно мы направились обратно, к берегам Сигора, где нас ждала лодка.

Добравшись до Сигора, мы не встретили никого, кроме нескольких поселян, идущих на работу. Я направил осла обратно в поле, где мы его нашли, потом сели в лодку и разбудили наших спящих людей, приказав им грести.

Про евнуха мы сказали им, что оставили его позади, — и это была правда! Мы поплыли, бережно спрятав наши камни и золотые украшения. Дул противный ветер; больше четырех дней плыли мы в Александрию. О, какие это были счастливые дни! Сначала Клеопатра, действительно, была молчалива и задумчива, казалось, она потеряла всю свою веселость в недрах пирамид. Но скоро ее царственный дух проснулся и загорелся в ее груди. Она снова стала прежней Клеопатрой. То весела — то задумчива, то нежна, то холодна, царственна или проста — она менялась, как ветер в небесах, — глубокая, прекрасная и загадочная, как эти небеса!

Ночь за ночью, эти четыре чудные ночи — последние.

* Этот символ «Хора на горизонте» означает могущество Сета и добро над мраком и злом, которое воплощается в Тифоне.

часы, которые я провел с нею,— мы сидели рука об руку на палубе, слушали, как плескалась вода о бока нашего судна, любовались нежным сиянием месяца, серебрившим глубокие воды Нила. Мы сидели, говорили о любви, о нашей свободе, о том, что мы будем делать! Я развивал ей планы войны и защиты против римлян, так как мы имели теперь средства на это. Она одобряла мои планы, нежно говоря, что все, что мне нравится, нравится и ей. Время проходило в сладком забытье. О, эти ночи на Ниле! Память о них преследует меня и теперь. В моих глазах я вижу, как дробится и искрится на воде сияние месяца, слышу любовный шепот Клеопатры, сливающийся с рокотом воды! Умерли эти незабвенные ночи, свет месяца, воды, нежно колыхавшие нас, потерялись в великом соленом море! Там, где звучали наши поцелуи, будут целоваться другие уста, еще не рожденные! Как прекрасны были обеты, увядшие и истлевшие, подобно бесплодному цвету! Как ужасно было их выполнение!

Конец всему — во мраке и во прахе! Кто сеет в безумии, пожинает в скорби! О, эти ночи на Ниле!

Наконец мы стояли перед ненавистными стенами дворца. Мой сон кончился.

— Где это ты путешествовал с Клеопатрой?— спросила меня Хармиона, когда я случайно встретил ее в этот день.— Еще новая измена? Или это была любовная прогулка?

— Я ездил с Клеопатрой по тайному государственному делу!— сурово ответил я.

— Вот как! Кто уходит тайно, уходит не с добром, только нечистая птица любит летать по ночам. Но ты мудр, Гармахис, тебе неловко открыто показываться в Египте!

Я чувствовал, что гнев кипит во мне, что я не в силах выносить издевательства красивой девушки.

— Неужели ты не можешь сказать слова без яда?— спросил я.— Знай же, что мы были там, куда ты не осмелишься пойти,— мы ездили, чтобы достать средства для защиты Египта от когтей Антония!

— Безумный человек!— отвечала она, скользнув по мне взглядом.— Ты лучше поберег бы свои труды, Антоний захватит Египет помимо тебя. Какую власть имеешь ты теперь в Египте?

— Он может сделать это помимо меня, но не Клеопатры!— сказал я.

— Он сделает это с помощью Клеопатры,— отвечала она с горькой усмешкой,— царица поедет в Тарс и наверное привезет сюда, в Александрию. Этого грубого Антония побежденным, таким же рабом, как ты!

— Это ложь! Я говорю тебе, что это ложь! Клеопатра не

поедет в Тарс, и Антоний не будет в Александрии; а если и приедет, то затем, чтобы объявить войну.

— Ты так думаешь?— возразила она с легким смехом.— Думай так, если тебе нравится. Через три дня ты все узнаешь! Приятно видеть, как легко тебя одурачить! Прощай! Иди, мечтай о любви, ведь любовь сладка!

Она ушла, оставив меня с тоской и смятением на сердце.

В этот день я не видел Клеопатры, но на следующий же день встретился с ней. Она была в дурном расположении духа и не нашла доброго слова для меня. Я заговорил с ней о защите Египта, но она не хотела толковать о деле.

— А когда Деллий получит свой ответ?— сказал я.— Знаешь ли ты, что вчера Хармиона, которую зовут во дворце «хранительницей тайн царицы»,— Хармиона поклялась, что ответ твой будет таков: «Иди с миром, я приеду к Антонию».

— Хармиона не знает моих мыслей,— возразила Клеопатра, топнув гневно ногой,— если же она болтает так смело, то ее надо прогнать от двора, хотя, правду говоря, в ее маленькой головке больше мудрости и ума, чем у всех моих советников! Знаешь ли ты, что я продала часть камней богатым александрийским евреям за большую цену, по пяти тысяч сестерций за каждый камень*! Это не много, по правде говоря, но они не могли дать больше. Любопытно было посмотреть на них, когда они увидели изумруды: от жадности и удивления их глаза сделались круглыми, как яблоки. А теперь оставь меня, Гармахис, я устала. Воспоминание об этой ужасной ночи давит меня!

Я поклонился и встал, чтобы уйти, но остановился.

— Прости меня, Клеопатра, что же наша свадьба?

— Наша свадьба? Разве мы не обвенчаны?— спросила она.

— Перед целым миром еще нет! Ты обещала мне!

— Да, Гармахис, я обещала, и завтра, когда я отделаюсь от Деллия, сдержу свое обещание, назову тебя господином Клеопатры перед всем двором. Ты будешь на своем месте! Доволен ли ты?

Она протянула мне руку для поцелуя, смотря на меня странным взглядом, как будто боролась с собой. Я ушел. Ночью я еще раз пытался увидеть Клеопатру, но напрасно.

— Госпожа Хармиона у царицы!— сказал мне евнух, и никто не смел войти.

На другой день двор собрался в большом зале за час до полудня, и я с трепещущим сердцем пошел туда, чтобы услышать ответ Клеопатры Деллию и дожидаться счастливой мину-

* Около 400 тысяч рублей.

ты, когда Клеопатра назовет меня своим супругом и царем. Двор был многочисленный и блестящий. Тут были советники, сановники, военачальники, евнухи, придворные дамы — все, кроме Хармионы.

Прошел час, а Клеопатры и Хармионы все еще не было. Наконец Хармиона тихо вошла боковым входом и заняла свое место около трона, среди придворных дам. Она быстро взглянула на меня, и в ее глазах сияло торжество, хотя я не знал, чему она радовалась. Мне и невдомек было, что тогда она подготовила мою гибель и решила судьбу Египта.

Зазвучали трубы, и одетая в царское одеяние, с головой, увенчанной уреусом, с огромным блестящим изумрудом, сиявшим, как звезда, на ее груди, тем самым, вынутым из груди мертвого фараона, Клеопатра взошла на трон в сопровождении свиты северян. Ее прелестное лицо было мрачно, мрачно горели ее глаза, и никто не мог разгадать их выражения, хотя весь двор не сводил с нее глаз. Она медленно села, как будто ей больше не хотелось двигаться, и сказала по-гречески начальнику герольдов:

— Ожидает ли посол благородного Антония?

Герольд низко поклонился и ответил утвердительно.

— Пусть он войдет и выслушает наш ответ!

Двери широко распахнулись, и, сопровождаемый воинами, вошел Деллий, одетый в пурпурный плащ. Кошачьими, мягкими шагами прошел он зал и преклонил колена перед троном.

— Прекраснейшая царица Египта! — начал он своим вкрадчивым голосом. — Ты милостиво приказала мне, слуге твоему, явиться за ответом на письмо благородного Антония-триумвира, к которому я отплыву завтра в Тарс. Я хочу сказать тебе, царица Египта, — прости мне смелость слов моих, — обдумай хорошенько, прежде чем слова сорвутся с твоих нежных уст. Оттолкнешь Антония — и Антоний разобьет тебя! Подобно твоей матери Афродите, восстань перед ним, сияющая красотой, из кипрских волн, и вместо гибели он даст тебе все, что дорого царственной женщине: империю, блеск, власть над городами и людьми, славу, богатство и царскую корону. Заметь: Антоний держит весь Восток на ладони своей воинственной руки, по его воле назначаются цари, по его воле они кончают свое существование!

Он наклонил голову, сложил руки на груди и ждал ответа.

Некоторое время Клеопатра молчала и сидела мрачная и загадочная, как сфинкс, блуждая глазами по залу. Наконец, словно нежная музыка, зазвучал ее ответ.

Дрожа, я ожидал вызова Египта гордому Риму.

— Благородный Деллий, мы много думали о посольстве великого Антония к нашему бедному Египетскому царству.

Мы серьезно обдумали ответ согласно совету оракулов мудрости наших советников и побуждению нашего сердца, которое, подобно птице в гнезде, вечно печется о благе народа нашего. Резки слова, которые ты принес нам из-за моря. Они годятся более для ушей какого-нибудь маленького князька, чем царицы Египта. Мы пересчитали легионы, которые можем собрать, триремы и галеры, которые можем пустить в море, сокровища, которые можем употребить на издержки войны, и нашли, что хотя Антоний силен, но Египту нечего бояться сил Антония!

Она замолчала, и ропот одобрения ее гордым словам пронесся по залу. Один Деллий простер свою руку, словно желая отразить удар. Потом последовал конец! И какой!

— Благородный Деллий! Мы решились остановить нашу речь на половине, хотя, сильные нашими каменными крепостями, сердцами наших подданных, не нуждаемся в защите. Мы невинны в тех обвинениях, что дошли до ушей благородного Антония, которые он грубо бросил нам в лицо. Мы не поедем в Киликию, чтобы отвечать ему!

Снова ропот пронесся в большом зале, и сердце мое забилося торжеством.

Последовало молчание, затем Деллий сказал:

— О царица Египта, так я должен передать Антонию слово войны?

— Нет,— отвечала она,— слово мира. Выслушай. Мы скажи, что не поедем отвечать на обвинения, но,— и она в первый раз улыбнулась,— но мы с удовольствием поедем к нему, чтобы нашей царственной дружбой закрепить наш союз и мир на берегах Кидна!

Я слушал, совершенно пораженный. Верно ли я понял? Так-то Клеопатра держит свои клятвы! Взволнованный до потери рассудка, я крикнул:

— О царица, вспомни!

Она обернулась ко мне, как львица, с горящими глазами, с дрожью в прекрасном голосе.

— Молчи, раб! Кто позволил тебе вмешиваться в наши слова?! Думай о своих звездах и оставь мирские дела властелинам мира!

Я отошел пристыженный и видел торжествующую улыбку на лице Хармионы вместе с состраданием ко мне.

— Теперь, когда этот хмурый шарлатан получил то, что заслуживает,— сказал Деллий, указывая на меня своим украшенным перстнями пальцем,— позволь мне, царица Египта, поблагодарить тебя от всего сердца за твои милостивые слова...

— Нам не нужно твоей благодарности, благородный Дел-

лий, не тебе надлежит бранить наших слуг,— прервала его Клеопатра, нахмурившись,— мы услышим благодарность из уст Антония! Отправляйся к твоему господину и скажи, что прежде чем он приготовит нам надлежащий прием, наши корабли последуют за твоим! Теперь прощай! На своем корабле ты найдешь ничтожный дар нашей милости!

Деллий три раза поклонился и ушел. Двор ожидал слова царицы. А я ждал, исполнит ли она свое обещание и назовет меня своим царственным господином и супругом перед лицом всего Египта? Но она ничего не сказала. Тяжело нахмурившись, она встала и в сопровождении стражи сошла с трона, пройдя в алебастровый зал. Двор начал расходиться. Советники и сановники уходили, насмешливо посматривая на меня. Хотя никто не знал моей тайны и того, что было между мной и Клеопатрой, но все завидовали вниманию, которое оказывала мне царица и радовались моему уничтожению. Но я, не обращая внимания на их насмешки, стоял, пораженный горем, чувствуя, что все мои надежды разлетелись в прах.

XIII

*Упреки Гармахиса.— Борьба Гармахиса
с стражами.— Удар Бренна.— Тайные речи Клеопатры.*

Наконец все ушли; я повернулся, чтобы тоже идти к себе, как евнух, грубо ударив меня по плечу, передал, что царица ожидает меня. Час тому назад негодая рабски ползал у моих ног, теперь же слышал все и — такова скотская природа рабов — смотрел на меня, как смотрит мир на падшего, униженного человека. Низко упасть с большой высоты — значит, вынести стыд и позор.

Я повернулся к рабу и так взглянул на него, что он, как грусливая собака, отскочил назад, потом прошел в алебастровый зал и был пропущен стражей. В центре зала, около фонтана, сидела Клеопатра в обществе Хармионы, гречанок Иры и Мериры и других придворных дам.

— Уйдите,— сказала она им,— я хочу поговорить с моим астрологом!

Те ушли, оставив нас с глазу на глаз.

— Встань там,— произнесла Клеопатра, поднимая глаза,— не подходи близко, Гармахис, я не доверяю тебе! Может быть, у тебя есть другой кинжал! Что скажешь? По какому праву вмешался ты в мой разговор с римлянином?

Я чувствовал, как кровь закипела во мне, горечь и гнев наполнили мое сердце.

— Что ты скажешь, Клеопатра?— спросил я смело.— Где твой обет, твои клятвы на мертвой груди Менкау-ра, вечно живущего? Где вызов римлянину Антонию? Где твоя клятва, что ты назовешь меня супругом перед лицом Египта?

Я сдержался и замолчал.

— И это говорит Гармахис, который никогда не нарушал клятв!— произнесла Клеопатра с горькой насмешкой.— О ты, чистейший жрец Изиды! Ты, вернейший друг, никогда не обманывавший своих друзей, ты, твердый, честный и благороднейший человек, никогда не променявший своего права рождения, своей страны и своего дела ради мимолетного каприза женской любви! Почему ты знаешь, что я нарушила свое слово?

— Я не хочу отвечать на твои упреки, Клеопатра,— сказал я, сдерживаясь, насколько у меня было сил,— хотя заслужил их, но не от тебя! Значит, верно все, что я знаю. Ты поедешь к Антонию! Ты поедешь, как сказал римский негодяй, прельщать его, пировать с тем, кто должен быть брошен коршунам. Быть может, ты промотаешь все сокровища, взятые из тела Менкау-ра и накопленные им для нужд Египта, истратишь их на оргии и довершишь этим позор Египта! Я знаю теперь, что ты вероломна, и что я, горячо любивший тебя и веривший тебе, кругом обманут. Вчера ночью ты клялась короновать меня и венчаться со мной, а сегодня засыпаешь меня упреками, открыто унижаешь и позоришь меня перед римлянином?

— Короновать тебя? Разве я клялась короновать тебя?

— А брак?

— Что такое брак? Союз сердец, нежный, прекрасный, связывающий души воедино, когда они парят в грезах страсти и тают, как роса в лучах зари! Или это железные, насильственные узы, которые согревают людей до того, что, если один падет, другой должен неизбежно погибнуть под гнетом обстоятельств, как наказанный раб? Брак! Мне выйти замуж! Мне — променяв свободу на тяжелое рабство своего пола, придуманное корыстной волей мужчины! Это рабство приковывает нас часто к ненавистному ложу, заставляет нести обязанности, часто уже не освещенные любовью. О, какая польза быть царицей, если нельзя избежать ужаса обыкновенной женской участи! Заметь, Гармахис: женщина, вырастая, боится двух зол: смерти и брака, из них двух брак ужаснее. В смерти мы находим покой, а в браке — ад! Нет, я стою выше пошлой клеветы, готовой порицать истинную добродетель, не способную связать себя насильственными узами,— я люблю, Гармахис, но не выхожу замуж!

— Вчера ночью, Клеопатра, ты клялась, что коронуешь меня и назовешь супругом перед лицом всего Египта!

— Вчера ночью, Гармахис, красное кольцо вокруг месяца предвещало бурю, а сегодня — прекрасная погода! Но кто знает, не нашла ли я лучшее средство, чтобы спасти Египет от римлян? Почему знать, Гармахис, не назовешь ли ты меня своей супругой?

Я не мог выносить более этой фальши, видя, как она играет мной, высказал ей все, что было у меня на сердце.

— Клеопатра! — вскричал я. — Ты клялась защищать Египет, а предаешь его в руки римлян! Ты поклялась употребить сокровища, которые я открыл тебе, на нужды Египта, а готова истратить их на позор ему — на оковы, в которые закуют его руки! Ты поклялась обвенчаться со мной, который любит тебя, всем пожертвовал ради тебя, а ты смеешься и отталкиваешь меня! Я говорю тебе, именем грозных богов, говорю тебе, на тебя падет проклятие Менкау-ра, которого ты ограбила! Пусти меня отсюда, и пусть свершится судьба моя! Пусти меня уйти, о ты, прекрасная блудница! Ты — воплощенная ложь! Ты, кого я полюбил на свою погибель, кто низвел на меня вечное проклятие и осуждение! Отпусти меня, чтобы я мог скрыться и не видеть более лица твоего!

Она встала, гневная и злобная. На нее страшно было смотреть!

— Отпустить тебя, чтобы ты злоумышлял против меня! Нет, Гармахис, ты не будешь более устраивать заговоры против моего трона! Я говорю тебе, что ты поедешь со мной к Антонию, в Киликию, а там, быть может, я отпущу тебя!

И прежде чем я мог ответить, она позвонила в серебряный колокольчик, висевший около нее. Не успел еще звук его замереть вдали, как в одну дверь вошла Хармиона и с ней придворная дама, в другую — отряд солдат; четверо из них были телохранители царицы — сильные люди в крылатых шлемах, с длинными прекрасными волосами.

— Схватить изменника! — крикнула Клеопатра, указывая на меня.

Начальник телохранителей — это был Бренн — поклонился и направился ко мне с обнаженным мечом.

В отчаянии, доходящем до безумия, не заботясь о том, что буду убит, я схватил его за горло и нанес ему такой удар, что сильный человек упал навзничь и его кольчуга зазвенела о мраморный пол. Когда он упал, я схватил его меч и щит и отразил удар другого стража, бросившегося было на меня. Затем в ответ я ударил его мечом в то место, где шея соединяется с плечами, и убил его. С подогнутыми коленями он упал мертвый. Третьего я убил, прежде чем он ударил меня. Наконец, последний кинулся на меня с страшным криком. Кровь моя горела. Женщины испуганно закричали, только Клеопатра стояла,

молча наблюдая неравный бой. Мы сцепились. Я ударил противника из всей силы, и это был могучий удар — меч, ударившись о железный щит, разлетелся вдребезги, оставив меня безоружным. С торжествующим криком мой противник поднял меч над моей головой, но я отразил удар щитом. Он снова поднял меч, но я снова отпарировал удар. В третий раз, когда он поднял меч, я с криком бросил свой щит ему в лицо. Отскочив от его щита, он сильно ударил его в грудь. Воин зашатался. Я обхватил его вокруг тела и повалил. С минуту этот высокий человек и я яростно боролись, потом — так велика была тогда моя сила! — я поднял его, как перышко, и бросил на мраморный пол с такой силой, что кости его разбились, и он замолчал.

Но я не удержался и упал на него. Тогда Бренн, которого я оглушил ударом, к тому времени уже успевший очнуться, подошел ко мне сзади и ударил меня по голове мечом одного из убитых мной стражников.

Я лежал на полу, и это ослабило силу удара, мои густые пышные волосы и вышитая шапочка на голове несколько смягчили его, так что я был тяжело ранен, но жив, хотя бороться более не мог.

В это время евнухи, собравшиеся на шум, сбились в кучу, как стадо трусливых баранов, и смотрели на борьбу. Увидя меня лежащим на полу, они бросились ко мне, чтобы зарезать меня своими кинжалами. Бренн, выжидая, стоял около меня. Евнухи, наверное, убили бы меня, так как Клеопатра стояла, словно во сне, не двигаясь с места. Уже голова моя была загнута назад, и острие ножа коснулось моего горла, как вдруг Хармиона с криком: «Собаки!» кинулась между ними и мной и загородила меня своим телом. В то же время Бренн с ругательством схватил двух из них и отбросил в сторону.

— Пощади его жизнь, царица! — закричал он на своем варварском языке. — Клянусь Юпитером, это храбрый человек! Безоружный, один, он свалил меня, как быка, и прикончил трех моих молодцов! Я ценю такого храбреца! Будь милостива, царица, пощади его жизнь и отдай его мне!

— Пощади, пощади его! — вскричала Хармиона, вся бледная и дрожащая.

Клеопатра подошла ближе и посмотрела на меня, лежавшего на полу, меня, который был ей возлюбленным два дня тому назад, чья израненная голова лежала на белом платье Хармионы!

Глаза мои встретились с глазами Клеопатры. «Не щади! — прошептал я. — Горе побежденным!»

Краска разлилась по ее лицу — быть может, это была краска стыда!

— После всего ты все еще любишь этого человека, Хармиона?— спросила она с легкой усмешкой.— Ты решилась закрыть его своим нежным телом от ножей этих бесполох собак?— Она бросила гневный взгляд на евнухов.

— О нет, царица,— гордо отвечала девушка,— но я не могла вынести, чтобы такой добрый и храбрый человек был убит этими...

— Да,— возразила Клеопатра,— он храбрый человек и отчаянно боролся. Я никогда не видела такой жестокой борьбы, даже в Риме, на игрищах. Хорошо, я пощажу его жизнь, хотя это слабость с моей стороны, женская слабость! Отнесите больного в его комнату и охраняйте, пока он выздоровеет или умрет!

Мозг мой горел, меня охватила сильная слабость, и я потерял сознание.

Видения, видения, видения, бесконечные, вечно меняющиеся! Мне казалось, я целые годы носился в море агонии! Словно сквозь туман я видел нежное лицо черноглазой женщины, чувствовал прикосновение белой руки, ласково успокаивающей меня! Как видение, склонялось временами царственное лицо над моим колеблющимся ложем... я не мог уловить его, но его красота проникала во все мое существо и составляла часть меня самого... Видения моего детства, древнего храма в Абуфисе, седоблосого Аменемхата, моего отца — они теснились в моем мозгу... Я видел ужасную обитель в Аменти, маленький алтарь и духов, облеченных в пламя!

Я блуждал там постоянно, призывая священную мать, и призывал напрасно! Облако не спускалось на алтарь, и только время от времени страшный голос звенел: «Вычеркните имя Гармахиса, сына земли, из живой книги той, которая была, есть и будет! Потерян! Потерян! Потерян!» Другой голос отвечал: «Нет еще, нет еще! Раскаяние близко. Не вычеркивайте имени Гармахиса, сына земли, из живой книги той, которая была, есть и будет! Страданием грех может омыться!»

Я очнулся в своей комнате, в башне дворца. Я был так слаб, что не мог пошевелить рукой. Жизнь, казалось, трепетала в моей груди, как трепещет умирающий голубь. Я не мог повернуть головы, пошевелинуться, но в сердце было ощущение покоя и сознание, что мрачное горе прошло. Свет лампы успокоил меня. Я закрыл глаза и вдруг услышал шелест женской одежды и легкие шаги по лестнице. О, я хорошо знал эти шаги! То была Клеопатра!

Она вошла. Я чувствовал ее присутствие. Каждый нерв моего больного тела бился ей в ответ, вся могучая любовь и ненависть к ней поднялись из мрака моего, подобно смерти или тяжелому сну, и раздирали мое сердце, и боролись в нем. Она на-

клонилаь надо мной, ее ароматное дыхание коснулось моего лица, я мог слышать биение ее сердца. Еще ниже нагнулась она, и губы ее нежно прикоснулись к моему лбу.

— Бедный человек!— слышал я ее шепот.— Бедный, слабый, умирающий человек! Судьба жестоко обошлась с тобой! Ты был слишком хорош, чтобы быть игрушкой такой женщины, как я,— пешкой, которой я могу двигать, как хочу, в моей политической игре. Ах, Гармахис, зачем ты не выиграл игры? Твои заговорщики-жрецы многому научили тебя, но не дали тебе знания людей, не научили бороться против требований природы! Ты любил меня всем сердцем! Ах, я хорошо это знаю! Мужественный человек! Ты любил эти глаза, которые, подобно огонькам пиратов, влекли тебя к гибели, ты обожал эти уста, которые разбили твое сердце, назвав тебя рабом! Да, игра была хороша, ты мог убить меня, и все-таки мне очень грустно! Ты умираешь! Это мое последнее прости тебе! Никогда не встретимся мы на земле; быть может, это хорошо, ибо, кто знает, что сделала бы я с тобой, когда час моей нежности пройдет! Ты умрешь — так говорят они, те ученые, длиннолицые дураки,— но если они допустят тебя умереть, как жестоко поплатятся они за это! Где встретимся мы снова, когда мой жребий будет брошен? В царстве Озириса мы будем все равны. Скоро, через несколько лет, может быть, завтра, мы снова встретимся! Зная, какая я, как будешь ты приветствовать меня? Нет, здесь и там ты будешь также молиться на меня! О, как бы я хотела любить тебя так, как ты полюбил меня! Я почти любила тебя, когда ты убил моих стражей, но не так! Не совсем! О, как бы желала я уйти от моего царственного одиночества и затеряться в другой душе! На год, на месяц, на один час желала бы я совершенно забыть политику, народ, пышность моего трона и быть просто любящей женщиной! Прощай, Гармахис! Иди к великому Юлию, к которому смерть призывает тебя раньше меня, и приветствуй его от всего Египта! Да, я дурачила тебя, дурачила Цезаря — быть может, судьба найдет меня, и я сама буду одурачена! Гармахис, прощай, прощай!

Она повернулась, чтобы уйти, как я снова услышал шелест женского платья и шаги женщины. То была Хармиона.

— А, это ты, Хармиона! Несмотря на все твои заботы, он умирает!

— Ах,— отвечала Хармиона грустно,— я знаю, царица. Так говорят врачи. Сорок часов лежал он в таком глубоком обмороке, что его дыхание едва поднимало маленькое перышко! Прислонив ухо к его груди, я не могла уловить едва слышного дыхания! Вот уже десять долгих дней, как я неустанно хожу за ним, сижу около него день и ночь; глаза мои слипаются от сна, я едва могу держаться на ногах от слабости. И вот

награда моих трудов! Трусливый удар проклятого Бренна сделал свое дело. Гармахис умирает!

— Любовь не считает трудов, Хармиона, не взвешивает своей нежности на весах, она отдает все, все, что имеет, пока не иссякнет сила духа! Тебе дороги эти тяжелые, бессонные ночи! Твои усталые глаза с любовью покоятся на этом зрелище великой, погибшей силы! Он ищет покоя теперь у твоей слабости, как дитя у материнской груди! Ты любишь, Хармиона, этого человека, который тебя не любит, и теперь, когда он беспомощен, ты можешь излить твою страсть в непроглядный мрак его души и мечтать о том, что может случиться еще впереди.

— Я не люблю его, царица, как ты думаешь, — как я могу любить того, кто хотел убить тебя, сестру моего сердца?! Клеопатра тихо засмеялась.

— Жалость — двойник любви, Хармиона! Но как сownравна женская любовь! Ты достаточно доказала это твоей любовью! Бедная женщина! Ты игрушка своей страсти! Сегодня нежная, как ясное утреннее небо, завтра, когда ревность запустит когти в твое сердце, ты — жестока, как бурное море. Да, все мы безумны. Скоро после всех этих волнений ничего не останется тебе, кроме слез, угрызений и воспоминаний.

Она быстро ушла.

XIV

*Нежная заботливость Хармионы. — Выздоровление
Гармахиса. — Флот Клеопатры отплывает в Киликию. —
Разговор Бренна с Гармахисом.*

Клеопатра ушла, я лежал молча, собираясь с силами, чтобы заговорить.

Хармиона стояла надо мной. Вдруг я почувствовал, что крупная слеза упала из ее темных глаз на мое лицо. Так падает первая тяжелая капля дождя из набежавшей тучки.

— Ты умираешь, — прошептала она, — ты уходишь туда, куда я не могу последовать за тобой. О Гармахис, как охотно отдала бы я мою жизнь за тебя!

Я открыл глаза и сказал громко, насколько мог:

— Удержи твою скорбь, дорогой друг, я жив еще и, по правде, чувствую, как новая жизнь загорается в моей груди!

Хармиона радостно вскрикнула. Я никогда не видел столь прекрасным ее изменившееся, омоченное слезами лицо.

— Ты жив! — вскричала она, бросаясь на колени перед моим ложем. — Ты жив! А я думала, что ты умер! Ты вернулся ко мне! Что я говорю? Как безумно сердце женщины! Все

это — бессонные ночи! Нет, спи и отдыхай, Гармахис! Что ты хочешь сказать? Ни одного слова более, я строго приказываю тебе! Где же питье, оставленное тебе этим длиннорылым дураком? Нет, тебе не нужно питья! Спи, Гармахис, спи!

Она прижалась ко мне и, положив свою холодную руку на мой лоб, шептала: спи, спи!

Когда я проснулся, Хармиона была около меня, хотя расцвет пробирался уже в мое окно. Она все еще стояла на коленях, одна ее рука лежала на моем лбу, голова с беспорядочно распутившимися локонами покоилась на другой протянутой руке.

— Хармиона,— прошептал я,— я спал?

Она сейчас же проснулась и смотрела на меня нежными глазами.

— Да, ты спал, Гармахис!

— Долго я спал?

— Девять часов!

— И ты стояла тут, рядом со мной, все эти девять часов?

— Это ничего. Я тоже уснула — я боялась разбудить тебя, если пошевелинусь!

— Иди, отдыхай,— сказал я,— мне стыдно подумать, как ты измучена! Иди же, отдохни, Хармиона!

— Не беспокойся!— отвечала она.— Я прикажу рабу позаботиться о тебе и разбудить меня, если понадобится, я сплю рядом, тут, в комнате. Успокойся, я иду!

Она хотела встать, но от слабости упала навзничь на пол.

Я не могу выразить, какое чувство стыда охватило меня, когда я увидел ее на полу! А я не мог пошевелиться, чтобы помочь ей!

— Ничего,— сказала она,— не двигайся, у меня просто подвернулась нога!— Она встала и снова упала.— Проклятая неловкость! Да, мне надо выспаться. Тебе лучше теперь. Я пошлю раба!— И она ушла, пошатываясь, как пьяная.

После этого я заснул еще, а когда проснулся после полудня, то попросил есть. Хармиона принесла мне, и я поел.

— Так я не умираю!— сказал я.

— Нет,— отвечала она, кивнув головой,— ты будешь жить! По правде, я истратила всю мою жалость на тебя!

— И твоя жалость спасла мне жизнь!— сказал я уныло, припомнив все.

— Это пустяки!— отвечала Хармиона сухо.— Ты мой двоюродный брат, потом я люблю ухаживать — это обязанности женщины! Я сделала бы то же и для больного раба! Ну, теперь опасность прошла, и я покидаю тебя!

— Ты лучше бы сделала, если бы дала мне умереть, Хармиона,— сказал я, помолчав,— жизнь для меня теперь сплош-

ной позор! Скажи мне, когда поедет Клеопатра в Киликию?

— Через двенадцать дней она отплывет с таким блеском и роскошью, каких Египет никогда не видал! Право, я не могу даже понять, где она нашла средства для такой роскоши. Слово хлебопашец собрал ей золотую жатву!

Но я, очень хорошо зная, откуда взялось богатство, горько вздохнул.

— Ты поедешь с ней, Хармиона?

— Да, я и весь двор. Ты также поедешь!

— Я поеду? Зачем это нужно?

— Потому, что ты раб Клеопатры и должен следовать в золотых цепях за ее колесницей, потому что она боится оставить тебя здесь, в Кемии, потому что она так хочет,— и все тут!

— Хармиона, не могу ли я бежать?

— Бежать тебе, бедный, больной человек? Как можешь ты бежать? Теперь тебя будут сторожить еще тщательнее. Если даже ты убежишь, куда пойдешь ты? В Египте нет ни одного честного человека, который не плюнул бы на тебя с презрением!

Еще раз я мысленно застонал и, так как был слаб, почувствовал, что слезы потекли по моим щекам.

— Не плачь!— сказала она поспешно, отвернувшись.— Будь мужчиной и презирай все эти горести! Ты пожинаешь то, что посеял. Но после жатвы вода поднимается и смывает гниющие корни, и снова почва годна для нового посева!

Может быть, там, в Киликии, найдется возможность бежать, когда ты будешь посильнее, если ты можешь прожить вдали от улыбки Клеопатры! Где-нибудь в далекой стране, где ты будешь жить, все это понемногу забудется. Теперь дело мое кончено, прощай! Иногда я буду навещать тебя, чтобы посмотреть, не нуждаешься ли ты в чем! Прощай!

Она ушла. С этой минуты за мной стали искусно ухаживать врач и две женщины-невольницы.

Рана моя заживала, силы возвращались сначала медленно, потом все быстрее. Через четыре дня я встал с ложа, а еще через три мог уже гулять по часу в дворцовом саду. Прошла еще неделя, я мог уже читать и думать, хотя не появлялся при дворе. Наконец однажды после полудня Хармиона передала мне приказание готовиться в путь, так как через два дня наш флот должен был отплыть сначала в Сирию, в Исский залив, а потом в Киликию.

В назначенный день меня снесли на маленьких носилках в лодку, и вместе с воином, который ранил меня, с военачальником Бренном и его отрядом (в сущности, их приставили сторожить меня) мы подплыли к кораблю, который стоял на якоре вместе с остальным флотом. Клеопатра соби-

ралась в путешествие с большой пышностью, в сопровождении целого флота. Ее галера, выстроенная, подобно дому, из кедрового ореха, обитая внутри шелком, была великолепна. Я никогда не видал ничего богаче и роскошнее. По счастью для меня, я не был на этом корабле и не видел Клеопатры и Хармионы, пока мы не пристали к устью реки Кидна.

Подали сигнал. Флот отплыл. С попутным ветром мы прибыли в Ионну вечером на другой день. Затем начался противный ветер, мы медленно плыли к Сирии, миновав Цезарию, Птоломею, Тир, Бейрут, прошли Ливан с его белым челом, увенчанным высокими кедрами, Гераклею и через Исский залив вошли в устье Кидна. Во время путешествия свежее дыхание моря возвратило мне здоровье, так что скоро, кроме белого шрама на голове, ничто не напоминало о моей долгой болезни. Однажды ночью, когда мы приближались к Кидну, я и Бренн сидели на палубе. Он нечаянно заметил белый шрам на моей голове, сделанный его мечом, и сейчас же произнес клятву, призывая своих страшных богов.

— Если бы ты умер, друг,— сказал он,— мне кажется, я никогда не осмелился бы поднять головы и взглянуть в глаза людям. О, это был низкий удар, мне стыдно подумать, что я нанес его тебе сзади, когда ты лежал на полу! Знаешь ли, пока ты лежал между жизнью и смертью, я каждый день ходил справляться о тебе! Клянусь Таранисом, если бы ты умер, я бросил бы всю эту придворную роскошь и вернулся бы на милый север!

— Не беспокойся, Бренн,— отвечал я.— Ты исполнял свою обязанность!

— Может быть! Но есть обязанности, которых честный человек не может исполнить даже по приказанию царицы, да правит она долго Египтом! Твой удар помутил мой разум, иначе я не ударил бы тебя! Но что такое, друг мой? Ты не в ладах с нашей царицей? Зачем тебя тащат пленником на эту увеселительную прогулку? Знаешь ли, нам сказано, что если ты убежишь от нас, то мы заплатимся жизнью!

— Да, не в ладах, друг,— отвечал я,— не спрашивай меня больше!

— Могу поклясться, что в твои лета... эта женщина не без того... может быть, я груб и глуп, но умею отгадывать. Послушай, дружище! Я устал на службе у Клеопатры, мне надоела эта жаркая страна пустынь и безумной роскоши, что истощает силы человека и опустошает его карманы. Так думают многие другие, которых я знаю! Что ты скажешь? Возьмем один из этих кораблей и уплывем на север! Ты увидишь нашу страну, лучшую, чем Египет,— страну озер, гор, больших лесов, с сладким запахом сосны. Я найду тебе в жены девуш-

ку — мою собственную племянницу, — высокую, сильную девушку с большими синими глазами, длинными, прекрасными волосами и с такими сильными руками, которые могут сломать тебе ребра, если ей вздумается покрепче приласкать тебя! Что скажешь на это? Забудь все прошлое, поедem на милый север, и будь моим сыном!

На минуту я задумался, потом печально покачал головой. Меня сильно искушала мысль уйти отсюда, но я знал, что моя судьба в Египте и что я не могу избежать ее.

— Этого нельзя, Бренн; я так хотел бы, но прикован цепью судьбы, которую не могу разорвать! Я должен жить и умереть в Египте!

— Как хочешь, друг, — сказал старый воин, — мне хотелось бы поженить тебя в среде моего народа и сделать тебя своим сыном! В конце концов помни, пока я здесь, ты имеешь в Бренне верного друга! Еще вот что: остерегайся прекрасной царицы, клянусь Таранисом, может наступить час, когда она порешит, что ты знаешь слишком много, и тогда... — Он провел рукой по горлу. — А теперь спокойной ночи! Чаша вина, а потом спать, потому что завтра дурачества...

(Здесь некоторая часть второго свитка папируса так изложена, что нельзя ничего разобрать. Надо полагать, что она содержит в себе описание путешествия Клеопатры по Кидну в город Тарс.)

Для тех, кто находит наслаждение (с этих слов опять можно разбираться) в таких видах, наше путешествие представляло много интересного. Корма нашей галеры были покрыта листами чистейшего золота, паруса были сделаны из ярко-красного тирского пурпура, и серебряные весла ударили по воде в такт музыке. В центре корабля, под золототканым балдахином, лежала Клеопатра, как римская Венера (вероятно, сама Венера не была прекраснее ее) в одежде из тонкого, белого как снег шелка, перетянутая под грудью драгоценным поясом, на котором были выгравированы сцены любви. Около нее стояли маленькие розовые мальчики, выбранные ею за необыкновенную красоту, совсем голые, с крыльями за плечами и луком с колчаном за спиной. Они обмахивали ее страусовыми опахалами. На палубе корабля вместо матросов стояли, держа шелковые снасти, прекраснейшие женщины в одежде Граций и Нерейд — вернее, совсем не одетые, прикрытые только своими роскошными волосами. Они пели под звуки арф, в такт ударам весел. Позади ложа Клеопатры с обнаженным мечом стоял Бренн в блестящей золотой кольчуге, в крылатом золотом шлеме. Среди других богато разодетых лиц ее свиты находился и я, я — настоящий раб! На корме в жаровнях курились благо-

вония, и их одуряющий аромат клубился над нашими головами, как облако.

Среди этой роскоши, словно в волшебном сне, сопровождаемые целым флотом кораблей, скользили мы по воде к лесистым склонам Тавра, у подножия которого лежит древний город Тарзис. Пока мы ехали, народ собирался на берегах и кричал: «Венера встала из волн морских! Венера идет посетить Бахуса!» А когда мы приблизились к городу, весь народ — все, кто мог идти или ехать, — тысячами толпился на пристани, с ним явилось все войско Антония, так что в конце концов триумвир остался один на своем судейском кресле.

Фальшивый Деллий явился, кланяясь и улыбаясь, и от имени Антония приветствовал «царицу красоты», прося ее на пир, приготовленный Антонием.

Она ответила ему гордо и высокомерно:

— Надлежит Антонию прийти к нам, а не нам идти к Антонию! Попроси благородного Антония к нашему бедному столу сегодня ночью, иначе мы будем обедать одни!

Деллий ушел, кланяясь до земли. Пир был готов. Наконец я увидел Антония. Он пришел, одетый в пурпуровую одежду, высокий и красивый на вид, в полном расцвете сил, с блестящими синими глазами, выющимися волосами и строгими чертами греческого типа, мощно сложенный, с царственным видом, с открытым лицом, на котором ясно были написаны его мысли. Только мягкие очертания рта смягчали некоторую суровость его могучего чела. Он явился, сопровождаемый военачальниками, и, когда подошел к ложу Клеопатры, остановился в изумлении, смотря на нее широко раскрытыми глазами. Она также серьезно взглянула на него. Я видел, как кровь переливалась под ее тонкой кожей, и муки ревности охватили мое сердце.

Хармиона видела все из-под своих опущенных ресниц и улыбнулась.

Клеопатра не сказала ни слова, только протянула свою прекрасную руку Антонию для поцелуя. Он также молча взял ее руку и поцеловал.

— Смотри, благородный Антоний, — сказала она наконец своим музыкальным голосом, — ты позвал меня, и я пришла!

— Сама Венера пришла ко мне, — отвечал он низкими нотами звучного голоса, все еще пристально смотря в ее лицо, — я звал женщину, а из глубины моря явилась божественная Венера!

— И нашла бога, который приветствует ее на своей земле! — ответила она готовой остротой и засмеялась. — Но довольно любезностей: на земле и Венера чувствует голод! Твою руку, благородный Антоний!

Зазвучали трубы. Клеопатра под руку с Антонием в сопровождении свиты прошла через склонившуюся перед ней толпу на пир...

(Здесь папирус опять изломан.)

XV

*Пир Клеопатры.— Жемчужина.— Слова
Гармахиса.— Обет любви Клеопатры.*

На третью ночь пир был снова приготовлен в зале большого дома, отданного в распоряжение Клеопатры и в эту ночь убранного пышнее обыкновенного. Двенадцать мест вокруг стола были вызолочены, а ложа Клеопатры и Антония были сделаны из чистого золота и убраны драгоценными камнями. Посуда подавалась также из золота, осыпанная драгоценными камнями, стены были завешены пурпуровой тканью с золотом; на полу же, покрытом золотой сеткой, ноги утопали в свежих душистых розах, которые, умирая, как невольники, посылали пирующим свое благоухание. Еще раз мне было приказано стоять с Хармионой, Ирой и Мерирой позади ложа Клеопатры и, как рабу, выкрикивать проходящие часы. С тяжелым сердцем исполнял я свою обязанность, но мысленно поклялся, что это в последний раз: я не мог выносить более этого позора. Хотя я не верил словам Хармионы, что Клеопатра готова сделаться любовницей Антония, но не мог терпеть более унижения и мук. Клеопатра не устаивала меня словом, кроме приказаний, отдаваемых ею мне как рабу, и думаю, ее жестокому сердцу доставляло удовольствие мучить меня. И как это могло случиться, что я, фараон, коронованный царь Кеми, стоял среди евнухов и придворных дам позади ложа египетской царицы во время шумного и веселого пира, когда чаши с вином, осушаемые пирующими, еще более усиливали их веселье! Антоний сидел, не сводя взора с лица Клеопатры, которая время от времени бросала на него свой блестящий взгляд, и тогда разговор их замирал! Он рассказывал о войне, о своих подвигах; его любовные шутки были непристойны для ушей женщины. Но Клеопатра не оскорблялась, в тон ему она сыпала остротами, рассказывала истории, не менее бесстыдные и неприличные. Наконец роскошное пиршество кончилось. Антоний взглянул на окружающую роскошь.

— Скажи мне, прекраснейшая царица, — произнес он, — из золота ли состоят пески Нила, что ты можешь каждую ночь расточать сокровища царей на пиры? Откуда это несказанное богатство?

Я вспомнил о гробнице божественного Менкау-ра, священ-

ные сокровища которого так нелепо расточались, и взглянул на Клеопатру. Наши глаза встретились. Она прочитала мои мысли и тяжело нахмурилась.

— Это пустяки, благородный Антоний!— ответила она.— В Египте у нас мы знаем тайны, знаем, откуда достать богатства на наши нужды. Скажи, что стоит эта роскошь, это золото, эти яства и вина, подаваемые нам?

Он поднял глаза и пытался угадать.

— Может быть, тысячу сестерций!

— Ты сказал на половину меньше, благородный Антоний! Все это я даю тебе и тем, кто с тобой, в доказательство моей дружбы. Я покажу тебе более этого: сейчас я сама съем и выпью 10000 сестерций одним глотком.

— Не может быть, прекрасная египтянка!

Она засмеялась и приказала рабу подать ей стакан белого уксуса. Когда уксус был принесен, Клеопатра поставила его перед собой и снова засмеялась; Антоний, поднявшись с своего ложа, сел рядом с ней. Все присутствующие нагнулись, желая увидеть, что она будет делать. Она сняла с уха одну из тех больших жемчужин, которые из всех сокровищ последними были вынуты из тела божественного Менкау-ра, и, прежде чем кто-нибудь мог угадать ее намерение, бросила ее в уксус. Наступило молчание, молчание крайнего изумления. Скоро бесцветная жемчужина растворилась в кислоте. Тогда Клеопатра подняла стакан и выпила уксус до дна.

— Еще уксуса, раб!— вскричала она.— Мой пир еще не кончен!— И она вынула из уха другую жемчужину.

— Клянусь Бахусом! Нет, этого не надо!— вскричал Антоний, схватив ее руки.— Я видел довольно!

В эту минуту, побуждаемый каким-то бессознательным чувством, я сказал Клеопатре:

— Час близок, о царица! Час проклятия Менкау-ра!

Пепельная бледность покрыла лицо Клеопатры.

Она яростно обернулась ко мне, пока все остальные с удивлением смотрели на меня, не понимая значения моих слов.

— Зловещий раб!— вскричала она.— Скажи это еще раз— и будешь жестоко избит палками! Наказан будешь, как злодей! Я обещаю тебе это, Гармахис!

— Что такое говорит этот негодяй астролог?— спросил Антоний.— Говори, бездельник, и объяснись; кто толкует о проклятии, должен верно предсказывать!

— Я — слугитель богов, благородный Антоний! Я должен говорить то, что они приказывают мне, но я не понимаю значения слов!— произнес я смиренно.

— О! Ты служишь богам, ты, разноцветная таинственность? Он намекал на мое блестящее одеяние.

— Хорошо, а я служу богиням — и этот культ лучше и приятнее! Одна из богинь находится среди нас! Я тоже говорю то, что богини влагают в мой ум, но не понимаю значения!

Он быстро и вопросительно взглянул на Клеопатру.

— Отпусти негодяя,— сказала она нетерпеливо,— завтра мы разделаемся с ним. Пошел вон, бездельник!

Я поклонился и пошел, но, уходя, слышал, как Антоний сказал Клеопатре: «Он, может быть, негодяй — все люди таковы, но у твоего астролога царственный вид! У него взор царя, и в глазах светится мудрость!»

За дверью я остановился, не зная, что делать. Пока я стоял, кто-то дотронулся до моей руки. Я взглянул. То была Хармиона, которая в суматохе и шуме успела ускользнуть из зала и последовала за мной.

В тяжелые минуты Хармиона всегда находилась возле меня.

— Иди за мной!— прошептала она.— Ты в опасности!

Я повернулся и пошел за ней. Не все ли мне равно!

— Куда мы идем?— спросил я.

— В мою комнату,— сказала она,— не бойся, нам, женщинам двора Клеопатры, нечего терять! Наша добрая слава давно потеряна! Если кто-нибудь увидит нас, то подумает, что у нас любовное свидание, а это здесь принято!

Я шел за Хармионой, и, никем не замеченные, мы вышли через небольшой боковой вход на лестницу, по которой поднялись наверх. Лестница кончалась коридором, по которому мы добрались до двери на левой стороне. Хармиона молча вошла в комнату, я последовал за ней в темноте. Потом она заперла дверь и зажгла висячую лампу. При свете я оглянулся кругом. Комната была невелика, с одним плотно завешенным окном. Она была просто убрана, с белыми стенами. В ней стояли сундуки с платьем, старинное кресло, стол с туалетом, на котором лежали гребни, духи и разные пустяки, которые так любят женщины, и белая постель с вышитым покрывалом, поверх которого был накинут газ.

— Садись, Гармахис!— сказала Хармиона, подвигая мне кресло.

Я сел на кресло, а она, сбросив газовое покрывало, села на кровать.

— Знаешь ли ты, что сказала Клеопатра, когда ты ушел из зала?— спросила она.

— Нет, не знаю!

— Она посмотрела тебе вслед, и я, подойдя к ней зачем-то в эту минуту, слышала, как она пробормотала про себя: «Клянись Сераписом, надо с ним покончить! Я не могу ждать дольше: завтра он будет задушен!»

— Так,— сказал я,— может быть, хотя после всего, что было, я не хочу верить, что она убьет меня!

— Как можешь ты не верить, безумнейший из людей? Разве ты забыл, как близок был от смерти в алебастровом зале? Кто спас тебя от кинжалов евнухов? Клеопатра, или я, или Брени? Слушай, что я скажу тебе. Ты не веришь, так как в своем безумии не можешь допустить, чтобы женщина, бывшая твоей возлюбленной, в такое короткое время изменилась к тебе, осудив тебя на смерть! Молчи, я знаю все и говорю тебе. Ты не знаешь всей глубины коварства Клеопатры, не можешь и вообразить всю порочность ее жестокого сердца! Она убила бы тебя еще в Александрии, если бы не боялась, что твоя смерть возбudit волнение и может поколебать ее трон. Тогда она привезла тебя сюда, чтобы убить тайно. Что ты можешь еще дать ей? Она прельстилась твоей любовью, твоей силой и красотой! Она отняла у тебя царственное право рождения и заставила тебя, потомка фараонов, стоять с толпой прислужниц позади своего ложа на пиру. Она выманила у тебя великую тайну священных сокровищ!

— Ты знаешь и это?

— Я все знаю. Ты видел сегодня ночью, как богатство, скопленное для нужд Кеми, расточается для прихотей развратной македонской царицы! Видишь, как она держит клятву свою повенчаться с тобой, Гармахис, наконец-то твои глаза видят истину!

— Я вижу очень хорошо. Она клялась, что любит меня, и я, бедный дурак, верил ей!

— Она клялась, что любит тебя!— возразила Хармиона, поднимая свои темные глаза.— Я покажу тебе, как она тебя любит! Знаешь ли ты, что такое этот дом? Он был обиталищем жрецов, и, как ты видишь, Гармахис, жрецы умеют устраиваться. Маленькая комната моя прежде была комнатой великого жреца, а комнаты позади и внизу были местом собрания других жрецов. Старый невольник, который управляет домом, рассказал мне все это и открыл еще кое-что, что я сейчас покажу тебе! Теперь, Гармахис, будь молчалив, как смерть, и следуй за мной!

Она потушила лампу и при слабом свете, падавшем из плотно закрытого окна, повела меня в дальний угол комнаты. Здесь она нажала стену, и в ней отворилась потайная дверь. Мы вошли в другую, маленькую комнату, и Хармиона закрыла вход. То была комната в пять локтей длины и в четыре — ширины. Слабый свет проникал в нее откуда-то, и я услышал звуки голосов. Отпустив мою руку, Хармиона подкралась к концу комнаты и пристально посмотрела в стену, затем, вернувшись назад ко мне, прошептала: «Молчи, тише!» — и повела меня за

собой. Я увидал, что в стене были сделаны отверстия для глаз, замаскированные резными украшениями из камня; я посмотрел сквозь отверстие и увидел, что на шесть локтей ниже был виден пол другой комнаты, богато освещенной и роскошно убранной. Это была спальня Клеопатры; там сидела на золотом ложе сама она, а рядом — Антоний.

— Скажи мне, — произнесла Клеопатра (комната была так устроена, что каждое слово, произнесенное в ней, отчетливо доносилось до ушей слушавшего наверху), — скажи, благородный Антоний, понравился ли тебе мой жалкий пир?

— Ах, египтянка, — отвечал тот своим низким солдатским голосом, — я сам устраивал пиры и бывал на пирах, но никогда не видал такого великолепия. Но, скажу тебе, хотя мой язык груб и не умеет говорить любезностей приятным женщинам, — ты сама была самым великолепным украшением богатого пира. Красное вино не было ярче твоих прекрасных щек, запах роз не был слаще благоухания твоих волос, и ни один сапфир с своим изменчивым блеском не был прекраснее твоих синих и бездонных, как океан, очей!

— Как! Похвала от Антония! Любезные слова на устах того, кто пишет такие суровые письма! О, это действительно бодрящая похвала!

— Да, — продолжал он, — это был царский пир, хотя мне досадно, что ты бросила эту чудную жемчужину! А что хотел сказать твой выкликающий время астролог своим зловещим карканьем о проклятии Менкау-ра?

Тень скользнула по пылающему лицу Клеопатры.

— Я не знаю, он был недавно ранен в голову, и, быть может, разум его помутился!

— Нет, он не походил на безумного, его голос прозвучал в моих ушах, словно предсказание оракула! Он так дико глядел на тебя, царица, такими пронзительными глазами, подобно человеку, который любит и ненавидит в своей любви!

— Это странный человек, говорю тебе, благородный Антоний, очень ученый! Я сама временами боюсь его; он посвящен в древние тайны Египта! Знаешь ли, что этот человек — царственной крови и замышлял убить меня? Но я победила его и не убила, так как он имеет ключ к тайнам, которые я хотела вывести от него. Правда, я любила его мудрость, любила слушать его глубокие речи о разных не ведомых мне вещах!

— Клянусь Бахусом, я начинаю ревновать к этому негодяю! А теперь, прекрасная египтянка?

— А теперь я высосала из него все его познания и у меня нет причин бояться его. Разве ты не видел, что я заставила его стоять все три ночи, как раба, среди моих прислужников и выкликать время? Ни один пленный царь, шедший за твоей

триумфальной колесницей, римлянин, не испытал столько мук, как этот гордый египтянин!

Хармиона положила свою руку на мою и, словно жалея меня, нежно пожала ее.

— Хорошо, нам нечего больше смущаться от его зловещих слов, — продолжала Клеопатра, — завтра он умрет, умрет тайно от всех, не оставив следа своего существования. Мое решение принято и неизменно, благородный Антоний! Даже когда я говорю, я боюсь этого человека, этот страх растет и накапливается в моей груди! Я почти готова сейчас приказать убить его, так как не могу дышать свободно, пока он не умрет! — Она сделала движение, чтобы встать.

— Подожди до утра, — сказал Антоний, схватив ее руку, — солдаты пьяны и не смогут сделать это. И жаль его, право! Я не люблю, когда людей убивают во сне!

— Утром, пожалуй, сокол улетит! — возразила Клеопатра задумчиво. — У этого Гармахиса тонкий слух, он может призвать себе на помощь неземные силы! Может быть, даже теперь он слышит мои слова, но поистине, мне кажется, я ощущаю его присутствие. Я могла бы сказать тебе... но бросим его, оставим! Благородный Антоний, будь моей прислужницей, помоги мне снять эту золотую корону, она давит мой лоб. Будь добр, только осторожнее! Так!

Он снял уреус и корону с ее чела, она встряхнула роскошными волосами, которые покрыли ее всю, как покрывало.

— Возьми назад твою корону, царственная египтянка, — сказал он тихо, — возьми ее из моих рук; я не хочу отнимать ее у тебя, напротив, приму меры, чтобы она держалась на твоей прекрасной голове!

— Что хочет сказать мой господин? — сказала Клеопатра, с улыбкой глядя ему в лицо.

— Что я могу сказать? Вот что. Ты явилась сюда по моему приказанию, чтобы ответить мне на обвинения, взведенные на тебя по политическим делам. И знаешь, египтянка, если бы ты не была Клеопатрой, ты не вернулась бы в Египет царицей, так как я уверен, твоя вина — несомненна! А теперь... никогда природа не создавала жемчужины лучше тебя! Я забываю все! Ради твоей дивной красоты и грации я забываю все, прощаю все, что не простил бы добродетели, патриотизму и сединам старика. Видишь, как много значат красота и ум женщины, если они заставляют царей забывать свой долг, обманывать правосудие, прежде чем оно поднимет свой карающий меч. Возьми назад твою корону Египта! Я позабочусь, чтобы она была не очень тяжела для тебя!

— Это царственные слова, благородный Антоний, — отвечала она, — милые, великодушные слова, достойные победите-

ля мира! Что касается моих проступков — если они только были, — говорю тебе прямо, ведь я не знала Антония! Кто, зная Антония, может грешить против него? Какая женщина может поднять против того меч, кто должен быть божеством для всех женщин, к кому, когда видишь и знаешь его, тянется каждое искреннее сердце, как к яркому солнцу цветов? Что могу я еще сказать, не выходя из границ женской скромности?.. Надень же эту корону на мое чело, великий Антоний, и я приму ее как дар от тебя, вдвойне дорогой для меня, и буду хранить для твоей пользы! Теперь я вассальная царица, и в моем лице весь Древний Египет приносит покорность Антонию-триумвиру, который будет императором Рима и повелителем Кеми!

Надев снова корону на ее локоны, Антоний стоял, смотря на нее, и, охваченный страстью, под теплым дыханием ее чудной красоты, протянул обе руки, прижал ее к себе и трижды поцеловал.

— Клеопатра, — сказал он, — я люблю тебя! Прекрасная, я люблю тебя, как никогда не любил!

Она увернулась от его объятий, нежно улыбаясь, и в это время золотой круг из священных змей упал со лба и покатился в темноту.

Я видел это, и хотя горькая мука ревности терзала мое сердце, я понял предзнаменование. Но влюбленные ничего не заметили.

— Ты любишь меня? — еще нежнее произнесла она. — Откуда я знаю, что ты любишь меня? Может быть, ты любишь Фульвию, твою законную жену?

— Нет, не Фульвию, тебя, Клеопатра, тебя одну! Многие женщины смотрели на меня благосклонно с моих юношеских лет, но ни одной я так не желал, как тебя, чудо мира, несравненная с другими женщинами! Можешь ли ты полюбить меня, Клеопатра, и быть верной мне не за мое положение и власть, не за те блага, какие я могу тебе дать, не за суровую музыку моих бесчисленных легионов, не ради блеска, которым сияет счастливая звезда моей судьбы, а ради меня самого, ради Антония, грубого полководца, закаленного в полях битвы? Я, Антоний, гуляка, простой, слабый человек, непостоянный в своих решениях, но я никогда не обманул друга, не обобрал бедного человека, не заставлял врага врасплох! Скажи, можешь ли ты полюбить меня, египтянка? О, если можешь, я буду самым счастливым человеком, счастливее, чем если бы сегодня ночью я восседал в Римском Капитолии коронованным монархом всего мира!

Пока он говорил, она смотрела на него своими удивительными глазами, и меня удивило выражение искренности и правды на ее лице.

— Ты говоришь откровенно,— сказала она,— твои слова приятны для моих ушей! Они были бы также приятны, если бы дело стояло иначе, но теперь... какая женщина не увидит с радостью владыку мира у своих ног? Для меня же что может быть приятнее твоих сладких слов? Гавань, манящая отдыхом измученного бурей моряка,— как дорога она ему! Мечта о небесном блаженстве, которой утешается бедный аскёт жрец на своем самоотверженном пути,— как сладка она! Нежная розовоперстая заря, несущая земле радость сладкого пробуждения, как дорога она и приятна! Ах, все это, все самое дорогое и очаровательное в мире, не может сравниться с честными и сладкими твоими словами, о Антоний! Знаешь ли ты? Нет, и никогда не будешь знать, как ужасна была моя жизнь, как пуста и одинока! Природой устроено так, что только любовь избавляет женщину от одиночества! Я никогда не любила, никогда не могла полюбить до этой счастливой ночи! Возьми меня в свои объятия и поклянемся, дадим великий обет любви, такую клятву, которая не может быть нарушена до конца нашей жизни! Слушай, Антоний, и теперь, и навсегда я даю тебе обет верности и любви! Теперь и навеки я твоя, я принадлежу тебе одному!..

Хармиона взяла меня за руку и увела.

— Довольно ли ты видел?— спросила она, когда мы снова очутились в ее комнате и лампа была зажжена.

— Да,— ответил я,— мои глаза открылись!

XVI

План Хармионы.— Исповедь.— Ответ Гармахиса.

Некоторое время я сидел с опущенной головой, и последняя горечь стыда наполнила мою душу. Так вот конец! Для этого я нарушил клятвы, выдал тайну пирамиды, для этого потерял свою корону, свою честь и, может быть, надежду небес!

Мог ли быть во всем мире человек, столь убитый стыдом и горем, как я в эту ночь? Наверное, нет. Куда я пойду? Что буду делать? Даже среди бури, бушевавшей в моем истерзанном сердце, громко взывал горький голос ревности. Я любил эту женщину, которой отдал все, а она в эту самую минуту... Ах! Я не мог выносить этой мысли, и в этой мучительной агонии сердце мое разразилось целым потоком слез. О, это были страшные, мучительные слезы!

Хармиона подошла ко мне, и я увидел, что она также плакала.

— Не плачь, Гармахис,— сказала она, рыдая и становясь на колени около меня,— я не в силах видеть тебя плачущим!

Отчего ты не остерегался? Ты был бы велик и счастлив! Слушай, Гармахис! Ты слышал, что сказала эта фальшивая тигрица... завтра ты будешь убит!

— И хорошо!— пробормотал я.

— Нет, вовсе не хорошо! Гармахис, не дай ей окончательно восторжествовать над тобой! Ты потерял все, кроме жизни, но пока остается жизнь, остается и надежда, а с ней и возможность мести!

— А!— вскричал я, вскочив с места.— Я не подумал об этом. Возможность отомстить! Должно быть, сладко быть отомщенным!

— Месть сладка, Гармахис, но иногда мстить — опасно, так как стрела мести, пущенная в обидчика, может пронзить пустившего! Я знаю это по себе.— Она тяжело вздохнула.— Бросим в сторону и разговоры, и печаль! У нас обоих будет время впереди, чтобы горевать все эти долгие, тяжелые грядущие годы! Теперь ты должен бежать, бежать до рассвета! Вот мой план! Пришедшая вчера из Александрии галера с фруктами и товарами отплывает обратно завтра, до зари. Ее капитан мне знаком, но ты его не знаешь! Я достану тебе одежду сирийского купца, закутаю тебя, как умею, и дам письмо к капитану галеры. Он довезет тебя до Александрии; для него ты будешь купцом, который едет по своим торговым делам. Сегодня ночью Бренн — начальник стражи, а Бренн друг и мне и тебе! Быть может, он угадает кое-что, может быть, нет, но сирийский купец безопасно выйдет из дворца. Что ты скажешь на это?

— Хорошо,— отвечал я устало,— я не забочусь о том, что будет!

— Так оставайся и отдохни здесь, Гармахис, пока я сделаю нужные приготовления! Не горюй очень, Гармахис! Другим надо горевать сильнее, чем тебе!

Она ушла, оставив меня одного с моей тоской, терзавшей меня невыносимо. Если бы не горячее желание отомстить за себя, время от времени вспыхивавшее в моем измученном мозгу,— так молния вспыхивает над морем в полуночный час,— я думаю, разум мой помутился бы совершенно в эти тяжелые минуты! Наконец я услышал шаги Хармионы, и она вошла, тяжело дыша, с мешком одежды в руках.

— Все идет хорошо! Здесь платье, белье, дощечки для письма и все, что тебе необходимо. Я видела Бренна и сказала ему, что сирийский купец должен пройти мимо стражи за час до рассвета. Я думаю, он понял меня, хотя сделал вид, что хочет спать, и ответил мне, зевая, что, если скажут пароль «Антоний», то пятьдесят сирийских купцов могут уйти по своим делам. Вот мое письмо к капитану! Ты не можешь ошибиться галерой, она стоит у пристани вправо — маленькая галера, окра-

шенная в черный цвет; ты должен войти с большой набережной, и там все будет уже готово к отплытию! Теперь я подожду за дверью, пока ты снимешь свою рабскую ливрею и оденешься!

Она ушла. Я сорвал с себя пышное платье, сбросил его на пол и топтал ногами. Затем надел скромную одежду купца, привязал к поясу дощечки, надел на ноги сандалии из недубленной кожи и спрятал кинжал.

Когда все было готово, вошла Хармиона и взглянула на меня.

— Ты все еще похож на царственного Гармахиса! Это надо изменить!

Она взяла ножницы, усадила меня, отрезала мне локоны и выстригла волосы догола. Потом, взяв краску, которой женщины подрисовывают себе глаза, и искусно смешав ее с другой, она ловко нарисовала мне морщины на лице и руках и закрасила белый рубец на голове, оставленный мечом Бренна.

— Теперь ты изменился к худшему, Гармахис!— сказала она с грустной улыбкой.— Я сама едва узнаю тебя. Подожди, еще одна вещь!— Она подошла к сундуку с платьем и вытащила оттуда тяжелый мешок с золотом. Возьми это,— сказала она,— тебе понадобятся деньги!

— Я не могу взять твоих денег, Хармиона!

— Бери! Это Сеп дал мне их для нашего дела, поэтому ты смело можешь пользоваться ими! Кроме того, если мне понадобятся деньги, конечно, Антоний, мой господин с сегодняшней ночи, даст мне, сколько я хочу. Он многим обязан мне и отлично знает это. Не растрачивай драгоценного времени на пустяки — ты еще не купец, Гармахис!

Без дальних слов она засунула деньги в кожаный мешок, висевший у меня через плечо. Затем она дала мне мешок с запасом платья и, по своей женской предупредительности, не забыла сунуть туда алебастровую баночку с краской, чтобы я мог подрисовать свое лицо, когда это понадобится, и, в конце концов, вышитое платье астролога, которое я сбросил с себя, спрятала в потаенное место. Наконец я был совсем готов.

— Пора мне идти?— спросил я.

— Нет еще, погоди! Будь терпелив, Гармахис, еще час придется тебе переносить мое присутствие, а потом прощай, быть может, навсегда!

Я махнул рукой, как бы давая ей понять, что теперь не время для острословия и болтовни.

— Прости мне мой язык,— сказала она,— из соли часто бьет источник горькой воды! Я должна сказать тебе кое-что неприятное, прежде чем ты уйдешь!

— Говори,— отвечал я,— слова, самые ужасные, не могут теперь взволновать меня!

Хармиона стояла передо мною с сложенными руками, и свет лампы падал на ее прекрасное лицо. Я заметил, что оно было страшно бледно, и что вокруг глубоких темных глаз легли черные круги. Два раза поднимала она глаза и пыталась заговорить, но голос ее прерывался. Когда же, наконец, она заговорила, это был хриплый шепот:

— Я не могу отпустить тебя,— сказала она,— не открыв тебе истины. Гармахис, это я предала тебя!!!

Я вскочил на ноги с проклятием на устах, но Хармиона удержала меня за руку.

— Садись и выслушай! Когда ты узнаешь все, делай со мной что хочешь! С той минуты, когда в доме Сепы я во второй раз увидела тебя, я полюбила тебя так сильно, что ты не можешь и представить себе! Возьми свою собственную любовь к Клеопатре, удвой ее еще и еще и ты приблизительно поймешь всю силу моей любви к тебе. Я любила тебя день за днем, все более, пока ты не сделался единственной целью моего существования. Ты оставался холоден, более чем холоден, ты не хотел видеть во мне живой женщины, ты смотрел на меня как на орудие своего дела, которое может тебе служить для твоего возвышения! Я скоро заметила — задолго до того, как ты сам понял это,— что твое сердце рвется к этому губительному берегу, о который теперь оно разбилось. Наконец в ту роковую ночь, спрятанная в углу комнаты, я видела, как ты выбросил мой платок и с нежными словами сохранил у себя дар моей царственной соперницы. Тогда — ты знаешь это,— страдая невыносимо, я выдала тебе свою тайну, и ты насмеялся надо мной, Гармахис! О позор, позор! В своем безумии ты насмеялся надо мной! Я ушла, и все муки, способные терзать женское сердце, поднялись во мне! Я была уверена, что ты любишь Клеопатру! Я была так безумна, что хотела в эту самую ночь выдать твою тайну. Нет еще, решила я, быть может, завтра он будет мягче! Назавтра, когда все было готово у меня, чтобы разрушить всякий заговор, который должен был сделать тебя фараоном Египта, я пришла к тебе — ты помнишь?— и говорила с тобой загадками, а ты снова оттолкнул меня как негодную вещь, как пустяк, не заслуживающий внимания в минуту тяжелого раздумья. Я совсем обезумела. Злой дух вселился в меня, овладел мной, и я перестала быть сама собой, потеряла всякую власть над собой. И за то, что ты насмеялся надо мной, я предала тебя, к своему вечному стыду и позору! Я пошла к Клеопатре и сказала ей все, выдала тебя, и других с тобой, и наше святое дело, сказала, что нашла письма, которые ты потерял, и прочитала их!

Я застонал и сидел молча.

Печально смотря на меня, она продолжала:

— Клеопатра сейчас же поняла, как велик был заговор, как

глубоки его корни, и испугалась. Сначала она хотела бежать в Саис или в Кипр, но я убедила ее, что все эти пути закрыты для нее. Тогда она сказала, что прикажет убить тебя в своей комнате, и я ушла от нее, оставив ее с этим решением. В ту минуту я была бы рада, если бы тебя убили: никто не помешал бы мне горько оплакивать твою могилу, Гармахис! Что еще сказать? Мсть — это стрела, которая часто ранит того, кто пустил ее! Так было и со мной. В промежуток между моим уходом и твоим приходом к ней Клеопатра придумала смелый план. Она боялась, что твоя смерть вызовет открытое возмущение, видела, что ей нужно привязать тебя к себе, выказать тебе полное доверие и этим пресечь в корне неминуемую опасность и уничтожить ее. Большой, тонко составленный заговор — она сомневалась в его исходе! Нужно ли говорить дальше? Ты знаешь, Гармахис, как она победила! Стрела моей мести упала на мою собственную голову. На другой день я узнала, что согрешила напрасно, что заговор был выдан негодным Павлом, что я ни за что погубила святое дело, которому клялась служить, и предала любимого человека в руки египетской развратницы!

На минуту она склонила голову, но так как я молчал, продолжала:

— Дай мне высказать тебе весь мой грех, Гармахис, и тогда суди меня! Дело удалось мне. Клеопатра несколько полюбила тебя и в глубине сердца решила сделать тебя своим царственным супругом. Ради этой полулюбви к тебе она пощадила жизнь участников заговора, рассчитывая, что, повенчавшись с тобой, она с их помощью привлечет к себе сердце всего Египта, который не любит ее, как всех Птоломеев. Но тут она еще раз обманула тебя! Ты в своем безумии выдал ей тайну скрытого в пирамиде богатства, которое она расточает теперь с Антонием. Поистине, в то время она намеревалась сдержать клятву и обвенчаться с тобой. Но на другой день, когда Деллий пришел за ответом, она послала за мной, рассказала мне все — она, в сущности, высоко ценит мои советы — и просила посоветовать ей, оттолкнуть ли Антония и повенчаться с тобой или, оттолкнув тебя, поехать к Антонию! Я — заметь весь мой грех — я в своей ревности не могла вынести мысли, что она будет твоей законной женой, а ты — ее любимым властелином, и посоветовала ей ехать к Антонию, хорошо зная, — я говорила об этом с Деллием, — что мягкий Антоний, увидя ее, упадет, как спелый плод, к ее ногам, что действительно и случилось! Теперь я укажу тебе на результат моего плана. Антоний любит Клеопатру, Клеопатра любит Антония! Ты ограблен, все сделалось по моему желанию, а я — самая несчастнейшая женщина на земле! Я видела, как разбилось твое сердце, и мое, казалось, разбилось вместе с твоим, я не могла далее выносить тяжести всех

моих преступлений и решила сказать тебе все и вынести наказание.

Теперь, Гармахис, мне нечего больше сказать тебе! Благодарю тебя за то, что ты выслушал меня. Побуждаемая страстной любовью к тебе, я согрешила против тебя! Я погубила тебя, погубила Кеми и себя! Убей меня! Предай меня смерти, Гармахис, я с радостью умру от твоего меча и поцелую его острие! Убей меня и уйди. Если ты не убьешь меня, я, наверное, сама покончу с собой!

Она упала на колени, раскрыв свою прекрасную грудь, чтобы я мог поразить ее кинжалом.

В ярости я хотел убить ее, вспомнив, что эта женщина — причина моего позора и падения, — когда я пал, дерзко и жестоко издевалась надо мной. Но тяжело убивать красивую женщину! Когда я поднял руку, мне припомнилось, что она дважды спасла мне жизнь.

— Женщина! Бесстыдная женщина! — сказал я. — Встань! Я не убью тебя! Кто я сам, чтобы судить твое преступление? Вместе с моим оно выше всего земного суда!

— Убей меня, Гармахис! — стонала она. — Убей меня, или я убью сама себя! Мне непосильно мое бремя! Не будь так убийственно спокоен! Прокляни меня, убей!

— Что говорила ты мне, осуждая меня, Хармиона? Я пожинаю то, что посеял! Не подобает и тебе убивать себя! Незаконно, что я, равный тебе по грехам, убил бы тебя, потому что погиб через тебя! Что ты посеяла, Хармиона, то и пожнешь! Низкая женщина! Твоя ревность причинила столько бед мне и Египту! Живи же! Живи и пожинай из года в год горькие плоды твоих преступлений!

Видения оскорбленных тобой богов будут преследовать тебя во сне! Их месть ожидает тебя в мрачном Аменти! Пусть изо дня в день тебя преследует воспоминание о человеке, которого твоя жестокая любовь довела до гибели и позора, об Египте, который ты отдала во власть ненасытной Клеопатры, сделав его рабом Антония!

— О, не говори так, Гармахис! — она уцепилась за мое платье. — Когда ты был велик, когда власть была в твоих руках, ты оттолкнул меня! Теперь Клеопатра отвернулась от тебя, ты беден, убит стыдом, тебе негде преклонить голову. Я красива, я все еще молюсь на тебя. Не отталкивай меня теперь! Позволь мне бежать с тобой и заслужить твое прощение моей преданной любовью! Если это много для меня, позволь мне быть твоей сестрой, служанкой, рабой, чтобы я могла видеть твое лицо, успокаивать тебя в горе и служить тебе! О Гармахис, позволь мне, я пренебрегу всем, вынесу все, и только смерть разлучит меня с тобой! Я верю, что любовь к тебе, благодаря которой я

пала так низко и увлекла тебя за собой может поднять меня на высоту и тебя вместе со мной!

— Ты соблазняешь меня на новый грех, женщина! Как думаешь ты, Хармиона, в силах ли я буду в какой-нибудь лачуге, где укроюсь, день за днем смотреть на твое прекрасное лицо и вспоминать, что эти нежные уста предали и погубили меня? Нет, не так легко твое наказание! Я знаю теперы! Долги и тяжелы будут годы твоего покаяния! Быть может, наступит час отщипления, и ты будешь иметь в нем свою долю! Оставайся при дворе Клеопатры, и, если я буду жив, то найду средство известить тебя! Быть может, наступит день, когда мне понадобятся твои услуги! Теперь поклянись, что не изменишь мне во второй раз!

— Клянусь, Гармахис, клянусь! Пусть вечные мучения, ужаснее которых нельзя вообразить — более страшные, чем те, которые терзают меня теперь, — будут моим уделом, если я словом или звуком изменю тебе, хоть бы до конца жизни мне пришлось ждать известия от тебя!

— Хорошо! Сдержи же свою клятву! Нельзя дважды выдавать человека! Я иду совершать свою судьбу. Устраивай свою! Быть может, различные нити нашей жизни еще раз сплетутся, прежде чем ткань будет соткана! Прощай, Хармиона, ты, любившая меня, ты, которая ради этой любви обманула и погубила меня! Прощай!

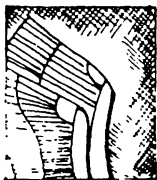
Она дико взглянула на мое лицо, протянула руки, словно хотела обнять меня, потом, в полном отчаянии, упала на пол.

Я взял мешок с одеждой, посох и пошел к двери, но, уходя, невольно бросил последний взгляд на Хармиону.

Она лежала на полу с распростертыми руками — блее своего белого платья; ее темные волосы разметались около нее, а прекрасное лицо она уткнула в пол.

Так я оставил ее, и прошло девять долгих лет, пока снова не увидел Хармионы.

(Здесь кончается второй и самый большой свиток папируса.)

Часть III

МЕСТЬ ГАРМАХИСА

I

*Бегство Гармахиса из Тарса.— Гармахис
бросается в море, как жертва морским богам.—
Его пребывание на острове Кипр и возвращение
в Абуфис.— Смерть Аменемхата.*

Я благополучно спустился с лестницы и очутился во дворе большого дома. До рассвета оставалось не более часу; крутом царила тишина. Последний гуляка допил свое вино, танцовщицы прекратили свои танцы. Город спал. Я подошел к воротам. Меня окликнул начальник стражи, закутанный в плащ.

— Кто идет?— спросил голос Бренна.

— Купец, если вам угодно, господин! Я привозил дары из Александрии одной госпоже, приближенной царицы, и задержался у ней, а теперь спешу на свою галеру!— отвечал я измененным голосом.

— Гм!— проворчал он.— Приближенные царицы долго задерживают своих гостей! Славно, самое время для пира! Пароль, господин торговец! Без пароля вам придется вернуться и просить гостеприимства у нашей госпожи!

— Антоний! Вот пароль, господин! Прекрасное имя! Я много путешествовал, но никогда не видал такого прекрасного мужа и великого полководца! Заметьте, господин! Я побывал далеко и видел много полководцев!

— Да, Антоний — слово хорошее. Антоний хороший воин, когда трезв и около него нет юбки, чтобы за ней волочиться. Я служил с Антонием и хорошо знал его слабости. Теперь у него много дела!

Бренн говорил это, не переставая шагать взад и вперед перед воротами, потом подвинулся вправо и пропустил меня.

— Прощай, Гармахис, иди!— прошептал Бренн быстро.— Не медли и потом хотя изредка вспоминай Бренна, который рисковал своей головой, чтобы спасти тебя! Прощай, друг! Я так бы хотел уплыть с тобой на север!— Он повернулся ко мне спиной и замурлыкал песню.

— Прощай, Бренн, честный человек! — ответил я, уходя; уже потом я узнал, что утром поднялись суматоха и крик, так как убийцы не нашли меня. Бренн же клялся, что, стоя на страже один, после полуночи, видел, как я вышел на крышу, потряс своей одеждой, которая превратилась в крылья, и улетел на небо, оставив его в полном изумлении. При дворе все, кто выслушал эту сказку, поверили, благодаря моей славе великого магика, и очень удивлялись этому чуду. Слух об этом дошел до Египта и восстановил мое доброе имя в глазах тех, кого я предал и обманул. Многие невежды среди них решили, что я действовал не по своей воле, а по приказанию богов, которые взяли меня на небо. До сих пор там существует поговорка: «Когда Гармахис придет, Египет опять будет свободен!»

Но, увы, Гармахис не придет! Клеопатра усомнилась в сказке и в испуге послала вооруженный корабль на поиски сирийского купца, но его не нашли.

Между тем я добрался до галеры, указанной мне Хармионной, нашел ее готовой к отплытию и подал письмо капитану, который с любопытством посмотрел на меня, но не сказал ни слова.

Я взошел на корабль, и мы тихо отчалили вниз по течению реки. Беспрепятственно пройдя устье реки, наша галера скоро вышла в открытое море. Дул сильный попутный ветер, к ночи перешедший в сильную бурю. Моряки испугались и хотели вернуться в устье Кидна, но разъяренное море не допустило их. Всю ночь свирепствовала буря. К рассвету у нас сломалась мачта, и мы беспомощно носились по волнам. Я сидел неподвижно, закутавшись в плащ, и так как не выказывал страха, то матросы начали кричать, что я колдун; они хотели бросить меня в море, но капитан не позволил им. К рассвету ветер ослабел, но к полудню задул с ужасающей силой. В четыре часа пополудни мы очутились в виду острова Кипра, называемого Динаретом, где находится гора Олимп, и неслись прямо туда с страшной быстротой. Когда матросы увидели ужасные скалы, о которые разбивались с пеной и брызгами огромные волны, то перепугались до безумия и начали кричать, что я настоящий колдун и меня нужно бросить в воду, в жертву морским богам. Капитан теперь молчал. Когда матросы подошли ко мне, я встал и сказал им презрительно:

— Бросайте меня, если хотите, но, бросив меня, вы сами погибнете!

Действительно я мало заботился о смерти, так как жизнь потеряла для меня всякий интерес, даже желал смерти, хотя и боялся предстать перед священной матерью Изидой. Но усталость и тоска преодолели даже этот страх, так что когда матросы, совсем обезумевшие, как дикие звери, схватили меня,

подняли и бросили в бушующие волны, я прочитал молитву Изиде и приготовился умереть. Но мне не суждено было умереть. Как только я выплыл на поверхность воды, то увидел бревно, плывущее около меня. Я ухватился за него и поплыл. Огромная волна подхватила меня, и я сел на бревно и плыл, подобно тому, как мальчиком учился плавать в водах Нила. Между тем на галере собрались все матросы смотреть, как я утону, но когда увидели меня, поднятого волной и проклинающего их, увидели мое лицо, которое совершенно изменилось, так как соленая морская вода смыла краску, они с ужасом закричали и упали на палубу. Через некоторое время, пока я несся к скалистому берегу, волны хлынули на корабль, перевернули его на бок и увлекли вниз, в бездонную пучину моря.

Галера потонула со всем экипажем. В это же время буря потопила галеру, которую Клеопатра послала на поиски сирийского купца. Таким образом, мои следы затерялись, и Клеопатра, наверное, поверив, что я умер, успокоилась.

Я плыл к берегу. Ветер ревел, соленая вода брызгала мне в лицо, я был один, лицом к лицу с бурей, и несся своим путем, в то время как морские птицы кричали над моей головой. Но я не чувствовал страха, какая-то дикая радость поднималась в сердце, и перед этой неминуемой опасностью любовь к жизни, казалось, снова пробудилась во мне. Я погружался, нырял, взлетал к низко нависшим облакам, падал в глубокие пропасти моря, пока не увидел перед собой скалистого берега, около которого кипели буруны. Сквозь рев и стон ветра я слышал глухой гул и гром камней, смываемых морем. О, как высоко очутился я — на гребне огромной волны около пятидесяти локтей в высоту! Подо мной — зияющая бездна, надо мной — темное, непроницаемое небо! Кончено! Обрубок выскользнул из-под меня... Мешок с золотом и намокшая одежда увлекали меня вниз... Я начал тонуть...

Внизу — странный зеленый свет проникал через воду, потом настал мрак, и в этом мраке восстали передо мной картины прошлого. Картина за картиной — вся моя жизнь прошла передо мной! В моих ушах звучала песнь соловья, рокот летнего моря и музыка торжествующего смеха Клеопатры, которая преследовала меня все нежнее, пока я погружался в вечный мрак.

Но жизнь вернулась ко мне вместе с ощущением ужасной боли и страдания. Я открыл глаза и увидел склонившиеся надо мной добрые лица, в какой-то комнате.

— Где я? — спросил я слабо.

— Поистине, сам Посейдон принес тебя, чужестранец, — отвечал мне грубый голос на греческом языке, — мы нашли тебя выкинутым на берег, как мертвого дельфина, и принесли в наш дом. Надо думать, тебе придется полежать здесь неко-

торое время — твоя левая нога сломана в борьбе с волнами.

Я хотел двинуть ногой и не мог. Действительно, кость ноги была сломана выше колена.

— Кто ты и как тебя зовут? — спросил рыжебородый моряк.

— Я — египтянин и долго путешествовал, но корабль мой потопило бурей. Зовут меня Олимпом! — отвечал я, взяв имя Олимпа наугад, так как вспомнил, что этот народ называет гору, мимо которой мы плыли, Олимпом.

С этих пор меня все знали под именем Олимпа. Почти полгода прожил я у грубых рыбаков, платя им немного тем золотом, что осталось у меня, выкинутое со мной вместе на берег. Долго тянулось время, пока моя кость срослась, и все же я остался калекой: когда-то высокий, сильный, ловкий, я хромал теперь — одна нога моя была короче другой. Оправившись от болезни, я долго жил с рыбаками, работал и помогал им ловить рыбу. Я не знал, куда мне идти и что с собой делать! Иногда мне хотелось сделаться мирным рыбаком и дотянуть здесь остаток постылой жизни.

Рыбаки обходились со мной ласково, но страшно боялись меня, считая колдуном, который выкинут морем. Печали и скорбь наложили странный отпечаток на мое лицо. Люди, смотря на меня, пугались того отчаяния, которое пряталось за видимым спокойствием этого лица.

Так жил я, но однажды ночью, когда я лежал и пытался заснуть, страшное беспокойство напало на меня. Меня охватило горячее желание еще раз увидеть берега Сигора. Боги ли послали мне это желание или оно родилось из моего собственного сердца — я не знаю! Но оно было так сильно, что я встал со своего соломенного ложа, оделся в платье рыбака, так как не желал расспросов, и до рассвета простился с моими скромными хозяевами.

Прежде всего я положил несколько золотых монет на чисто вымытый деревянный стол и, взяв щепотку муки, рассыпал ее в форме букв, написав:

«Это — дар Олимпа, египтянина, который возвращается в море!»

Затем я ушел и на третий день очутился в большом городе Саламис, у моря, где прожил некоторое время у рыбаков, пока не нашел корабля, отплывающего в Александрию. Я нанялся как матрос к капитану этого корабля; мы отплыли с попутным ветром, и на пятый день я прибыл в Александрию, этот ненавистный город. Здесь я был не в силах оставаться и опять нанялся матросом на корабль, который готовился отплыть по Нилу. Из разговоров людей я узнал, что Клеопатра вернулась в Александрию вместе с Антонием и они жили с царской рос-

кошью во дворце на Лохиа. Моряки успели сложить о них веселую песню и распевали ее, работая веслами. Из песни я узнал, что галера Клеопатры, посланная на поиски сирийского купца, затонула, что астроном царицы, Гармахис, улетел на небо с крыши дома в Тарсе. Моряки удивлялись, что я молчал и не хотел петь их веселой песенки о Клеопатре, стали побаиваться меня и перешептываться. Тогда я понял, что я проклятый человек, что никто не может полюбить меня.

На шестой день мы подошли к Абуфису, и я покинул судно, чему матросы были очень рады. С бьющимся сердцем шел я через зеленеющие поля, встречая незнакомые лица. Кто мог бы узнать меня в одежде рыбака, хромого, с искалеченной ногой? Наконец солнце зашло, я подошел к большому портику храма и сел здесь, не зная, куда мне идти и что делать. Подобно быку, отбившемуся от стада, я прибрел издалека на поля моей родины. Но для чего?.. Если отец мой, Аменемхат, еще жив, он, наверное, отвернется от меня. Я не смел идти к нему и сидел среди разрушенных стропил, равнодушно смотря на ворота и ожидая, не появится ли откуда-нибудь знакомое лицо. Но везде было тихо, никто не выходил, хотя ворота были широко открыты. Я увидел двор и траву, выросшую между камнями там, где в течение многих столетий она вытаптывалась ногами богомольцев. Что это значило? Разве храмы покинуты? Могло ли прекратиться здесь поклонение вечным богам, изо дня в день установленное в священном месте? Не умер ли мой отец? Это очень возможно. Зачем же тишина? Где жрецы? Где молящиеся?

Наконец у меня не стало сил выносить этой неизвестности. Как только солнце село, я прокрался, как затравленный шакал, в раскрытые ворота и вошел в первую залу колонн.

Здесь я остановился и оглянулся кругом — никого, ни звука, мрак и тишина в священном месте. С бьющимся сердцем я прошел во вторую большую залу тридцати шести колонн, где был коронован фараоном Египта! Но и здесь ни звука, ни движения! Пугаясь своих собственных шагов, эхо которых так ужасно звучало в тишине покинутых святынь, я прошел проход с именами фараонов вплоть до комнаты моего отца. Завеса висела на двери, но что было там, внутри комнаты? Пустота? Я поднял завесу и бесшумно вошел. В резном кресле у стола, на котором лежала его длинная белая борода, сидел мой отец Аменемхат в жреческом одеянии. Сначала я подумал, что он умер, так неподвижно он сидел, но вот он повернул голову — и я увидел, что глаза его были белы и слепы. Он ослеп, и его лицо походило на лицо умершего человека, высохшее от старости и горя.

Я стоял и чувствовал, что слепые очи блуждают по моему

лицу, но не мог, не смел заговорить, мне хотелось уйти и скрыться, но только я повернулся и ухватился за завесу, как мой отец заговорил тихим, глубоким голосом.

— Пойди сюда, ты, который был моим сыном и стал изменником! Пойди сюда, Гармахис, на которого Кеми возлагала все свои надежды! Не напрасно привлек я тебя издалека! Не напрасно поддерживал я остатки своей жизни, пока не услышал твоих шагов, крадущихся по пустынным святыням, подобно шагам вора.

— Отец мой!— пробормотал я, удивленный.— Ты слеп! Как же ты узнал меня?

— Как я узнал тебя? И это спрашиваешь ты, посвященный в нашу науку? Довольно, я узнал тебя и привлек сюда. Но лучше бы мне не узнавать тебя, Гармахис! Отчего не уничтожил меня Невидимый, прежде чем я извлек тебя из утробы Нут, чтобы быть моим позором и проклятием и последней скорбью Кеми!

— О, не говори так!— простонал я.— Мое бремя и так не под силу мне! Разве сам я не был обманут и выдан? Окажи сострадание, отец!

— Сострадание? К тебе? Пожалеть того, кто не выказал сам жалости! Пожалел ли ты, предавая благородного Сепы в руки мучителей?

— О, не говори так, не говори!— закричал я.

— Да, предатель, это верно! Благородный муж умер, до последнего дыхания защищая тебя, его убийцу, заверяя, что ты честен и невиновен! Иметь сострадание к тебе, который предал весь цвет Кеми ценой объятий распутной женщины! Пожалуют ли тебя, Гармахис, те благородные люди, что работают теперь в мрачных рудниках? Иметь сострадание к тебе, кто был причиной опустошения священного храма в Абуфисе, захвата его земель, смерти его жрецов! Я, один я, старый, обессиленный, остался здесь, чтобы рассказать тебе о разрушении,— тебе, который был причиной всех несчастий! Ты разграбил сокровища Гер и отдал их распутнице, ты клятвопреступник, продавший свою страну, свое царственное право рождения, своих богов! Вот мое сострадание! Будь проклят, плод чресл моих! Пусть вечный стыд будет твоим уделом на земле, пусть смерть твоя будет страшной агонией, пусть ад примет тебя после смерти! Где ты? Я ослеп, выплавав свои глаза, когда узнал все, хотя, конечно, они пытались скрыть это от меня! Дай мне найти тебя, чтобы я мог плюнуть тебе в лицо, вероотступник, отверженный, изверг!— С этими словами старик встал с своего места и, шатаясь, как воплощение живого гнева, направился ко мне. Но тут внезапно его застала смерть. С криком упал он на пол, и струя крови хлынула из его рта. Я подбежал к нему и приподнял его.

Умирая, он бормотал:

— Он был моим сыном, прекрасный мальчик с блестящими глазами, полный надежды, как весна, а теперь, теперь... О, лучше бы он умер!

Аменемхат умолк, и дыхание захрипело у него в горле.

— Гармахис,— прошептал он,— ты здесь?

— Да, отец!

— Гармахис, очистись, очистись! Мщение богов может остановиться, забвение и прощение можно приобрести раскаянием! Там... золото! Я спрятал его... Атуа... она покажет тебе... Ах, какая мука! Прощай!

Он слабо забился в моих руках и умер.

Так в последний раз встретились мы на земле с моим отцом Аменемхатом и расстались навсегда.

II

Последнее горе Гармахиса.— Он вызывает священную Изиду страшным словом.— Обещание Изиды.— Приход Атуи и ее слова.

Я сидел на полу, неподвижно уставясь на мертвое тело отца, который жил, чтобы проклясть меня, уже проклятого и отверженного, пока темнота не спустилась вокруг нас и я очутился в мраке и молчании, наедине с мертвецом. О, какие это были ужасные часы! Воображение не может представить этого ужаса, никакие слова не опишут его! Еще раз в моем отчаянии я подумал о смерти. Кинжал мой был у пояса, я мог перерезать себе горло и освободиться.

Освободиться? Зачем? Чтобы предстать перед мщением богов и вынести их мщение?! О нет! Я не смел умереть! Лучше жить на земле и терпеть все муки, чем лицезреть все невообразимые ужасы Аменти, ожидавшие павшего человека. Я упал на землю и заплакал страшными слезами агонии — оплакивал невозвратное прошлое, плакал до тех пор, пока не иссякли мои слезы. Но из темноты, окружившей меня, не было ответа, только эхо вторило моим рыданиям! Ни одного луча надежды! Моя душа блуждала во мраке более непроницаемом, чем тот, который окружал меня; я был отвергнут богами и покинут людьми. Ужас напал на меня в этом уединенном месте перед величием смерти. Я встал и хотел бежать. Но куда мне бежать в этом мраке? Как найти дорогу в этих переходах, среди бесчисленных колонн? И куда бежать мне, не имеющему убежища на земле? Я снова распростерся на полу, страх все разрастался во мне, холодный пот выступил на моем лбу — и дух мой ослабел во мне.

В тяжелом отчаянии я начал молиться Изиде, к которой давно уж не смел обращаться.

— О Изиди! Священная мать!— вскричал я.— Отврати твой гнев и в твоём бесконечном сострадании ты, о всемилостивая, услышь голос скорби того, кто был твоим слугой и сыном, кто, по греховности своей, пал и потерял видение любви твоей! О восседающая на престоле славы, ты пребываешь во всем, знаешь все, все печали и горести земные, положи же твоё милосердие на весы моих злодеяний и уравниай их! Взгляни, милосердная, на мою скорбь и умерь её! Измерь глубину моего раскаяния и поток слез, изливаемых моей душой! О священная, кого мне дано было лицезреть во имя этого страшного часа общения с тобой, я призываю тебя! Призываю тебя таинственным словом! Приди и в милосердии своём спаси меня или в гневе твоём покони с тем, что не в силах более переносить своего отчаяния!

Встав на ноги, я протянул руки и осмелился крикнуть страшное слово, которого нельзя произнести недостойно и не будучи наказанным смертью.

И скоро мной был получен ответ. В тишине я услышал звук сistrы, возвещавшей о прибытии Славы, потом в дальнем конце комнаты увидел подобие рогатого месяца, слабо сиявшего во мраке, между золотыми рогами его клубилось маленькое темное облачко, в котором извивался огненный змей.

Мои колени подогнулись в присутствии Славы, и я упал на пол. Между тем из облака раздался нежный, чистый голос.

— Гармахис, ты был моим слугой и моим сыном, я услышала твою мольбу и призывы, которые ты осмелился произнести! В устах того, кто имел общение со мной, они имеют силу и власть вызвать меня из Аменти! Наш союз божественной любви разрушен, Гармахис, так как ты оттолкнул меня своими собственными деяниями. После долгого молчания я пришла, Гармахис, облаченная в ужас и, быть может, готовая к мщению, ибо не легко вызвать Изиду из её божественных обителей!

— Порази, богиня, порази!— молил я.— Отдай меня тем, кто утолит твоё мщение, я не могу долее выносить бремени моей тяжкой скорби!

— Если ты не можешь нести бремя скорби здесь, на земле,— получил я ответ,— то как вынесешь величайшее бремя, которое будет возложено на тебя там? Как придешь ты загрязненным и нераскаянным в мое мрачное царство смерти, где жизнь бесконечная? Нет, Гармахис, я не поражу тебя, ибо не гневаюсь на тебя, что ты осмелился произнести страшное слово и вызвать меня! Слушай, Гармахис! Я не восхваляю и не укоряю, ибо я воздаятельница награды и наказания, исполнительница повелений! Если я даю, то даю в молчании. Я не хочу

усилить твое бремя жестокими словами, хотя ты — причина того, что Изида, таинственная мать, останется только в воспоминании Египта. Ты тяжко согрешил, и тяжко твое наказание, я предостерегала тебя и во плоти, и в царстве Аменти. Но говорю тебе, есть путь к раскаянию, и твоя нога уже вступила на него, по нему ты должен идти с смиренным сердцем, вкушая всю горечь жизни, пока наступит искупление!

— Итак, у меня нет надежды, о священная?

— Что сделано, Гармахис, того изменить нельзя. Египет не будет свободен, пока его храмы не покроются пылью запустения, чужеземные народы веками будут держать его в рабстве и в цепях, появятся новые религии в тени его пирамид, ибо боги изменяются для каждого мира, племени и века! Вот дерево, которое произрастет от семени твоего греха и греха тех, кто соблазнил тебя, Гармахис!

— Увы! Я погиб! — вскричал я.

— Да, ты погиб! Но вот что дано тебе: ты погубишь ту, которая погубила тебя, так предопределено в целях моего правосудия. Когда тебе будет знамение, встань, иди к Клеопатре и соверши мщение над ней! И для тебя еще одно слово, Гармахис, ибо ты оттолкнул меня и не увидишь меня более лицом к лицу до тех пор, пока пройдут века и последний плод греха твоего исчезнет с лица земли! Через пустоту бесчисленных веков помни, что божественная любовь — вечная любовь и не может уничтожиться, как бы она ни отдалилась от тебя. Раскайся, мой сын, раскайся и твори добро, пока есть еще время, чтобы при наступлении мрачного конца веков ты мог соединиться со мной. Хотя ты не увидишь меня, Гармахис, хотя мое имя, под которым ты знаешь меня, делается ничтожным звуком для тех, кто будет после тебя, хотя я, — вечно пребывающая, видевшая гибель миров, которые увядали и, под деланием времени, обращались в ничто, чтобы опять возродиться и вращаться в пространстве, — говорю тебе, я буду сопутствовать тебе! Куда ты ни пойдешь, в какой форме ты ни будешь жить, я буду с тобой! Теперь не смей более произносить великого и властного слова, пока должное не совершится! Гармахис, на время прощай!

Замер последний звук дивного голоса, и огненный змей свернулся в сердце облака. Облако скатилось с рогов месяца и исчезло во мраке. Видение месяца потускнело и пропало. Богиня удалилась, еще раз зазвучала систра — и все замолкло.

Я спрятал лицо в одежду, и, хотя моя простертая рука касалась охладевшего тела моего отца, который умер, проклиная меня, я почувствовал, что надежда прокралась в мое сердце. Потом усталость охватила меня и я уснул.

Проснулся я, когда уже слабые лучи рассвета пробирались

через отверстие в крыше. Тенью ложились они на украшенные скульптурой стены и мертвенным светом озаряли застывшее лицо и белую бороду моего отца, почившего в Озирисе. Я вскочил на ноги, припомнил все и удивился в сердце моем, не зная, что делать с собой, потом я услышал слабый звук шагов по переходам фараонов.

— Ля, ля, ля! — бормотал голос старой Атуи. — Как темно в этом доме смерти! Священные строители храма не любили благословенного солнца, хотя и поклонялись ему! Где же завета?

Завеса отдернулась — и Атуа вошла, держа палку в одной руке и корзину в другой. Лицо ее стало морщинистее; жидкие локоны поседели, но в остальном она нисколько не изменилась. Она стала и оглядывалась вокруг себя своими острыми черными глазами.

— Где же он? — бормотала она. — Озирис, вечная слава твоему имени, ниспошли, чтобы он не ходил ночью, ведь он слеп! Ах, зачем я не могла вернуться ранее? Увы! Какое время переживаем мы! Священный, великий жрец и правитель Абуфиса оставлен с одной дряхлой старухой, которая ухаживает за ним! О Гармахис, мой бедный мальчик, ты привел все это горе к нашим дверям! Что это с ним? Неужели он спит тут, на полу? Это было бы смертью для него! Князь! Святой отец! Аменемхат! Проснись! Встань! — И старуха, хромая, подошла к телу. — Что же это? Клянусь Озирисом, он умер! Покинутый, один! Умер, умер! — Она громко зарыдала, и эхо ее плача разнеслось по пустынным залам и замерло вдали.

— Тише, женщина! Тише! — сказал я, выходя из тени.

— О, кто ты? — вскричала она, уронив корзину. — Негодный человек, не ты ли убил святого, единственного святого во всем Египте? Проклятие падет на тебя, и хотя боги, кажется, отвернулись от нас в час скорби и печали, но руки их длинны, и они отомстят тебе, убившему их избранника!

— Посмотри на меня, Атуа! — вскричал я.

— Посмотреть! Да, я смотрю — ты негодный бродяга, совершивший жестокое убийство! Гармахис — изменник и погиб навеки, а Аменемхат, его святой отец, убит, и я осталась одна, без рода и племени! Я все отдала за него, за Гармахиса, за изменника! Иди, убей меня так же, негодный, проклятый человек!

Я сделал шаг по направлению к ней, а она, думая, что я хочу убить ее, закричала от страха.

— Нет, нет, добрый господин, пощади меня! Мне минет восемьдесят шесть лет в будущий разлив Нила, и я не хотела бы умирать, хотя Озирис милостив к старухе, которая служит ему! Не подходи! Нет! Помогите! Помогите!

— Ты помешалась, старуха, молчи! — сказал я. — Разве ты не узнаешь меня?

— Узнать тебя? Разве я могу знать всех странствующих моряков? Ах, нет, как странно! Это изменившееся лицо! Этот шрам! Эта неверная походка! Это ты, Гармахис? Ты, мой мальчик? Ты пришел назад порадовать мои старые глаза! Я надеялась, что ты умер! Дай мне обнять тебя! Нет, я забыла! Гармахис — изменник, убийца! Здесь лежит святой Аменемхат, убитый изменником Гармахисом! Уходи прочь! Я не хочу видеть изменника и убийцу! Ступай к своей распутнице! Не тебя я выкормила и вынянчила!

— Тише, женщина, не кричи! Я не убил отца, он умер, увы! Умер на моих руках!

— И, наверное, проклял тебя, Гармахис! Ты убил того, кто дал тебе жизнь! Ля, ля! Я — стара и видела много горя, но это самое тяжелое из всех! Никогда не любила я мумий! А теперь хотела бы быть мумией! Уходи прочь, прошу тебя!

— Кормилица, не упрекай меня! Разве я не довольно страдал?

— Да, да, я забыла! Ладно! И какой твой грех? Женщина погубила тебя! Она губила людей до тебя и будет губить после тебя! И какая женщина! Ля! Ля! Я видела ее: красота ее неизъяснимая, какой не было и не будет больше, — стрела, пущенная злыми богами на погибель людей! А ты — юноша, воспитанный жрецами, — дурное воспитание! Очень плохое воспитание. То была неравная борьба! Что тут удивительного, если она победила тебя! Иди, Гармахис, и дай мне поцеловать тебя! Женщина не может сурово отнестись к мужчине за то, что он возлюбил ее пол! Такова потребность природы, а природа знает свое дело! Иначе она сотворила бы нас иначе. Но здесь вышло скверное дело. Знаешь ли, твоя македонская царица захватила все доходы и земли храма, выгнала жрецов — кроме святого Аменемхата, который лежит здесь, и которого она не тронула не знаю почему, — и прекратила поклонение богам в этих стенах?! Хорошо, он умер! Он ушел от нас! Поистине, ему лучше у Озириса, так как жизнь была для него тяжким бременем. И послушай, Гармахис! Он не оставил тебя с пустыми руками. Как только заговор был уничтожен, он собрал все свое богатство, — а оно не мало, — и спрятал его. Где? Я укажу тебе! Оно — твое, по праву происхождения!

— Не говори мне о богатстве, Атуа! Куда мне уйти, где спрятать мой позор?

— Да, правда, правда! Ты не можешь остаться здесь, если они найдут тебя, то предадут ужасной смерти; они задушат тебя! Нет, я скрою тебя. Когда похоронные обряды над святым Аменемхатом будут закончены, мы уйдем с тобой отсю-

да, скроюсь от глаз людей, пока все это не забудется! Ля, ля, ля! Печальный мир, полный скорби, как грязь Нила! Пойдем, Гармахис, пойдем!

III

*Жизнь того, кто назывался ученым Олимпом,
в гробнице арфистов, близ Тапе.— Совет,
данный им Клеопатре.— Посол Хармионы.—
Олимп отправляется в Александрию.*

Восемь дней скрывала меня Атуа, пока тело князя Аменемхата, моего отца, было набальзамировано искусными людьми и приготовлено к погребению. Когда все было в порядке, я тайно вышел из моего убежища, принес жертвы духу моего отца и, положив цветы лотоса на его мертвую грудь, ушел с тоской в сердце. На следующий день, спрятавшись, я видел из моего окна, как жрецы храма Озириса и священной Изиды несли в торжественной процессии его раскрашенный гроб к священному озеру и поставили его под погребальный балдахин, на священную лодку; видел, как они прославляли усопшего, называя его справедливейшим из людей, потом понесли его и положили рядом с женой, моей матерью, в глубокую гробницу, которую он высек в скале близ священного Озириса. Тут, рядом с ними, надеялся и я, несмотря на мою преступность, когда-нибудь уснуть вечным сном.

Когда все было кончено и глубокая гробница запечатана, богатство, оставленное моим отцом, было вынато из потаенной сокровищницы и положено в безопасное место, а я, переодетый, отправился с старухой Атуей к Нилу. Наконец мы дошли до Тапе*, и я прожил в этом великом городе до тех пор, пока не нашел места, где мог укрыться от всех.

К северу от Тапе находятся коричневые огромные холмы и пустынные, выжженные солнцем долины. В этом печальном уединенном месте мои предки, божественные фараоны, устроили свои гробницы, высеченные в твердых скалах. Большая часть этих гробниц не известна никому и до сих пор, так искусно они скрыты в скалах. Но некоторые из них открыты проклятыми персами и другими грабителями, искавшими в них сокровища.

Однажды ночью — только ночью я выходил из своего убежища, — как только заря позолотила вершины гор, я прогуливался в печальной долине смерти (другой, подобной нет нигде в мире) и подошел к входу в гробницу, скрытому в огромной

* Фивы.

скале. Я знал раньше, что тут, в гробнице, место упокоения божественного Рамзеса, третьего фараона этого имени, давно почившего в Озирисе. При слабом свете зари, пробравшись в отверстие входа, я увидел, что гробница обширна и включает в себе несколько комнат.

На следующую ночь я вернулся сюда с Атуей и принес свечей. Старая кормилица так же усердно ухаживала теперь за мной, как в младенчестве, когда я был бессмысленным ребенком. Мы нашли великую гробницу, вошли в большой зал гранитного саркофага, в котором спит божественный Рамзес, и увидели таинственные рисунки на стенах: символ бесконечного змея, символ Ра, покоившегося на жуке скарабее, символ Ра, покоившегося в Нуте, символ безголовых людей и другие изображения, символы которых я, как посвященный, скоро понял. Пройдя по длинному проходу, я нашел комнаты с прекрасными рисунками на стенах и всякими другими вещами. Внизу каждой комнаты были похоронены мастера и начальники ремесленников в доме божественного Рамзеса, которые были изображены на рисунках. На стенах последней комнаты слева, по направлению к гранитному залу саркофага, висели рисунки удивительной красоты и изображения двух слепых арфистов, играющих на своих арфах перед богом Му.

Здесь, в этом мрачном месте, в гробнице арфистов, по соседству с мертвецами, и поселился я. Здесь в течение восьми лет я работал над собой, совершал свое покаяние и очищение. Атуа, которая любила солнечный свет, поселилась в комнате лодок, в первой комнате направо от галереи по направлению к залу саркофага.

Образ жизни мой был таков. Через каждые два дня Атуа уходила в город и приносила оттуда воды, пищи, необходимой для поддержания жизни, и свеч, сделанных из жира. В час восхода солнца и в час заката его я выходил гулять в долину, чтобы поддержать свое здоровье и сохранить глаза от вечного мрака гробницы. Все остальное время дня и ночи, кроме тех часов, которые я проводил на горе, созерцая течение звезд, я посвящал молитве, размышлению и сну, пока облако греха не исчезло из моего сердца, и я снова приблизился к богам. Но с моей небесной матерью Изидой я не мог более говорить. Я научился мудрости, размышляя о тех тайнах, к которым имел ключ. Воздержание, молитва и тихое уединение убили грубость моей плоти, и я научился духовными очами глубоко проникать в сущность вещей, и радость мудрости, подобно росе, пала на мою душу.

Между тем в городе скоро разнесся слух, что святой человек по имени Олимп живет в уединении гробниц, в страшной долине смерти, и ко мне начал стекаться народ, принося боль-

ных и прося полечить их. Тогда я углубился в изучение трав, в чем помогала мне Атуа, и благодаря глубине мыслей скоро сделался искусным в медицине.

По мере того, как время шло, моя слава возрастала. Говорили, что я ученый маг и имею общение в гробнице с духами смерти. И это было верно, хотя я не должен и не смею говорить об этом.

Я продолжал лечить, и Атуе не нужно было теперь ходить в город за водой и пищей, так как народ в изобилии приносил мне всего более, чем было нужно, ибо я не брал платы. Сначала, опасаясь, что кто-нибудь может узнать в лице отшельника Олимпа пропавшего Гармахиса, я встречал всех приходивших ко мне в гробнице. Но потом, когда узнал, что в стране укоренился слух о смерти Гармахиса, я начал выходить из гробницы, садился около входа и лечил больных, иногда даже по чьей-нибудь просьбе составлял гороскоп. Моя слава все возрастала. Люди путешествовали ко мне из Мемфиса, Александрии. От людей же я узнал, что Антоний на некоторое время оставил Клеопатру и, так как жена его Фульвия умерла, то женился на Октавии, сестре Цезаря. Много и других слухов узнал я от них.

На второй год моего пребывания в гробнице я послал старую Атую, переодетую продавщицей трав, в Александрию, чтобы отыскать Хармиону и, если она предана мне, открыть ей тайну моего образа жизни. Атуа ушла и вернулась через пять месяцев, принесла мне привет и подарок от Хармионы. Старуха рассказала мне, что нашла возможность увидеть Хармиону и в разговоре с ней упомянула о Гармахисе как об умершем. Хармиона не могла скрыть свою печаль и громко заплакала. Тогда, читая в ее сердце, — Атуа была очень проницательна и умела читать в человеческом сердце, — старуха сказала ей, что Гармахис жив и посылает ей привет. Хармиона сильно обрадовалась, расцеловала старуху и одарила, прося передать мне, что она помнит свой обет и ждет часа возмездия. Узнав много придворных тайн, Атуа вернулась в Тапе. В следующем году ко мне пришли послы от Клеопатры и принесли запечатанный свиток и большие дары. Я распечатал свиток и прочитал его. «Клеопатра — Олимпу, ученому египтянину, обитающему в долине смерти, близ Тапе, — стояло в начале свитка. — Слава твоя, ученый Олимп, достигла наших ушей. Ответь нам, и, если ты верно скажешь, получишь почести и богатство более чем кто другой в Египте! Скажи, как нам вернуть к себе любовь благородного Антония, околдованного Октавией, который медлит далеко от нас?»

Я видел в этом руку Хармионы, которая рассказала обо мне Клеопатре, в эту ночь долго совещался с своей мудростью и

утром написал ответ — то, что было вложено богами в мое сердце на погибель Клеопатры и Антония.

«Олимп, египтянин — царице Клеопатре.

Иди в Сирию с тем, кто будет послан проводить тебя. Ты вернешь Антония в свои объятия и с ним дары большие, чем можешь думать!»

Это письмо я отдал послам Клеопатры, приказав им разделить между собой подарки, присланные мне царицей. Они ушли, очень удивленные. Клеопатра быстро ухватила за мой совет, согласный с побуждением ее страстного сердца, и отправилась с Фонтейем Капито в Сирию. Там все произошло, как я предсказал. Антоний вернулся к ней и подарил ей большую часть Киликии, берега Аравии, Набатуй, балзамоносные провинции Иудеи, провинцию Финикию, провинцию Сирию, богатый остров Кипр и книгохранилище Пергама. Обоих детей, которых Клеопатра родила Антонию, он велел называть «царскими детьми» и дал им имена: Александра-Гелиоса — греческое имя солнца и Клеопатры-Селены — легкокрылая луна.

Возвратившись в Александрию, Клеопатра прислала мне богатые дары, но я не принял их; и в то же время царица просила ученого Олимпа прийти к ней в Александрию. Но время еще не пришло, и я не пошел. Потом и она, и Антоний несколько раз присылали ко мне, прося моих советов.

Я всегда давал им советы, клонящиеся к их гибели, и предсказания мои всегда исполнялись.

Прошло несколько лет, и я, отшельник Олимп, обитатель гробницы, питавшийся только хлебом и водой, силой мудрости, дарованной мне богами, сделался великим человеком в Египте.

И чем более я попираля ногами желания плоти и обращался к небу, тем все сильнее преуспевал в мудрости и глубокомыслии.

Наконец протекло полных восемь лет. Война с парфеянами началась и окончилась; Артабаз, побежденный царь Армении, был позорно проведен по улицам Александрии. Клеопатра посетила Самос и Афины, и по ее настоянию благородная Октавия была выгнана из дома Антония в Рим, как наскучившая наложница. Наконец чаша безумств Антония переполнилась. Владыка мира потерял свой светлый разум и погиб в любви Клеопатры так же, как и я.

Октавий объявил ему войну.

Однажды, когда я спал в комнате арфистов в гробнице фараона близ Тапе, ко мне явился призрак моего отца, престарелого Аменемхата. Он остановился против меня, опираясь на посох.

— Посмотри, мой сын! — сказал он.

Я посмотрел вдаль и духовными очами увидел море и два больших флота, готовых к войне и плывущих к скалистому берегу. Один флот принадлежал Октавию, другой — Клеопатре и Антонию. Корабли их пробуравили корабли цезаря и захватили их, так что победа клонилась на сторону Антония. Я снова посмотрел туда. На раззолоченной галере находилась Клеопатра, ожидавшая окончания боя. Тогда силой своего духа и воли я заставил ее услышать голос умершего Гармахиса, который кричал ей:

«Беги, Клеопатра, беги или погибнешь!»

Она дико огляделась и снова услышала голос духа.

Ужасный страх овладел ею. Она приказала матросам готовиться к отплытию и дать сигнал всему флоту. Те взглянули на нее с презрением, но все-таки флот поспешно бежал с поля битвы.

Громкий рев тысячи голосов раздался со своих и неприятельских кораблей.

«Клеопатра бежала! Клеопатра бежала!»

Я видел ужас и гибель флота Антония и очнулся от моего сна.

Прошло несколько дней. Я снова увидел призрак моего отца.

— Встань, сын мой! — сказал он мне. — Час мщения настал! Твой замысел удался, молитвы твои услышаны! Милостью богов, когда Клеопатра находилась в галере, во время битвы при Акциуме, сердце ее наполнилось страхом, ей послышался голос, приказывающий ей бежать, иначе предрекая гибель! И весь ее флот бежал! Морские силы Антония разбиты. Иди и поступай так, как будет указано тебе!

Утром я проснулся удивленный, вышел из входа в гробницу и увидел идущих по долине послов Клеопатры. С ними шел египетский воин.

— Что вам надо от меня? — сурово спросил я.

— Мы пришли послами от царицы и великого Антония! — отвечал военачальник, низко кланяясь мне, так как все в Египте боялись меня. — Царица требует твоего присутствия в Александрии. Несколько раз она посылала за тобой, но ты не хотел идти. Теперь она приказывает тебе непременно прийти, и скорее, так как она нуждается в твоём совете!

— А если я скажу «нет», тогда что?

— Тогда мне дано приказание, могущественнейший Олимп, привести тебя силой!

Я громко засмеялся.

— Силой, безумец! Смеешь ли ты так говорить со мной? Я могу поразить тебя сейчас! Знай, что я умею убивать так же хорошо, как исцелять!

— Прости меня, умоляю!— отвечал он, дрожа.— Я сказал то, что мне приказано!

— Хорошо, я знаю это, воин! Не бойся, я приду!

На следующий день я отправился вместе с Атуей в Александрию, уйдя так же тайно от всех, как и пришел. Гробница божественного Рамзеса не видела меня больше. Уходя, я захватил с собой сокровища, оставленные мне моим отцом Аменемхатом, ибо не хотел идти в Александрию с пустыми руками, а человеком с деньгами и положением. По дороге мы узнали, что Антоний последовал за Клеопатрой, бежал от Акциума, но тут понял, что конец их близок.

В мраке и уединении гробниц близ Тапе и я предвидел все это и многое другое.

Наконец я пришел в Александрию и вошел в дом, приготовленный для меня у ворот дворца.

В эту самую ночь пришла ко мне Хармиона, которую я не видел десять долгих лет.

IV

Встреча Хармионы с ученым Олимпом.—

Их разговор.— Олимп приходит к Клеопатре.—

Приказание Клеопатры.

Одетый в простую черную одежду, я сидел в комнате посетителей в приготовленном для меня доме. Подо мною было резное кресло с львиными ножками, у двери, на ковре, лежала старая Атуа.

Итак, я снова очутился в Александрии, но как не похоже было второе посещение этого города на прежнее. Что стало со мной? Я взглянул на бывшее в комнате зеркало и увидел бледное, морщинистое лицо, на котором никогда не появлялась улыбка, большие глаза потускнели и, словно пустые впадины, смотрели из-под бровей обритой головы; худое, тощее тело, высохшее от воздержания, скорби и молитвы, длинная борода железного цвета, высохшие руки с сильными жилами, вечно трясущиеся, как лист, сгорбленные плечи и ослабевшие члены. Время и печали сделали свое дело: я едва мог узнать в этом старике себя, царственного Гармахиса, который во всем блеске силы и юношеской красоты в первый раз взглянул на красоту женщины, погубившей его. Но в груди моей горел прежний огонь: ведь время и скорби не могут изменить бессмертного духа человека.

Вдруг в дверь постучали.

— Открой, Агуа! — сказал я.

Она встала и исполнила мое приказание. Вошла женщина, одетая в греческое одеяние: то была Хармиона, такая же красивая, как прежде. Но лицо ее было печально и кротко на вид, а в полуопущенных глазах горел светлый огонь терпения.

Она вошла неожиданно. Старуха молча указала ей на меня и ушла.

— Старик, — сказала она, обращаясь ко мне, — проводи меня к ученому Олимпу. Я пришла по делу царицы!

Я встал, поднял голову и взглянул на нее. Она слегка вскрикнула.

— Наверное, — прошептала она, оглядываясь вокруг, — ты не... не тот... — И умолкла.

— Тот Гармахис, которого любило твое безумное сердце, о Хармиона? Да, я Гармахис, которого ты видишь, прекраснейшая госпожа! Тот Гармахис, которого ты любила, умер, а Олимп, искусный египтянин, ожидает снова твоих приказаний!

Молчи! — сказала она. — Ни слова о прошлом, и зачем? Пускай оно спит! Ты со всей мудростью не знаешь женского сердца, если думаешь, что оно может измениться вместе с переменой внешних форм жизни. Оно не изменяется и следует за своей любовью до последнего места покоя — до могилы! Знай, ученый врач, я из тех женщин, что любят один раз в жизни, любят навсегда и, не получив ответа на свою любовь, сходят в могилу девственными!

Она замолчала, и, не зная, что сказать ей, я наклонил голову в ответ. Я ничего ей не сказал, и, хотя безумная любовь этой женщины была причиной моей гибели, я, говорю по правде, в глубине души благодарен ей. Живя среди соблазнов бесстыдного двора Клеопатры, она осталась все эти долгие годы верна своей отвергнутой любви, и когда изгнанник, бедный раб судьбы, вернулся безобразным стариком, ему все еще принадлежало ее преданное сердце. Какой человек не оценит этого редкого и прекраснейшего дара — совершенного чувства, которого нельзя купить ни за какие деньги, — искренней любви женщины?

— Благодарю тебя, что ты не ответил мне, — сказала Хармиона, — горькие слова, сказанные тобой в те далекие дни, что давно умерли, когда ты уходил из Тарса, не потеряли еще своей смертоносной силы и в моем сердце нет более места для стрел презрения — оно измучено годами одиночества. Да будет так! Смотри! Я сбрасываю эту дикую страсть с моей души! — Она взглянула и протянула руки, словно отталкивая кого-то невидимого. — Я сбрасываю это с себя, но забыть не могу! Все это покончено, Гармахис, моя любовь не будет больше бес-

покоить тебя! С меня довольно, что мои глаза увидели тебя, прежде чем вечный сон закроет их навсегда! Помнишь ли ты ту минуту, когда я хотела умереть от твоей дорогой руки? Ты не хотел убить меня, но велел жить, пожиная горький плод моего преступления, мучиться страшными видениями и вечным воспоминанием о тебе, которого я погубила?

— Да, Хармиона, я хорошо помню это!

— О, чаша наказания была выпита мною сполна! Если бы ты мог заглянуть в мое сердце, прочитать все перенесенные страдания — я страдала с улыбающимся лицом, — твоя справедливость была бы удовлетворена!

— Однако, Хармиона, если слухи верны, ты — первая при дворе, самая сильная и любимая! Разве Октавий не сказал, что ведет войну не с Антонием, а с его возлюбленной Клеопатрой, с Хармионой и Ирой?

— Да, Гармахис! Подумай, чего мне стоило, в силу моей клятвы тебе, принуждать себя есть хлеб и исполнять приказания той, которую я горько ненавижу! Она отняла тебя у меня, разбудила мою ревность и сделала меня преступницей, навлекшей позор на тебя и гибель Египту. Разве драгоценные камни, богатство, лесть князей и сановников могут дать счастье мне, которая чувствует себя несчастнее самой простой судомойки? Я много плакала, плакала до слепоты, а когда наступало время, вставала, наряжалась и с улыбкой на лице шла исполнять приказания царицы и этого грубого Антония. Пошлют ли мне боги свою милость — видеть их смерть, их обоих? Тогда я была бы довольна и умерла бы сама! Тяжел твой жребий, Гармахис, но ты был свободен, и много завидовала я в душе уединению твоей пещеры!

— Я вижу, Хармиона, ты твердо помнишь свой обет. Это хорошо, час мщения близок!

— Я помню его и работала тайно для тебя и для гибели Клеопатры и римлянина! Я раздувала его страсть и ее ревность, толкала ее на злодеяния, а его — на безумие и о всем доносила цезарю. Дело обстоит так. Ты знаешь, чем кончился бой при Акциуме. Клеопатра явилась туда со всем флотом против воли Антония. Но я, когда ты прислал мне весть о себе, разговаривала с ним о царице, умоляя его со слезами, чтобы он не оставлял ее, иначе она умрет с печали. Антоний, бедный раб, поверил мне. И когда в разгаре боя она бежала, не знаю почему, может быть, ты знаешь, Гармахис, подав сигнал своему флоту, и отплыла в Пелопоннес, — заметь себе, когда Антоний увидел, что ее нет, он, в своем безумии, взял галеру и, бросив все, последовал за ней, предоставив флоту погибать и затонуть. Его великая армия в двадцать легионов и двенадцать тысяч всадников осталась в Греции без вождя. Никто не верил, что Антоний,

пораженный богами, мог так глубоко и позорно пасть! Некоторое время войско колебалось, но сегодня ночью пришло известие: измученные сомнением, уверившись, что Антоний позорно бросил их, все войска предалися цезарю.

— Где же Антоний?

— Он построил себе дом на маленьком острове, в большой гавани, и назвал его Тимониум. Там он, подобно Тимону, кричит о неблагодарности рода человеческого, который его покинул. Он лежит там и мечется, как безумный, и ты должен идти туда, по желанию царицы, полечить его от болезни и вернуть в ее объятия. Он не хочет видеть ее, хотя еще не знает всего ужаса своего несчастья. Но прежде всего мне приказали привести тебя немедленно к Клеопатре, которая хочет спросить у тебя совета!

— Иду, — ответил я, вставая, — пойдем!

Мы прошли ворота дворца, вошли в алебастровый зал, и я снова стоял перед дверью комнаты Клеопатры, и снова Хармиона оставила меня здесь подождать, хотя сейчас же вернулась назад.

— Укрепи свое сердце, — прошептала она, — не выдай себя, ведь глаза Клеопатры проницательны. Входи!

— Да, они должны быть очень проницательны, чтобы разглядеть Гармахиса в ученом Олимпе! Если бы я не захотел, ты сама не узнала бы меня, Хармиона! — ответил я.

Я вошел в эту памятную для меня комнату, прислушался к плеску фонтана, к песне соловья, к рокоту моря! Склонив голову и хромя, подошел я к ложу, Клеопатриному золотому ложу, на котором она сидела в ту памятную ночь, когда покорила меня себе безвозвратно! Собрав все свои силы, я взглянул на нее. Передо мной была Клеопатра, прекрасная, как прежде, но как изменилась она с той ночи, когда я видел ее в объятиях Антония в Тарсе! Ее красота облекала ее, как платье, глаза были по-прежнему глубоки и загадочны, как море, лицо сияло прежней ослепительной красотой! И все-таки она изменилась! Время, которое не могло уничтожить ее прелестей, наложило на нее печать усталости и горя. Страсти, бушевавшие в ее пламенном сердце, оставили след на ее челе, и в глазах ее блеснул грустный огонек.

Я низко склонился перед этой царственной женщиной, которая была моей любовью и гибелью и не узнавала меня теперь.

Она устало взглянула на меня и заговорила тихим, памятным мне голосом.

— Наконец ты пришел ко мне, врач! Как зовут тебя? Олимп? Это имя много обещает: теперь, когда боги Египта покинули нас, мы нуждаемся в помощи Олимпа. У тебя ученый

вид, так как ученость не уживается с красотой. Но странно, твое лицо напоминает мне кого-то. Скажи, Олимп, мы не встречались с тобой?..

— Никогда в жизни, царица, мои глаза не лицезрели твоего лица,— отвечал я, изменив голос,— никогда, до той минуты, когда я пришел из моего уединения по твоему приказанию, чтобы лечить тебя!

— Странно! Даже голос! Он напоминает мне что-то, чего я не могу уловить. Ты сказал, что никогда не видал меня в жизни, может быть, я видела тебя во сне?

— О да, царица, мы встречались во сне!

— Ты — странный человек, но, если слухи верны, очень ученый! Поистине, я помню твой совет, который ты дал мне — соединиться с моим господином Антонием в Сирии, и твое предсказание исполнилось! Ты должен быть искусным в составлении гороскопа и в тайных науках, о которых в Александрии не имеют понятия! Когда-то я знала одного человека, Гармахиса,— она вздохнула,— но он давно умер, и я хотела бы умереть! Временами я тоскую о нем!

Она замолчала; я, опустив голову на грудь, стоял перед ней молча.

— Объясни мне, Олимп! В битве при этом проклятом Акциуме, когда бой был в разгаре и победа улыбалась нам, страшный ужас охватил мое сердце, глубокая темнота покрыла мои глаза, и в моих ушах прозвучал голос давно умершего Гармахиса. «Беги, беги или погибнешь!» — кричал он. И я бежала. Страх, овладевший мной, перешел в сердце Антония, он последовал за мной — и битва была проиграна. Скажи, не боги ли послали нам это несчастье?

— Нет, царица,— отвечал я,— это не боги! Разве ты прогневала египетских богов? Разве ты разграбила их храм? Разве ты обманула доверие Египта? Ты ведь невиновна во всем этом, за что боги будут гневаться на тебя? Не бойся! Это естественное утомление мозга, овладевшее твоей нежной душой, не привыкшей к зрелищу и звукам битв! Что касается благородного Антония, он должен следовать за тобой повсюду!

Пока я говорил, Клеопатра повернулась ко мне, бледная, трепещущая, смотря на меня, словно стараясь угадать мою мысль. Я хорошо знал, что ее несчастье — мщение богов, которые избрали меня орудием этого мщения!

— Ученый Олимп! — сказала она, не отвечая на мои слова.— Мой господин Антоний болен и измучен печалью! Подобно бедному, загнанному рабу, он прячется в башне у моря, избегает людей — избегает даже меня, которая ради него перенесла столько горя! Вот мое приказание тебе! Завтра с рассветом иди в сопровождении Хармионы, моей прислужницы, зорь-

ми лодку, плыви к башне и требуй, чтобы тебя впустили, скажи, что ты принес известия о войске. Тебя впустят, и ты должен передать тяжелые новости, принесенные Канидием: самого Канидия я боюсь послать! Когда его печаль стихнет, успокой, Олимп, его горячечный бред своими драгоценными лекарствами, а душу — мягким словом и возврати его мне, тогда все пойдет хорошо! Сделай это, Олимп, и ты получишь лучшие дары, чем думаешь, так как я — царица и сумею наградить того, кто верно служит мне!

— Не бойся, царица, — отвечал я, — все будет сделано. Я не прошу награды, ибо пришел сюда, чтобы исполнять твои приказания до конца!

Я низко поклонился и ушел, затем, позвав Атую, приготовил нужное лекарство.

V

*Возвращение Антония из Тимониума к Клеопатре.—
Пир Клеопатры.— Смерть дворецкого Евдозия.*

Еще до рассвета Хармиона пришла ко мне. Мы отправились в дворцовую гавань, взяли лодку и поплыли к гористому острову, на котором возвышается Тимониум, маленькая, круглая и крепкая башня со сводами. Пристав к берегу, мы оба подошли к воротам и начали стучать в них, пока решетка не отворилась перед нами. Пожилой евнух выглянул из двери и грубо спросил, что нам нужно.

— У нас есть дело к господину Антонию! — сказала Хармиона.

— Какое там дело? Антоний, господин мой, не желает видеть ни мужчин, ни женщин!

— Он захочет увидеть нас, так как мы принесли ему известия. Пойди и скажи, что госпожа Хармиона принесла известия о войне.

Слуга ушел и сейчас же вернулся.

— Господин Антоний хочет знать, дурные это или хорошие известия! Если дурные, он не хочет слышать их, так как у него и так много дурного!

— И хорошие, и дурные! Отвори, раб, я сама скажу все твоему господину! — С этими словами Хармиона просунула мешочек с золотом сквозь решетку ворот.

— Ладно, хорошо! — проворчал он, взяв золото. — Времена трудные и будут еще труднее! Когда лев лежит, кто будет питать шакалов? Неси сама ему свои новости, и как ты сумеешь вытащить благородного Антония из этого места стенаний, я не забочусь об этом! Двери дворца открыты, а вот тут ход в столовую!

Мы вошли и очутились в узком проходе, где, оставив евнуха запереть дверь, стали подвигаться вперед, пока не увидели занавеса. Откинув его, мы прошли в комнату со сводами, плохо освещенную сверху. В отдаленном углу комнаты находилось ложе, покрытое коврами, на котором скорчилась фигура человека с лицом, спрятанным в складки тоги.

— Благороднейший Антоний,— сказала Хармиона, подходя к нему,— открой свое лицо и выслушай меня, я принесла тебе известия!

Он поднял голову. Его лицо измождено было печалью, спутанные волосы, поседевшие с годами, висели над впалыми глазами, на подбородке белелась небритая борода. Платье было грязно; он представлял из себя жалкую фигуру, казался несчастнее каждого бедняка-нищего, стоящего у ворот храма! Вот до чего довела любовь Клеопатры победоносного, великого Антония, когда-то владыку полумира!

— Что тебе нужно, госпожа,— произнес он,— от того, кто погибает здесь один? Кто пришел с тобой полюбоваться павшим и покинутым Антонием?

— Это — Олимп, благородный Антоний, мудрый врач, искусный в предсказаниях, о котором ты много слышал! Клеопатра заботится о твоём здоровье и прислала его полечить тебя!

— Разве врач может исцелить такую скорбь, как моя? Разве его лекарства вернут мне мои галеры, мою честь, мой покой? Нет! Ступай, врач! А у тебя какие же известия? Говори скорее! Может быть, Канидий разбил цезаря? О, скажи мне это и получишь целую провинцию в награду! А если Октавий умер, то 12000 сестерций, чтобы пополнить сокровищницу. Говори! Нет, не надо! Не говори! Я боюсь слов на твоих устах, а никогда прежде не боялся ничего на земле! Быть может, колесо фортуны повернулось и Канидий разбит? Так? Не надо больше!

— О благородный Антоний!— сказала Хармиона.— Укрепи свое сердце, чтобы услышать то, что я должна сказать тебе! Канидий — в Александрии. Он бежал быстро, и вот его известия! Целых семь дней ожидали легионы прибытия Антония, чтобы он вел их к победе, как бывало, и отталкивали все предложения и посулы цезаря. Но Антоний не приходил. До них дошел слух, что Антоний бежал в Тенару, вслед за Клеопатрой. Человека, который принес это известие в лагерь, легионеры осыпали ругательствами и убили. Но слух разрастался, и, наконец, они не могли сомневаться! Тогда, о Антоний, все твои военачальники, один за другим, перешли к цезарю, а за ними последовало войско. Но это еще не все. Твои союзники: Бокх из Африки, Таркондимод из Киликии, Митридат из Коммагена и все другие, все до одного — бежали или приказали

своим полководцам бежать обратно, откуда пришли. Их послы уже вымаливают милость у холодного цезаря!

— Скоро ли смолкнет твое зловещее карканье, ты, ворона в павлиньих перьях?— спросил пораженный человек, поднимая свое страшное лицо.— Говори еще! Скажи, что египтянка умерла во всей своей красоте, скажи, что Октавий подходит к Канопским воротам, что вместе с мертвым Цицероном все духи ада радуются и кричат о позоре и падении Антония! Да, собери же все горести и несчастья на того, кто был некогда великим, излей их на седую голову того, кого ты в своей вежливости изволишь называть «благородным Антонием!»

— Нет, господин мой, я все сказала, это кончено!

— Да, да, и я все сказал, все кончил! Все это покончено совсем, и этим я завершу конец всего!

Он схватил с ложа меч и убил бы себя, если бы я не бросился к нему и не удержал его руки. Не в моих целях была его внезапная смерть. Если бы он умер теперь, Клеопатра заключила бы мир с цезарем, который желал более смерти Антония, чем гибели Египта.

— Не безумец ли ты, Антоний, или в самом деле трус?— вскричала Хармиона.— Ты хотел избежать горя и оставить твою Клеопатру лицом к лицу со всеми несчастьями?!

— Отчего нет, женщина? Отчего нет? Она недолго останется одна. Цезарь будет ее спутником. Октавий любит прекрасных женщин, хотя холоден сердцем, а Клеопатра чудно хороша! Иди сюда, Олимп! Ты удержал мою руку от смертоносного удара, пусть твоя мудрость даст мне совет! Неужели я должен покориться цезарю? Я — триумvir, дважды консул, когда-то повелитель всего Востока — должен покорно следовать за гриумфальной колесницей цезаря по римским улицам, по которым сам проходил победителем!

— Нет, господин,— отвечал я,— если ты покоришься, то будешь осужден! Всю прошлую ночь я вопрошал судьбу о тебе и скажу тебе, что твоя звезда приблизилась к звезде цезаря, бледнеет и гаснет, но когда она уходит из лучезарного блеска звезды цезаря, то продолжает гореть ярким огнем, и слава твоя равна славе цезаря. Не все еще потеряно, а пока что-нибудь остается, все еще может быть приобретено. Египет можно подержать, войско можно собрать. Цезарь пока удалился, его нет еще у ворот Александрии, и, быть может, он согласится заключить мир. Твой разгоряченный ум зажег твое тело, ты болен и не можешь судить верно! Смотри, вот здесь питье, которое вылечит тебя: я очень искусен в медицине!— С этими словами я подал ему фиал.

— Напиток, говоришь ты!— вскричал он.— Вернее, это яд, а ты убийца, подосланный фальшивой египтянкой, которая

рада теперь освободиться от меня, когда я не могу более служить ей! Голова Антония — это залог мира, который она пошлет цезарю! Она, благодаря которой я все, все потерял! Дай мне лекарство, и, клянусь Бахусом, я выпью его, хотя бы это был эликсир смерти!

— Нет, благородный Антоний, это не яд, и я — не убийца! Смотри, я сам испробую его!— Я выпил голоток напитка, обладавшего силой зажигать кровь человека.

— Дай его мне, врач! Отчаявшиеся люди — храбрые люди! Так! Но что это? Что такое? Ты дал мне волшебный напиток! Все мои печали улетели прочь, как грозовые облака под порывом южного ветра, и надежда пустила свежий росток в пустыне моего сердца! Я — снова Антоний! Я вижу копья моих легионов, сверкающие в лучах солнца, слышу громовые крики и приветствия Антонию, в своем блеске военной доблести скачущему вдоль рядов войска! У меня еще есть надежда! Я могу еще надеяться увидеть чело холодного цезаря, цезаря, который непогрешим во всем, кроме политики,— лишенное своих победных лавров и покрытое пылью стыда и позора!

— Да,— вскричала Хармиона,— надежда есть, если ты будешь мужем! О господин мой! Вернись с нами! Вернись в нежные объятия Клеопатры! Каждую ночь она лежит без сна на своем золотом ложе и во мраке ночи стонет и зовет Антония, который, отдавшись своей печали, забывает свой долг и свою любовь!

— Иду, иду! Стыд и позор, что я осмелился усомниться в ней. Раб, неси воды и пурпуровую одежду! Клеопатра не увидит меня таким. Сейчас иду!

Таким способом нам удалось привлечь снова Антония к Клеопатре, чтобы вернее упрочить гибель обоих. Мы сопровождали его по алебастровому залу до комнаты Клеопатры, где лежала она, разметав около лица свои роскошные волосы и плача. Горькие слезы текли из ее глубоких глаз.

— О египтянка,— вскричал Антоний,— смотри, я снова у твоих ног!

Она соскочила с ложа.

— Ты ли это, любовь моя?— пробормотала она.— Теперь снова все пойдет хорошо! Иди ко мне ближе и в моих объятиях забудь твои печали и обрати мое горе в радость! О Антоний, пока у нас есть любовь наша, у нас есть все!— Она упала к нему на грудь и начала безумно целовать его.

В тот же самый день Хармиона пришла ко мне и приказала приготовить самый страшный и сильный яд. Сначала я не хотел готовить его, боясь, что Клеопатра хочет отравить Антония раньше времени. Но Хармиона убедила меня, что это неверно, сообщив, для чего был нужен яд. Тогда я призвал Атую,

искусную в собирании всяких трав, и после полудня мы все время работали над страшным делом. Когда все было готово, снова пришла Хармиона и принесла венок из свежих роз, который велела мне обмакнуть в яд, что я и сделал.

Ночью, на большом пиру у Клеопатры, я сидел около Антония, который поместился рядом с Клеопатрой. На его голове был надет отравленный венок.

Пир был в разгаре. Вино лилось рекой. Антоний и Клеопатра становились все веселее. Она говорила ему о своих планах, рассказывала, что ее галеры плывут теперь по каналу от Бубасты, по Пелузианскому притоку Нила к Клизме, находившейся близ Гирополиса. Клеопатра намеревалась, если цезарь будет упорствовать, бежать с Антонием, забрав все свои сокровища, к Арабскому заливу, куда не может плыть флот цезаря, чтобы найти убежище в Индии.

Впрочем, нужно сказать, что из этого плана ничего не вышло. Арабы из Патры сожгли галеры, предупрежденные александрийскими иудеями, которые ненавидели Клеопатру и были ненавистны ей. Я предупредил их об этом.

Покончив разговор, царица предложила Антонию выпить с ней кубок вина за успех ее плана и попросила его, по своему примеру, обмакнуть венок из роз в вино, чтобы сделать его еще слаще и душистее. Антоний послушался, и она подняла и выпила свой кубок. Когда он поднял свой, чтобы выпить его, царица схватила его за руку и удержала, вскричав: «Стой!» Антоний остановился в удивлении.

Среди слуг Клеопатры был некто Евдозий, дворецкий. Он, видя, что счастье начинает изменять Клеопатре, задумал бежать в эту ночь к цезарю, как сделали многие другие, забрав с собой все сокровища дворца, которые намеревался украсть. Но его план был открыт Клеопатрой, и она решила жестоко отомстить ему.

— Евдозий!— вскричала она (он стоял около нее).— Пойди сюда, мой преданный слуга! Посмотри на этого человека, благороднейший Антоний; несмотря на все наши несчастья, он верен нам и заботится о нас! Теперь он должен получить награду за свои лишения и свою верность из твоих собственных рук! Дай ему твой золотой кубок с вином и заставь его выпить за наш успех, а кубок он возьмет себе в награду!

Все еще удивленный Антоний подал кубок слуге. Евдозий, сознавая свою вину, взял кубок, но стоял, весь дрожа и не касаясь его.

— Пей, раб, пей!— вскричала Клеопатра, приподнявшись на своем ложе и устремив жестокий взгляд на его побледневшее лицо.— Клянусь Сераписом! Это так же верно, как то, что я буду сидеть в римском Капитолии, что, если ты еще не

будешь пить, словно насмехаясь над благородным Антонием, я велю переломать тебе кости и поливать твои раны красным вином! А! Наконец ты пьешь! Что с тобой, мой добрый Евдозий! Ты болен? Разве это вино подобно воде зависти иудеев, которая имеет силу убивать фальшивого человека и подкреплять честного? Идите вы, там! Общайте комнату этого человека! Мне кажется, что он изменник!

Несколько минут дворецкий стоял, охватив голову руками, потом начал трястись и с страшным криком упал на пол, затем вскочил на ноги и схватился руками за грудь, словно желая погасить огонь, который жег его внутренность. Шатаясь, с мертвенно-бледным, искаженным лицом, с пеной на губах, он подошел к ложу Клеопатры, которая наблюдала за ним с жестокой усмешкой на губах.

— А, изменник! Ты готов уже!— сказала она.— Сладка ли смерть, скажи!

— Развратница!— завыл умирающий.— Это ты отравила меня! Ты сама также умрешь!— С криком он бросился на нее, но она, угадав его намерение, как тигр, отпрыгнула в сторону, так что тот успел только ухватиться за ее царскую мантию и оборвал изумрудную пряжку. Затем он упал на пол и стал кататься по пурпурной мантии в страшных мучениях, пока не стих и умер. Его измученное лицо было страшно, и выпученные глаза вышли из орбит.

— А,— произнесла царица с жестоким смехом,— раб умер в мучениях и пытался увлечь меня за собой! Посмотрите, он взял у меня взаймы мою мантию! Унесите его прочь и похороните в этой ливрее!

— Что все это значит, Клеопатра?— спросил Антоний, когда стража унесла труп.— Этот человек пил из моего кубка. Что за цель этой ужасной шутки?

— Она имеет двойную цель, благородный Антоний! В эту самую ночь этот человек хотел бежать к цезарю, захватив с собой наши сокровища! Слушай: ты боялся, что я отравлю тебя, мой господин, я знаю это! Смотри, Антоний, как легко бы я могла тебя убить, если бы захотела! Этот венчик из роз, который ты обмакнул в вино, отравлен страшным ядом. Если бы я хотела покончить с тобой, то не удержала бы твоей руки! О Антоний, с этой минуты верь мне всегда! Скорее я убью себя, чем трону хотя один волосок с твоей обожаемой головы! Смотри, вот вернулись люди, посланные обыскать комнату Евдозия! Говорите, что вы нашли там?

— Царица Египта! Все вещи в комнате Евдозия приготовлены к поспешному бегству, а в вещах мы нашли много сокровищ!

— Слышишь?— сказала Клеопатра, мрачно улыбаясь.—

Разве вы думаете, мои верные слуги, что Клеопатру легко обмануть? Пусть судьба этого римлянина будет предостережением для вас!

Воцарилась тишина. Страх охватил всех присутствовавших. Антоний сидел молчаливый и печальный.

VI

Ученый Олимп в Мемфисе.— Клеопатра испытывает яды.—

Речь Антония полководцам.— Изида покидает Египет.

Я, Гармахис, должен спешить, записывая то, что мне позволено, и многое оставляя недосказанным: меня предупредили, что суд близок и дни мои сочтены!

После удаления Антония из Тимониума наступило тяжелое затишье, предвещающее сильную бурю. Антоний и Клеопатра в своем роскошном дворце каждую ночь устраивали блестящие пиры. Они отправили послов к цезарю, но цезарь не хотел и слышать о них. Тогда, потеряв всякую надежду на примирение, они решились защищать Александрию. Собрали войско, настроили кораблей, большие военные силы были готовы встретить цезаря.

С помощью Хармионы я начал мое последнее дело ненависти и мщения. Я проник во все тайны дворца, подавая советы в дурную сторону, велел Клеопатре развлекать Антония, чтобы он забыл свои печали, и она подавляла его силу и энергию роскошью и вином. Я давал ему свои лекарства, которые погружали его душу в мечты о счастье и власти и заставляли пробуждаться в тяжелой тоске. Скоро он не мог спать без моих лекарств, я же всегда был около него и скоро подчинил его слабую волю моей, так что он не делал ничего без моего одобрения.

Клеопатра, сделавшаяся очень суеверной, относилась ко мне очень благосклонно. Кроме этого, я строил другие козни. Моя слава далеко распространилась по всему Египту в течение долгих лет, прожитых мной в Тапе. Много знатных людей приходило ко мне и ради своего здоровья, и потому, что всем было известно, что я пользовался милостью Антония и Клеопатры. В эти дни смущения и сомнения всем хотелось узнать правду. Этим людям я говорил двусмысленные речи, подрывая их верность царице, многих искусно заставил перейти на сторону цезаря, но никто не мог сказать ничего против меня.

Клеопатра послала меня в Мемфис, чтобы заставить жрецов и правителей собрать людей в Верхнем Египте и прислать на защиту Александрии. Я отправился туда, говорил с жрецами так двусмысленно и с такой мудростью, что они признали во

мне человека, посвященного в глубочайшие таинства. Но каким образом, я, Олимп, врач, мог быть посвященным — никто не мог знать!.. После этого они тайно посетили меня, я дал им священный знак братства, запретив спрашивать, кто я, и не велел посылать помощь Клеопатре.

— Скорее,— говорю я,— вы должны заключить мир с цезарем, так как только милостью цезаря может продолжаться поклонение богам Египта!

Они посоветовались с священным Аписом и послали ответ, что пришлют помощь Клеопатре, а тайно отправили послов к цезарю.

Итак, все произошло, как я хотел. Египет оказал малую помощь своей македонской царице.

Из Мемфиса я снова вернулся в Александрию и, дав царице благоприятный ответ, продолжал свою тайную работу. Правда, александрийцы не особенно смущались, следуя пословице, повторявшейся на рыночной площади: «Осел думает о своей ноше и слеп к своему господину!» Клеопатра так долго угнетала их, что они рады были римлянам.

Время шло. Каждую ночь друзья Клеопатры убывали; но она не хотела выдавать Антония, которого любила, хотя я узнал, что цезарь через своего вольноотпущенника Тира обещал ей оставить все владения за ней и за ее детьми, если она убьет Антония или выдаст его. Но ее женское сердце — и у ней было сердце — не соглашалось на это; кроме того, мы не советовали ей этого, опасаясь, что в случае смерти или выдачи Антония Клеопатра избежит бури и останется царицей Египта. Антоний был слабый, но великий и храбрый человек, и меня огорчала мысль о гибели его, тем более что в своем собственном сердце я находил отголосок его страданий! Разве мы не товарищи по несчастью? Разве не одна и та же женщина лишила нас империи, друзей и чести? Но в политике нет места жалости, и я не мог свернуть с пути мести, по которому мне предопределено было идти!

Цезарь подступал ближе. Пелузиум пал, конец был близок. Хармиона принесла эти новости царице и Антонию, когда они спали; в жаркую пору дня и я пришел с ней.

— Вставайте!— вскричала она.— Вставайте! Не время спать! Седевк сдал Пелузиум цезарю, который наступает к Александрии!

С проклятием Антоний вскочил и схватил Клеопатру за руку.

— Ты предала меня, клянусь богами! Теперь ты заплатишь мне за это!— Он схватил меч и поднял его.

— Удержи свою руку, Антоний!— вскричала Клеопатра.— Это ложь, я ничего не знаю об этом!..— Она бросилась к нему

на шею и горько заплакала. — Я ничего не знаю, господин мой! Возьми жену и детей Селевка, которых я держу под стражей, и отомсти за себя! О Антоний, Антоний, зачем ты сомневаешься во мне?

Антоний бросил меч на мраморный пол и, бросившись на свое ложе, закрыл лицо руками и горько застонал.

Хармиона улыбкулась: это она тайно послала к Селевку, своему другу, совет сдаться, так как около Александрии не будет боя.

В эту самую ночь Клеопатра собрала все свои жемчуга и изумруды, все, что осталось от сокровищ Менкау-ра — все золото, слоновую кость и черное дерево, все эти бесценные сокровища, — и спрятала их в гранитном мавзолее, который, по обычаю Египта, выстроила на холме, около храма священной Изиды. Все эти богатства она положила на ложе из льна, чтобы можно было поджечь их, а не отдать в руки сребролюбивого Октавия. С этих пор она спала в этой гробнице, вдали от Антония, а днем по-прежнему видела его во дворце.

Некоторое время спустя, когда цезарь с большой силой действительно подступил к Канонскому устью Нила и был уже близ Александрии, я пошел во дворец по приказанию Клеопатры. Я нашел ее в алебастровом зале, в царском одеянии, с диким огнем в глазах, с ней Иру и Хармиону. Около нее стояли телохранители, а на мраморном полу лежали распростертые тела умирающих людей, из которых некоторые уже умерли.

— Привет тебе, Олимп! — вскричала Клеопатра. — Приятное зрелище для сердца врача: мертвые люди и близкие к смерти!

— Что ты делаешь, царица? — спросил я с ужасом.

— Что я делаю? Я творю суд над этими преступниками и изменниками и изучаю лучший путь к смерти! Я велела дать шесть различных ядов этим рабам и внимательно следила за действием этих ядов. Этот человек, — она указала на нубийца, — он обезумел и бредил родными и своей матерью. Ему казалось — бедный глупец, — что он снова ребенок, он просил свою мать прижать его к груди и спасти от приближающегося мрака. Этот грек страшно кричал и умер с криком. Тот плакал, молил пожалеть его и в конце концов, как трус, испустил дух. Заметь, вот этот египтянин все еще жив и стонет, он первый выпил смертельный напиток — самый страшный яд — однако рабы дорожат жизнью и не хотят покидать ее. Смотри, он старается извергнуть яд, дважды я давала ему кубок, а он все еще хочет пить! Что за пьяница! Человек! Разве ты не знаешь, что только в смерти найдешь покой? Не борись и успокойся!

Пока она говорила, раб с страшным криком умер.

— Так!— вскричала Клеопатра.— Игра сыграна! Уберите прочь этих рабов, которых я насильно заставила пройти в ворота радости!

Она захлопала в ладоши. Когда тела были убраны, Клеопатра подозвала меня к себе.

— Олимп,— сказала она,— по всем предсказаниям, конец близок! Цезарь победит, и мы с Антонием погибли! Игра кончена, и я должна быть готова покинуть земной удел как подобает царице. Для этого я испытывала эти яды, так как сама скоро своей особой должна буду испытывать агонию смерти! Но все эти яды не нравятся мне: одни из них причиняют ужасную муку, другие слишком медленно делают свое дело. Ты искусен в медицине. Приготовь мне такой яд, чтобы я без страданий покинула жизнь!

Я слушал ее, и чувство торжества наполнило мое сердце при мысли о близком конце этой женщины.

— По-царски сказано, Клеопатра! Смерть исцелит твои горести, а я приготовлю тебе такое вино, которое, как нежный друг, прильнет к тебе погрузить тебя в море грез, в сладкий сон, от которого ты уже не проснешься на земле! О, не бойся смерти! Смерть — это надежда, а ты, безгрешная и чистая сердцем, спокойно явишься перед лицом богов!

Клеопатра задрожала.

— А если сердце нечисто, скажи мне, мрачный человек, тогда что? Нет, я не боюсь богов! Боги ада — те же люди, и я буду там царицей! Я на земле всегда была царицей, останусь ею и там!

В то время, как она говорила, вдруг от дворцовых ворот донесся громкий крик радостных приветствий.

— Что это? Что это такое?— спросила Клеопатра, спрыгнув с ложа.

— Антоний, Антоний!— возрастал крик на улице.— Антоний победил!

Она быстро повернулась и побежала; длинные волосы ее развевались по ветру. Я медленно последовал за ней через большой зал и двор к воротам дворца. Здесь она встретила Антония, радостного и сияющего, одетого в римскую кольчугу. Когда Антоний увидел ее, он спрыгнул на землю и во всем вооружении прижал ее к груди.

— Что это?— вскричала она.— Цезарь побежден?

— Нет, не совсем, египтянка, но мы прогнали его конницу назад, в укрепления, а по началу можно судить о конце, как говорит пословица: «Куда голова, туда и хвост!» Кроме того, я послал цезарю вызов, и, если мы встретимся с ним лицом к лицу, мир увидит, кто лучше — Антоний или Октавий!

Когда он говорил, раздался крик: «Посол от цезаря!»

толпа расступилась. Вошел герольд и, низко склонившись, подал Антонию письмо, затем, снова поклонившись, ушел. Клеопатра вырвала письмо из рук Антония, сломала печать и громко прочитала:

«Цезарь Антонию — привет! Вот ответ на твой вызов: разве Антоний не может найти лучшей смерти, чем под мечом цезаря? Прощай!..»

Стало темно. Раньше полуночи, закончив пир с друзьями, которые сегодня ночью плакали над его несчастьями, чтобы завтра постыдно изменить ему, Антоний пошел на собрание полководцев сухопутных войск и флота в сопровождении многих лиц, среди которых находился и я.

Когда все собрались, он встал посередине с обнаженной головой, озаренный лучами месяца, и произнес следующие благородные слова:

— Друзья и товарищи по оружию! Вы, которые преданы мне, кто много раз водил вас на победу, выслушайте теперь меня: завтра, быть может, я буду лежать в прахе, опозоренный и несчастный! Вот наше намерение: мы не хотим более летать на распростертых крыльях над потоком войны, но хотим окунуться, чтобы получить победную диадему или утонуть! Будьте верны мне, и велика будет ваша честь! Вы будете знатнейшими людьми и сядете по правую руку, рядом со мной, в Римском Капитолии. Если же вы измените мне, дело Антония погибло, и вы погибли! Завтра будет отчаянный бой, но мы встречались с большими опасностями! Завтра, прежде чем солнце сядет, еще раз вражеские силы рассыплются, подобно песку пустыни, оглушенные нашим победным криком, и мы будем считать добычу побежденных царей. Чего нам бояться? Хотя все наши союзники бежали, наши стрелы сильны, как стрелы Цезаря! Докажем всю смелость нашего сердца, и, клянусь вам моим княжеским словом, завтра ночью Канопские ворота украсятся головами Октавия и его полководцев! Смело веселитесь, кричите! Я люблю эти клики, эту музыку войны. Она звучит победой, дышит дыханием Антония и Цезаря, вырывается из простых сердец, которые любят меня! Теперь я буду говорить тихо, как мы говорим над прахом любимого покойника: если фортуна отвернется от меня и Антоний, побежденный Антоний умрет смертью простого солдата, оставив вас оплакивать его, вашего верного друга, то вот я объявляю вам, по нашему военному обычаю, свою волю. Вы знаете, где лежат мои сокровища. Возьмите их, мои вернейшие друзья, и поделите между собой в память Антония! Потом идите к цезарю и скажите: «Антоний, мертвый, шлет привет живому цезарю и во имя старинной дружбы и многих вместе перенесенных опасностей просит оказать ему милость: пощадить тех, кто остался верен Антонию,

и не трогать того, что он оставил им!» Нет, пусть льются мои слезы — я должен плакать! Хотя это недостойно мужа, это совсем по-женски! Все люди умирают, и смерть приятна, если умираешь не покинутым! Если я паду, то оставляю моих детей вашим нежным заботам; может быть, еще возможно будет спасти их от несчастной участи?

Солдаты! Довольно! Завтра, с рассветом, мы бросимся на цезаря и на суше, и на море. Клянитесь, что вы будете верны мне до конца!

— Клянемся!— вскричали воины.— Клянемся, благородный Антоний!

— Хорошо! Еще раз моя звезда ярко горит на небе, завтра она, может быть, взойдет высоко на небе и погасит светоч цезаря! До тех пор прощайте!

Он повернулся, чтобы уйти. Многие схватили его руки и целовали их, многие были так глубоко тронуты, что плакали как дети. Сам Антоний не мог совладать с собой, и я видел при свете месяца, что слезы текли по его морщинистым щекам, падая на мощную грудь.

Видя все это, я был очень смущен. Я знал хорошо, что если эти люди будут крепко держаться за Антония, то все хорошо пойдет для Клеопатры. Между тем он должен был пасть и в своем падении увлечь за собой женщину, которая подобно ядовитому растению обвилась вокруг его гигантской силы, пока она не зачахла и не замерла в ее объятиях.

Поэтому, когда Антоний ушел, я стоял в тени, наблюдая за лицами военачальников и сановников, которые разговаривали между собой.

— Это решено!— сказал один, уже готовившийся бежать.— Мы все до одного поклялись, что останемся верны благородному Антонию до конца!

— Да, да!— отвечали другие.

— Да, да,— повторил я, стоя в тени,— будьте верны ему и умрете!

Они повернулись.

— Кто это такой?— спросил один.

— Это черномазая собака, Олимп!— вскричал другой.

— Олимп, магик!

— Олимп, изменник!— проворчал третий.— Надо покончить с ним и со всей его магией!— И он выхватил свой меч.

— Да, убей его! Он изменил Антонию, которого лечит!

— Подождите немного!— сказал я тихим и торжественным голосом.— Остерегайтесь убить слугителя богов! Я — не изменник. Я переживаю события, здесь, в Александрии, но говорю вам: «Бегите, бегите к цезарю! Я служу Антонию и царице, служу им верно, но выше их есть священные боги, которым я

также служу. Что они дадут познать мне, то я знаю! А знаю я вот что: Антоний осужден, и Клеопатра осуждена, цезарь победит! Я уважаю вас, благородные люди, и с жалостью в сердце думаю о ваших женах, которые овдовеют, о ваших детях, которые лишатся отцов, если вы будете держаться за Антония, как наемные рабы,— я хочу сказать, если вы будете верны Антонию, то погибнете! Или бегите к цезарю и будете спасены! Я говорю вам это по приказанию богов!..

— Богов!— проворчали они.— Каких богов? Схватите изменника за горло и заставьте замолчать его зловещий язык! Пусть он покажет нам знамение богов или умрет!

— Я не верю этому человеку!— сказал один.

— Подвиньтесь, безумцы,— вскричал я,— освободите мои руки, и я покажу вам знамение богов!

Выражение моего лица испугало их, они освободили мне руки и отошли назад. Тогда я поднял мои руки кверху и, собрав все силы духа, посмотрел ввышину, пока мой дух не пришел в общение с матерью Изидой. Но страшного слова я не мог произнести потому, что мне это было запрещено. Богиня ответила на призыв моего духа — и на земле вдруг настала ужасная тишина. Мертвящая тишина все возрастала, даже собаки перестали лаять и люди стояли перепуганные. Затем издали зазвучала страшная музыка сестры, сначала слабо, потом громче, пока весь воздух не наполнился ужасающими звуками страшной музыки. Я молчал, но указал им рукой на небо. По воздуху неслась окутанная вуалью фигура, сопровождаемая звуками сестры. Она приблизилась к нам, и тень ее упала на нас. Она неслась над нами, направляясь к лагерю цезаря. Страшная музыка замерла вдали, и небесный образ исчез во мраке ночи.

— Это Бахус,— вскричал один.— Бахус, который покидает погибшего Антония!

В это время со стороны лагеря донёсся крик ужаса!.. Я знал, что это не Бахус, лживый бог римлян, а сама божественная Изида покинула Кеми и пронеслась над миром, не узнанная людьми. Я закрыл лицо руками и начал молиться, а когда, кончив молитву, поднял голову, все исчезли, оставив меня одного.

VII

*Сдача войска и флота Антония перед
Канопскими воротами.— Смерть Антония.—
Приготовление напитка смерти.*

На другой день, с рассветом, Антоний выступил со своим войском, приказав своему флоту двинуться на флот цезаря; конница же должна была напасть на конницу цезаря.

Согласно приказанию, флот выстроился в три ряда. Но, встретив флот цезаря, галеры Антония вместо открытия враждебных действий подняли весла в знак приветствия и поплыли вместе. Всадники также опустили мечи и все перешли в лагерь цезаря, покинув Антония.

Антоний пришел в бешенство, на него страшно было смотреть. Он приказал своим легионам остановиться и ждать нападения. Один человек — тот самый воин, который накануне хотел убить меня, — пытался убежать. Но Антоний схватил его за руку, бросил на землю и, спрыгнув с коня, хотел убить его. Он уже поднял свой меч, в то время как человек, закрыв лицо руками, ожидал смерти. Но Антоний приказал ему встать.

— Иди! — сказал он. — Иди к цезарю и будь счастлив! Я любил тебя. Зачем же среди всех изменников убивать тебя одного?

Человек встал и, грустно взглянув на Антония, вдруг, охваченный стыдом, схватив меч, вонзил его в свое сердце и упал мертвый. Антоний стоял и молча смотрел на него.

Между тем легионы цезаря приближались, но как только они скрестили копья, легионы Антония повернулись и бежали. Видя это, солдаты цезаря не стали даже преследовать их, так что никто не был убит.

— Беги, господин, беги! — вскричал Эрос, слуга Антония, стоящий около него вместе со мной. — Беги, иначе тебя поведут пленником к цезарю!

Антоний повернулся и поскакал с тяжелым стоном. Я ехал рядом с ним. Проезжая Канопские ворота, где стояли толпы народа, Антоний сказал мне: «Иди, Олимп, иди к царице и скажи: Антоний шлет привет Клеопатре, которая предала его! Клеопатре шлет он привет и последнее прости!»

Я пошел к гробнице, а Антоний поехал во дворец. Придя к гробнице, я постучал в дверь. Хармиона выглянула в окно. — Открой двери! — крикнул я ей.

Она послушалась.

— Что нового, Гармахис?

— Хармиона, — сказал я, — конец близко! Антоний бежал!

— Хорошо, — отвечала она, — мне надоело ждать!

На золотом ложе сидела Клеопатра.

— Говори, человек! — вскричала она.

— Антоний бежал, войско бежало, цезарь близко! Клеопатра, великий Антоний шлет тебе привет и последнее прости! Привет Клеопатре посылает тот, кого она предала!

— Это ложь! — вскричала она. — Я не предавала его! Олимп, иди скорее к Антонию и скажи: Клеопатра, которая не предавала его, шлет привет и последнее прости! Клеопатры больше нет!

Я побежал сейчас же, так как это согласовалось с моими целями, и в алебастровом зале нашел Антония, ходившего взад и вперед, поднимая руки к небу. Около него находился Эрос, один из всех слуг, оставшийся преданным погибшему человеку.

— Господин Антоний!— сказал я.— Египтянка посылает тебе прощальный привет. Египтянка умерла от своей собственной руки!

— Умерла! Умерла!— вскричал он.— Разве египтянка умерла? И это очаровательное тело будет пищей червей? О, что это за женщина! Сердце мое и теперь рвется к ней! Неужели она превзойдет меня, меня, который был велик и славен? Неужели я так ничтожен, что женщина окажется мужественнее меня и смело пойдет туда, куда я боюсь следовать за ней! Эрос, ты любил меня, когда я был ребенком,— вспомни, как я нашел в пустыне, обогатил, дал тебе место и богатство! Иди, выплати мне свой долг. Возьми этот меч и освободи Антония от всех его печалей!

— О господин мой,— вскричал грек,— я не могу! Как могу отнять у жизнь у богоподобного Антония?

— Не возражай, Эрос! В последней крайности я требую этого от тебя! Исполни мое приказание или уходи и оставь меня одного! Я не хочу более видеть тебя, неверный слуга!

Эрос обнажил меч, Антоний встал на колени перед ним, раскрыв грудь и устремив глаза к небу.

— Я не могу! Не могу!— вскричал Эрос и, вдруг вонзив меч в свое сердце, упал мертвым.

Антоний встал и долго смотрел на него.

— Это благородно сделано, Эрос!— произнес он.— Ты выше меня и дал мне хороший урок!

Он встал на колени и поцеловал умершего, затем, быстро вскочив, вытащил меч из сердца Эроса, воткнул его в свой живот и с громким стоном упал на ложе.

— О ты, Олимп!— вскричал он.— Боль выше сил моих! Прикончи меня, Олимп, прошу тебя!

Жалость охватила мое сердце, но я не мог убить его! Я вытащил меч из кишок, остановил поток крови и, позвав слуг, прибежавших на шум, приказал им привести из моего дома старую Атую. Она сейчас же пришла и принесла с собой трав и живительное питье. Я дал лекарства Антонию и приказал Атуе идти скорее, насколько позволяли ей старые ноги, к Клеопатре в гробницу и рассказать ей об Антонии.

Она ушла и скоро вернулась, говоря, что царица жива и зовет Антония умирать в своих объятиях. С ней вместе пришел Диомед. Когда Антоний услышал слова Атуи, его слабеющие силы вернулись к нему.

Я позвал рабов, которые, спрятавшись за занавес и колонны, смотрели на умирающего великого человека,— с большими усилиями мы понесли все вместе Антония и положили к подножию мавзолея.

Клеопатра, боясь предательства, не хотела отворить дверей и выкинула из окна толстую веревку, к которой мы привязали Антония. Горько плача, Клеопатра вместе со своей Хармионой и гречанкой Ирой изо всей силы тянули веревку, в то время как мы поддерживали Антония, который с тяжелым стоном повис в воздухе, а кровь лилась ручьем из его раны. Дважды он был готов упасть на землю, но Клеопатра со всей силой любви и отчаяния тянула веревку, пока не втащила его в окно. Все, видевшие это ужасное зрелище, горько плакали и били себя в грудь, все, кроме меня и Хармионы.

После Антония я с помощью Хармионы взобрался в гробницу и втащил веревку за собой.

Там я нашел Антония на золотом ложе Клеопатры. Она с обнаженной грудью, с лицом, залитым слезами, с волосами, разметавшимися около лица, стояла на коленях около Антония, целуя его и вытирая кровь из его раны своим платьем и волосами. Как описать мой стыд, мой позор! Я стоял, смотря на нее, и прежняя любовь проснулась в моем сердце, безумная ревность закипела во мне — я мог погубить их обоих, но не мог уничтожить их любовь.

— О Антоний, любовь моя, супруг мой, бог мой!— рыдала Клеопатра.— Жестокий Антоний, как можешь ты умереть, оставив меня одну с моим позором? Я скоро последую за тобой в могилу, Антоний! Очнись, очнись!

Он поднял голову и попросил пить. Я дал ему вина с лекарством, которое могло немного успокоить жгучую боль его ран. Выпив, Антоний велел Клеопатре лечь на ложе рядом с ним и обнять его. Та исполнила его желание. Антоний еще раз **вы**казал себя благородным мужем. Забыв свою ужасную боль и свои несчастья, он давал ей советы, заботился о ее спасении, но Клеопатра не хотела слушать его.

— Времени осталось немного,— сказала она,— будем говорить о нашей великой любви, которая длилась так долго и продолжится за пределами смерти. Помнишь ли ты ту ночь, когда ты в первый раз обнял меня и назвал меня своей любовью? О счастливая, счастливая ночь! Жизнь хороша, даже когда кончается так горько, если в жизни была хотя одна такая ночь!

— О египтянка, я хорошо помню все и часто вспоминаю эту ночь, хотя с этой ночи счастье отлегло от меня и я погиб, погиб в твоей любви, о ты, красота мира! Я помню,— добавил он,— как ты выпила жемчужину и твой астролог сказал тебе:

«Час проклятия Менкау-ра близок!» Долго потом эти слова преследовали меня, да и теперь звучат в моих ушах.

— Он давно умер, любовь моя! — прошептала Клеопатра.

— Если он умер, то я следую за ним! Что значили его слова?

— Он умер, проклятый человек! Не будем говорить о нем!

О, повернись и поцелуй меня! Твое лицо бледнеет, конец близок!

Антоний поцеловал ее в губы, и несколько минут они лежали у порога смерти, шепча друг другу нежные слова страсти, подобно влюбленным новобрачным. Даже мне, с ревностью, кипевшей в сердце, было страшно смотреть на них. Скоро я заметил тени смерти на его лице. Его голова упала назад.

— Прощай, египтянка, прощай, я умираю!

Клеопатра приподнялась на руках, тихо взглянула на его искаженное лицо и с криком упала без чувств.

Но Антоний еще был жив, хотя уже не мог говорить. Тогда я подошел к нему, встал на колени и, делая вид, что помогаю ему, прошептал на ухо:

— Антоний, Клеопатра любила меня и от меня перешла к тебе. Я — Гармахис, астролог, который стоял позади твоего ложа в Тарсе, я был главной причиной твоей гибели! Умри, Антоний! Час проклятия Менкау-ра настал!

Он приподнялся, с ужасом уставившись на мое лицо, затем, бормоча что-то, с громким стоном испустил дух.

Так совершилось мое мщение Антонию-римлянину, владыке мира.

Затем мы привели в чувство Клеопатру, так как я не хотел, чтобы она умерла теперь. С дозволения цезаря мы с Атуей взяли тело Антония, искусно набальзамировали его, по нашему египетскому обычаю закрыв лицо золотой маской по его чертам. Я написал на груди его имя и титул, нарисовал внутри гроба его имя и имя его отца и образ Нуты, сложившей крылья над ним. С большой пышностью Клеопатра положила его в алебастровый саркофаг, поставленный в склепе. Саркофаг был сделан такой большой, что в нем оставалось место для другого гроба: Клеопатра хотела лежать рядом с Антонием.

Через короткое время я получил известие от Корнелия Долабелла, благородного римлянина, служившего цезарю. Тронутый красотой Клеопатры, имевшей силу смягчать все сердца при одном взгляде на нее, он сжалился над ее несчастиями и приказал предупредить меня (я как врач имел право доступа в гробницу, где она жила), что через три дня она будет отослана в Рим со всеми детьми, кроме Цезариона, которого Октавий уже убил, чтобы следовать за триумфальной колесницей цезаря. Я сейчас же отправился к царице и нашел ее, как всегда теперь, погруженную в какое-то оцепенение, с ок-

ровавленным платьем в руках, тем самым платьем, которым она вытирала кровь из раны Антония. Она постоянно смотрела на него.

— Смотри, как они бледнеют, Олимп,— сказала Клеопатра, поднимая свое печальное лицо и указывая на кровавые пятна,— а он так недавно умер! Благодарность не исчезает скорее! Какие новости? Дурные вести написаны в твоих черных глазах, которые напоминают мне что-то забытое...

— Да, вести дурные, царица!— отвечал я.— Я получил их от Долабеллы, а он — от секретаря самого цезаря. Через три дня цезарь пошлет тебя в Рим с князьями Птоломеем и Александром и княжной Клеопатрой, чтобы увеселять глаза римской черни и следовать за триумфальной колесницей цезаря в Капитолий, на троне которого ты клялась сидеть!

— Никогда! Никогда!— вскричала она, вскочив на ноги.— Никогда не пойду в цепях за колесницей цезаря! Что мне делать? Хармиона, что мне делать?

Хармиона встала и стояла перед ней, смотря из-под длинных ресниц своих опущенных глаз.

— Госпожа, ты можешь умереть спокойно!— произнесла она.

— Да, правда, я забыла, я могу умереть! Олимп, есть у тебя яд?

— Нет, но если царица желает, завтра я приготовлю яд, такой сильный и приятный, что сами боги, выпив его, наверное бы заснули!

— Приготовь мне его, властитель смерти!

Я поклонился и ушел. Всю ночь работали мы с старой Атуей, изготавливая страшный яд. Наконец все было готово. Атуя вылила его в хрустальный фиал и поднесла к огню. Он был прозрачен, как чистойшая вода.

— Ля, ля!— запела она пронзительным голосом.— Напиток для царицы! Пятьдесят капель этой водички, пропущенной через прелестные губки, отомстят за тебя Клеопатре, о Гармахис! Как хотела бы я быть там, чтобы видеть гибель губительницы! Ля! Ля! На это, должно быть, приятно посмотреть!

— Месь — это стрела, которая часто падает в голову стрелка!— отвечал я, вспомнив слова Хармионы.

VIII

Последний ужин Клеопатры.— Песня Хармионы.— Клеопатра пьет напиток смерти.— Гармахис вызывает духов.— Смерть Клеопатры.

На другой день Клеопатра, порешив избавиться от цезаря, посетила гробницу Антония и плакала, крича, что боги Египта

покинули ее, затем поцеловала гроб, покрыла его цветами лотоса, вернулась обратно, омылась, надушилась благовонными мазями, надела богатейшую одежду и вместе со мной, Ирой и Хармионой села ужинать. Во время ужина ее гордая душа оживилась, загорелась пламенем, как небеса при закате солнца. Клеопатра смеялась, болтала, как в былые годы, рассказывала о пирах, которые устраивала вместе с Антонием. Никогда не видел я ее прекраснее и обольстительнее, чем в эту роковую ночь мщения. Она вспомнила ужин в Тарсе, когда выпила в уксусе жемчужину.

— Странно, — произнесла она, — странно, что, умирая, Антоний вспомнил только ту ночь и слова Гармахиса. Хармиона, помнишь ты Гармахиса-египтянина?

— Конечно, царица! — отвечала тихо Хармиона.

— А кто был этот Гармахис? — спросил я, ибо хотелось знать, сожалеет ли она обо мне.

— Я скажу тебе. Это странная история; теперь все это покончено и можно рассказать об этом. Этот Гармахис происходил из древнего рода фараонов, тайно короновался в Абуфисе и был послан сюда, в Александрию, выполнить большой заговор, составленный против нашей династии Лагидов. Он сумел войти во дворец в качестве моего астролога, так как был посвящен во все тайны магии — больше тебя, Олимп, — и был он удивительно красив. Заговор состоял в том, чтобы убить меня и стать фараоном Египта. На его стороне было больше преимуществ — он имел много друзей в Египте, а я — никого. В ту самую ночь, когда он задумал осуществить свое намерение, ко мне пришла Хармиона и открыла заговор, уверяя, что ей удалось найти оброненное письмо. Но потом (хотя я не сказала тебе этого, Хармиона) я усомнилась в твоей сказке и — клянусь богами! — в эту минуту уверилась, что ты любишь Гармахиса и выдала его за то, что он насмеялся над тобой! По этой причине ты осталась девушкой, что мне кажется совсем неестественным. Скажи, Хармиона, откровенно, скажи нам, все идет к концу теперь!

Хармиона вздрогнула.

— Это правда, царица, я участвовала в заговоре и выдала Гармахиса, потому что он смеялся надо мной, и в силу моей великой любви к нему не вышла замуж!

Она быстро взглянула на меня и опустила свои длинные ресницы.

— Да, я так и думала. Как странно сердце женщины! Было бы все иначе, если бы Гармахис ответил на твою любовь! Что скажешь ты, Олимп? Значит, и ты изменила мне, Хармиона? Как опасны пути царей! Но я забываю это; ведь с того часу ты верно и преданно служила мне. Но продолжаю мой рассказ.

Я не решилась убить Гармахиса, так как его партия могла восстать и сбросить меня с трона. Затем дальше! Хотя Гармахис должен был убить меня, но втайне он любил меня, и я угадывала это, а потому решилась привязать его к себе — он был так красив и умен. Клеопатре никогда не приходилось напрасно добиваться любви мужчины! Когда он пришел, спрятав кинжал под платье, чтобы убить меня, я пустила в ход все свои женские чары, и нужно ли говорить, как быстро я выиграла победу? Никогда не забуду я взгляда этого падшего князя, этого клятвопреступного жреца, этого низверженного фараона, когда, выпив подмешанного вина, он погрузился в постыдный сон, от которого должен был проснуться опозоренным. Затем я немного привыкла к нему и заботилась о нем, хотя не любила его. Он же страстно любил меня и тянулся ко мне, как пьяница к кубку, который губит его! Надеюсь, что я повенчаюсь с ним, он выдал мне тайну скрытых сокровищ пирамиды Гер; я нуждалась в деньгах, и вместе с ним мы видели все ужасы гробницы и вытащили сокровище из мертвой груди фараона. Смотри, этот изумруд взят оттуда! — Она указала на большого скарабея, взятого из груди священного Менкау-ра. — Эти письмена в гробнице, чудовище, которое мы видели там — чу-ма их возьми! — все это преследует меня теперь и днем и ночью!

Из боязни всех этих ужасов, а также в силу политических расчетов, желая заслужить любовь Египта, я задумала обвенчаться с Гармахисом, объявить его царем-супругом и с его помощью спасти Египет от римлян. Потому, когда Деллий явился звать меня к Антонию, я после долгих размышлений решила отослать его обратно с резким ответом. Но в то самое утро, пока я одевалась к выходу, пришла Хармиона, и я сказала ей все, желая узнать ее мнение. Заметь, Олимп! Сила ревности — это маленький сучок, от которого может засохнуть целое дерево империи, тайный меч, имеющий силу устраивать судьбу царей! Она не могла вынести — попробуй отречься от этого, Хармиона, теперь все это ясно для меня, — что человек, которого она любила, сделается моим супругом — он, который был ее единственной любовью! С большим искусством, очень умно, она успела убедить меня, что мне нужно бросить всякую мысль о Гармахисе и ехать к Антонию. За это, Хармиона, благодарю тебя даже теперь, когда все это прошло и кончено! Слова ее поколебали мое решение повенчаться с Гармахисом, и я уехала к Антонию! Все это случилось благодаря ревности прекрасной Хармионы и страсти ко мне человека, на душе которого я играла, как на лире. Поэтому Октавий будет царем Александрии. Антоний развенчан и умер, и я должна умереть сегодня! О Хармиона, Хармиона! Ты должна ответить за все это, ведь ты

изменила судьбы мира! Но даже теперь, я повторяю, не хотела бы, чтобы все случилось иначе!

Она умолкла на минуту, прикрыв глаза рукой. По щекам Хармионы текли слезы.

— А Гармахис?— спросил я.— Где теперь Гармахис, царица?

— Где Гармахис? В Аменти и примирился с Изидой, быть может! В Тарсе я увидела Антония и полюбила его. С этой минуты мне противен был вид египтянина, и я поклялась покончить с ним! Терзаемый ревностью, он сказал мне несколько зловещих слов во время пира. В ту же самую ночь я хотела убить его, но он бежал!

— Куда?

— Не знаю. Бренн, стоявший на страже — он в прошлом году отплыл на свой север,— уверял, что видел, как он улетел на небо, но я не поверила Бренну — он любил Гармахиса. Нет, он направился в Кипр и утонул. Быть может, Хармиона знает что-нибудь о нем?

— Я ничего не знаю, царица. Гармахис погиб!

— Хорошо, что он погиб, Хармиона,— с ним плохо было шутить! Он служил моим целям, но я не любила его и даже теперь боюсь его. Мне часто кажется, что я слышу его голос, приказывающий мне бежать, как во время боя при Акциуме. Благодарение богам, если он погиб и не найдется!

Слушая ее, я собрал всю силу и, благодаря моему искусству, набросил тень моего духа на дух Клеопатры, так что она почувствовала присутствие погибшего Гармахиса.

— Что это такое?— произнесла она.— Клянусь Сераписом, мой страх возрастает. Мне кажется, я чувствую Гармахиса! Воспоминание о нем окружает меня, как поток воды, хотя он умер десять лет тому назад. И теперь даже, в такие часы!

— Нет, царица,— ответил я,— если он умер, то он повсюду, и теперь, когда близится час твоей смерти, его дух приблизился и приветствует тебя на пороге смерти!

— Не говори этого, Олимп! Я не хотела бы увидеть Гармахиса, счеты наши очень тяжелы, и за пределами земли, в другом мире, мы, может быть, сочтемся! Ах, мой страх пропал! Просто я расстроена! Эта глупая история помогла нам сократить тяжелые часы, часы перед смертью. Спой мне, Хармиона, спой, у тебя такой нежный голос, он смягчит мою душу перед вечным сном! Воспоминание об этом Гармахисе расстроило меня! Спой мне, Хармиона, спой последнюю песню, которую я услышу из твоих уст, последнюю песню на земле!

— Печальный час для пения, царица!— возразила Хармиона, но послушно взяла арфу и запела.

«Я проливаю горькие слезу по моей усопшей госпоже,—

пела Хармиона низким, приятным голосом,— жгучие слезы и тихие жалобы шлю я в гробницу за ней, во мрак и тишину могилы! Эти слезы и рыдания — память горячей любви к моей госпоже и подруге! Пусть мои песни, пусть мои слезы будут нетленным даром моим дорогой усопшей! Моя любовь, ты ушла от меня и обратилась в прах! О мать, земля сырая! На груди своей ты успокой мятежный дух усопшей! Усыпи ее вековечным сном!»

Ее нежный голос тихо замер, с последней нотой песни и Ира начала горько рыдать, светлые слезы стояли в потемневших глазах Клеопатры. Только я не плакал. Мои слезы иссыкли.

— Печальная песня, Хармиона!— произнесла царица.— Ты сказала, что теперь печальный час для пения! Спой надо мной, прошу тебя, когда я буду лежать мертвая! Теперь довольно музыки! Пора кончать! Олимп, возьми тот пергамент и пиши, что я буду говорить.

Я взял пергамент, трость и написал по-римски:

«Клеопатра — Октавию привет!

Такова участь жизни. Наступает час, когда мы, не в силах переносить несчастий, подавляющих нас, сбрасываем телесную оболочку и летим в вечный мрак забвения! Цезарь, ты победил! Возьми трофеи победы! Но Клеопатра не пойдет в твоём триумфе. Когда все потеряно, мы должны идти за погибшими. Такое решение принимает смелое сердце, затерявшись в пустыне отчаяния! Клеопатра была славна и велика! Рабы живут и терпят горе, великие мира сего идут твердой стопой и, покидая ворота скорби, вступают в обители смерти! Одного только просит египтянка у цезаря — позволить ей лечь в могилу рядом с Антонием! Прощай!»

Я кончил. Приложив печать, Клеопатра велела мне найти посла, отослать письмо цезарю и вернуться. У дверей гробницы я позвал солдата и, дав ему монету, велел снести письмо цезарю, а вернувшись, нашел всех трех женщин, стоявших молча. Клеопатра была в объятиях Иры; Хармиона в стороне наблюдала за ними.

— Если ты решила умереть, царица,— сказал я,— то времени осталось немного, так как цезарь верно пошлет к тебе своих слуг в ответ на письмо!— Я поставил на стол фиал с прозрачным и смертельным ядом. Клеопатра взяла его и долго смотрела на фиал.

— Каким невинным он выглядит, этот яд!— сказала она.— А в нем моя смерть! Это странно!

— Да, царица, и смерть еще десяти человек! Не нужно пить его много!

— Боюсь,— прошептала она,— кто знает, умру ли я сей-

час? Я видела столько людей, умиравших от яда, и почти ни один из них не умер сразу. А некоторые... Я не могу даже вспомнить о нем!

— Не бойся,— сказал я,— я — мастер своего дела. Если ты боишься, брось этот яд и живи! Может быть, ты найдешь счастье в Риме? Ты пойдешь в Рим за колесницей цезаря, и жестокосердные римлянки будут смеяться под музыку твоих золотых цепей!

— Нет, я хочу умереть, Олимп! О, если бы кто-нибудь указал мне дорогу!— произнесла Клеопатра.

Тогда Ира подошла ко мне и протянула руку.

— Дай мне яду, врач,— сказала она,— я хочу приготовить путь для моей царицы!

— Хорошо,— отвечал я,— да падет это на твою голову!

Я отлил яд из фиала в маленький золотой кубок. Ира встала, низко присела перед Клеопатрой, поцеловала в лоб ее и Хармиону, затем, не помолившись — она была гречанка,— выпила яд, схватилась руками за голову, упала и умерла.

— Ты видишь,— сказал я,— это скоро!

— Да, Олимп, твой яд хорош! Дай мне, я хочу пить! Наполни кубок, чтобы Ира недолго ждала меня у ворот смерти!

Я исполнил ее желание, но, делая вид, что мою кубок, подмешал немного воды в яд, не желая, чтобы она умерла, не узнав меня.

Тогда царственная Клеопатра; держа кубок в руке, подняла свои чудные глаза к небу.

— О вы, боги Египта, покинувшие меня!— вскричала она.— Я не буду больше молиться вам, ведь ваши уши глухи к моим воплям, ваши глаза закрыты на мои несчастья! Я обращаюсь к последнему другу, которого боги даровали несчастному человеку! Спешите ко мне, смерть, чьи шумящие, мрачные крылья покрывают тенью весь мир, услышь меня! Иди ко мне, царь царей! Ты равняешь всех, счастливых и несчастных, рабов и царей, и своим ядовитым дыханием губишь нашу жизнь, унося нас далеко от этого земного ада! Скрой меня, о смерть, там, где не слышно ни порывов ветра, ни журчанья воды, там, где не бывает войн, где не настигнут меня легионы цезаря! Возьми меня в новое царство и венчай царицей мира! Ты мой властелин, о смерть, с последним поцелуем я отдаюсь тебе! Дух мой страдает — смотри, новорожденный стоит на пороге времени! Уходи теперь, жизнь! Приди же, вечный сон! Приди, Антоний!

Взглянув на небо, она выпила яд и бросила кубок на пол.

Наконец наступил час моего мщенья, мщенья оскорбленных египетских богов, час исполнения проклятия Менкау-ра!

— Что же это?— вскричала Клеопатра.— Я холодею, но не умираю! Ты, черный врач, обманул меня!

— Молчи, Клеопатра! Сейчас ты умрешь и узнаешь гнев богов! Час исполнения проклятия Менкау-ра настал! Все кончено! Посмотри на меня, женщина! Посмотри на мое изможденное лицо, на мои ослабевшие члены, на это живое воплощение горя! Смотри, смотри! Кто я?

Она дико уставилась на меня.

— О,— вскричала она, всплеснув руками,— я узнаю тебя! Клянусь богами, ты — Гармахис! Гармахис, восставший из мертвых!

— Да, Гармахис ожил, чтобы предать тебя смерти и вечным мукам! Смотри, Клеопатра! Я погубил тебя, как ты погубила меня! Я работал во мраке, с помощью разгневанных богов, и был тайной причиной твоих несчастий! Я наполнил твое сердце страхом во время битвы при Аксиуме, я заставил египтян отказать тебе в помощи, я погубил силу и доблесть Антония, я показывал знамение богов твоим полководцам! Ты умираешь от моей руки, а я — орудие мести богов! Я заплатил тебе гибелью за гибель, изменой за измену, смертью за смерть! Иди сюда, Хармиона, участница моего заговора. Ты предала меня, но раскаялась, будь свидетельницей моего торжества, смотри, как умирает развратница!

Клеопатра, услышав мои слова, упала на золотое ложе.

— И ты, Хармиона!— простонала она.

Но через минуту она оправилась и села. Ее царственная душа вспыхнула еще раз перед смертью. Она встала с ложа и, вытянув руки, прокляла меня.

— О, только час жизни!— вскричала она.— Один короткий час, чтобы я могла предать тебя такой смерти, какая и не снилось тебе, тебе и твоей фальшивой любовнице, которая предала и тебя, и меня! О, ты еще любишь меня! А тогда... помнишь ли ты? Смотри, кроткий заговорщик-жрец, смотри!— Обеими руками она разорвала свое царское одеяние на груди.— На этой прекрасной груди покоилась твоя голова много ночей, и ты засыпал в этих объятиях! Ну, забудь все это, если можешь! Я читаю в твоих глазах... Ты не можешь! Никакая мука не сравнится, даже та, которую я переносу теперь, с мучениями твоей глубокой души, снедаемой желанием, которое никогда, никогда не осуществится! Гармахис, ты раб из рабов, из глубины твоего торжества я черпаю свою силу, свою власть над тобой! Побежденная, я побеждаю тебя! Я плюю на тебя, презираю тебя и, умирая, осуждаю тебя на адские мучения твоей бессмертной любви! Антоний! Я иду к тебе, мой Антоний! Я иду в твои дорогие объятия! О, я умираю, иди, Антоний, и дай мир душе моей!

Полный ярости, я содрогнулся от ее слов, ядовитая стрела попала в цель! Увы, увy! Это верно! Мое мщенье пало на мою

собственную голову. Никогда я не любил Клеопатру так, как теперь. Моя душа терзалась страшными муками ревности. Но я поклялся, что она не умрет, не услышав всего.

— Мир!— вскричал я.— Разве может быть мир для тебя? О вы, священные три, услышьте мою молитву! Озирис, ослабший ада и пришли тех, кого я призываю! Иди, Птоломей, отравленный своей сестрой Клеопатрой! Придите, Архиноя, убитая своей сестрой Клеопатрой, Сеп, замученный до смерти Клеопатрой! Приди, божественный Менкау-ра, кого Клеопатра ограбила и чьим проклятием пренебрегла. Придите все, все, умершие от руки Клеопатры! Вырвитесь из объятий Нута и приветствуйте ту, которая убила вас! Заклинаю вас тайной священного союза, закликаю вас символом жизни, духи, явитесь!

Пока я произносил заклинание, перепуганная Хармиона вцепилась в мою одежду, а Клеопатра раскачивалась взад и вперед с блуждающим взором.

Скоро я получил ответ. В окно, шумя крыльями, влетела большая летучая мышь, которую я видел на подбородке евнуха в недрах пирамиды Гер. Трижды пролетела она вокруг комнаты, спустилась над мертвой Ирой и полетела туда, где стояла умирающая женщина, и села на грудь Клеопатры, вцепившись в изумруд, взятый из мертвой груди Менкау-ра. Трижды чудовище громко взвизгнуло, трижды хлопнуло страшными крыльями и улетело.

Вдруг комната наполнилась тенями смерти. Тут была тень Арсинои, прекрасной даже под ножом палача, тень молодого Птолемея с лицом, искаженным от яда, тень божественного Менкау-ра, увенчанная уреусом, тень Сеп, из тела которого торчали клочья мяса, вырванные рукой палача,— все отравленные, замученные рабы и бесчисленное множество других теней, ужасных на вид! Они молча стояли в узкой комнате, смотря своими мертвыми глазами в лицо той, которая убила их.

— Смотри, Клеопатра!— вскричал я.— Смотри — вот твой мир — и умри!

— Да,— повторила Хармиона,— смотри и умирай, ты, которая отняла у меня мою честь, а у Египта — его любимого царя!

Клеопатра смотрела и видела тени — может быть, ее дух, отделившись от тела, слышал слова теней, но я не мог слышать ничего! Ее лицо исказилось ужасом, большие глаза потухли, с страшным криком Клеопатра упала и умерла в ужасном обществе мертвецов, уйдя туда, куда ей было предназначено.

Так я, Гармахис, успокоил свою душу мщением, совершив правосудие, но не чувствуя себя счастливым.

*Прощание Хармионы и ее смерть.— Смерть
старой Атуи.— Гармахис возвращается в Абуфис.—
Его исповедь.— Осуждение Гармахиса.*

Хармиона отпустила мою руку, которую схватила, испугавшись призраков.

— Твое мщенье, мрачный Гармахис,— произнесла она хриплым голосом,— отвратительно! О погибшая египтянка, несмотря на все твои преступления, ты была настоящей царицей! Иди, помоги мне, князь! Надо положить бедный прах на ложе и покрыть его царским одеянием. Пусть Клеопатра даст последнюю немую аудиенцию послам цезаря как подобает последней царице Египта!

Я не ответил ни слова. На сердце у меня лежала тяжесть, и теперь, когда все было окончено, я чувствовал себя усталым, измученным. Вместе с Хармионой мы подняли тело и положили на золотое ложе. Хармиона увенчала царственным уреусом мертвое и строгое чело, убрала роскошные, черные, как ночь, волосы, в которых не серебрился ни один седой волос, и навсегда закрыла большие глаза, загадочные и изменчивые, как море. Она сложила тонкие руки на груди, из которой улетело дыхание страсти, и выпрямила колена под вышитым платьем. Голову умершей она украсила цветами. Тихо лежала Клеопатра, ослепительная в холодном величии смерти, прекраснее, чем в лучшие дни своей губительной красоты!

Мы долго смотрели на нее и на мертвую Иру у ее ног.

— Кончено!— произнесла Хармиона.— Мы отомщены! Теперь, Гармахис, последуешь ли ты по этому пути?— Она кивнула головой на фиал.

— Нет, Хармиона! Я должен идти на более тяжелую смерть. Тяжело мое земное покаяние!

— Пусть так, Гармахис! Но я также уйду, умчусь на быстрых крыльях. Моя игра сыграна. Я кончила свое покаяние. О, как горька моя судьба: я приносила несчастье всем, кого любила, и умру, никем не любимая! Я очистилась перед тобой, перед гневными богами и теперь пойду искать пути, чтобы очиститься перед Клеопатрой там, в аду, где она находится и куда я последую за ней! Она очень любила меня, Гармахис, и теперь, когда она умерла, мне кажется, что после тебя я любила ее больше всего на свете! Теперь прошу тебя, скажи мне, что ты прощаешь меня, насколько можешь, и в знак этого поцелуй меня — не поцелуем любви, а поцелуем прощения, в лоб, и отпусти меня с миром.

Она подошла ко мне с протянутыми руками, с горько дрожащими губами, смотря мне в лицо.

— Хармиона, — ответил я, — мы свободны делать добро или зло, но, мне кажется, над нами тяготеет высший рок, подобно ветру дующий с чужого берега, направляя челноки наших намерений к гибели. Я прощаю тебе, Хармиона, верю, что ты простишь меня, и этим поцелуем, первым и последним, запечатлеваю наш вечный мир!

Я тихо коснулся губами ее лба.

Она ничего не сказала, только стояла несколько минут, смотря на меня печальными глазами, затем подняла кубок с ядом.

— Царственный Гармахис, этот смертоносный кубок я поднимаю за тебя! Лучше бы было, если бы я выпила его прежде, чем увидела твое лицо! Фараон, ты, раскаявшись в своих грехах, будешь царить в том безгрешном мире, куда я не смею вступить, будешь держать более царственный скипетр, чем тот, который я отняла у тебя, прощай, прощай навсегда!

Она выпила яд, бросила кубок, с минуту стояла с блуждающим взором, как бы ожидая смерти, потом упала на пол и умерла. Хармионы, египтянки, не было в живых, и я остался один с мертвецами. Я подкрался к Клеопатре и теперь, когда никто не мог увидеть меня, сел на ложе, положил ее прекрасную голову к себе на колени и долго смотрел на нее. Так, держа ее голову, сидел я когда-то ночью под сенью величественной пирамиды! Потом я поцеловал ее мертвое прекрасное чело и ушел из дома смерти, отомщенный, но полный отчаяния!

— Врач, скажи мне, что происходит в гробнице? — спросил меня начальник стражи, когда я проходил ворота. — Мне кажется, я слышал звуки смерти!

— Ничего не происходит — все произошло! — ответил я и ушел. Пока я шел в темноте, я слышал звуки голосов и торопливые шаги послов цезаря. Быстро подойдя к дому, я встретил Атую, которая поджидала меня у ворот. Она увела меня в комнату и заперла дверь.

— Все кончено? — спросила она, повернув ко мне свое морщинистое лицо, освещенное светом лампы. — Зачем я спрашиваю? Я знаю сама, что все покончено!

— Да, все кончилось, старуха! Все умерли! Клеопатра, Ира, Хармиона, все, кроме меня!

Старая женщина выпрямилась.

— Теперь отпусти меня с миром! — вскричала она. — Я видела гибель врагов твоих и Кеми! Ля, ля! Не напрасно прожила я на свете столько долгих лет. Исполнилось мое желание, враги твои погибли. Я собрала росу смерти, и враги твои выпили ее! Погибло чело гордости! Позор Кеми превратился в прах! Ах, как хотела бы я посмотреть на смерть развратницы!

— Молчи, женщина, перестань! Мертвые отошли к мерт-

вым! Озирис сковал их узами смерти и положил печать молчания на их уста! Не преследуй оскорблениями павшего величия! Теперь пойдем в Абуфис и довершим свою судьбу!

— Иди, Гармахис! Иди, но я не пойду! Я ждала только одного на земле! Теперь я разрываю узы жизни и освобождаю мой дух! Прощай, князы! Мое странствие кончено! Гармахис, я любила тебя с детских лет и люблю теперь! Но здесь, на земле, не могу более разделять твоих печалей! Устала и ослабела! Озирис, прими мой дух!

Ее дрожащие колена подогнулись, и она упала на пол. Я подбежал к ней, взглянул в лицо.

Она была мертва. Я остался один на земле, без друга, который мог утешить меня!

Я повернулся и пошел, потом отплыл из Александрии на корабле, который приготовил заранее. На восьмой день я пристал к берегу и, как намеревался, пошел пешком через зеленеющие поля к священным гробницам Абуфиса. Я знал, что в храме Сети давно уже восстановлено поклонение богам. Хармиона заставила Клеопатру раскаяться в своем поступке и вернуть захваченные земли, хотя сокровищ не вернула. В священном храме теперь, во время праздника Изиды, собрались все великие жрецы старинных египетских храмов, чтобы отпраздновать возвращение богов на свое священное место.

На седьмой день праздника Изиды я добрался до города.

Длинная процессия шла по хорошо памятным мне улицам. Я присоединился к толпе и запел священный гимн, когда мы входили через портики в нетленные обители Абуфиса. Как хорошо знакомы мне были священные слова гимна!

Когда священная музыка умолкла, как прежде, на закате величия бога Ра,— великий жрец поднял статую Озириса и держал ее высоко над толпой.

С радостным криком: «Озирис! Наша надежда! Озирис! Озирис!» — народ сбросил траурные одежды и благоговейно склонился перед богом.

Затем все разошлись по домам, а я остался на дворе храма. Скоро жрец храма подошел ко мне и спросил, что мне нужно. Я ответил ему, что прибыл из Александрии и хотел бы попасть на совет великих жрецов, которые собрались здесь, чтобы обсудить события в Александрии.

Когда великие жрецы узнали, что я прибыл из Александрии, то приказали сейчас же привести меня во вторую залу колонн.

Я был введен туда.

Стемнело. Между большими колоннами горели лампы, как в ту незабвенную ночь, когда я был коронован фараоном Верхнего и Нижнего Египта.

Как в ту ночь, передо мной в разных креслах сидели жрецы и сановники, собравшиеся сюда на совет.

Я встал на том самом месте, где некогда был коронован, и приготовился к последнему акту моего позора с невыразимой горечью в сердце.

— Это врач Олимп! — сказал один. — Он жил отшельником в гробнице близ Тапе и недавно еще был доверенным лицом Клеопатры. Скажи, врач, правда ли, что царица умерла от своей собственной руки?

— Да, господа, я врач, и Клеопатра умерла от моей руки!

— От твоей руки? Что это значит? Впрочем, она хорошо сделала, что умерла: это была дурная женщина!

— Простите, господа, я вам все скажу, для этого я пришел сюда. Может быть, между вами есть — мне кажется, я вижу их — люди, которые одиннадцать лет тому назад присутствовали в этой зале на тайном короновании Гармахиса, фараона Кеми!

— Это правда, — отвечали они, — но как ты знаешь все это, Олимп?

— Из тридцати семи храбрых, благородных людей, — продолжал я, не отвечая на вопрос, — тридцати двух человек нет! Одни умерли, как Аменемхат, другие убиты, как Сепа, некоторые, быть может, работают в рудниках как рабы или живут вдали, опасаясь мщения!

— Это верно, — повторили они, — увы, это верно! Проклятый Гармахис выдал заговор и продан развратной Клеопатре!..

— Это так, — продолжал я, подняв голову. — Гармахис выдал заговор и продан Клеопатре. Священные отцы, я — этот Гармахис!

Жрецы и сановники смотрели на меня с удивлением. Одни встали с мест и заговорили, другие молчали.

— Я — этот Гармахис! Я — изменник, трояко погрязший в преступлении. Я — изменник богам, моей стране и моей клятве! Я пришел сюда, чтобы сказать о моих преступлениях. Я совершил мщение богов над той, которая погубила меня и отдала Египет во власть римлян. Теперь, после долгих лет труда и терпеливого ожидания, все это совершено моей мудростью, с помощью разгневанных богов! Теперь я сам, с головой, покрытой позором, пришел объявить, кто я, и получить награду за мою измену!..

— Знаешь ли ты, какая страшная участь ожидает того, кто нарушил великую, ненарушимую клятву? — спросил первый жрец, который заговорил со мной суровым голосом.

— Знаю хорошо, — отвечал я, — я заслужил эту участь!

— Расскажи нам все дело, ты, который был Гармахисом!

В холодных и ясных словах я рассказал им все, весь мой стыд и позор, не утаив ничего.

Пока я говорил, я видел, что лица присутствовавших становились все суровее, и знал, что мне не будет пощады, да я и не просил о ней, а если бы и просил, то, наверное, не получил бы.

Наконец я кончил рассказ, и они удалили меня на время совещания. Потом меня снова призвали. Старейший из жрецов, почтенный старик, жрец в Тапе, сказал мне ледяным тоном:

— Гармахис, мы рассмотрели твое дело! Ты совершил тройной смертельный грех: на твоей голове лежит бремя несчастий Египта, поглощенного Римом, ты смертельно оскорбил священную мать Изиду, ты нарушил священную клятву. За все это, за все грехи твои, ты сам хорошо знаешь, есть одно наказание, и ты получишь его! На весах нашего правосудия не имеет никакого значения то, что ты убил женщину, погубившую тебя, ни то, что ты сам пришел объявить нам все и назвал себя презреннейшей тварью, когда-либо находившейся в этих стенах! На тебя падет проклятие Менкау-ра, лживый жрец, клятвопреступный патриот! Ты, опозоренный, развенчанный фараон! Здесь, где мы увенчали тебя когда-то двойной короной Египта, мы осуждаем тебя навеки! Иди в темницу и жди удара, который поразит тебя! Иди, вспоминая о том, чем бы ты мог быть и что ты есть теперь! Пусть милосердные боги, которые благодаря твоим злодеяниям надолго лишились поклонения в своих священных храмах, окажут тебе милость, в которой мы отказываем тебе! Уведите его прочь!

Меня увели. Я шел, склонив голову, не смея поднять глаз и чувствуя, что глаза жрецов жгут мое лицо.

О, из всего моего позора и стыда это был самый ужасный!

Х

Последние записки Гармахиса, царственного египтянина.

Они увели меня, заперев в комнате, высоко, на портике башни. Здесь я ожидаю своей участи. Я не знаю, когда меч судьбы падет на мою голову. Неделя тянется за неделей, месяц за месяцем, а моя участь все остается неизвестной. Меч висит над моей головой, я знаю, что он падет, но когда, не знаю. Может быть, в страшный час полуночи я проснусь, заслышав крадущиеся шаги убийцы, и меня безжалостно потащат отсюда. Быть может, убийцы уже близко. Тайная келья, о ужас! Гроб без имени! И тогда все будет кончено! О, пусть все это настанет скорее! Скорее!

Все написано, я ничего не пропустил, мой грех свершен,

мщение закончено. Все кончится мраком и тленом, и я приготовляюсь увидеть все ужасы другого, замогильного мира. Я уйду, но уйду с надеждой, ибо, хотя я не вижу ее, Изиду, хотя она не отвечает на мои молитвы, но знаю, что она всегда со мной, священная мать, которую я буду лицезреть лицом к лицу! Тогда, наконец, в тот далекий день я обрету прощение! Бремя спадет с моего сердца, моя чистота вернется ко мне и принесет мне священный мир и покой.

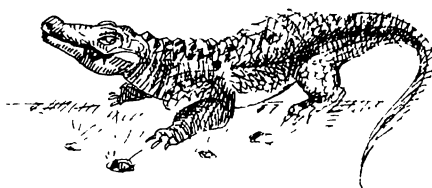
.
Солнце садится за Абуфисом. Красноватые лучи бога Ра пламенеют на крышах храмов, озаряя прощальным светом зеленеющие поля и тихие воды родного Сигора. Ребенком я часто наблюдал закат солнца. Последний поцелуй его так же трогал нахмуренное чело далеких портиков, такие же длинные тени ложились от гробниц.

Все то же, ничто не изменилось! Я только, я изменился и все-таки остался тем же!

.
(Здесь третий свиток папируса неожиданно заканчивается. Можно думать, что в этот момент автор записок был прерван теми, которые повели его на смерть.)

ЛЮДИ ТУМАНА

Часть первая У РАБОТОРГОВЦЕВ

I

ДВА БРАТА

— Который час, Леонард?

— Семь часов, Том!

— Уже семь? На заре я умру, Леонард!

— Не говори так, Том. Если ты все время будешь думать о смерти, то действительно умрешь!

Больной глухо усмехнулся.

— Дело не в словах, Леонард! Моя жизнь гаснет, как догорающий огонь. Лихорадка совсем изнурила меня. Я бредил, Леонард?

— Немного, дружище!

— О чем я говорил?

— Больше всего о доме.

— О доме! У нас нет его, Леонард. Он продан. Сколько времени мы находимся на чужбине?

— Семь лет!

— Да! Ты помнишь, как мы прощались с нашим старым домом в ту зимнюю ночь после аукциона? Ты помнишь, что мы тогда решили?

— Да!

— Повтори!

— Мы поклялись, что будем стараться разбогатеть, чтобы выкупить Утрам, и что одна только смерть может освободить нас от этого. Мы поклялись не возвращаться в Англию, не достигнув нашей цели. Затем мы отправились в Африку. Семь лет мы старались добиться богатства, но достигли лишь того, что едва можем поддерживать свое существование!

— Леонард! Теперь ты — единственный наследник нашей клятвы. Я старался исполнить свой обет до самой смерти. Ты

освободишься от обязательства, когда достигнешь цели или умрешь. Борьба досталась мне в удел; быть может, ты достигнешь цели. Будешь ли ты стремиться к ней, Леонард?

— Да, Том!

— Дай мне руку!

Леонард Утрам наклонился к умирающему брату, и оба они пожали друг другу руки.

— Теперь я засну; я утомлен. Но ты не бойся, я проснусь перед... концом.

Глаза Томаса закрылись, и он впал в оцепенение или сон.

Леонард сел на пустой бочонок от джина, заменявший стул. Шум бури доносился в кафрскую хижину, колебал пламя лампы и шевелил волосы на лбу больного. Леонард подошел к двери хижины или, скорее, к низкому полукруглому отверстию, служившему дверью, и отодвинул доску, прикрывавшую его. Хижина стояла на склоне высокой горы, у подошвы которой выросло море кустарников, а кругом виднелись фантастические очертания других гор. Черные облака закрывали луну, но по временам небо прояснялось, тогда окружающая местность открывалась во всей ее необъятности и ужасающей пустынности.

Леонард закрыл дверное отверстие и, вернувшись к брату, пристально посмотрел на него. Несколько лет тяжелых трудов и лишений не стерли с лица Томаса Утрама его удивительной красоты, но все же смерть была написана на нем.

Леонард вздохнул и отыскал кусок зеркала. Он подошел поближе и стал всматриваться в свои собственные черты. В зеркале отразилось красивое лицо человека с бородой, загорелого, со смелым взглядом, присущим тому, кто привык к постоянным опасностям; кудрявыми волосами и широкими плечами; человека, не особенно высокого ростом, но здорового сложения, каждое движение которого обнаруживало силу. Он был еще молод, но мало юношеского осталось в нем; труды и борьба оказали свое действие, закалив его характер так же, как закалили его тело. Лицо выражало доброту характера, но большинство предпочло бы видеть отражение дружбы в этих пронизательных черных глазах, нежели искру вражды. Леонард был опасный враг, и его долгая борьба со светом заставляла его иногда видеть врагов там, где их не было даже и следа.

Несколько часов просидел Леонард в задумчивости у постели своего брата, всматриваясь в его лицо, то спокойное и бледное, то вспыхивающее огнем.

Наконец Томас Утрам открыл глаза и посмотрел на Леонарда. Глаза умирающего пылливо глядели на него, и Леонард чувствовал, что брат видит на его лице что-то такое, что не из-

вестно ему самому, и что не могло быть заметно ни для кого другого. Этот испытующий взгляд был так странен, что Леонард не мог его долго выдержать и окликнул брата, но не получил ответа, а большие глаза умирающего продолжали читать в его лице, словно в раскрытой увлекательной книге.

Порыв ветра потряс хижину, вырвав часть веток из крыши. Тонкая струя дождя ворвалась через образовавшееся отверстие и упала на лоб больного; капли дождя, подобно слезам, скатились по его бледным щекам. Тогда странный взгляд больного принял более естественное выражение, губы его открылись.

— Воды!— пробормотал умирающий.

Леонард дал ему пить, одной рукой поднося кружку ко рту, а другую поддерживая голову умирающего. Том сделал два глотка и затем внезапным движением руки выбил кружку, которая упала на пол.

— Леонард,— сказал он,— ты будешь иметь успех!

— Успех? В чем, Том?

— Ты станешь богат, выкупишь Утрам, но достигнешь этого не один. Женщина поможет тебе!

Затем его мысли несколько спутались, и он пробормотал:

— Как поживает Джен? Слышал ли ты о ней?

При этом имени лицо Леонарда смягчилось, но тотчас же стало суровым и озабоченным.

— Я не слышал ничего о Джен, дружище, все эти годы,— ответил он.— Вероятно, она или умерла, или вышла замуж!

— Слушай,— сказал Томас.— Я скоро умру. Ты знаешь, что умирающие люди иногда видят далеко вперед. Мне снилось, или я прочел на твоем лице вот что: ты умрешь в Утраме. После моей смерти останься на этом месте несколько времени. Останься здесь, Леонард!

Ослабев, Томас опрокинулся навзничь. В это время сильный порыв ветра потряс хрупкую хижину, разрушив ее восточную стену. Кобра, скрывавшаяся в густых ветвях, которыми были покрыты стены хижины, с мягким шумом упала на пол в расстоянии не более фута от лица умирающего; вытянувшись на полу и зашипев, она показала свой гибкий язык и раздула в бешенстве пасть. Леонард отскочил назад и схватил лежавший вблизи лом, но, прежде чем он успел ударить змею, пресмыкающееся, скользнув чешуйчатым телом по лицу умирающего, опустилось на пол и спряталось опять в ветвях. Но Томас Утрам не видел ничего и не пошевелился даже, когда отвратительное тело змеи скользнуло по его лицу. Тяжелое, прерывистое дыхание указывало на скорую развязку. На душе Леонарда стало тяжело; он обнял брата и в первый раз за многие годы поцеловал его в лоб.

Умирающий открыл глаза. На востоке занималась заря. Вершины гор загорались пламенем.

Томас Утрам при виде этого, приподнявшись, протянул руки к восходящему солнцу, слегка пошевелил губами, упал на грудь Леонарда, и все было кончено.

II ПОХОРОНЫ

Долгое время Леонард просидел у тела своего брата. Наступил день. Круглый диск солнца поднялся высоко над горами.

Буря затихла, и если бы не было обломков полуразрушенной хижины, то трудно было бы поверить, что здесь свирепствовала недавно буря. Кругом слышалось стрекотание насекомых; ящерицы выползли из щелей скал; омытые дождем цветы горных лилий резко бросались в глаза своею яркою окраской.

Леонард продолжал сидеть, опустив голову, как вдруг сверху упала какая-то тень. Он взглянул вверх и заметил коршуна, реявшего высоко в воздухе.

Схватив заряженное ружье, Леонард вскочил на ноги. Птица приближалась все более и более, описывая круги в воздухе. Леонард поднял ружье, прицелился и выстрелил. Выстрел гулко раздался в тишине, и звук его был повторен эхом в горах. Птица некоторое время оставалась неподвижной в воздухе и затем тяжело рухнула на землю, ударившись могучим клювом о камень.

— Итак, я могу еще убивать,— проговорил про себя Леонард.— Убивай, чтобы не быть самому убитым,— таков закон жизни!

Он подошел к телу брата, закрыл ему глаза и сложил на груди исхудалые руки.

— Куда же, однако, девались кафры?— произнес он, вспомнив о своих слугах, которых что-то долго не было видеть.

— Эй, Оттер, Оттер!

Эхо откликнулось в горах, но на зов Леонарда никто не явился. Он вторично окликнул кафра, но также безрезультатно.

— Однако надо посмотреть, в чем дело?

Покрыв тело брата красным одеялом для предохранения от коршунов, он вышел, чтобы обойти скалы, окаймлявшие маленькое плато, на котором стояла хижина. За ними плато продолжалось, и шагах в пятидесяти от скал, в склоне горы, было углубление, образовавшееся вследствие выветривания

мягкой породы камня. В этом углублении, или гроте, кафры — их было четверо — спали и тут же имели обыкновение разводить огонь для приготовления пищи. Но огня не было разведено, и в гроте никого не было видно.

«Еще спят», — подумал Леонард, направляясь к гроту.

— Оттер, Оттер! — громко позвал он и наткнулся на какую-то лежавшую у входа в грот массу. Леонард стал всматриваться в лежавшего и откинулся назад, воскликнув:

— Это Чит — мертвый!

Из глубины грота раздался глухой голос Оттера, говорившего по-голландски:

— Я здесь, баас, пусть баас развяжет меня; а то я не могу пошевелиться!

Леонард вошел в глубину грота и увидел Оттера со следами жестоких побоев на лице и на всем теле, связанного по рукам и ногам. Вынув нож, Леонард перерезал веревки и вывел Оттера из грота. Это был карлик-кафр, ростом немного более 4 футов, найденный братьями полуумирающим в пустыне. Он служил им верой и правдой в течение нескольких лет. Братья окрестили его именем Оттер (по-английски — выдра), во-первых, потому, что его настоящее имя европейцу почти невозможно было произнести, а во-вторых — из-за его необыкновенного умения плавать, которым отличаются обычно выдры. Лицо его было безобразно, но в этом безобразии не было ничего отталкивающего. Несмотря на маленький рост, Оттер имел необыкновенно большую голову, длинные руки и огромный нос. Судя по его коренастому телу, видно было, что карлик отличался большой физической силой.

— Что случилось? — спросил Леонард по-голландски.

— Вот что, баас. Прошлую ночью эти три негодяя базуто, твои слуги, задумали бежать. Мне они ничего не сказали и были так осторожны, что хотя я и следил даже за их мыслями, однако ни о чем не мог догадаться. Дождавшись, пока я крепко заснул, они связали меня, взяли ружье бааса Тома, порученное мне, и другие вещи. Я понял их намерение, и мое сердце закипело от бешенства. Связав меня, собаки базуто стали смеяться мне в лицо, ругая меня и говоря, что я могу теперь умереть с голоду вместе с моими глупыми белыми господами, которые ищут повсюду желтого железа и, по своей глупости, нашли его очень мало. Затем они поделили между собой все ценные вещи, и, перед тем как уйти, каждый из них подходил ко мне и бил по лицу, а один прижег мне нос горячей головней!

Все я терпеливо переносил, но, когда Чит взял ружье бааса Тома, а другие хотели привязать меня к скале, я не вытерпел. Бросившись на Чита, я с силою ударил его головою в живот, так что он отлетел в сторону и хлопнулся о скалу. А! Они забы-

ли, что если руки мои крепки, то голова еще крепче. Тогда двое других бросились на меня, и я, связанный по рукам, не мог защищаться. Боясь, что они убьют меня, я со стоном упал на землю и притворился мертвым. Думая, что они покончили со мною, базуту поспешно ушли. Они боялись, что вы услышите шум и будете догонять их, и так заторопились, что даже оставили ружье и многие другие вещи. Вот и все. Я думаю, баас Том будет рад, что я спас его ружье. Когда он узнает об этом, то забудет свою болезнь и скажет: «Молодец, Оттер, голова твоя крепкая!»

— Баас Том умер,— сказал Леонард.— Он умер на рассвете, на моих руках. Лихорадка убила его, как других инкози (начальников)!

Оттер, услышав печальную весть, опустил свою голову на грудь и несколько времени не произносил ни слова. Когда он взглянул на Леонарда, то последний заметил две слезы, скатившиеся по лицу карлика.

— Как!— воскликнул Оттер.— Ты умер, мой отец, храбрый, как лев, и красивый, как девушка. Да, ты умер, мои уши слышали это, и если бы это не твой брат, баас Леонард, то я убил бы себя!

— Пойдем,— сказал Леонард,— я не могу его оставлять одного надолго!

Леонард вернулся к телу брата. Оттер ушел за ним. Приблизившись к телу Томаса Утрама, Оттер сделал рукою приветственный знак, говоря:

— Начальник и отец, когда ты жил на земле, ты был добрый и храбрый человек, хотя немного вспыльчивый и иногда капризный, как женщина.

Теперь ты удалился с этого света и улетел, подобно орлу, к солнцу. Живя там, ты будешь еще храбрее, еще лучше и терпеливее к тем, кто менее чист, чем ты. Отец и начальник! Приветствую тебя. Что касается собаки базуту, который хотел украсть твое ружье, то я убил его. Слава тебе, отец мой! Прощай, и пусть твой дух будет милостив к нам, которые любят тебя!

Оттер отошел от тела и, обмыв свои раны, принялся за приготовление пищи. После обеда Леонард и Оттер перенесли тело Томаса в грот, убрав оттуда труп базуту, который Оттер бросил бесцеремонно в расщелину скалы. Леонард остался у тела брата, а Оттер, взяв с разрешения Леонарда ружье Томаса, ушел на охоту.

Леонард, отпуская карлика, приказал ему к вечеру вернуться назад.

— Где мы будем рыть могилу, баас?— спросил, уходя, Оттер.

— Она уже готова,— отвечал Леонард.— Умерший сам ее вырыл, подобно многим. Мы его похороним в последней яме, вырытой им в поисках золота. Она достаточно глубока!

— Да, баас, хорошее место, хотя, быть может, баас Том не так бы тщательно работал над ней, если бы знал, для чего она послужит; кто знает, к какому концу ведут наши работы? Но эта дважды обваливалась, когда баас рыл ее...

— Я уже устроил все,— сказал коротко Леонард.— Ступай и будь здесь за полчаса до заката солнца, по крайней мере. Да, если сможешь, принеси еще горных лилий. Баас Том любил их!

Карлик вышел.

— А,— начал он говорить сам с собою, направляясь к подошве холма,— ты не боишься мертвых, а живых — тем более. Однако, Оттер, по правде говоря, здесь при солнечном зное ты чувствуешь себя лучше, чем там, в гроте. Оттер, Оттер! Баас Том мертвый теперь так страшен, а ведь при жизни он был так мил! Чит после смерти не выглядел страшным, только еще безобразнее. Но ведь Чита убил ты, а бааса Тома убило небо, положив на него свою печать. Что теперь будет делать баас Леонард, когда его брат умер и базуто убежали? Идти рыть золото, найти которое так трудно, а найдя, нельзя долго сохранить? Но тебе-то что до этого, Оттер? Что тебе за дело до того, что делает баас? Смотри, вот след козы!

День выдался чрезвычайно жаркий. Лето в Восточной Африке, скорее осень — время малярии, бурь и ливней. Только люди, дешево ценящие свою жизнь, могли жить в этих широтах в течение этого периода в поисках золота, со скудными запасами пищи и почти не находя себе приюта.

Когда Леонард Утрам, его брат и два их товарища поключениям слышали от туземцев об одном месте в горах, богатом золотом и находящемся номинально на португальской территории, вблизи нижнего рукава Замбези, то с помощью двух ружей и собаки они получили концессию от фактического главы этой территории на разработку руды. Несмотря на нездоровое время года, они не отложили своего предприятия из опасения, что кто-нибудь другой за три ружья и за две собаки убедит начальника территории отнять у них концессию в свою пользу. Настойчиво принялись они за работу, и сначала счастье улыбалось им. Попалось даже несколько самородков. Но все же один из компаньонов, Аскью, заболел малярией и умер, а за ним погиб и второй компаньон — Джонстон. Леонард хотел было уже бросить предприятие, но на следующий же день после смерти Джонстона они нашли золото в таком значительном количестве, что Томас, надеясь вскоре достичь богатства, и слышать не хотел об оставлении работ.

Тогда они перенесли свое жилище в более возвышенное и здоровое место и остались. Но однажды Томас Утрам, заблудившись на охоте, провел ночь на болоте. Неделью спустя он заболел малярией и через три недели умер.

Все эти события и многое другое проносилось в памяти Леонарда, сидевшего долгие часы у тела брата. Никогда до сих пор он не чувствовал себя таким одиноким, таким покинутым и несчастным. Теперь в целом свете у него нет друга, если не считать слуги Оттера. Несколько лет, как он уже не был в Англии; самые близкие родственники не заботились более о нем и его брате, странствующих по чужим местам; его школьные товарищи, вероятно, забыли о его существовании.

Там, на родине, было еще одно существо, Джен Бич, его бывшая, почти помолвленная невеста. Но с той памятной ночи, когда семь лет тому назад он простился с ней, зная, что ее жадный отец запретил ей даже думать о нем и старается выдать ее за некоего Когена, купившего их старинное имение Утрам с аукциона, он ничего не слышал о ней. Два раза он писал ей, но не получил никакого ответа на свои письма. Больше он из самолюбия не возобновлял своих попыток писать. Вместе с тем он догадывался, что она не могла ему отвечать. Как он сказал своему брату, Джен или умерла, или, что было всего вероятнее, вышла замуж за мистера Когена. Однако когда-то они любили друг друга, да он и теперь еще любит ее, или, по крайней мере, думает, что любит. За все эти тяжелые годы изгнания, трудов и беспрестанных поисков за неуловимым золотом образ и память о ней жили в нем, как далекий сладкий сон, полный мира и красоты, хотя у него остался всего один ее последний подарок — книжка и локон волос в ней. Пустыня — не такое место, где люди могут забыть свою первую любовь. А он был один, совершенно один, среди диких стран. А теперь что он станет делать? Здесьнее место истощено. Тут действительно было золото, но не в земле, а в жилах кварца, скрытых в горной породе. Чтобы извлечь оттуда богатство, нужны машины и капитал. Кроме того, слуги его, кафры, исчезли, избегая тяжелой работы и малярии, а других не найти в это время года. Очевидно, останется одно: вернуться в Наталь и приняться за какое-нибудь другое дело.

Леонард вдруг вспомнил о своем обете — искать до тех пор, пока он или достигнет своей цели, или умрет. Хорошо! Он исполнит свое обещание. Затем он вспомнил любопытное предсказание умирающего, что он достигнет богатства.

Конечно, это был не более как бред. Столько лет его брат безуспешно стремился к цели: выкупить старинное имение Утрам, и неудивительно, что в час смерти он имел видение, будто цель эта достигнута им. Все это, конечно, не может иметь

никакого значения; он, Леонард, дал несколько лет тому назад клятву и еще в прошлую ночь обещал продолжать стремиться к выполнению этой клятвы. Поэтому, худо или хорошо, но он должен действовать до конца.

Так размышлял Леонард, сидя у тела своего брата.

Иногда он вставал со своего места и прохаживался около грота. После полудня воздух сделался еще более знойным и большая туча собралась на горизонте.

— Вечером будет гроза, — проговорил Леонард. — Как только Оттер придет, надо будет похоронить тело, а то придется ждать до завтра.

За полчаса до захода солнца пришел Оттер, неся на плечах убитую козу, а в руках — большой пучок ярких горных лилий.

Двое мужчин похоронили Томаса Утрама в вырытой им самой могиле.

III

ВСТРЕЧА С НЕЗНАКОМКОЙ

Когда тело Тома было похоронено, Леонард и Оттер вернулись в грот и поужинали, не произнеся ни слова. После ужина Леонард обратился к карлику:

— Оттер! Ты человек надежный и ловкий. Я хочу рассказать тебе одну историю и спросить тебя кой о чем.

— Говори, баас, — ответил тот, — мои уши открыты!

— Оттер! Умерший баас и я приехали в эту страну около семи лет тому назад. До отправления нашего сюда мы были богатыми людьми — старшинами в нашей земле, но потеряли наши краали, скот и земли, они были проданы, и другие взяли их, а мы стали бедными. Да, мы, бывшие жирными, стали тощими, как быки в конце зимы. Тогда мы сказали друг другу: здесь у нас нет более дома, мы — разбитые корабли, люди, не имеющие никакого значения. Большой каменный крааль отнят у нас, другие занимают его, чужие женщины хозяйничают в нем, и их дети бегают по нашей земле; мы должны уехать.

— Отчего ты, отец мой, не выгнал этих чужестранцев и не взял обратно твой крааль? — прервал его Оттер.

— В нашей стране этого нельзя сделать, Оттер: богатство там много значит. Если бы мы сделали это, то подверглись бы большому позору. Одно богатство могло бы возвратить нам наш дом, а у нас его не было. Тогда мы поклялись друг другу, умерший баас и я, что поедем в эту дальнюю страну искать богатство, с которым мы могли бы вернуть наши земли и крааль, чтобы оставить их после себя своим детям!

— Прекрасная клятва,— сказал Оттер,— но здесь мы поклялись бы иначе и сталь решила бы спор о краале, а не желтое железо!

— Мы приехали сюда, Оттер, и семь лет работали усердно, путешествовали по различным местам, смешивались со многими народами, изучили несколько языков, и что же мы нашли? Баас Том — могилу в пустыне, а я — скудную пищу, которую может дать пустыня, не более. Богатства мы не приобрели. Оттер, а я поклялся или достать его, или умереть, и еще в прошлую ночь повторил брату свою клятву!

— Это хорошо, баас, клятва есть клятва, и честные люди должны исполнять ее. Но здесь нельзя добыть богатства. Золото скрыто здесь в скалах, которые слишком тяжелы, чтобы увезти их, а кто может достать золото из скал? Этого не сделают все волшебники страны зулусов. Тем более этого не сделаем мы, если даже лихорадка и пощадит нас. Надо уходить отсюда куда-нибудь в другое место!

Едва Леонард кончил говорить, как пронзительный вой огласил воздух. Луна выступила из-за облаков, и при ее свете они увидели, что в двадцати шагах от них, на противоположном склоне холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, сидит высокая женщина.

Леонард и карлик направились к ней. Женщина была так поглощена своим горем, что не слышала и не видела их приближения. Леонард с любопытством посмотрел на нее. Это была женщина средних лет, очевидно, когда-то красивая и со слишком светлой для туземки кожей. Кудрявые волосы ее уже поседелели, руки и ноги были тонки и красивой формы. Больше Леонард ничего не мог разглядеть, так как лицо она закрыла руками, а сама закуталась в рваное одеяло.

— Матушка,— сказал он на диалекте племени Сизуту,— что с тобою, о чем ты плачешь?

Женщина с криком ужаса вскочила на ноги. Вид ее был так странен, что карлик и Леонард с удивлением смотрели на нее, ожидая, что будет дальше.

Женщина первая прервала это молчание: заговорив голосом, полным суеверного ужаса, она упала на колени.

— Ты пришел требовать от меня ответа,— сказала она, обращаясь к Оттеру,— о, ты, имя кого — Мрак, кому я была назначена в замужество и от кого в молодости убежала?.. Тебя ли я вижу во плоти, господин ночи, король крови и ужаса, а это твой жрец? Убей меня, жрец, и пусть мой грех будет очищен!

— Кажется,— заметил Оттер,— мы имеем дело с сумасшедшей!

— Нет, Джаль,— ответила женщина,— я не сошла с ума, хотя недавно была близка к этому!

— Но меня зовут ни Джаль, ни Мрак!— крикнул с раздражением карлик.— Перестань говорить глупости и скажи белому господину, откуда ты, а то я устал от твоего долгого разговора!

— Если ты не Джаль, черное существо, то это очень странно, так как Джаль имеет такой же вид, как ты. Но, может быть, ты не хочешь, облекшись в плоть, признаться в этом мне? Ну, тогда делай как хочешь. Если же ты не Джаль, то я не должна опасаться твоего мщения; а если ты Джаль, то прошу тебя простить грех моей юности и пощадить меня!

— Кто такой Джаль?— с любопытством спросил Леонард.

— Не знаю,— ответила женщина, внезапно переменив тон.— Голод и утомление смутили мой ум, и я говорила вздорные слова. Забудь их и дай мне есть, белолицый,— прибавила она жалобным голосом.— Дай мне поесть, я умираю от голода!

— У нас очень мало пищи,— ответил Леонард,— но мы поделимся с тобой чем можем. Иди за нами, матушка.

Оттер дал ей пищи, и она принялась есть, как человек, голодавший долгое время; покончив с едой, она посмотрела на Леонарда своими смелыми, черными глазами и спросила:

— Скажи, белый господин, ты работоровец?

— Нет,— ответил он хмуро,— я раб!

— Кто же твой господин? Этот черный человек?

— Нет, он только раб раба. У меня нет господина, а есть госпожа, которую зовут судьбою!

— Самая худая из госпож и в то же время самая хорошая,— сказала старуха, нахмурившись,— она часто смеется, но к ударам примешивает поцелуй!

— Удары ее я хорошо знаю, а поцелуи — нет,— ответил мрачно Леонард и прибавил другим тоном:— Что же с тобой случилось, матушка, как тебя зовут, и что ты ищешь, бродя одна в горах?

— Меня зовут Соа, и я ищу помощи для той, кого люблю, и которая теперь находится в тяжелом положении. Хочешь, выслушай мой рассказ.

— Говори,— сказал Леонард.

Женщина села на землю и начала свое повествование.

IV

РАССКАЗ СОА

— Я раба белого человека, купца, живущего на берегах Замбези в четырех днях пути отсюда. У него есть дом, построенный им несколько лет тому назад.

— Как имя белого человека? — спросил Леонард.

— Черный народ зовет его Мэвум, а белолицые — Родд. Он хороший господин, но у него есть один недостаток — он пьет. Двадцать лет тому назад или больше Мэвум женился на белой женщине, дочери португальца, жившего у бухты Делагоа. Она была прекрасна, ах, как прекрасна! После женитьбы он поселился на берегах Замбези, стал купцом и выстроил там дом, от которого теперь остались одни развалины. Здесь его жена умерла от родов. На моих руках я воспитала ее дочь Хуанну, ухаживая за ней от колыбели и до настоящих дней.

После смерти своей жены Мэвум стал сильно пить. Когда он не пил, то это был ловкий и хороший торговец; он собирал много денег, слоновую кость, золото и сотнями воспитывал рогатый скот. Часто он говорил, что хочет оставить пустыню и уехать за море, в неизвестную страну, откуда приезжают англичане.

Дважды он отправлялся вместе со мною и с Хуанной, моей госпожой. Однажды Мэвум остановился в городе Дурбане, в Натале, и, напившись пьяным, в один месяц прожил все свои деньги, в другой раз он потерял нажитое им богатство при переправе через реку, когда лодку опрокинул гиппопотам и золото со слоновой костью потонуло. В последнюю поездку он оставил свою дочь в Дурбане, где она прожила три года, изучая те вещи, которые знают белые женщины, так как она так же умна, как добра и прекрасна. Года два тому назад она вернулась назад в поселение, доехав на судне до бухты Делагоа, где ее встретил Мэвум.

Моя госпожа сказала своему отцу, что ей наскучила их уединенная жизнь в пустыне и что она хочет ехать за море в страну, которую она называла «домом». Он не послушался ее. Так как Мэвум очень любил свою дочь, он сказал, что сделает так, но что сначала он хочет поехать по реке для закупки в одном месте большого количества слоновой кости. Она была против этого, говоря: «Поедем, наконец, мы уж достаточно богаты. Отправимся в Наталь и поедем за море». Но он ничего не хотел слушать, так как он — очень упрямый человек.

На следующее утро он отправился за слоновой костью, и Хуанна, дочь его, плакала, хотя она и бесстрашно оставалась раньше одна. Кроме того, она не любила быть вдали от отца, не имея возможности следить за тем, чтобы он не напивался.

После отъезда Мэвума прошло двенадцать дней; я и моя госпожа сидели в поселении, ожидая его возвращения. У моей госпожи есть обыкновение, одевшись поутру, читать. Утром как-то она сидела на веранде дома и читала книгу, а я занималась приготовлением пищи. Вдруг я услышала шум и, выглянув

через забор, окружавший весь дом и сад, кроме веранды, увидела много людей; белых, арабов и мулатов; один из них был верхом, а остальные пешие; за ними тянулся длинный караван рабов с веревками на шее.

Подойдя ближе, люди стали стрелять в жителей поселения, некоторых убили, многих взяли в плен, а остальные, которые были на полевых работах и видели приближение работоторговцев, убежали.

Со страхом увидела я, что моя госпожа все еще с книгой в руках побежала к забору, за которым я стояла. Но, когда она подбежала, человек, сидевший верхом на муле, преградил ей дорогу, и она, обернувшись, посмотрела на него, прислонившись спиной к забору. Тогда я спустилась с забора и, спрятавшись за банановыми деревьями, стала смотреть в щель забора.

Человек, сидевший на муле, был стар и толст, с седыми волосами и с желтым, морщинистым лицом. Я знала его раньше и много слышала о нем: много лет он представляет ужас этой страны. Черный народ зовет его желтым дьяволом, а белые — Перейра. Его жилище — в уединенном месте при одном из устьев Замбези. Туда он собирает своих рабов, и туда дважды в год приезжают торговцы и отвозят рабов на рынки.

Этот человек посмотрел на мою госпожу, в ужасе прислонившуюся к забору, и, рассмеявшись, закричал по-португальски:

— Вот славная добыча! Должно быть, это та Хуанна, о красоте которой я столько слышал. Где ваш отец, моя голубка? Уехал по торговым делам, не правда ли? Я это знал, иначе, может быть, я бы не отважился приехать сюда. Но с его стороны нехорошо оставлять такое милое существо. Хорошо, хорошо, он занят своим делом, а я должен приступить к своему, ведь я — тоже купец, моя голубка, торгующий черными птичками. Птички с серебристыми перьями не часто попадались мне. Здесь есть молодые люди, которые за такие глаза, как у вас, дадут много. Не бойтесь, моя голубка, мы скоро найдем вам супруга!

Так говорил желтый дьявол. Моя госпожа испуганно смотрела на него; слуги работоторговца громко смеялись его злым словам.

Наконец она, казалось, поняла, о чем он говорил, и я увидела, что моя госпожа медленно подняла свою руку к голове. Я догадалась об ее намерении. Она носила в своих волосах ужасный яд, малейшая крупинка которого, попав на язык, тотчас же убивает человека. Секрет этого яда я открыла ей: моя госпожа постоянно имела яд при себе на тот случай, если ей будет угрожать худшее, чем смерть. Тогда я в ужасе прошепта-

ла ей через щель забора на древнем языке моего народа:

— Удержи свою руку, госпожа. Пока ты жива, ты можешь еще освободиться, а от смерти нет освобождения. Будет еще время употребить яд, когда самое худшее будет угрожать тебе!

Она услышала меня и опустила свою руку. Перейра заговорил снова:

— Теперь, если вы готовы, мы можем отправляться, до моего гнезда восемь дней пути, а кто может сказать, когда придут покупатели за моими черными птицами? Не можете ли вы сказать, моя голубка?

Тогда моя госпожа впервые заговорила с ним.

— Я в вашей власти, но не боюсь вас! Знайте, что в случае необходимости я могу ускользнуть от вас. Только я скажу вам следующее: ваше злодейство навлечет смерть на вашу голову,— и она посмотрела на тела убитых работорговцами пленников и на дым, поднявшийся над ее домом, подожженным злодеями.

Португалец, казалось, испугался, затем громко рассмеялся и, перекрестившись по обычаю этого народа для защиты от проклятия, произнес:

— Как! Вы пророчествуете, моя голубка? Вы говорите, что можете ускользнуть, если захотите? Ну, это мы посмотрим. Приведите другого мула для госпожи.

Мул был приведен, и Хуанна, моя госпожа, была посажена на него. Затем работорговцы пристрелили тех из рабов, которые, по их мнению, не имели никакой цены, и караван двинулся к берегам реки.

Когда он скрылся из виду, я вышла из своего убежища, отыскала тех из поселенцев, которым удалось ускользнуть от рук злодеев, и попросила их пойти с оружием по следам желтого дьявола, чтобы при удобном случае освободить мою госпожу. Но они боялись сделать это, да и многие из старшин были взяты в плен. Они только плакали о своих убитых родственниках и сожженных краалях.

— Труссы!— сказала я им.— Если вы не хотите идти, то я одна пойду. По крайней мере, пусть кто-нибудь из вас пойдет вверх по реке и, отыскав Мэвума, расскажет ему обо всем.

Они обещали пойти. Взяв одеяло и немного пищи, я отправилась следом за караваном работорговцев. Четыре дня я шла за ними, пока, наконец, у меня не вышла пища и силы не оставили меня. На утро пятого дня я не могла больше идти и, взойдя на вершину скалы, долго следила за караваном. В середине его были два мула, и на одном из них сидела женщина. Тогда я убедилась, что ничего не случилось с моей госпожой, что она еще жива.

С горы я увидела вдали маленький крааль. Собрав послед-

ние силы, я пошла к нему. Жителям его я сказала, что убежала от работорговцев, и они приняли меня ласково. От них я узнала, что несколько белых людей из Наталя искали в этих горах золото, и весь следующий день я провела в поисках этих людей. Что они могут мне помочь, это я хорошо знаю, англичане ведь не любят работорговцев. Вот, наконец, господин, я пришла сюда с большим трудом и прошу тебя освободить мою госпожу из рук желтого дьявола. О, господин, я кажусь бедной и жалкой, но скажу тебе, что если ты освободишь ее, то можешь получить большое вознаграждение. Да, я открою тебе то, что скрывала всю мою жизнь, даже от моего господина Мэвума. Я открою тебе тайну сокровищ моего народа — детей тумана!

Леонард, все время молча и внимательно слушавший рассказ Соа, поднял голову и посмотрел на нее, думая, что горе помутило ее рассудок. Однако на лице женщины выразалось только сильное волнение, но не сумасшествие.

— В своем ли ты уме, матушка? — сказал он наконец. — Ты видишь, что я один здесь со слугой, так как три моих товарища, о которых люди из крааля говорили тебе, умерли от лихорадки, и я сам болею ею. И ты просишь меня отправиться в лагерь работорговцев, местонахождения которого ты даже не знаешь, чтобы одному освободить твою госпожу, если действительно у тебя есть госпожа и твой рассказ верен? Как не подумать, что ты не в своем уме?

— Нет, господин, я не сошла с ума, и я говорю тебе правду до последнего слова. Конечно, я прошу большой вещи, но я хорошо знаю, что вы, англичане, можете сделать всякие дела, если вам хорошо заплатить. Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе и не удастся помочь мне и если ты останешься жив, то все-таки получишь награду, хотя не так много, может быть, но все-таки больше, чем мог бы когда-нибудь получить.

— Не говори мне больше о вознаграждении, — раздраженно прервал ее Леонард, которого задел скрытый сарказм слов Соа. — Вот не можешь ли ты лучше вылечить меня от лихорадки? — прибавил он, смеясь.

— Я могу это сделать, — спокойно отвечала она, — завтра утром я начну лечить тебя!

— Тем лучше! — сказал он с недоверчивой улыбкой. — А теперь скажи мне, куда же увезли твою госпожу? Вероятно, это гнездо находится в потайном месте? Сколько времени тому назад она была увезена?

— Сегодня идет двенадцатый день, господин. А место гнезда тайна, вот все, что я знаю. Открыть его — дело твоей мудрости!

Леонард подумал немного и обратился к карлику, молча слушавшему разговор Соа с Леонардом, и сказал ему по-голландски:

— Оттер, тебя когда-то уводили в рабство?

— Да, баас, десять лет тому назад!

— Как это случилось?

— Вот как, баас. Я охотился на Замбези с воинами одного племени — это было после того, как мой собственный народ прогнал меня, потому что, по их словам, я был слишком безобразен, чтобы быть их начальником, на что имел право по рождению. В это время желтый дьявол, тот самый человек, о котором говорит эта женщина, с арабами напал на нас и увел к своему убежищу, чтобы ждать здесь покупателей рабов. В тот день, когда покупатели прибыли, я убежал вплавь, а все остальные были увезены на кораблях в Занзибар!

— Можешь ли ты найти дорогу к этому месту?

— Да, баас, хотя найти место очень трудно, так как дорога к нему идет болотами. Место это скрыто и защищено водою. Всем рабам в последний день были завязаны глаза. Но я поднял повязку посредством носа — ах, мой большой нос очень хорошо служил мне в этот день! — и следил за дорогой из-под повязки, а Оттер никогда не забудет дороги, по которой прошли его ноги. Вот почему я и мог по той же дороге вернуться назад.

— Ты мог бы отсюда найти это место?

— Да, баас. Я пошел бы вдоль этих гор, в десять дней или более дошел бы до южного рукава Замбези ниже Люабо, затем шел бы еще один день вниз по реке, а после того два дня по болотам, и я пришел бы к месту. Но это — очень сильное убежище, баас, и там много людей с ружьями, есть даже большая пушка!

Леонард снова подумал и, обратившись к Соа, спросил ее:

— Ты понимаешь по-голландски? Нет? Я должен тебе сказать, что узнал кое-что об этом гнезде от моего слуги. Перейра сказал, что от дома твоего господина восемь дней пути, так что твоя госпожа три или четыре дня находится в гнезде, если только она увезена туда. Затем, насколько я знаю обычаи работорговцев этих мест, они не начнут вывозить рабов еще целый месяц, пока не прекратятся муссоны. Поэтому, если я не ошибаюсь, времени еще довольно. Заметь, матушка, что я не обещаю еще ничего, сначала я должен еще подумать!

— Да, белый человек, ты сделаешь это, если узнаешь вознаграждение. Но все это я скажу тебе завтра, после того, как вылечу тебя от лихорадки. А теперь, пожалуйста, черный человек, укажи мне место, где я могла бы поспать: я очень утомлена!

ЛЕОНАРД КЛЯНЕТСЯ КРОВЬЮ АКИ

На следующее утро Леонард проснулся рано от тревожного сна. Но Соа встала раньше его, и, когда Леонард вышел из грота, он увидел, что она стоит, склонившись над котелком, и что-то варит в нем.

— Доброго утра, белый человек! Вот здесь то, что вылечит тебя от болезни, как я обещала!— И она сняла с огня котелок. Леонард понюхал; жидкость пахла отвратительно.

— Это скорее способно отравить меня, матушка!— сказал он.

— Нет, нет,— ответила она с улыбкой,— выпей половину теперь и половину в полдень, и лихорадка больше не будет тебя беспокоить!

Как только жидкость остыла, Леонард выпил половину ее, сильно сомневаясь в успехе лечения.

— Хорошо, матушка, если грязь есть доказательство добродетели, то твое средство окажется хорошим!— проговорил он.

— Оно хорошо,— с важностью заявила Соа,— многие были спасены им на краю смерти!

Благодаря ли средству Соа или другой причине, но Леонард уже с наступлением ночи стал себя чувствовать гораздо лучше, а дня через два был так же здоров, как и прежде.

— Старуха принесла нам счастье,— говорил карлик.— Кусты опять пополнились дичью. Я едва вышел сегодня, как убил молодую жирную киду (антилопу), и там их еще много!

Из принесенной Оттером добычи был приготовлен завтрак.

— Матушка,— заговорил Леонард,— прошлую ночь ты просила меня отважиться на великое дело, обещая вознаградить меня. Ты говорила, что мы, англичане, можем многое сделать за золото, а я — бедный человек и ищу богатства. Ты просишь меня рискнуть своей жизнью; ну, так скажи мне, что ты предлагаешь за это?

Соа посмотрела на него внимательно.

— Белый человек, слышал ли ты когда-нибудь о моем народе — детях тумана?

— Нет, только знаю, что он есть. Что же дальше?

— Я, Соа,— дочь верховного жреца этого народа и убежала оттуда много лет тому назад, после того, как была назначена для жертвоприношения богу Джалю, который имеет такой же вид, как этот черный человек!— указала она на Оттера.

— Это очень интересно,— сказал Леонард,— продолжай!

— Белый человек, этот народ — великий народ. Он живет в стране тумана, под сенью снежных горных вершин. Мои со-

племенники ростом больше других людей и очень жестоки, но женщины их прекрасны. О происхождении моего народа я не знаю ничего; оно затеряно в веках. Он почитает древнюю каменную статую карлика и приносит ему в жертву кровь людей. У подножия статуи находится пруд с водой, а к нему примыкает пещера. В этой пещере, белый человек, живет тот, изображение кого мой народ почитает, — Джаль, и имя его — Ужас!

— Ты хочешь сказать, что карлик живет в пещере? — спросил Леонард.

— Нет, белый человек, не карлик, но священный крокодил, самый большой крокодил в целом свете и самый старый, ибо он живет там с начала мира. Этот змей пожирает тела тех, кого приносят в жертву черному существу!

— Все это очень любопытно, — заметил Леонард, — но я не понимаю, какую же выгоду можно извлечь из всего этого?

— Белый человек, жрецы детей тумана приносят в жертву своему богу не только жизнь людей, но и такие безделушки! — и она показала Леонарду рубин необычайной величины и ослепительного блеска.

— У твоего народа много таких камней, Соа? — спросил Леонард. — Где же они находят их?

— Да, белый человек, они много находят их в сухом ложе реки; правда, такие большие попадают редко, в одном месте, известном только жрецам; вместе с такими находят еще другие камни, голубого цвета!

«Должно быть, сапфиры, — подумал Леонард, — их обычно находят вместе!»

— Они находят их каждый год, — продолжала Соа, — и самый большой из найденных камней привязывают ко лбу женщины, избранной в жены богу Джалю. Затем, еще до жертвоприношения, они снимают камень с ее лба и прячут его в тайном месте, где сложены все камни, бывшие у всех жертв за многие годы. Глаза Джалья также сделаны из этих камней. Легенда в моем народе гласит, белый человек, что Джаль, бог смерти и зла, убил свою мать Аку в давно минувшие времена. На том месте, где он убил ее, находят красные камни — это ее кровь, а голубые — ее слезы. С тех пор кровь Аки приносят в жертву Джалю и будут приносить до тех пор, пока Ака не вернется снова на землю.

— Прекрасный отрывок из мифологии, — проговорил про себя Леонард, — наши старые друзья — мрак и заря в африканской форме, я полагаю.

— Слушай, матушка, — обратился он снова к Соа. — Этот камень, если он драгоценный, стоит несколько унций золота, но есть другие камни, так похожие на него, что неопытный человек может смешать их, и те камни имеют очень маленькую

цену. Конечно, может быть, этот камень, а также и другие, о которых ты говоришь,— настоящие рубины; во всяком случае, я бы хотел достать их. Но скажи мне, как я могу достать эти рубины?

— Белый человек! — отвечала она. — Если ты согласишься помочь мне, я теперь же дам тебе этот камень. Пообещай мне только предпринять освобождение моей госпожи! Я вижу по твоим глазам, что ты исполнишь обещание, раз дашь его! — и она смело посмотрела на него.

— Очень хорошо, — сказал Леонард, — но, принимая во внимание риск, я нахожу цену недостаточной. Как я сказал тебе, этот камень может ничего не стоить. Ты должна предложить что-нибудь получше, матушка!

— Верно, белый человек, я судила о тебе правильно, — ответила с усмешкой Соа, — конечно, ты мудро рассудил: за маленькое вознаграждение — малое дело. Вот какую плату я предлагаю тебе. Если удастся освободить мою госпожу из когтей желтого дьявола, я от ее имени и своего собственного обещаю привести тебя в страну моего народа и укажу, где достать все другие бесценные камни, спрятанные там!

— Хорошо, — сказал Леонард, — но почему ты обещаешь не только от своего имени, но и от имени своей госпожи?

— Без нее ничего нельзя сделать, белый человек: мой народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить его войною. Здесь хитрость должна служить оружием!

— Говори толком, Соа. Я не могу тратить время на распутывание загадок. Как ты хочешь покорить этот народ хитростью, и какое отношение ко всему этому имеет твоя госпожа?

— Ты постыпенно узнаешь все, белый человек, после того, как освободишь ее. До тех пор я буду молчать. Скажу тебе только, что у меня есть план, и этого довольно. Если ты откажешься, то я пойду за помощью к другим.

Леонард подумал немного и, видя ее решительность, сказал:

— Хорошо. Но я не знаю, согласится ли твоя госпожа исполнить данное от ее имени обещание.

— Я отвечаю за нее, — сказала Соа, — она никогда не откажется от моего слова. Белый человек, я открыла тебе важную тайну, и если ты отправишься вместе со мной в страну моего народа, то мне грозит смерть, если меня узнают. Я рассказала тебе это и предложила подарок потому, что видела твою нужду в деньгах и была уверена, что, не имея надежды на получение денег, ты не захочешь рисковать жизнью. Но я так люблю мою госпожу, что готова рискнуть своей жизнью, чтобы только спасти ее от позорного рабства. Ну, белый человек, я сказала достаточно. Ты согласен?

— Что ты скажешь, Оттер?— спросил Леонард задумчиво.— Ты слышал все. Дай мне совет: ты — ловкий человек!

— Я слышал все. баас.— отвечал Оттер.— Что касается моей ловкости, то я, может быть, ловок, может быть — нет. Мой народ говорил, что я ловок, и это было одной из причин, почему он не хотел иметь меня своим вождем. Если бы я был только ловок или только безобразен — они бы это перенесли, но так как я был ловок и безобразен, то они не захотели такого вождя. Они боялись, что я могу сделать весь народ безобразным!

— К чему ты все это говоришь?— сказал Леонард, понимавший, однако, что карлик говорил так с целью дать ему самому время обдумать свой ответ.— Дай мне совет, Оттер!

— Баас, что я могу тебе сказать? Я не знаю цены этого красного камня. Я не знаю, откуда эта женщина, о которой сердце мне не говорит ничего хорошего; не знаю, правду ли она говорит или лжет о далеком народе, живущем в тумане и почитающем бога такого вида, как я. Нигде еще не поклонялись мне как богу, и если есть такая страна, то я бы хотел отправиться туда. Что касается освобождения ее госпожи из гнезда желтого дьявола, то я не знаю, как это сделать.

— Скажи мне, мать, сколько человек Мэвума было взято в плен с твоей госпожой?— обратился он к Соа.

— Человек пятьдесят!— ответила она.

— Хорошо,— продолжал карлик,— если мы освободим этих людей и если они храбры, то мы можем кое-что сделать, но, во всяком случае, все это не наверное, баас. Впрочем, если ты думаешь, что цена хорошая, то мы можем попробовать. Это будет все-таки лучше, чем сидеть здесь. Никто не может знать, что случится. От судьбы не уйдешь.

— Хорошая пословица!— сказал Леонард.

— Соа! Я принимаю твое предложение, хотя надеяться на успех бессмысленно. Теперь мы заключим с тобой письменное условие во избежание каких-либо недоразумений. Возьми немного крови из горла козы, Оттер, смешай ее с порохом и горячей водой; это заменит нам чернила!

Когда Оттер занялся этим, Леонард стал искать бумаги, которой не нашлось ни одного клочка. Последний запас бумаги, оставшийся у него, был унесен бурей в ночь смерти его брата. Тогда он вспомнил о книге, подаренной ему Джен Бич. Чистого листка, на котором стояла подпись Джен, он не хотел портить, почему решил писать поперек заглавного листа. Вот что написал мелкими буквами:

*«Условие между Леонардом Утрамом и Соа,
туземной женщиной.*

1. Означенный Леонард Утрам обязуется употребить все

свои усилия для освобождения Хуанны, взятой в рабство Перейрой, работорговцем.

II. В вознаграждение услуг Леонарда Утрама означенная Соа обязуется, за свой счет и от имени названной Хуанны Родд, провести его в некоторое место в центре Юго-Восточной Африки, населенное племенем, известным под именем дети тумана, здесь помочь ему овладеть большим количеством рубинов, употребляемых в религиозных церемониях этим племенем. Сверх сего названная Соа обязуется, от имени упомянутой Хуанны Родд, что последняя будет сопровождать ее в путешествии и будет исполнять среди того народа ту роль, в какой окажется необходимость для успеха предприятия.

III. Названные лица взаимно обязуются продолжать предприятие до тех пор, пока Леонард Утрам не убедится, что оно невозможно.

Заключено в горах Маника, Восточная Африка, 9 мая 19... года».

Окончив этот документ, Леонард громко прочел его и от всей души рассмеялся.

Передав содержание документа Оттеру, он спросил мнение карлика.

— Очень хорошо, баас, очень хорошо,— отвечал тот,— удивительны эти белые люди! Но, баас, как эта старуха может ручаться за других?

Карлик коснулся самого слабого места в документе. Но Соа избавила его от затруднений, сказав спокойно:

— Не бойся, белый человек, моя госпожа наверно исполнит то, что я обещала от ее имени. Дай мне перо, чтобы я могла сделать мой знак на бумаге. Но сначала ты должен поклясться этим красным камнем, что будешь стараться исполнить все, что написано тут!

Леонард улыбнулся, поклялся и подписал документ, а Соа сделала свою метку. Оттер скрепил бумагу в качестве свидетеля, и дело было окончено. Рассмеявшись снова над всем этим, Леонард, написавший документ скорее в шутку, чем из каких-либо других побуждений, положил книгу в свой карман, спрятав также и большой рубин.

Старуха следила, как исчез камень, с выражением торжества на своем злом лице, затем радостно воскликнула:

— А, белый человек, ты взял его, и теперь ты мой слуга до конца. Поклясться кровью Аки — настоящая клятва, и горе тому, кто нарушит ее!

— Да, я взял твой камень,— сказал Леонард,— и выполняю свою клятву, но нечего говорить о крови Аки, когда мы рискуем нашей собственной кровью. А теперь давайте лучше готовиться в путь.

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Прежде всего надо было позаботиться о пище. Оттер нарезал ломтями сырое козье мясо и положил его на скалы для сушки под палящими лучами солнца. Затем они рассортировали свое имущество и выбрали то, что можно было взять с собою. Его было немного: по одеялу на каждого, по паре сапог, несколько каломели и других лекарств, два самых лучших ружья с запасом зарядов, компас, бутылка для воды, три ножа, гребень и маленький железный котелок — значительная тяжесть для двух мужчин и одной женщины, решивших идти через горы, проходить равнины и болота.

Этот багаж был разделен на три части, причем Соа досталась самая легкая часть, а Оттеру — наиболее тяжелая.

— Ничего, — сказал карлик, — я мог бы нести все в случае нужды!

Зная силу карлика, Леонард понимал, что его слова — не пустое хвастовство.

Все остальное было спрятано в гроте вместе с горными орудиями. Леонард взял с собой также и все добытое им золото — около ста унций. Одну половину его он спрятал вместе с рубином в своем поясе, а другую отдал Оттеру. Сначала он хотел оставить золото в гроте, но потом вовремя вспомнил, что золото везде может пригодиться, а тем более среди работорговцев.

Вечером Леонард прикрепил свой узел себе на плечи ремнями; Оттер и Соа последовали его примеру. Для избежания дневного зноя и опасности натолкнуться где-нибудь на работорговцев решено было совершать путешествие ночью, при свете луны.

— Подождите меня несколько минут, — сказал Леонард Оттеру, — я пойду попрощаюсь с могилой брата!

Через четверть часа они тронулись в путь, настречу новым опасностям, а может быть, и смерти. Мы не будем следовать шаг за шагом за Леонардом Утрамом и его спутниками. Целую неделю они шли, совершая путешествие по ночам, как решено было ранее, взбирались на горы, проходили болота, переплывали реки, то голодая, то имея обильные запасы пищи, находимой ими в изредка попадавшихся им бедных краях.

На восьмую ночь от начала путешествия они остановились на склоне высокой горы. Луна зашла, идти дальше было невозможно; кроме того, они устали от долгого путешествия. Завернувшись в свои одеяла, чтобы защититься от ночного холода, они легли под тень кустарников, рассчитывая проспать до зари.

На рассвете Оттер разбудил Леонарда.

— Смотри, баас,— сказал карлик,— мы шли правильно. Внизу большая река, а там вдали, вправо, море!

Действительно, в нескольких милях от них по большой равнине, покрытой кустарниками и переходившей постепенно в болото, шел тот рукав Замбези, до которого они хотели добраться.

— Около пяти часов пути отсюда,— продолжал карлик,— горы приближаются к реке. Туда-то нам и надо идти, чтобы достигнуть большого болота, где находится гнездо желтого дьявола!

После полудня путники отправились дальше и к ночи, еще до восхода луны, очутились у изгиба горы, примыкавшей к берегу реки. Взошедшая вскоре луна осветила удивительно безотрадную картину. В обширном полукруге, образованном изгибом гор, текла река, усеянная зелеными островами. Низменный берег реки переходил в громадное болото, имевшее в ширину от одной до двадцати миль и заросшее камышом. Запах гнили носился в воздухе над этим местом, наводившим ужас своей пустынностью и разрушением. Однако оно жило своей собственной жизнью. Стаи диких уток летели с моря, чтобы искать здесь пищу; аллигаторы и гиппопотамы плескались в воде; выпь кричала в камышах; отовсюду раздавалось кваканье тысячи лягушек.

— Там проходит дорога работорговцев,— сказал Оттер, указывая на одно место на горном берегу реки,— или, по крайней мере, раньше она проходила там!

— Выйдем на нее,— ответил Леонард,— мы можем немного пройти по ней и затем расположиться на ночлег.

Путники дошли до указанного карликом места, где Оттер стал, точно гончая собака, рыскать по кустам. Через несколько минут он поднял руку и свистнул.

— Так я и думал,— сказал он, когда его спутники подошли ближе,— тропинка та же, что была и раньше. Смотри, баас!

Оттер раздвинул ногой один из кустов, и под ним оказался разложившийся скелет женщины с ребенком.

— Умерла не более двух недель тому назад,— хладнокрово произнес карлик.— Да, желтый дьявол оставляет за собой такие следы, что нетрудно найти дорогу!

Соа стала внимательно рассматривать скелет.

— Одна из женщин Мэвума,— сказала она, наконец,— я узнаю по костям ног!

Они пошли дальше и часа через два достигли места, где тропинка упиралась в реку.

— Что нам теперь делать, Оттер?— спросил Леонард.

— Здесь рабов сажают в лодки,— отвечал карлик,— перед

этим они «выпалывают сорную траву», то есть убивают слабых и больных, чтобы не возиться с ними. Пойдем туда, посмотрим, там, наверное, есть лодки!

Леонард и Соа тотчас пошли по указанному Оттером на-
правлению.

— Есть одна лодка,— сказал карлик, остановившись в од-
ном месте,— и «сорная трава» лежит по-прежнему!

Леонард, подойдя ближе, увидел ужасную картину. На не-
большом открытом пространстве лежали сложенные в кучу те-
ла мужчин, женщин и детей, недавно умерших. Вблизи вид-
нелись другие кучи костей, белевших при лунном свете,— па-
мятники прежних жертвоприношений. Первая куча мертвецов
лежала вблизи заросшего мохом места, где были видны следы
лодок, очевидно, недавно только отчаливших отсюда.

При виде костей несчастных жертв зверства работоргов-
цев в душе Леонарда вспыхнуло сильное желание встретиться
лицом к лицу с желтым дьяволом, издевавшимся над жизнью
беззащитных людей, и отомстить ему.

— Мы должны остановиться здесь до утра, стало уже тем-
но,— сказал Леонард.

Путники расположились на ночлег на этой Голгофе.

Когда ночь прошла и солнце показалось во всем своем блес-
ке, путешественники поднялись, стерли ночную росу с волос и
принялись за скудный завтрак. Затем они молча направились
к лодке, спустили ее в воду, и Леонард с Оттером взяли за
весла.

Карлик прекрасно помнил дорогу. Без него нельзя было бы
сделать ни одной мили, так как река дробилась на бесчислен-
ные лагуны и естественные каналы, прорезанные течением во-
ды в густой чаще тростника. Не было никакой возможности
отличить один канал от другого. Тем не менее карлик уверенно
показывал дорогу. Десять лет тому назад он был в этих местах
и все же вел Леонарда безошибочно. По временам попадались
новые каналы, не существовавшие раньше, но, подумав немно-
го, Оттер указывал, в каком направлении ехать.

Так двигались они вперед большую часть дня, пока к вечеру
не достигли места, где канал разделялся на два рукава; один к
северу, другой к югу.

— Как теперь ехать, Оттер?— спросил Леонард.

— Ну, баас, я и сам не знаю. Вода изменила свое течение:
здесь была прежде земля, и дорога шла прямо.

Это было серьезное затруднение: один неверный шаг — и
они могли бы заблудиться.

После долгого размышления Оттер предложил, наконец,
поехать по левому рукаву, но Соа, все время до сих пор молчав-
шая, посоветовала взять сначала вправо и поискать в этом

направлении. Леонард не соглашался, но она настаивала, и лодка поехала по новому направлению. Пройдя ярдов триста и не видя ничего, Оттер хотел посоветовать повернуть назад.

— Подожди, белый человек,— произнесла вдруг Соа, внимательно оглядывавшая поверхность воды.— Что это там?— указала она на что-то белевшее в тростниках ярдах в сорока впереди.

— Перья, я полагаю,— ответил Леонард,— однако поедem и посмотрим!

— Это бумага, баас!— сказал Оттер, когда они подъехали близко к заинтересовавшему их белому предмету,— кусок бумаги на тростнике.

— Сними его поосторожнее!— сказал Леонард с невольнo забившимся сердцем при виде куска бумаги в подобном месте.

Когда Оттер положил на скамейку лодки снятый им с тростника кусок бумаги, Соа стала внимательно разглядывать его.

— Это лист из книги, которую читала моя госпожа,— уверенно произнесла она наконец.— Я узнаю ее. Моя госпожа вырвала один лист и укрепила на тростнике как знак для того, кто пошел бы по ее следам!

— Очень вероятно,— отвечал Леонард.— С твоей стороны была очень удачная мысль поехать по этому направлению.

Через час они достигли конца острова, вдоль которого ехали.

— Ага,— сказал Оттер,— теперь я снова узнаю дорогу. Это тот самый рукав. Если бы мы не вошли в него, то, вероятно, так бы и не попали на настоящую дорогу!

— Скажи, Оттер,— спросил Леонард,— как ты убежал из лагеря работорговцев?

— Баас знает, что я силен, а если бы я был так же красив, как ты, но не имел силы, то я был бы теперь или рабом, или мертвым. Со скованными цепями руками я убил того, кто был приставлен стеречь меня, и взял у него нож. Затем я разорвал свои цепи. Смотри, баас, у меня до сих пор остались от них рубцы. Когда другие подбежали, чтобы убить меня, я бросился в воду и нырнул так, что они более не видели меня. После я поплыл этой дорогой, останавливаясь по временам на островах, иногда же бежал вдоль берега, где тростники так густы, что меня никто не мог увидеть. Через четыре дня я был уже в безопасности!

— Чем же ты питался?

— Кореньями и птичьими яйцами.

— А крокодилы не пытались съесть тебя?

— Да, баас, однажды. Но я ловок в воде. Я вскочил на спину водяной змеи и через глаз вонзил нож в ее мозг. Затем, вымазавшись кровью крокодила, я спокойно поплыл далее, и ал-

лигаторы более не трогали меня, принимая по запаху за своего брата.

— Скажи, Оттер, а теперь разве ты не боишься возвращаться в эти места?

— Немножко, баас, но куда идет баас, туда охотно последую и я. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть еще раз на желтого дьявола, чтобы убить его этими руками!

И карлик, подняв весла, зарычал в ярости:

— Убить его! Убить его! Убить его!

— Тише!— сказал с досадой Леонард.— Ты хочешь навлечь на нас арабов, что ли?

VII

ГНЕЗДО ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

Солнце зашло, и путешественники, как и в предыдущую ночь, расположились на острове, ожидая восхода луны. Найдя пару диких утят, они хотели развести костер, чтобы приготовить себе ужин, но Леонард запретил.

— Опасно,— заметил он,— огонь могут увидеть издали!

Пришлось ограничиться скудным ужином из сушеного мяса и сырых утиных яиц.

И действительно, едва мрак сгустился, послышался шум весел, и несколько лодок проплыли мимо них. Люди, сидевшие в лодках, перекликались по временам на арабском и португальском языках.

— Ложитесь на землю и не шевелитесь!— прошептал Оттер.— Работорговцы пристанут со своими лодками!

Леонард и Соа последовали его совету, а работорговцы, усердно гребя против течения, прошли ярдах в сорока от них и повернули к берегу.

— Дорогу, товарищи!— кричал один из работорговцев, выезжая вперед.— Место остановки близко, и там есть ром для тех, кто заслужит его!

— Надеюсь, что они не остановятся здесь!— сказал тихо Леонард.

— Тсс...— прошептал Оттер,— они причаливают, я слышу!

Действительно, работорговцы пристали к берегу. Вскоре два ярких языка пламени показали, что они развели костры.

— Нам лучше уйти отсюда,— произнес Леонард,— если они откроют нас, то...

— Они не откроют нас, баас, если мы будем лежать тихо!— возразил Оттер.— Подождем здесь. У меня есть другой план. Слушай, баас...— и он зашептал что-то на ухо своему господину.

Леонард согласился на предложение карлика, и они остались на прежнем месте. От костров к ним доносился шум пьяной оргии работорговцев.

Через час Леонард поднялся на ноги, его примеру последовал Оттер, проговорив:

— Я пойду ближе, баас. Я могу двигаться, как кошка!

— Куда вы хотите идти, белый человек?— спросила Соа.

— Поближе к ним, чтобы подслушать их разговор. Я понимаю по-португальски. Оттер, возьми нож и револьвер, но ружья не бери!

— Хорошо,— сказала женщина,— будьте только осторожны. Они — ловкий народ.

— Да, да,— ответил Оттер,— но баас тоже ловок, да и я также. Не бойся за нас, мать!

Осторожно крадась по камышам, Леонард и карлик двинулись вперед. Когда они были уже близко от костров, Леонард оступился и попал ногою в болото, произведя этим сильный шум. Несколько работорговцев, услышав всплеск воды, вскочили на ноги, но Оттер тотчас же зафиркал, подражая голосу молодого гиппопотама.

— Речная корова,— произнес один работорговец по-португальски.— Огонь испугает ее, и она не тронет нас!

Леонард и Оттер, выждав некоторое время, подкрались к кусту, вблизи которого сидели работорговцы. Леонард мог ясно слышать каждое слово из их разговора. Работорговцев было двадцать два человека. Один только их предводитель, по-видимому, был чистокровный португалец, а остальные — мулаты и арабы. Все они пили из оловянных кружек ром, и многие из них уже опьянели, по крайней мере, языки их развязались.

— Проклятие отцу нашему, дьяволу,— произнес один мулат,— что ему вздумалось как раз теперь отправить нас с лодками! Мы можем пропустить потеху!

— Какую потеху?— спросил предводитель банды.— Еще три и четыре дня птиц не будут сажать в клетки: покупателей еще ждут, да и, кроме того, здесь говорят об английском крейсере,— чтоб ему провалиться в преисподнюю!— будто он спует у устья реки!

— Нет, я не про то говорю,— отвечал мулат,— немного удовольствия смотреть на продажу вонючих негров. Я говорю о продаже с аукциона белой девушки, дочери англичанина-купца, захваченной нами недавно. Вот красotka для счастливой собаки! Я еще никогда не видел ничего подобного; что у ней за глаза, что за характер!

— Ну, вам нечего думать о ней,— усмехнулся вожак,— она слишком дорога для таких молодцов, как вы; кроме того, глупо

тратить много денег на девушку, белую или черную. Когда будет аукцион?

— Он был назначен в ночь перед отправлением партий, но теперь говорят, что он состоится завтра ночью. Скажу вам, почему желтый дьявол спешит с этим делом: он боится ее, думая, что она принесет ему несчастье, и хочет скорее отделаться от нее. Ах! Старик — забавник, любит шутки. Все мужчины братья, — сказал он вчера, — черные и белые; поэтому все женщины — сестры. На этом основании он хочет продать ее как негритянку. Ха, ха, ха! Давайте, братец, рому, дайте еще рому!

— Может быть, он еще отложит этот аукцион, и мы поспеем вовремя, — заметил вожак, — во всяком случае, за здоровье этой девушки! Кстати, догадался ли кто-нибудь спросить пропуск? Я сам забыл это сделать!

— Да, — отвечал мулат, — прежнее слово «Дьявол»!

Они проболтали около часу, частью о Хуанне, частью о других вещах. Когда работорговцы совершенно опьянели, разговор их стал настолько возмутительным, что, прислушиваясь к нему, Леонард едва мог лежать спокойно. Наконец, один за другим, все крепко уснули.

Тогда Оттер приподнялся на своих руках, и его лицо при слабом свете луны загорелось огнем дикого торжества.

— Баас, — прошептал он, — не сделать ли нам это? — и он провел рукою по горлу.

Леонард задумался. Его ярость была велика, но он содрогался при мысли об убийстве спящих людей, хотя бы и злодеев. Кроме того, можно было вызвать шум. Остальные проснутся, страх отрезвит их, и тогда борьба будет немыслимой.

— Нет, — шепотом отвечал он, — иди за мной: мы лучше спустим в воду их лодки!

— Хорошо, хорошо! — сказал Оттер.

Крадучись, как змеи, они подползли к тому месту, где к низкому дереву были привязаны лодки — три катера и пять широких плоскодонных барок с оружием и провизией работорговцев. Отвязав лодки, они слегка толкнули их, и флотилия работорговцев двинулась вниз по течению.

Леонард и Оттер пошли назад. Путь их проходил шагах в пяти от мулата, говорившего с вожаком о Хуанне. Леонард посмотрел на него и хотел ползти далее. Уже Оттер был шагах в пяти впереди, как вдруг луна выступила из-за облаков и свет ее упал на лицо работорговца. Он проснулся, поднял голову и увидел Леонарда. Медлить нельзя было, или все пропало; подобно тигру, вцепился он в горло мулата и сильно сжал его в своих руках, прежде чем тот мог вскрикнуть. Произошла короткая борьба, и в руке Леонарда сверкнул нож. Оттер не успел

еще подойти к своему господину, как все было кончено так быстро и тихо, что ни один человек из банды не проснулся, хотя один или два из них шевелились и бредили в тяжелом сне.

Леонард вскочил на ноги и вместе с Оттером поспешно направился к тому месту, где осталась Соа.

Женщина, посмотрев на запачканную кровью куртку Леонарда, лаконически спросила:

— Сколько?

— Один! — отвечал Оттер.

— Я бы хотела, чтобы все, — свирепо промолвила Соа, — но вас только двое!

— Скорее в лодку, — сказал Леонард, — они сейчас погонятся за нами!

Вскоре они уже плыли по реке, удаляясь от острова. Сначала лодка была направлена поперек реки к противоположному берегу, чтобы можно было скрыться в тени берега. Когда они приближались к последнему, Оттер, положив весла, весело рассмеялся.

— Чего ты смеешься, черный человек? — спросила Соа.

— Взгляни туда, — отвечал карлик, указывая на какой-то предмет, плывший по течению и почти скрывшийся из виду. — Это плывут лодки работаровцев с их оружием и провиантом. Мы пустили их по течению, баас и я. Там на острове спят двадцать два человека, все, за исключением одного. Что они найдут, когда проснутся? Они увидят, что очутились одни на острове среди большой реки, переплыть которую не осмелятся, если бы даже и могли, из боязни аллигаторов. Никакой пищи они не могут найти на острове, не имея ружей; утки ведь не будут дожидаться того, чтобы их схватили голыми руками. У берега будут собираться сотнями аллигаторы, чтобы стеречь их. Мало-помалу они от голода придут в бешенство, станут кричать, но никто не услышит их; тогда они начнут нападать один на другого и, наконец, погибнут все жалким образом, от рук своих товарищей или от челюстей аллигаторов; погибнут, погибнут все! — закончил Оттер и снова рассмеялся.

Но вот пронесся по тихим водам реки звук, скоро перешедший в вопль ужаса и бешенства. Очевидно, работаровцы, проснувшись, заметили, что кто-то убил одного из товарищей. Вскоре крики их перешли в вой: конечно, они увидели, что лодок их нет и они очутились в западне. Леонард и Оттер с противоположного берега реки могли различить тени испуганных людей, бросавшихся туда и сюда в поисках за своими лодками. Но последние исчезли и более не вернутся. По мере того как они продвигались вперед, крики становились все менее и менее слышными, и, наконец, стало совсем тихо.

Леонард рассказал Соа то, что они узнали из разговора работорговцев.

— Далеко ли еще нам ехать, черный человек?— спросила старуха, когда Леонард кончил.

— На закате солнца завтра мы будем у ворот гнезда желтого дьявола!— ответил карлик.

Два часа спустя они нагнали лодки работорговцев, пущенные ими по течению.

— Нам лучше пустить их ко дну!— сказал Леонард.

— Нет, баас,— возразил Оттер,— они могут нам еще понадобиться, если нам удастся благополучно уйти из гнезда желтого дьявола. Кроме того, там найдется пища, в которой мы нуждаемся.

Совет был основателен, и Леонард принял его.

Взяв лодки на буксир, на заре трое путников пристали к берегу. Обыскав лодки работорговцев, они, к своей величайшей радости, нашли в них большие запасы пищи: жареное мясо, спиртные напитки, сухари, хлеб и несколько апельсинов и бананов. Только те, кому приходилось в течение нескольких недель обходиться совсем без мучной пищи, могут понять их радость. Они нашли в лодках и другие полезные для них вещи: ружья, тесаки, боевые припасы и, что всего лучше, ящик с платьем, принадлежавшим, очевидно, вожаку банды. Между прочим, здесь находилось форменное платье, богато расшитое золотыми шнурами, высокие сапоги и шляпа с пером, несколько длинных арабских одеяний и тюрбанов — парадные костюмы работорговцев. Но самую ценную находкою оказался кожаный кошелек с сотней английских соверенов и пятнадцатью португальскими золотыми монетами — честный заработок предводителя партии.

— Ну, баас,— сказал Оттер,— мы должны переодеться в эти платья!

— Зачем это?— спросил Леонард.

— Чтобы работорговцы приняли нас за своих собратьев!

Оба немедленно переоделись. Леонард в платье работорговца, с пистолетами за шелковым поясом смело мог быть принят за одного из самых свирепых охотников за рабами. Оттер, нарядившись в арабский костюм, который пришлось ему обрезать снизу, тоже выглядел внушительно.

Свое собственное платье они спрятали в камышах вместе с лодками на случай, если им посчастливится вернуться обратно. Кошелек с деньгами Леонард положил в карман. Он не чувствовал никаких угрызений совести, присвоив деньги работорговца, имея в виду употребить их не на свои собственные нужды, а для успеха предприятия.

Далее дорога шла вдоль болот и состояла из таких троп,

которые мог разыскать только человек, часто бывавший в этих местах. Но Оттер не забывал пройденного пути.

Так как необходимо было к ночи поспеть в гнездо желтого дьявола, то они подвигались вперед, несмотря на палящий зной. Ни одного живого существа не попалось им навстречу, хотя вдоль дороги, в кустах, и валялись трупы рабов.

Наконец, за час до заката солнца они подошли к жилищу желтого дьявола. Гнездо было устроено на большом острове, заросшем высокими камышами. Камыши начинались от большой лагуны на северной и восточной окраинах острова и примыкали к ряду низких строений, которые считались достаточно защищенными обширным водным пространством.

На южной и западной сторонах вид лагеря был иной: здесь местность была сильно укреплена не только природой, но и искусством. Прежде всего кругом шел канал, не особенно широкий и глубокий, но вследствие вязкого дна доступный для переправы только в лодках. На внутреннем берегу канала сооружен был вал, по гребню которого шел крепкий палисад, а бока обсажены кустами алоэ и других колючих растений.

Таков был внешний вид этого места. Внутри же оно разделялось на три главные части. Восточная — представляла самое гнездо, длинное деревянное строение с большим мощным двором впереди.

Были еще кроме него два строения: навес на столбах, примыкавший к тому месту, где выгружались транспорты с рабами, и далее, к северу, почти составляя продолжение самого гнезда, но отдельно от него, стояла крепкая каменная постройка — магазин. Кругом строений виднелись соломенные крыши хижин туземного типа, занятых, очевидно, работорговцами низшего разряда — арабами и мулатами.

Вторая часть, расположенная к западу от первой, представляла собою лагерь рабов, и единственными зданиями в ней были четыре навеса, подобных тому, в котором продавались рабы, но только большей длины. Здесь рядами лежали рабы, прикованные к железным брусам, шедшим вдоль навесов. Этот лагерь был отделен от первой части глубоким каналом, футов в тридцать ширины. В одном месте через этот канал перекинут был простого устройства подъемный мост, соединявший лагерь рабов с гнездом. Лагерь рабов, подобно гнезду, был окружен также высоким валом, обсаженным колючими растениями. На валу, вблизи ворот к лагерю рабов и небольшой, примыкавшей к ним сторожки, стояла шестифутовая пушка, дуло которой было направлено на лагерь рабов — грозное предостережение для его обитателей. Вообще при устройстве гнезда были приняты все предосторожности как против восстаний рабов, так и против нападения внешних врагов на гнездо.

Наконец, третью часть владений желтого дьявола составлял сад за лагерем рабов. Он также был окружен каналом и земляными валами, но укреплен не так сильно, как первые две части гнезда.

VIII

ПЛАН ЛЕОНАРДА

Леонард и его спутники пришли к окраине главного южного канала, на противоположном берегу которого виднелись ворота в гнездо. Но Оттер не повел Леонарда к воротам, где их могли бы заметить часовые, на вопросы которых они едва ли могли ответить удовлетворительно, несмотря на свой маскарадный костюм. Поэтому они, не доходя до ворот, свернули в густой кустарник, покрывавший берег канала. Пройдя через него, они, наконец, очутились у поверхности воды, почти против юго-западного угла лагеря рабов, под тенью колючих кустарников вала.

— Слушай, баас,— тихо сказал карлик,— путешествие окончено; я привел тебя к жилищу желтого дьявола. Остается теперь взять его или освободить оттуда девушку.

Леонард печально посмотрел на гнездо. Возможно ли двум мужчинам и одной женщине взять это укрепленное место, наполненное десятками смелых храбрецов? Удастся ли даже проникнуть туда? Издали это казалось возможным, а теперь все это представлялось в ином свете. Но нужно было предпринять что-нибудь, иначе их труды пропадут даром и бедная девушка, освободить которую они пришли, будет отдана на позор или доведена до самоубийства.

— Сттер,— произнес, наконец, Леонард.— Я совершил ради этого дела длинный путь и теперь не отступлю назад. Никогда я еще не делал этого; не сделаю и теперь, хотя и знаю, что верная смерть грозит мне!

— Все в руках будущего,— ответил Оттер,— но надвигается ночь, и нам пора подумать, как действовать. Смотри, баас, вот большое дерево. Влезем на него, чтобы посмотреть на лагерь!

Леонард согласился и, взобравшись легко на вершину дерева, увидел как на ладони весь лагерь. Оттер указал Леонарду подробности, знакомые ему как прожившему некоторое время пленником в лагере.

На дворе гнезда было видно множество людей разных национальностей в странных костюмах: то были торговцы черной костью различных оттенков. Некоторые гуляли группами, куря и разговаривая, другие забавлялись разными играми. Нако-

нец, одна из групп — вожаки, судя по богатству костюмов, — стояла около магазина. Эти люди старались заглянуть внутрь здания сквозь защищенное решеткой окно, на уровень которого они поднимались, сядя один на плечи другого. Это забавляло их некоторое время, пока, наконец, их не разогнал внезапно появившийся какой-то толстый старик.

— Это желтый дьявол, — сказал Оттер, — а эти люди смотрели на девушку. Она заперта там и выйдет оттуда, только когда наступит час ее продажи. Эти люди — покупщики!

Леонард не произнес ни слова: он изучал местность. Пробил барабан, и появились люди с широкими оловянными мисками, от которых шел пар.

— Это несут пищу для рабов, — снова заметил Оттер. — Сейчас им будут раздавать ее!

Люди, несшие миски в сопровождении нескольких надсмотрщиков, с трехконечными бичами в руках, перейдя двор, подошли ко рву с водой, отделявшему лагерь рабов от гнезда, и велели часовому опустить мост. Когда это было сделано, люди, несшие миски и сопровождаемые каждый еще двумя помощниками, из которых один нес деревянную ложку, а второй воду в большом сосуде, начали обходить наёсы. Человек, державший деревянную ложку, захватывал ею порции и швырял рабам пищу прямо на землю, как кидают кость собаке, а раб, несший сосуд, лил рабам воду в деревянные баки.

Вдруг группа людей, обносивших рабов пищей, и надсмотрщики стали о чем-то говорить.

— Раб болен! — пояснил Оттер.

Рослый белый человек с бичом начал наносить удары какой-то черной массой, лежавшей без движения под навесом; наконец, заметив, что его удары не производят на лежащего раба никакого действия, перестал бить и что-то громко крикнул. Подошли два араба к сторожке и, взяв оттуда инструменты, сняли с ног жертвы кандалы и освободили ее от цепей. Затем они поволокли тело к высокому валу и, взойдя по короткой лестнице на его вершину, сбросили тело в канал.

— Желтый дьявол хоронит своих мертвых и лечит больных! — произнес Оттер.

— Я достаточно видел, — сказал Леонард и начал поспешно спускаться с дерева.

— Ах, баас, — сказал карлик, когда они спустились на землю, — ты, однако, малодушен; сердца же тех, в лагере, рабов крепки, да и, в конце концов, лучше быть в желудке рыбы, чем в руках работоторговцев. Кто делает эти вещи? Разве это не белые люди, твои братья, разве не произносят они много молитв Великому Человеку на небе, творя подобные дела?

— Дай мне вина! — произнес вместо ответа Леонард, не бу-

дучи в состоянии защищать блага цивилизации в том виде, в каком она выражалась в Африке. Он с ужасом подумал, что судьба несчастного раба может ожидать и его.

Сделав несколько глотков из бутылки с вином, Леонард некоторое время молча сидел, поглаживая бороду, смотря на стущавшийся мрак соколиными глазами.

— Поди сюда, Соа! — произнес он, наконец. — Мы пришли сюда по твоей просьбе. Посоветуй же теперь, что делать дальше. Как освободить твою госпожу из этого лагеря?

— Освободите рабов, и пусть они убьют своих господ! — лаконично ответила старуха.

— Я сомневаюсь, чтобы у рабов было много мужества! — заметил Леонард.

— Здесь должно быть около пятидесяти людей Мэвума, — возразила Соа, — они будут драться хорошо, если дать им оружие!

Леонард посмотрел на Оттера, ожидая дальнейшего развития плана.

— Мой дух говорит мне, — сказал карлик, — что огонь — надежный друг, когда врагов много. Тростник здесь сух, а морской ветер начнет дуть еще до полуночи. Да еще можно зажечь и все эти дома. Но разве у войска могут быть два предводителя? Ты — наш предводитель, баас; говори, и мы исполним твою волю. Здесь один совет так же хорош, как и другой. Пусть судьба говорит твоими устами, баас!

— Хорошо, — сказал Леонард. — Вот мой план. Мы должны войти в гнездо, пока еще довольно темно. Я знаю пропуск — «Дьявол», и, может быть, часовой пропустит нас без малейших расспросов, увидев наши костюмы. Если же он задержит нас, то мы должны убить его, соблюдая полную тишину!

— Хорошо, — ответил Оттер, — но как быть с женщиной?

— Мы оставим ее в кустах. В лагере же она может только помешать нам!

— Нет, белый человек, — прервала его Соа, — я пойду с вами. Моя госпожа там, и я хочу видеть ее!

— Как хочешь! — согласился с ней Леонард и продолжал развивать свой план:

— Проникнув в ворота, мы должны идти по краю канала, отделяющего гнездо от лагеря рабов. Если мост будет поднят и мы не найдем средства опустить его, тогда нам остается переплыть канал, овладеть часовым и проникнуть в лагерь рабов, где мы попытаемся освободить некоторых из них и пошлем их через сад в тростники, чтобы зажечь их. Тем временем я смело войду в гнездо, поздороваюсь с Перейрой, выдав себя за работоторговца, прибывшего с товаром к устью реки, скажу, что хочу купить рабов и прежде всего попрошу белую девушку. К сча-

стью, у нас есть порядочно золота. Вот мой план пока, остальное надо предоставить случаю. Если удастся мне купить девушку — хорошо, если же нет, то я постараюсь вырвать ее оттуда каким-либо иным способом!

— Пусть будет так, баас,— сказал Оттер,— а теперь нам надо поужинать: ведь ночью нам понадобится вся наша сила. После этого мы пойдем к воротам и попытаем счастья!

В девять часов они, осторожно крадась по кустам, вышли снова на дорогу и берегом канала пошли к воротам. Дойдя до того места, где привязывали лодки и барки, они остановились. Из гнезда до них доносился шум пирушки, а из лагеря рабов — стоны несчастных пленников. Мало-помалу небо несколько прояснилось.

— Тут есть лодка,— сказал Леонард,— нам лучше немного проехать в ней; она может облегчить нам возвращение из гнезда.

Едва он успел произнести эти слова, как послышался шум весел и мимо них проехала лодка, направлявшаяся к воротам.

— Кто едет?— раздался окрик часового на португальском языке.— Отвечай живей, или я буду стрелять!

— Не спеши так, дурень,— ответил часовому грубый голос.— Самый лучший из друзей, честный купец по имени Ксавье, едущий со своей плантации рассказать вам хорошие новости!

— Виноват, сеньор,— ответил часовой,— в этой темноте не согласишься даже и такого рослого человека, как вы. Но какие же у вас новости? Есть в виду покупатели?

— Сойди вниз и помоги нам привязать эту проклятую лодку, потом я расскажу тебе все!

Часовой быстро сбежал по ступенькам лестницы, ведущей от ворот к пристани. Человек, назвавший себя Ксавье, продолжал:

— Да, покупатели есть в виду, но не думаю, что они приедут в эту ночь из-за ветра, а завтра ты увидишь, как будут выгружать черных птиц. Один, впрочем, прибыл из Мадагаскара, капитан-иностранец, здоровый француз или англичанин, точно не знаю, по имени Пьер. Я послал ему свой привет, хотя его самого и не видал. В своей записке я известил его, что сегодня ночью будет очень интересный аукцион, что было очень великодушно с моей стороны, так как этот капитан может быть очень серьезным соперником!

— Он приедет сюда, сеньор? Я спрашиваю об этом потому, что тогда надо пропустить его!

— Не знаю, сказал, что приедет, если будет возможность. Но скажи, как идут дела с английской девушкой? Сегодня ночью она будет продана?

— О, да, сеньор, в двенадцать часов будет большое собрание. Как только она будет куплена, патер Франциско повенчает ее со счастливым купцом. Старик настаивает на этом. Он сделался суеверным и говорит, что выдаст ее замуж самым настоящим образом!

Ксавье громко расхохотался.

— Я приехал за этой девушкой,— произнес он,— думаю, что мне удастся купить ее за сто унций золота!

— Сто унций золота за девушку! Это большая сумма, сеньор, но вы богаты, не то что мы, бедняки, подвергающиеся такому же риску, но получающие мало барышей.

Гребцы между тем привязали лодку к пристани и вынули из нее багаж или что-то, чего не мог разглядеть Леонард. Ксавье вместе с часовым поднялся по лестнице, сопровождаемый двумя лодочниками, а ворота сейчас же снова были заперты, как только эти люди прошли в них.

— Хорошо,— прошептал Леонард,— мы кое-что узнали, по крайней мере. Ну, Оттер, я — Пьер, французский работорговец из Мадагаскара, а ты — мой слуга; что касается Соа, то она — наш проводник. Мы пройдем в ворота, но настоящий Пьер не должен проникнуть через них. Поэтому надо устранить часового, который мог бы впустить его. Как ты думаешь, Оттер, кто это делает лучше, ты или я?

— Мне пришло в голову, баас, что мы можем последовать примеру этого Ксавье. Я могу что-нибудь оставить в лодке, и часовой должен помочь мне взять это оттуда, пока ты будешь в воротах, а затем... я ловок, силен и не люблю шума!

— Ты должен действовать ловко, сильно и без шума. Малейший крик, и все пропало!

Подкравшись к лодке и отвязав ее от пристани, все трое сели в нее и спустились тихо по течению метров на пятьдесят от пристани. Затем они повернули лодку назад.

— Что это, дурак, куда ты едешь?— громко сказал Леонард Оттеру на испорченном арабском языке, слывшем за туземное наречие в этих местах.— Поезжай к берегу, тебе я говорю, к берегу! Проклятый ветер и эта тьма! Стой теперь, безобразная черная собака! Должно быть, это те ворота, о которых говорилось в письме, так или нет, женщина? Зацепи за пристань багром!

Окно в воротах открылось и раздался обычный оклик часового.

— Друг, друг,— отвечал Леонард по-португальски,— иностранец, приехавший засвидетельствовать свое почтение вашему предводителю, дону Антонию Перейра, и поговорить с ним о деле!

— Как ваше имя?— подозрительно спросил часовый.

— Пьер мое имя, собака — имя моего слуги, а эту старуху можете назвать как хотите!

— Какой пропуск? Никто не входит сюда, не сказав пропуска! — сказал часовой.

— Пропуск? Ах, как было в письме дона Ксавье — «Враг»? Нет. Да, вспомнил — «Дьявол». Я из Мадагаскара, где есть еще спрос на ваше добро. Ну, впустите нас, мы не можем сидеть здесь всю ночь и пропустить аукцион.

Часовой начал отпирать ворота, но внезапно остановился.

— Вы не похожи на наших и говорите по-португальски, как проклятый англичанин!

— Да, ведь я сам проклятый англичанин, то есть, собственно, сын англичанина и креолки, родившийся на острове Маврикия. Кстати, попрошу вас быть поучтивее, а то я очень горячий человек!

Наконец, часовой, ворча, открыл одну половину ворот, и Леонард стал подниматься по ступенькам лестницы, ведущей от пристани к воротам. Пройдя через ворота, он внезапно обернулся и ударил по лицу сопровождавшего его Оттера.

— Как, собака! — сердито крикнул он. — Ты забыл вынести бочонок с коньяком, мой маленький подарок дону Антонио. Ступай и вынеси его живей!

— Виноват, господин, — отвечал Оттер, — но я мал, а бочонок тяжел для меня одного. Не удостишься ли ты помочь мне, так как старуха тоже слабосильна?

— Ты, кажется, принимаешь меня за носильщика, предлагая мне тащить по лестнице бочонок?! Вот что, дружище, — продолжал Леонард, обращаясь к часовому, — если вы хотите заслужить маленький подарок и выпить, то помогите ему втащить бочонок. В нем есть кран, и вы можете после попробовать его содержимое!

— Слушаюсь, сеньор! — уже весело ответил часовой и стал спускаться по лестнице к пристани.

Леонард и карлик переглянулись. Затем Оттер пошел вслед за часовым, держа руку на эфесе арабской сабли, а Леонард и Соа остались наверху, томительно ожидая, что произойдет дальше.

— Где же бочонок? Я не вижу его! — донесся до них голос часового.

— Наклонись, сеньор, наклонись, — отвечал Оттер, — он в корме! Позволь, я помогу тебе!

После этого наступила минутная пауза, затем Леонард и Соа услышали звук удара и шум от падения чего-то тяжелого в воду. Затем все смолкло. Через несколько секунд Оттер был возле них, и при слабом свете фонаря у ворот Леонард мог разглядеть только его блестящие глаза и раздувшиеся ноздри.

— Удар был быстрый и сильный, человек тот замолк навеки,— прошептал карлик,— как баас приказывал, так и было сделано!

IX

ГЕРОЙСТВО ОТТЕРА

— Помоги мне запереть ворота!— сказал Леонард карлику.

В следующую минуту большой железный засов был вложен на свое место и Леонард, повернув ключ, положил его в свой карман.

— Зачем баас запер ворота?— прошептал Оттер.

— Чтобы настоящий Пьер не мог пройти через них. Второй Пьер был бы лишний.

Крадучись, они прошли вдоль вала, пока не достигли хижины или навеса, обращенного задней стороной ко рву, отделявшему гнездо от лагеря рабов. К счастью, их никто не заметил, а собак в жилище желтого дьявола совсем не было.

Конец навеса, за которым они притаились, был шагах в десяти от подъемного моста, представлявшего единственное средство сообщения с лагерем рабов.

— Баас,— сказал Оттер,— позволь мне пойти вперед. Мои глаза видят в темноте, как глаза кошки. Я посмотрю, может быть, мост опущен.

Не дожидаясь ответа, карлик пополз вперед на руках, не производя ни малейшего шума. Несмотря на свое белое платье, он не мог быть замечен издали, скрытый густой тенью от навеса и кустов вдоль канала.

Прошло пять минут, десять минут, Оттер все еще не возвращался. Леонард беспокоился, не случилось ли с ним чего.

— Пойдем, посмотрим, в чем дело!— шепнул он Соа.

Пройдя к другому концу навеса, они увидели лежавшее на земле платье и оружие Оттера, но самого карлика не было видно.

— Черный человек покинул нас!— в отчаянии воскликнула Соа.

— Никогда!— сказал Леонард, недоумевая, зачем понадобилось Оттеру снять свое платье.— Очевидно, он пошел в воду. Но зачем?

Леонард посмотрел на канал. Он разглядел, что на противоположном берегу его поднимался от воды ряд ступеней, ведущих к воротам, а на нижней ступени сидел человек, близ которого лежало ружье. Ноги его находились всего в расстоянии нескольких дюймов от поверхности воды. Очевидно, это был часовой.

Леонард заметил, что под ногами часового появилась рябь на воде, сверкнуло что-то вроде стали и какой-то маленький черный предмет направился к ногам часового, полусонно мурлыкавшего что-то себе под нос. Еще мгновение — и часовой, как бы по волшебству, исчез со ступенек в глубине воды.

Леонард догадался, что Оттер, подплыв под водою к часовому, схватил его за ноги и увлек за собой в глубину. Вскоре Леонард заметил, что карлик поднялся на ступени с ножом в руке и, пройдя через ворота, исчез в сторожке на верху вала. Прошла еще минута, послышался скрип канатов, и подъемный мост опустился, открыв трем смельчакам доступ в лагерь рабов. Черная тень появилась снова, на этот раз на мосту.

— Идем! — прошептал Леонард своей спутнице. — Этот герой Оттер утопил часового и опустил мост. Возьми-ка его оружие и платье!

В этот момент к ним подошел сам Оттер.

— Скорее переходи, баас, пока они не заметили, что мост опущен, — произнес карлик. — Дай мне мое платье и оружие!

— Вот они! — сказал Леонард, и все трое, перейдя мост, остановились на валу.

— Скорей в сторожку, баас, в ней никого нет; там находится ворот!

Войдя в сторожку, Оттер схватил рукоять ворота и начал ее вертеть, напрягши свои могучие мускулы, и мост был снова поднят.

— Теперь мы в безопасности на некоторое время, баас, — произнес карлик, — однако мне надо одеться. Извини меня, баас, что я, такой безобразный, появился перед тобой без одежды!

— Оттер, — сказал Леонард, — ты сделал великое дело, но это еще не все. Теперь надо идти к рабам. Посвети мне, покажи дорогу. Здесь мы ведь в безопасности, не правда ли?

— Да, баас, сюда никто не может попасть, разве только после штурма, но там есть большое ружье, которое можно поворачивать кругом. Направим его на гнездо на всякий случай.

— Я не имею никакого понятия о пушках! — сказал с сожалением Леонард.

— Зато я знаю кое-что, белый человек, — вмешалась Соа. — У Мэвума есть в поселении маленькая пушка, и я часто помогала ему стрелять из нее для подачи сигнала лодкам на реке; многие из людей Мэвума, находящиеся здесь, также знают толк в этом деле!

— Отлично! — сказал Леонард.

По тропинке, вдоль гребня вала, они подошли к платформе, где стояла пушка. Это было шестифутовое, заряжающееся с

дула орудие. Леонард, взяв банник, всунул его в дуло орудия.

— Заряжено,— произнес он,— повернем его кругом!

Повернув пушку, они направились к маленькой хижине, стоявшей вблизи. Тут были спрятаны, на случай восстания рабов, боевые припасы — картечь и порох.

— Зарядов достаточно,— заметил Леонард,— этим господам не приходило в голову, что пушки могут стрелять во все стороны. Ну, Оттер, води нас скорее к рабам!

— Надо сначала взять инструменты для стмыкания оков. Они, наверно, в сторожке!— проговорил карлик.

Взяв необходимые инструменты и фонарь, они подошли к первому навесу с рабами. Посреди его шла дорожка, по обеим сторонам которой стояли железные брусья с прикованными к ним рабами. Под этим навесом было около двухсот пятидесяти человек.

Несчастные пленники лежали на мокрой земле, мужчины и женщины вместе, стараясь забыться во сне; впрочем, большая часть их бодрствовала, и стоны их неслись отовсюду.

Завидев свет, рабы перестали стонать и, как собаки, заползали по земле, ожидая ударов. Они думали, что пришли их поработители. Некоторые, подняв кверху свои закованные руки, умоляли о пощаде, но большинство, не надеясь ни на что, хранили глубокое молчание. Нельзя было без содрогания смотреть на их искаженные ужасом лица и дрожавшие фигуры.

Соа обошла первый ряд рабов, внимательно всматриваясь в их лица.

— Ты не видишь никого из людей Мэвума?— тревожно спросил ее Леонард.

— В этих рядах их нет, белый человек; освободим этих и посмотрим следующий навес!

— Не надо делать этого, мать,— сказал Оттер,— эти только выдадут нас!

Тогда они прошли к следующему навесу — их было всего четыре,— и здесь Соа остановилась подле второго человека с краю.

— Петр! Петр!— окликнула его Соа.

Раб проснулся, дико осматриваясь вокруг. Это был красивый молодец, лет тридцати.

— Кто зовет меня?— спросил он хриплым голосом.

— Петр,— сказала снова женщина,— проснись, сын Мэвума, это я, Соа, пришедшая спасти вас!

Раб громко вскрикнул и задрожал всем телом, но остальные пленники не обратили на это внимания, думая, что его наказывают плетью.

— Тише,— сказала Соа,— или мы погибли. Освободи его, черный человек, это старшина поселения и храбрый человек!

Оковы были сняты с Петра, и он, подпрыгнув высоко от радости, бросился к ногам Оттера, чтобы поцеловать их.

— Перестань, глупый,— сурово сказал карлик,— лучше покажи нам других людей Мэвума, да живее, а то скоро опять будешь на цепи.

— Здесь их около сорока человек,— сказал Петр, оправившись,— кроме того, несколько женщин и детей. Остальные умерли. Госпожа находится там!— показал он рукой на гнездо.

Пройдя вдоль навеса, Оттер по указанию Соа освобождал от цепей людей Мэвума. Пока карлик снимал с них железные наручники, Соа объясняла план действий Леонарда Петру, весьма толковому малому. Он быстро понял положение дела и весьма серьезно облегчил Леонарда в его усилиях сохранить тишину и порядок.

— Ну,— обратился Леонард к Соа,— теперь пора действовать. Я должен уйти. Вы можете освободить остальных людей Мэвума. Теперь половина двенадцатого, и мне нельзя терять ни одной минуты. Оттер, скажи, как послать людей зажигать тростники, через сад?

— Нет, баас, я думаю, лучше их послать той же дорогой, по которой я убежал отсюда. Но для этого надо уметь плавать!

— Они все родились на берегах реки и умеют плавать!— сказала Соа.

— В таком случае четверо из них должны плыть по каналу к тому месту, где я убил часового. Может быть, путь их будет прегражден деревянными сваями, но в мое время они уже были гнилые; наконец, если они крепки, то они должны перелезть через них. Дойдя до того места, где солнце восходит и откуда сильнее всего дует ветер, они должны поджечь тростники. Сделав это, они могут уйти за огонь и ждать, что будет. Если нас постигнет удача, они найдут нас здесь; если же мы будем убиты, то они могут убежать. Но захотят ли идти эти люди?

Соа, шагнув вперед, вызвала четырех человек, к которым обратилась с следующими словами:

— Вы слышали слова черного человека? Повинуйтесь ему, и если кто-нибудь из вас не послушается его в самой ничтожной мелочи, то...— и Соа произнесла такое ужасное проклятие, что Леонард с удивлением посмострел на нее.

— Да! И если я останусь жив, то перерву тому глотку!— прибавил Оттер.

— Ни к чему угрожать,— ответил один,— мы сделаем все ради нас самих, вас и нашей госпожи. Мы поняли, что надо делать, но чтоб зажечь тростник, нужен огонь!

— Вот спички!— сказал Оттер.

— Но мокрые спички не загорятся, ведь мы будем плыть.

— Глупый, разве ты будешь плавать головой в воде? Привяжите спички к волосам!

— Хорошо,— продолжал поселенец,— если нам удастся живыми добраться до тростников, то когда их надо зажечь?

— Как дойдете до конца их, а это ведь нелегко. Прощайте, мои дети. Если вы посмеете не исполнить то, что вам поручено, то лучше вам умереть прежде, чем снова увидеть мое лицо!— грозил карлик.

Через две минуты четыре человека тихо плыли по каналу.

— Опустит мост,— произнес Леонард,— пора отправляться!

Оттер опустил мост, объяснив его несложный механизм Соа, Петру и прочим людям Мэнума.

— Ну, матушка,— обратился Леонард к Соа,— освободи остальных людей, кого можно, и зорко смотри, чтобы вовремя опустить мост, как только мы или твоя госпожа приблизимся к нему. Если мы на заре не вернемся сюда — значит, мы убиты или в плену, и тогда действуй сама!

— Слышу, господин,— сказала Соа.— Ты храбрый человек, и удача встретит тебя или неудача, но красный камень уже заслужен тобою!

Перейдя через мост, снова поднятый вслед за ними, они вернулись назад к тому же месту, под тень навеса. Затем, пробежав несколько шагов по открытому пространству, они очутились около ворот, откуда, не торопясь, направились к навесу, где производилась продажа рабов. Под навесом не было никого, но они увидели перед верандой самого гнезда большое и шумное сборище людей.

— Слушай, Оттер,— прошептал Леонард,— мы должны идти к ним. Зорко следи за мною и делай то, что буду делать я; держи наготове свое оружие, и если дело дойдет до борьбы, то убей меня как врага. Пуще всего нам не надо попадаться в плен!

Леонард говорил, по-видимому, спокойно, но сердце его сильно билось. Впереди было сборище всякого сброда: португальцев, арабов, мулатов и различных черных племен, каких Леонард никогда не видывал при всей своей опытности. Порок и жадность были написаны на лице каждого. Большинство из них были уже пьяны и стояли спиной к ним, смотря на веранду. На ступенях веранды стоял окруженный группой избранных сотоварищей, одетых в роскошные костюмы, человек, в котором Леонард угадал бы по первому взгляду дона Перейру, даже если б Оттер не шепнул ему:

— Смотри, баас, это желтый дьявол!

Это был толстый старик лет семидесяти, убоженный сединами. Его маленькие черные глаза, острые, яркие, но холодные, бегали по сторонам. Желтый цвет лица Перейры оправдывал данное ему прозвище; на морщинистых щеках кожа отвисла,

рот был широк и груб, а жирные пальцы беспрестанно сжимались, как будто захватывали деньги. Он был роскошно одет и, подобно своим товарищам, почти пьян.

Таков был внешний вид Перейры, главы работорговцев этой части африканского берега. Не видя его лица, на котором был отпечаток всевозможных гнусных пороков, честный человек не мог бы поверить, в какие бездны зла может попасть человек. Недаром про Перейру туземцы Африки говорили, что увидеть его — значит, понять дьявола и его дела.

Х

АУКЦИОН

Желтый дьявол уже собирался произнести речь, и глаза всех работорговцев были обращены на него, так что никто из них не слышал шагов двух вновь прибывших людей.

— Дайте, пожалуйста, дорогу, друзья мои,— сказал громко Леонард на португальском языке,— я хочу поздороваться с вашим начальником.

Десятки людей повернулись кругом, как один человек.

— Кто вы такой?— вздрогнули они, смотря на чужестранца.

— Если вы будете любезны дать мне дорогу, то я буду весьма счастлив объяснить это!— отвечал Леонард, пробираясь через толпу.

— Кто это там?— закричал грубым, жестким голосом Перейра.— Подать его сюда!

— Пропустите нас, вы слышали слова дона, пропустите, друзья!— говорил Леонард.

Толпа расступилась, и Леонард с Оттером прошли вперед, провожаемые подозрительными взглядами работорговцев.

— Привет вам, сеньор!— сказал Леонард, очутившись перед верандою.

— К черту ваш привет! Кто вы такой, во имя сатаны?— грубо ответил Перейра на обращенное к нему приветствие.

— Ваш скромный собрат по почтенной профессии,— сказал спокойно Леонард,— пришел засвидетельствовать свое почтение и устроить маленькое дельце!

— Так ли это? Вы похожи на англичанина, а кто этот урод?— и он показал на Оттера.— Я полагаю, что вы — шпионы, а если это так, то, клянусь всеми святыми, я еще потягаюсь с вами!

— Вот смешная история,— ответил, смеясь, Леонард,— вообразить, что один человек и черная собака отважились про-

никнуть в главную квартиру господ, подобных вам, не будучи вашими собратьями. Впрочем, я думаю, среди вас находится благородный дон — я разумею дона Ксавье,— который может поручиться за меня. Разве он не посылал записки капитану Пьеру, прибывшему из Мадагаскара? Ну, вот капитан Пьер имел честь принять это предложение и прибыл сюда не без затруднений, но теперь он начинает думать, что лучше бы ему остаться на своем судне!

— Это правда, Перейра,— сказал Ксавье, громадного роста португалец с примесью негритянской крови и зверским лицом, тот самый человек, следом за которым Леонард с Оттером и Соа прошли в ворота.— Я говорил вам об этом!

— Лучше бы вы оставили его в покое,— прорычал в ответ Перейра.— Мне не нравится вид вашего приятеля. Может быть, он капитан английского военного судна, переодевшийся в наше платье!

Дело принимало серьезный оборот, и Леонард увидел, что надо действовать решительно. Как бы потеряв терпение, он закончил грубо:

— Черт вас всех побери с вашими подозрениями! Говорю вам, что мое судно с товаром стоит в гавани. Я полуангличанин, полукреол и такой же хороший человек, как каждый из вас. Смотрите, дон Перейра, если вы или кто-нибудь из ваших товарищей осмелится сомневаться в правдивости моих слов, пусть выступит вперед, и я живо перерву ему глотку!— и Леонард, грозно нахмурившись, сделал шаг вперед, положив свою руку на эфес сабли.

Эти слова моментально произвели желаемое действие. Перейра немного побледнел под своею желтой кожей, так как, подобно большинству жестоких людей, он был отъявленный трус.

— Полно! Я вижу, что вы — добрый малый. Я хотел только испытать вас. Вы знаете, мы должны соблюдать большую осторожность. Дайте вашу руку, и добро пожаловать! Я вам верю, а старый Антонио ничего не делает наполовину!

— Лучше еще испытать его немного,— заметил молодой человек, стоявший рядом с Перейрой,— пошлите за рабом, и пусть он даст нам обычное доказательство, то есть собственноручно зарежет его,— это самое лучшее!

Перейра замаялся было.

— Молодой человек,— закричал Леонард яростно,— я перерезал горло большему числу людей, чем те, которых хлещут бичами. Но вы хотите доказательства, и я могу вам его дать. Идите сюда, молодой петушок, идите! Здесь достаточно светло, чтобы пощипать у вас перья или перерезать вам горло!

Работорговец, видя атлетическую фигуру и смелые глаза

Леонарда, остановился в нерешительности, осыпая Леонарда ругательствами.

Перейра поспешил прекратить ссору.

— Тише! — загремел он в бешенстве своим могучим голосом. — Я принял этого человека, и он будет нашим гостем. Неужели моих слов недостаточно для такого молодого горлана, как ты? Заткни свой рот, или, клянусь святыми, я закую тебя в цепи!

Работоторговец повиновался. Возможно, что он сам был рад удобному случаю избежать борьбы с Леонардом; бросив на последнего злобный взгляд, он замолчал.

Перейра подозвал Леонарда, пожал ему руку и приказал рабу принести вина для нового гостя. Затем он обратился к собранию с речью:

— Дети мои, мои дорогие товарищи, мои верные, испытанные друзья! Наступил печальный для меня момент, когда я, ваш старый предводитель, должен проститься с вами. Завтра гнездо не увидит более желтого дьявола, и вы должны найти себе другого главу. Увы! Я постарел, а торговля теперь не та, что была прежде, эти проклятые англичане и их крейсера, шныряющие повсюду в наших водах, чтобы отнимать у честных людей плоды их трудов, довели меня до этого. Пятьдесят лет я провел на этом деле. Думаю, что туземцы этих мест вспомнят обо мне, как об их благодетеле. Ведь разве около двадцати тысяч молодежи не прошло через мои руки, не было избавлено мною от проклятия варварства и не было послано изучать блага цивилизации и мирные искусства в домах добрых и снисходительных господ? Иногда, по временам, во время наших маленьких экспедиций проливалась кровь. Я сожалею об этом, но что поделаешь? Этот народ так упрям, что не может понять, как хорошо для него покориться моей власти. Когда нам мешали в нашем добром деле, приходилось сражаться. Мы все хорошо знаем горечь неблагодарности, но должны переносить ее.

Я удаляюсь с теми скромными сбережениями, какие мне удалось собрать за свою трудовую жизнь, удаляюсь, чтобы провести закат дней своих в мире. Но мне надо устроить еще одно маленькое дельце. Во время нашего последнего путешествия, на наше счастье, к нам в руки попала дочь проклятого англичанина. Я привез ее сюда и просил вас собраться сюда, чтобы выбрать между вами ей супруга, как велит сделать мой долг. Я не могу взять ее с собой, так как вблизи Мозамбика, куда я переселюсь на жительство, ее присутствие у меня могло бы подать повод к неприятным вопросам. Вот почему я и решил великодушно передать ее другому.

Но кому отдать эту драгоценность, эту жемчужину, эту

прелестную, милую девушку? Находясь среди столь уважаемых господ, как вы, разве я могу поставить одного выше другого и объявить его более достойным девушки? Я не могу сделать этого, я должен предоставить все случаю: я знаю, что небо выберет лучше меня. Поэтому тот, кто сделает мне самый щедрый подарок, получит эту девушку, чтобы она услаждала его своей любовью. Сделает подарок, заметьте, а не заплатит цену!

Быть может, будет лучше всего установить, что размер подарка будет определен обычным путем, посредством состязания, в унциях золота, если вам угодно?

Еще одно условие, мои друзья. В этом деле все должно быть сделано, как следует: церковь должна произнести свое слово, и тот, кого я изберу, должен обвенчаться с девушкой здесь, в нашем присутствии. У нас ведь есть под рукою священник, и неужели мы не найдем для него дела?

Теперь, дети мои, пора приступить к делу. Эй, вы, приведите девушку!

Речь Перейры прерывалась возгласами самого иронического свойства, а объявление о предстоящем браке было встречено взрывом смеха.

Через несколько минут показалась фигура в белом. Ее сопровождало несколько человек.

Легкими, быстрыми шагами женщина прошла по открытому пространству, освещенному лунным светом, подошла к веранде, где и остановилась. В первый раз Леонард увидел Хуанну Родд. Она была высокого роста, чрезвычайно стройная. Темные волосы были завязаны узлом на затылке ее прекрасной головы. У нее были замечательно тонкие черты и прекрасный цвет красивого лица, но замечательнее всего были глаза — большие, выразительные, со смелым и вместе с тем нежным выражением, цвет которых изменялся от серого до голубого оттенка, смотря по падавшему на них свету. Одета она была в роскошное арабское платье.

Остановившись, Хуанна заговорила чистым, приятным голосом:

— Что вам еще нужно от меня, дон Антонио Перейра?

— Голубка моя, — отвечал Перейра грубым и насмешливым тоном, — не огорчайтесь вашей неволей. Я обещал вам найти супруга, и вот все эти любезные господа собрались здесь для того, чтобы я мог сделать между ними выбор. Теперь ваш брачный час настал, моя голубка!

— В последний раз прошу вас, — заговорила снова девушка. — Позвольте мне уйти, умоляю вас!

— Позволить уйти? Как! Вы, конечно, уйдете, моя голубка, — сказал Перейра, — я ведь заявил, что хочу отдать вас супругу!

— Я никогда не пойду к избранному вами супругу, дон Антонио, — сказала Хуанна серьезным, твердым голосом. — Будьте уверены в этом вы все! А теперь в последний раз я повторяю свою просьбу, в последний раз предостерегаю вас, дон Антонио, и ваших товарищей также. Прекратите ваши беззакония. Смерть висит над вашей головою, убийца, а после смерти — мщение!

Она говорила не громко, но с таким убеждением, с такою твердостью и достоинством, что сердце самых отчаянных тревожно забилося. В конце своей речи Хуанна впервые взглянула на Леонарда, и глаза их встретились. Он наклонился вперед, слушая ее, и в своей скорби и тоске забыл удержать на своем лице то беспечное выражение, которое ему следовало сохранить ввиду разыгрываемой им роли. В этот миг у Леонарда было лицо благородное и открытое, хотя немного и суровое.

Во взгляде Леонарда, обращенном на Хуанну, было что-то заставившее ее остановить свои глаза на молодом человеке. Мягко посмотрела на него девушка, как бы желая заглянуть в его душу, и Леонард вложил в свой ответный взгляд всю свою волю, все свое горячее сердечное желание показать ей, что она может считать его своим другом.

Они до сих пор никогда не встречались. Она даже не подозревала о его существовании, а в наружности Леонарда, одетого в костюм работаровца, было, по-видимому, мало отличия от окружавших его. Однако ее обостренные отчаянием чувства прочли то, что было написано в его глазах, и прочли правильно. С этого момента Хуанна знала, что она не одна среди этих волков, что есть, по крайней мере, один человек, который спасет ее, если это будет возможно.

Суеверный ужас овладел Перейрой. Задрожав от страха, он в бессилии опрокинулся на спинку своего роскошного кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости.

Сцена была такова, что Леонард никогда не мог забыть ее. Луна ярко сияла на небе, и, облитая лунным светом, стояла прекрасная девушка, гордая среди позора, презиравшая своих врагов, будучи даже в их руках.

— Отпустите ее! — раздался, наконец, голос из толпы. — Она колдунья и принесет нам несчастье!

Эти слова, казалось, пробудили Перейру. С отвратительным проклятием он вскочил со своего кресла и, спустившись со ступенек веранды, подошел к своей жертве.

— Черт вас возьми, проклятая шлюха! — закричал он. — Вы думаете испугать меня вашими угрозами. Желтый дьявол здесь — сам бог. Вы вполне в моей власти. Пусть все взглянут на то, что хотят купить!

Перейра, ухватив белое платье Хуанны, разорвал его.

Поддерживая одною рукою разорванное платье, молодая девушка начала другою рукою искать чего-то в своих волосах.

Ужас охватил Леонарда. Он вспомнил о яде, носимом при себе Хуанной. Неужели она сейчас прибегнет к нему?

Глаза их снова встретились, и во взгляде Леонарда было предостережение. Хуанна распустила свои темные волосы, которые рассыпались вокруг ее плеч, прикрывая ее до пояса. Больше она ничего не сделала. Однако Леонард заметил, что правая ее рука была сжата; очевидно, в ней-то и был скрыт яд.

Указав на разорванное платье, молодая девушка еще раз обратилась к Перейре, проговорив:

— В ваш последний час вы вспомните об этом!

К ней подошли рабы, чтобы исполнить волю своего господина, сорвать платье, но все собравшиеся закричали:

— Оставьте ее! Мы видим, что девушка прекрасна!

Рабы отступили.

Перейра вернулся на веранду, стал у своего кресла и, взяв в руки пустой стакан вместо молотка аукциониста, заговорил:

— Сеньоры, я хочу предложить вам прекрасный выигрыш, по своей ценности превосходящий все, что имеется в продаже. Выигрыш этот — бслая девушка англо-португальской крови. Она очень хорошо воспитана и набожна! Что же касается ее послушания, то об этом я не могу ничего сказать. Дело ее будущего супруга научить ее этому. О красоте ее мне нет нужды распространяться; вы сами можете судить об этом. Взгляните на фигуру, волосы, глаза. Видели ли вы что-нибудь подобное? Выигрыш этот достанется тому из вас, кто сделает мне самый щедрый подарок. Он может взять ее вместе с моим благословением. Но я ставлю такие условия: тот, кого я одобрю, должен быть законным образом обвенчан с нею патером Франциско, — и, повернувшись, он указал на человека с несколько меланхолическим взглядом, стоявшего вблизи и одетого в разорванную священническую рясу.

— Этим я исполняю свой долг по отношению к этой девушке, — продолжал Перейра. — Еще одно слово, сеньоры: мы не будем тратить время на пустяки и начнем состязание прямо с унций!

— Серебра? — спросил какой-то голос.

— Серебра? Нет, конечно! Разве дело идет о продаже негритянки? Золота, братец, золота! Тридцать унций золота, и притом уплата сейчас же!

В толпе слышались разочарованные голоса, восклицавшие:

— Тридцать унций золота! Что же делать нам, беднякам!

— Что вам делать? Работать усерднее и сделаться богатыми! — сказал Перейра. — Неужели вы могли думать, что такие

призы — для бедняков? Ну-с, аукцион открыт. Основная цена тридцать унций. Кто прибавляет на белую девушку Хуанну? Кто прибавляет, кто?

— Тридцать пять,— сказал человек низенького роста, худой, с чахоточным кашлем, годившийся более для могилы, нежели для свадьбы.

— Сорок!— вскричал другой, чистокровный араб стройного вида с мрачным выражением лица, желавший, очевидно, прибавить к своему гарему новую гурию.

— Сорок пять!— заявил его противник.

Тогда араб предложил пятьдесят, но маленький человек увеличивал свои ставки. Предложив шестьдесят пять, араб прекратил свои надбавки, решив, очевидно, обождать с гурией.

— Она моя!— закричал чахоточный.

— Подожди немного, дружок,— заговорил гигант португалец Ксавье,— я сейчас только начну... семьдесят пять!

— Восемьдесят,— сказал низенький человек.

— Девяносто,— прокричал третий.

— Девяносто пять,— отрезал Ксавье.

— Сто!— прорычал маленький человек, ломая свои пальцы.

— Сто пять!— торжествующим тоном проговорил Ксавье.

Тогда его противник отступил с проклятием и толпа зашумела, думая, что выиграл Ксавье.

— Пристукните, Перейра!— сказал португалец.

— Подождите немного,— вмешался Леонард,— я начну теперь. Сто десять!

Толпа снова загудела, состязание становилось интересным.

Ксавье посмотрел на Леонарда и сжал от ярости кулаки.

— Ну,— закричал Перейра, облизывая от удовольствия свои губы, так как цена за приз уже превысила намеченную им сумму на двадцать унций,— я пристукну красотку чужестранцу Пьеру. Ксавье, взгляните на девушку и прибавьте еще. Право, она идет очень дешево. Только помните: кредита не будет ни на одну унцию. Уплата сейчас же!

— Сто пятнадцать!— сказал Ксавье.

— Сто двадцать,— ответил спокойно Леонард, хотя он предложил последнюю имевшуюся в его распоряжении унцию; и если бы Ксавье прибавил еще, то должен был бы или прекратить состязание, или предложить в уплату рубин Соа. Конечно, он сделал бы это с удовольствием, но, пожалуй, никто не поверил бы, что камень таких размеров — настоящий рубин.

Тем не менее Леонард спокойно повернулся к слуге, приказал подать себе бутылку с вином и сам наполнил свой стакан. Леонард знал, что его противник следит за ним. Выкажи он хоть малейшее волнение — и все пропало.

Перейра понуждал Ксавье прибавить еще. Одно мгновение

португалец колебался, взглянув на Хуанну, которая, бледная, молча стояла, опустив голову на грудь.

Со стаканом вина в руке Леонард повернулся к своему противнику.

— Вы прибавите еще, сеньор?— спросил он.

— Нет, черт с вами! Берите ее! Я не дам больше ни одной унции ни за нее, ни за какую другую женщину на свете!

Леонард только улыбнулся и посмотрел на Перейру.

— Белая девушка, Хуанна,— начал тот медленно,— переходит чужестранцу Пьеру за сто двадцать унций золота. Ксавье, не теряйте ее. Смотрите, пожалеете после. Я спрашиваю вас в последний раз!— и он поднял вверх свой стакан.

Ксавье сделал шаг вперед и хотел что-то сказать. Сердце Леонарда сильно забилося, но португалец раздумал и отвернулся.

— Кончено!— прокричал Перейра, стукнув стаканом о ручку своего кресла с такою силой, что осколки стекла полетели в разные стороны.

XI

ПОЛНОЧНЫЙ БРАК

— Кончено!— повторил Перейра.— Теперь, друг Пьер, прежде чем мы узаконим это дело при помощи церкви, быть может, вы отдадите золото. Вы помните, что дело шло на наличные.

— Конечно,— сказал Леонард.— Где эта черная собака, мой карлик? А, вот он! Собака, дай золото. Если у тебя его недостаточно, то вот еще!— и, сняв свой пояс, из которого он предварительно вынул рубин, Леонард швырнул его Оттеру.

— А теперь, сеньоры,— продолжал он,— выпейте за здоровье мое и невесты: надеюсь, что мы еще будем иметь дела с вами. Я заплатил довольно дорого за эту девушку, но что же делать? Люди нашей профессии должны быть готовы удовлетворять свои прихоти, чтобы увеселять нашу краткую жизнь!

— Зато она будет лучшего мнения о вас, а вы о ней,— произнес один голос.— За здоровье капитана Пьера и его невесты!— и они выпили с громкими, пьяными криками.

Между тем Оттер, подобострастно приблизившись к Перейре, стал пригоршнями класть золотые слитки и монеты на чашу весов, которые держал в своих руках желтый дьявол. Наконец, все золото, имевшееся у Леонарда, было положено на весы блестящей грудой.

— Не хватает до ста двадцати унций,— сказал Ксавье,— я беру девушку!

— Баас,— тихо сказал Оттер,— у тебя есть еще золото? Тут не хватает до полного веса!

Леонард посмотрел беззаботно на чашку с золотом, которая стояла почти вровень с другою чашкою весов.

— Сколько угодно,— сказал он,— но сюда будет достаточно и этого!

С этими словами, сняв со своего пальца кольцо с печатью, он бросил его на весы. Исключая рубин, это была последняя ценная вещь, которую он имел при себе. Чашка с золотом опустилась книзу.

— Хорошо,— сказал Перейра, потирая от удовольствия руки при виде такого богатства.— Принесите мне кислоты, чтобы испытать золото. Не обижайтесь, чужестранец Пьер, но ведь есть негодные люди, которые выдают медь за золото!

Исследовав качество золота и найдя его хорошим, Перейра обратился к патеру:

— Ну, отец, приступите к своему делу!

Патер Франциско выступил вперед. Он был очень бледен и, казалось, сильно напуган. Леонард с удивлением спросил себя, что могло привлечь его в такую компанию, тем более что лицо патера отличалось добротою.

— Дон Антонио,— сказал священник мягким голосом.— Я протестую против вашего приказания. Судьба бросила меня в вашу среду, и я принужден был видеть много зла, но сам его еще не делал. Я напутствовал умирающих, ухаживал за больными, утешал угнетенных, но еще не принимал участия в кровавых подвигах. Я пастырь, и если обвенчаю этих двух лиц, то они будут мужем и женой до самой смерти. Я не хочу призывать благословение церкви на такой позорный акт. Я не хочу делать этого.

— Вы не хотите делать этого, бритый изменник?— прокричал Перейра.— Разве вы хотите последовать за вашим братом? Смотрите, мой друг, или вы исполните мое приказание и повенчаете этих двух людей, или...— Перейра не договорил фразы.

— Нет, нет,— сказал Леонард.— Оставьте его в покое. Что значат молитвы попа? Сеньора и я обойдемся без них!

— Я вам говорю, чужестранец, что вы должны жениться на девушке, а этот плакса повенчает вас. Если вы этого не делаете, то удержу я и золото и девушку. Что же касается его, то он может выбирать. Эй, рабы, принесите бич!

Лицо Франциско покрылось розовой краской.

— Я не герой, чтобы перенести это,— произнес он.— Я исполню ваше приказание, дон Антонио, и да простит мне бог этот грех. Слушайте меня вы, Пьер и Хуанна! Я сделаю вас мужем и женою, соединю вас при помощи таинства, святость ко-

того не уменьшится теми ужасными обстоятельствами, при которых оно будет совершено. Вам, Пьер, я советую оставить ваши злодеяния, любить и оберегать эту женщину. Вы, Хуанна, надейтесь и простите меня.

Патер попросил дать ему воды для освящения и кольцо.

— Вот кольцо!— сказал Перейра, взяв из золотой кучи кольцо Леонарда.— Это — мой свадебный подарок!

Патер предложил Леонарду стать рядом с девушкой и попросил толпу отступить несколько назад. Все это время Леонард наблюдал за Хуанной. Она не произнесла ни слова, и лицо ее было спокойно, хотя глаза полны были ужаса и отчаяния.

Раз или два она подносила свою сжатую правую руку ко рту, но опускала ее, не коснувшись губ. Леонард читал ее мысли и, чтобы предотвратить роковой исход, решил заговорить с ней.

Повинуясь указанию священника, он стал, улыбаясь, рядом с нею. Затем, продолжая улыбаться, он взял в руку волну темных волос молодой девушки, как бы любясь ею, и нагнулся к ней, сделав вид, что хочет поцеловать ее. Бледная и суровая стояла Хуанна, и рука ее еще раз поднялась к устам.

— Стойте!— шепнул ей Леонард по-английски.— Я пришел освободить вас. Перенесите этот фарс, он не имеет никакого значения. Затем, когда я скажу вам, бегите по подъемному мосту в лагерь рабов!

Она поняла, и рука ее опять опустилась.

— Эй, друг Пьер, что это вы там шепчете?— спросил подозрительно Перейра.

— Я говорил невесте, как она прекрасна!— ответил беспечно Леонард.

У священника был прекрасный, звучный голос, и при свете луны он совершал венчание так торжественно, что все прекратили свои шутки и замолкли. Все было сделано правильно, хотя Хуанна и не ответила на обычные вопросы. Перейра с нахальной любезностью руководил церемонией. Наконец, руки новобрачных были соединены, кольцо надето на палец Хуанны, произнесено благословение, и все было кончено.

Леонард стоял, как во сне. Ему казалось, что они действительно обвенчаны. Но, когда церемония кончилась, он пробудился от своих мечтаний: фарс был сыгран, теперь надо было уходить.

— Ну-с, дон Антонио,— сказал он Перейре,— теперь я должен попрощаться с вами. Моя лодка...

— Глупости,— перебил его работоровец,— вы останетесь здесь ночевать.

— Благодарю вас, но мне нельзя,— ответил Леонард.— Завтра я могу вернуться, чтобы устроить маленькое дельце. У

меня есть поручение купить человек 50 за хорошую цену.

Леонард взглянул на восток и увидел густые массы дыма, поднимавшиеся к небу вдали. Тростники были зажжены. Люди Мэвума сделали свое дело, и пламя скоро будет замечено. Надо было уходить, пока еще не поздно.

— Ну, если вы должны, так нечего делать,— ответил Перейра, причем Леонард заметил, что он как будто даже доволен его уходом. Впоследствии Хуанна объяснила ему, что желтый дьявол был напуган ее предсказанием, что тот, кто возьмет ее, погибнет. Суеверно ожидая исполнения этого предсказания, Перейра был рад уходу покупателя: если бы тот умер в гнезде, то могли бы подумать, что он убил его с целью завладеть золотом и девушкой.

Попрощавшись с Перейрой, Леонард повернулся, чтобы идти, сопровождаемый Оттером и Хуанной, которую он вел за руку. Леонард хотел сначала идти к воротам, затем быстро свернуть к подъемному мосту, за которым должны были ждать его Соа и люди Мэвума; вместе с ними он предполагал скрыться из гнезда.

Но едва он успел сделать несколько шагов, как гигант португалец Ксавье, стоявший до сих пор в глубокой задумчивости, подошел к ним.

— Я, по крайней мере, должен разок поцеловать ее за мое беспокойство,— сказал он и, схватив Хуанну за талию, притянул ее к себе.

Леонард, забыв всякую осторожность, со сжатыми кулаками бросился на нахала и ударил его по лицу с такой силой, что тот упал на землю, увлекая за собой Хуанну.

Молодая девушка быстро вскочила на ноги и стала возле Леонарда. Ксавье тоже поднялся с земли и с проклятием обнажил свою саблю.

— Следуйте за мной!— сказал Леонард Хуанне и Оттеру и, не прибавив более ни слова, бросился бежать.

Толпа разразилась смехом.

— Вот так храбрец! Это французский фокусник!— кричали работорговцы.— Бьет безоружных, а сам боится сражаться!

— Остановить его!— раздалось несколько голосов, и с десятков людей бросились за ним.

Леонард мог бы убежать от них, так как бегал очень быстро, но ни Хуанна, ни Оттер не могли поспеть за ним. Он замедлил свои шаги и вскоре увидел перед собой работорговцев с ножами в руках.

— Стой, трус! Стой и сражайся!— закричали они, размахивая оружием перед его лицом.

— Хорошо!— отвечал Леонард, остановившись и оглядываясь вокруг.

Не далее как в тридцати ярдах от него был подъемный мост, который, как показалось Леонарду, начал немного колебаться, словно готовый спуститься. Оттер и Хуанна стояли возле Леонарда, на которого уже наскакивал со зверским, окровавленным лицом гигант португалец с саблей наголо.

— Оттер,— быстро проговорил Леонард, выхватывая свою саблю,— стань сзади меня, чтобы, пока я дерусь с этим, остальные не бросились на меня, а вы,— обратился я к Хуанне,— бегите к мосту, если можно. Соа и ваши люди там!

Едва он успел произнести эти слова, как Ксавье, яростно замахнувшись, хотел нанести удар Леонарду, но последний отпрыгнул назад, и удар пришелся по воздуху. Еще два раза Ксавье пытался ударить своего противника саблей, но оба раза Леонард повторял свой маневр, отступая к подъемному мосту. Но когда португалец бросился на него в четвертый раз, англичанин не мог повторить своего приема, так как сзади его уже были работорговцы.

Ксавье размахнулся, и при лунном свете Леонард увидел, как сверкнула сталь, но парировал удар своей саблей. При ударе стали о сталь посыпались искры и на землю полетели обломки сабеля.

— Продолжай, баас, продолжай,— сказал Оттер,— обе сабли сломались!

Леонард увидел, что Оттер говорил правду. Португалец швырнул в сторону свое сломанное оружие и схватился за нож.

У Леонарда не было ножа, а о револьвере в этот момент он не вспомнил. С обломком сабли в руке он бросился на Ксавье. Противники ударились друг о друга, как два ядра. Леонард нанес Ксавье один удар своим обломком сабли, бросив его затем, как бесполезную вещь. Однако этот обломок оказал ему хорошую услугу: попав в правую руку португальца, он парализовал ее на одно мгновение, вследствие чего Ксавье уронил свой нож. Противники схватились друг с другом без всякого оружия.

Дважды гигант португалец поднимал англичанина с земли, но ему не удавалось бросить его оземь, как он того хотел.

Дав португальцу время истощить себя в усилиях поднять его с земли, Леонард, сделав быстрое движение, поставил свою правую ногу за левой ногой Ксавье и с силой толкнул врага в грудь. Потеряв равновесие, гигант упал на землю с глухим стуком, как срубленное дерево, увлекая за собой Леонарда.

Одно мгновение португалец лежал тихо, тяжело дыша, Леонард повел глазами вокруг: шагах в восьми от них лежал нож, кто овладеет им, выиграет эту смертельную игру. Ксавье так же видел нож и хотел овладеть им. Чтобы лишить своего врага

возможности схватить нож, Леонард сделал движение и закрыл своим корпусом нож от глаз врага. Но для этого ему пришлось ослабить давление на грудь противника, чем тот и воспользовался, чтобы поднять свою спину с земли. Толпа, увидев это, возликовала, думая, что чужеземец ослабел.

— Нож! Дайте нож!— прохрипел Ксавье, и несколько человек бросились исполнять его приказание.

Но Оттер с обнаженной саблей загородил им дорогу. Его лицо подергивалось от волнения, глаза сверкали и плечи вздрагивали.

— Кто коснется ножа — умрет,— проговорил он по-арабски, протянув свою длинную руку с обнаженной саблей.— Пусть эти петухи дерутся!

Оттер был так страшен, что никто не смел приблизиться к нему.

Ксавье сделал усилие и освободил правую руку, которою и сжал горло противника. Леонард напряг все свои силы, и, наконец, ему удалось опять повалить Ксавье на спину, но гигант с удивительной силой сжимал его горло. Собрав последние силы, Леонард ударил португальца кулаком правой руки в лоб так сильно, что голова гиганта стукнулась о каменистую почву. Еще один удар, и Леонард почувствовал, что его горло свободно и воздух ворвался в его легкие. Теперь он мог схватить нож, но в нем уже не было надобности. Португалец широко раскинув руки, судорожно вытянулся и затих.

Зрители с удивлением смотрели на ужасный исход борьбы. Хуанна, помня наставления своего избавителя, повернувшись, побежала к подъемному мосту. Оттер же, подскочив к Леонарду, поднял его с земли.

— Вот хороший удар!— восторгался карлик.— Он мертв, клянусь духом моей матери, хотя сталь и не коснулась его. Очнись, баас, очнись: хотя борова уже нет, но свиньи еще остались!

Леонард пришел в себя. Посмотрев кругом, он увидел Хуанну, стоявшую у моста, по-видимому, в нерешительности— бежать ли ей или стоять на месте.

— Сеньоры,— прохрипел Леонард, обращаясь к окружившим его работорговцам,— я сражался, и победа осталась за мною. Теперь дайте мне спокойно уйти вместе с девушкой. Жив ли этот человек?

Работорговцы обступили тело Ксавье, среди них находился и патер Франциско, который, став на колени, осмотрел португальца.

— Бесполезно ухаживать за ним, он мертв!— проговорил патер, встав с колен.

Работорговцы посмотрели на Леонарда с удивлением, сме-

шанным с ужасом: кто бы мог подумать, что такой силач, как Ксавье, мог быть убит ударом кулака?

Однако удивление их перешло скоро в ярость. Ксавье был их любимцем, и они не хотели оставить неотомщенной его смерть. С угрозами и проклятиями они подступили к Леонарду.

— Назад!— произнес он.— Дайте мне дорогу. Я честно сражался с вашим другом, видите, я даже не воспользовался вот этим!— прибавил он, внезапно вспоминая о своем кольце, и направил на них дуло револьвера.

При блеске стали пыл работорговцев несколько уменьшился, и они расступились.

— Быть может, вы дадите мне вашу руку?— сказал Леонард, обращаясь к Франциско, стоявшему возле него.— У меня немного повреждена нога!

Франциско исполнил его просьбу, и Леонард направился к Хуанне, а Оттер шел сзади с обнаженной саблей.

Не успели они сделать и десяти шагов, как Перейра, наскоро посоветовавшись с одним из своих помощников, быстро выступил вперед.

— Схватить этого человека!— закричал он.— Он убил уважаемого дона Ксавье, нанеся ему предварительно оскорбление. Он должен поплатиться за это!

Десяток людей бросились вперед исполнять приказание своего вождя, но пистолет и сабля Оттера охладили их усердие.

Леонард увидел, что положение становится серьезным.

— Вы хотите убежать отсюда?— быстро спросил он священника.

— Да,— отвечал Франциско,— здесь настоящий ад!

— В таком случае как можно скорее ведите меня к мосту. Я слаб и измучен, но там будет помощи!

В это время подъемный мост, бывший от него не далее десяти ярдов, с треском опустился.

— Бегите туда, Хуанна Родд!— закричал по-английски Леонард.

Молодая девушка немедленно повиновалась. Казалось, взгляд ее говорил: как я могу оставить вас?

— Ну, теперь скорей к мосту!— прибавил Леонард и, опираясь о плечо священника, прихрамывая, пошел вперед.

— Измена!— заревел Перейра.— Остановите его! Кто опустил мост?

Один из работорговцев бросился на Леонарда. Это был тот самый молодой человек, которому Леонард предлагал драться перед аукционом. Он замахнулся, чтобы ударить Леонарда ножом в спину, но Оттер, охранявший своего господина, взмахнул саблей, и работорговец рухнул на землю с раскрытым черепом.

— Взять мост и задержать его!— заревел снова Перейра.

— Поднимите мост! Поднимите!— кричал в свою очередь Оттер, с саблей и пистолетом в руках отгоняя наседавших на него работаровцев.

Подъемный мост был поднят с такою быстротой, что Леонард и Франциско, которые еще не успели его перейти до конца, покатились на землю, очутившись, наконец, в лагере рабов.

— Оттер!— тревожно позвал его Леонард, быстро вскочив на ноги.— Они убьют его!

Вместо ответа карлик, подобно дикой кошке, подпрыгнул в воздухе и схватился за железные цепи поднимавшегося моста. Один из врагов попробовал было схватить его за ноги, но он с такой силой ударил его ногой по лицу, что тот полетел в воду. В следующий момент он был вне власти врагов и быстро карабкался вверх. Два-три ножа и несколько пуль были пущены ему вслед, но неудачно.

— Ага, желтый дьявол,— торжествовал карлик,— посмотри назад: там виден другой дьявол, еще желтее тебя!

Перейра со всей компанией обернулся и увидел громадный столб пламени, вырвавшийся из болота. Тростники разгорались, и ветер разносил пламя.

XII

МЕСТЬ

— Измена! Измена!— заревел Перейра.— Тростники горят... Этот мерзавец погубил нас!

— Ха, ха, ха!— хохотал Оттер в своем воздушном убежище.— Измена! Измена! А что если рабы освобождены, что если ворота заперты?

При этих словах Оттера толпа застыла от ужаса, смотря то на карлика, то на приближавшееся пламя. Наконец раздались крики:

— Это враги! Убить их! На штурм лагеря! К воротам!

Для большинства работаровцев это были последние их слова на земле, так как в тот же момент над валом показалось пламя, сопровождаемое гулом выстрела, и шесть фунтов картечи врезалось в толпу.

Очутившись в лагере рабов, Леонард и Франциско нашли Хуанну в безопасности около сторожки, среди группы людей ее отца.

— К орудию!— приказал Леонард.— К орудию! Стрелять в них!

Опираясь на Оттера и Франциско, Леонард в сопровождении Хуанны пошел вдоль вала к тому месту, где стояла пушка.

У пушки находилась Соа с несколькими из людей Мэвума, державшая в руках запальный шнур. В момент подхода к орудию Леонарда она только что дернула за шнур и отскочила назад при откате орудия, точно была настоящим артиллеристом.

— Ага!— произнес Оттер.— Старуха не ленится. Она искусна, как мужчина!

Соа бросилась на колени перед Хуанной, целуя ее руки.

— Ну, подожди пока!— сказал Леонард, опускаясь на землю от утомления.— Эти дьяволы пошли за своим оружием. Они, вероятно, сейчас атакуют нас. Соа, опусти ниже дуло орудия!

Затем он приказал всем рабам вооружиться чем попало, так как в сторожке нашлось всего два ружья.

Работорговцы с воем начали наступать, таща за собой длинные доски, с помощью которых они надеялись перейти канал.

— Смотрите,— сказал Леонард,— они хотят открыть огонь. За вал все!— и, схватив стоявшую вблизи него Хуанну, он потянул ее за вал. Едва он успел это сделать, как град пуль посыпался на них. Несколько человек, не успевших спрятаться за вал, были убиты или тяжело ранены. Осыпав врагов пулями, работорговцы стали приближаться к лагерю, переходя группами открытое пространство. Заметив это, Леонард дал команду стрелять, и опять картечь произвела опустошения в их рядах. Пораженные ужасом, работорговцы бросили всякую мысль о штурме лагеря, думая только о спасении собственной жизни. Большинство врагов бросилось теперь к воротам, желая найти спасение в бегстве. Но ворота были заперты. Работорговцы пытались с помощью бревна разбить ворота. Снова раздался выстрел из орудия в гущу, столпившуюся у ворот. Большинство их разбежалось, стараясь найти защиту в гнезде, а человек десять, после нескольких выстрелов из ружей Леонарда и Оттера, отказались от разрушения ворот и последовали примеру своих товарищей.

— Смотрите, смотрите!— воскликнула Хуанна, указывая на восток.

Зрелище было действительно необыкновенное. Горели густые тростники, и море пламени бушевало, уничтожая все перед собою.

— Дома и навес скоро сгорят, и тогда они должны будут выйти на открытое место, где мы и уничтожим их!— сказал Леонард.

— Надо осторожнее, баас,— сказал Оттер,— а то навесы для рабов сгорят со всеми находящимися в них людьми!

— Я забыл об этом!— ответил Леонард.— Если вы хотите,— обратился он к Франциско,— сделать доброе дело, возьмите несколько людей с ведрами и водой и тушите искры, падающие на навесы!

Патер взялся за это дело и, работая без усталости в течение двух часов, спас навесы с рабами от пожара.

К восходу солнца от гнезда остались одни развалины, а работорговцы, не находя спасения в горевших зданиях, то бросались в болото, то, подходя к лагерю рабов, просили пощады, но были безжалостно убиваемы Оттером.

Все были утомлены и нуждались в отдыхе, но Оттер все еще горел желанием мести и, выпросив у Леонарда позволение взять с собою нескольких людей Мэвума, пошел уничтожать тех, кто еще был жив. Леонард и другие, достав воды, помылись и вообще привели себя в порядок, а затем сели завтракать. К концу завтрака вернулся Оттер, цел и невредим, хотя пяти людей из числа взятых им недоставало.

— Все кончено? — спросил Леонард у карлика.

Оттер кивнул головой.

— Некоторые убиты, другие убежали, — сказал он, — но последние для нас не опасны, так как не посмеют вернуться сюда. Но это еще не все, баас. Мы взяли одного из них живым. Посмотри на него, баас!

Леонард перешел по мосту через канал и подошел к группе людей. Среди них лежал на земле какой-то белый человек, издававший стоны ужаса и страха. Когда он поднял голову, то Леонард увидел, что это сам желтый дьявол.

— Где вы его нашли, Оттер? — спросил Леонард.

— В магазине, баас, твое золото с ним, а также много ружей и пороху. У него не хватило духу поджечь порох и покончить со всем!

Перейра, не замечая Леонарда, попросил воды.

— Дайте ему крови, — мрачно сказал один из освобожденных рабов, — всю жизнь он пил ее, пусть напьется ею и в последний раз!

Леонард попросил Франциско дать ему воды, а Перейра стал молить о прощении.

— Антонио Перейра, — отвечал сурово Леонард, — вы получите только справедливое возмездие, не более!

— Баас! — вмешался Оттер, — отдайте его нам: он — наш мучитель и принадлежит нам!

— Как! — завыл Перейра. — Я буду отдан этим черным собакам? Пощады! Пощады! Франциско, просите за меня! Я убил вашего брата, но я должен был сделать это. Просите за меня! — и он старался обнять ноги Леонарда.

Туземцы яростно бросились на Перейру, но Леонард остановил их, сказав:

— Я не допущу здесь ваших диких жестокостей. Пусть этот человек будет расстрелян, но не более!

Очевидно, однако, Перейре не суждено было погибнуть от

руки человека, так как едва Оттер коснулся его, он побагровел, всплеснул руками и со стоном рухнул на землю.

Леонард посмотрел на него: он был мертв, умер от страха смерти, ужас прекратил биение сердца злодея.

— Оттащить его прочь! — сказал Леонард с содроганием и прибавил:

— Оттер, возьми этих людей и освободи остальных пленных, затем заberi боевые припасы, ружья и провиант из склада оружия и снеси их к воротам. Мы должны скорее уходить отсюда, а то убежавшие работоторговцы могут вернуться со свежими силами!

Такая судьба постигла, наконец, Антонио Перейру, желтого дьявола.

XIII

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Наступило утро, и путешественники расположились лагерем на том скрытом в тростниках месте, где были спрятаны Леонардом и Оттером лодки, захваченные у работоторговцев. Сотни освобожденных рабов были перевезены на другой берег реки, снабжены всем необходимым и затем предоставлены собственной участи, так как взять их собой не представлялось никакой возможности.

Когда освобожденные пошли своей дорогой, Оттер сказал Леонарду:

— Ну, мы сделали наше дело в гнезде, поговорили с желтым дьяволом и его бандой, баас! Что же, пойдем теперь искать золото — настоящего желтого дьявола?

— Я предполагаю, что да, Оттер, — отвечал Леонард. — Если только Соа сдержит свое слово. Но дело идет не о золоте, а о рубинах. Во всяком случае, сначала мы должны отправиться в поселение, отвести этих людей назад и узнать что-нибудь о Мэзуме!

— Так, — сказал, помолчав немного, Оттер. — Девушка желает, конечно, разыскать своего отца. Однако, баас, не желаешь ли ты выкупаться в реке, чтобы печаль оставила тебя?

Леонард последовал этому совету и вернулся с купания совсем новым человеком, так как холодная вода производила на него волшебное действие. Он чувствовал себя вполне хорошо, ибо, за исключением легкого вывиха ноги и царапины из горле, в том месте, где схватил его Ксавье, он не поплатился более ничем в памятную ночь в гнезде желтого дьявола. Среди добычи, найденной в лагере, оказалось несколько перемен платья, в которое Леонард и поспешил переодеть-

ся, скинув с себя португальскую форму. Теперь он был одет, как обыкновенный английский колонист, довольно неуклюже, но удобно.

Хуанна окончила свой туалет с помощью Соа, воспользовавшейся этим временем, чтобы рассказать своей госпоже историю встречи с Леонардом Утрамом. Но нарочно или по забывчивости она ни словом не упомянула о состоявшемся соглашении.

Окончив одеваться, молодая девушка вышла прогуляться, направившись по узенькой тропинке через тростниковую заросль. Едва она успела сделать несколько шагов, как столкнулась лицом к лицу с Леонардом.

— Доброго утра! — сказала Хуанна. — Надеюсь, что вы хорошо спали и нет никаких недобрых новостей?

— Я провел восемь часов в состоянии совершенного оцепенения, — ответил он, смеясь, — а новостей нет никаких, включая то, что я освободил рабов. Думаю, что наши друзья, работоторговцы, достаточно уже пользовались нашим обществом и едва ли последуют за нами!

Поблуднев, она сказала:

— Вероятно. По крайней мере, я достаточно перенесла от них. Я должна поблагодарить вас за ту громадную услугу, какую вы оказали мне.

При этом ее взгляд упал на золотое кольцо, блестевшее на ее пальце.

— Это кольцо принадлежит вам, — прибавила она, — и я должна вернуть его вам!

— Мисс Родд, — сказал медленно Леонард, — мы пережили вместе с вами очень странное приключение. Не сохраните ли вы это кольцо на память?

Первым ее побуждением было отказаться. Пока она будет носить это кольцо, мысль об ужасной сцене ее продажи и еще более ненавистном браке будет постоянно с ней. Однако, когда слова отказа уже были готовы слететь с ее уст, какое-то неизвестное чувство удержало ее от этого.

— Вы очень любезны, — сказала она, — но это ваше фамильное кольцо. Вы не можете отдавать его случайным знакомым.

— Да, это мое фамильное кольцо, но если вы взглянете на герб и девиз, то увидите, что они имеют общее значение, почему я могу дать его даже случайному знакомому, если вы не разрешите мне более задушевного определения. Читайте: «За честь и любовь», — сказал Леонард.

Хуанна при слове «любовь» покраснела, сама не зная почему.

— Хорошо, я буду носить это кольцо, если вы желаете,

мистер Утрам, в память наших приключений,— смущенно проговорила она,— но в этом приключении есть одна подробность,— прибавила она другим тоном,— я разумею отвратительный и негодный фарс, в котором мы принуждены были принимать участие. Большинство свидетелей этой позорной сцены умерли и не могут говорить об этом, а вы должны заставить вашего слугу-карлика молчать, я сделаю то же по отношению к патеру Франциско. Пусть он будет забыт нами обоими!

— Конечно, мисс Родд,— сказал Леонард,— если только такая странная вещь может быть забыта. А теперь не угодно ли вам пожаловать к завтраку?

Она наклонила свою голову и прошла мимо него с красными лилиями в руке.

— Странно! Какую власть она может иметь над Франциско,— сказал Леонард,— и как она может заставить его молчать? Что касается меня, то я с удовольствием обошелся бы без его общества. Странная девушка.

Вернувшись на место стоянки, Леонард застал священника, дружески беседующего с Хуанной.

— Кстати,— внезапно обратился он к патеру,— как вы знаете, я отправил всех рабов по домам, так как взять с собою их было невозможно. Каковы ваши планы? Вы относились к нам до сих пор хорошо, но я не могу забыть, что застал вас в дурной компании. Быть может, вы желаете возвратиться к ней, в таком случае ваш путь на восток.— И Леонард указал рукой по направлению к гнезду.

— Я не удивляюсь, сеньор, что вы не доверяете мне,— сказал Франциско, причем его бледное лицо вспыхнуло румянцем,— так как внешние обстоятельства говорят против меня. Но уверяю вас, что хотя я и вступил в компанию Антонио Перейры по собственному желанию, но не с дурной целью. У меня был брат, который, совершив преступление, бежал из Португалии и поступил в шайку Перейры. С большим трудом я нашел его здесь и был с удовольствием принят в гнезде, так как я могу и ухаживать за больными, и напутствовать умирающих, ведь злодеи, сеньор, в конце концов,— тоже люди. Я убедил моего брата вернуться со мной, и мы составили план бегства, но Перейра узнал об этом и повесил брата. Они не тронули меня, но стали возить с собою пленником в свои экспедиции. Вот и вся история. Теперь, с вашего позволения, я бы хотел следовать с вами, так как у меня нет денег и я не могу идти один по этой пустыне, хоть и боюсь, что по своему слабосилию могу оказать вам мало помощи, а в моих услугах едва ли будете нуждаться.

— Очень хорошо,— отвечал холодно Леонард,— но пой-

мите, что нам предстоит много опасностей и предательство может погубить нас. Поэтому предупреждаю вас, что в случае, если я открою что-либо подобное, мой суд будет короток!

— Не думаю, чтоб вам нужно было предупреждать патера Франциско, мистер Утрам,— проговорила с негодованием Хуанна.— Я обязана ему многим, если бы не его советы, меня бы не было в живых теперь. Я ему глубоко благодарна!

— Если вы ручаетесь за него, мисс Родд, то, конечно, этого достаточно. Вы имеете надо мною преимущество более тесного знакомства с ним! — отвечал медленно Леонард, мысленно сопоставляя разницу в оценке услуг патера и своих собственных.

Окончив завтрак, наши путешественники стали подниматься вверх по реке в лодках работорговцев. В каждую лодку были посажены лучшие гребцы из поселенцев. Считая с женщинами и детьми, всех было шестьдесят человек.

Вечером они проехали мимо острова, где оставили без лодок компанию работорговцев, но на острове не заметно было ни малейших признаков жизни.

Через час они расположились на остановку на берегу реки. Сидя около костра, Хуанна рассказала Леонарду о всех пережитых ею ужасах во время путешествия с караваном работорговцев. Она вспомнила, как, вырывая из книги листы, она укрепляла их в тростнике с целью облегчить ее отцу розыски.

— Все пережитое было вроде кошмара,— говорила она,— а что касается отвратительного фарса с браком, то я не могу равнодушно вспомнить о нем.

Франциско, молча сидевший до сих пор, заговорил:

— Вы говорите, сеньора, об этом отвратительном фарсе-браке, разумея, вероятно, церемонию, которую я совершил над вами и сеньором Утрамом, будучи принужден к тому Перейрой. Мой долг сказать вам обоим, что, как ни необычен был этот брак, однако я не могу считать его фарсом. Я верю, что вы — законные муж и жена до тех пор, пока смерть не разлучит вас, если только, конечно, папа не расторгнет этот брак, так как только он один может сделать это!

При этих словах священника Хуанна вскочила со своего места с пылавшими гневом глазами.

— Невыносимо слышать такую ложь!— сказала она.— Если вы будете снова повторять ее в моем присутствии, отец Франциско, то я совсем не буду говорить с вами... Я отвергаю этот брак. Перед началом церемонии мистер Утрам шепнул мне, что надо проделать этот фарс,— и это был дей-

ствительно фарс. Если бы я думала иначе, то предпочла бы принять яд. Если правда, что вы говорите, значит, я была обманута и вовлечена в ловушку.

— Виноват, сеньора,— возразил священник,— но вы не должны так горячиться. Сеньор Утрам и я сделали это потому, что не было иного выхода!

— Предполагая, что отец Франциско прав, чему я, кстати, не верю,— сказал саркастически Леонард,— неужели вы, мисс Родд, думаете, что подобный факт устраивал бы меня более, чем вас? Если бы я хотел обмануть вас и вовлечь в ловушку, то сделал бы это, не связывая самого себя, ведь даже такой маленький человек, как я, не возьмет жены после пяти минут знакомства. Говоря откровенно, я предпринял ваше освобождение по побуждению, ничего общего не имеющему с матриониальными соображениями!

— Могу я узнать, что это за побуждения? — спросила Хуанна все тем же оскорбленным тоном.

— Разумеется, мисс Родд! Прежде всего я должен объяснить вам, что я не странствующий рыцарь, а просто бедный искатель приключений, настойчиво ищущий богатства вследствие особенных, лично меня касающихся причин. Когда эта женщина,— Леонард указал на Соа,— пришла ко мне с рассказом о бесценном сокровище, открыть которое она обещала в том случае, если я возьмусь за дело вашего освобождения, и даже уплатила мне вперед камнем значительной стоимости, то, не имея в виду ничего лучшего и находясь в полном отчаянии, я согласился. Мало того, я заключил с нею письменное условие, которое она подписала как за себя, так и за ваш счет!

— Я не имею ни малейшего понятия о том, на что вы намекаете, и никогда не уполномочивала Соа подписывать за меня документы. Я хочу видеть это условие!

— Разумеется,— ответил Леонард и, встав, пошел к своим вещам, откуда возвратился с фонарем и книжкой Джен.

Хуанна, поставив фонарь рядом с собой, открыла книжку. Первое, что ей бросилось в глаза, была подпись на заглавном листе «Джен Бич» и внизу торопливо сделанная надпись «дорогому Леонарду от Джен. 23 января».

— Переверните! — сказал он поспешно.— Документ на другой стороне!

Она хорошо заметила и надпись, и смущение на его лице, когда он увидел, что она прочла посвящение. Кто такая была Джен Бич, и почему она называла мистера Утрама дорогим Леонардом? В этот момент — так странно устроены сердца женщин — она чувствовала себя предубежденной против этой Джен Бич, кто бы она ни была. Перевернув лист, она прочла

условие, потом, окончив чтение, подняла голову, и на лице ее появилась улыбка.

— Поди сюда, Соа,— произнесла она,— скажи мне, что значат все эти глупости относительно рубинов и людей тумана?

— Госпожа,— отвечала Соа, садясь перед Хуанной,— это не глупости. Язык, которому я научила тебя, когда ты была маленькой,— язык этого народа. Рассказ о сокровищах верен, хотя до сих пор я скрывала его от тебя и твоего отца Мэвума, так как он пошел бы на поиски этих сокровищ и погиб бы из-за этого. Слушай, госпожа!

И она повторила свой рассказ.

— Скажи, Соа,— спросила Хуанна,— чтобы найти это сокровище, необходимо мое путешествие в страну людей тумана?

— Я не вижу другого исхода! — ответила старуха.

— Ну, что же, если это так, я помогу вам!

— Мы выступим завтра в путь очень рано, почему, с вашего позволения, я вернусь к себе! — сказал Леонард, вскакивая со своего места.

Хуанна с невинным видом наблюдала за ним, и, когда он проходил мимо, она при свете костра заметила, что лицо его было пасмурно и угрюмо.

«Я рассердила его,— подумала она,— и очень рада этому. Что за нужда была освобождать меня за деньги? Но он странный человек. Любопытно, кто такая эта Джен Бич? Может быть, это ей-то и нужны деньги!»

Затем она проговорила громко:

— Соа, поди сюда и, пока я раздеваюсь, Расскажи мне снова все о твоей встрече с мистером Утрамом, скажи, что он говорил, не пропуская ничего. Ты поставила меня своими словами, Соа, в неловкое положение, этого я тебе никогда не прощу. Расскажи мне также, как я могу помочь ему добыть сокровища людей тумана.

XIV

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

После этого разговора отношения Леонарда и Хуанны сильно обострились, хотя им постоянно приходилось сталкиваться друг с другом.

Хуанне очень хотелось узнать, кто такая Джен Бич. Она стала расспрашивать Оттера, но карлика, по-видимому, вовсе не интересовала Джен Бич. Он заметил только, что, вероятно, это одна из жен бааса, живущих в большом краале за морем.

Это еще больше заинтересовало Хуанну, а упоминание

Оттера о большом краале, где жил раньше Утрам, возбудило ее любопытство, и она стала расспрашивать Оттера о подробностях жизни его господина.

Карлик охотно рассказал ей, что его господин был одним из богатейших и могущественных людей во всем свете, но что он потерял свои владения благодаря проискам негодных женщин, отчего и приехал в эту страну искать счастья.

До последнего дня путешествия Хуанне так и не удалось поговорить подробно с Леонардом. Она понимала, что он нарочно избегал ее, постоянно садясь в первую лодку с Оттером, предоставляя ей с Франциско и Соа вторую. К патеру она относилась весьма любезно, разговаривала с ним по целым часам, словно с подругой. И в самом деле, в характере Франциско было что-то женственное; самая наружность его, нежное телосложение, изящные руки и черты лица еще более усиливали это впечатление. Лицом он немного походил на Хуанну, и если бы переодеть его в ее платье, то в темноте можно было принять его за нее, хотя она была выше ростом.

Был чудный вечер, и путешественники тихо плыли в лодке мимо поросшего камышом берега.

Хуанна запела весьма распространенную песню, которую хором подтянули гребцы.

— Я не совсем понимаю, — сказал Леонард, — как вы могли изучить музыку!

— Кажется, мистер Утрам, вы принимаете меня за настоящую дикарку, но, живя на Замбези, я могла получать книги и иметь общение с европейскими торговцами, путешественниками и миссионерами. Мой отец, хорошо воспитанный и очень образованный человек, научил меня многому. Затем я три года училась в школе в Дурбане, где не даром провела время.

— Да, это объясняет все. Вам нравится ваша жизнь среди дикарей?

— До сих пор я жила довольно хорошо и мне все нравилось, но это последнее приключение разочаровало меня. О! Оно было ужасно! Нервная женщина сошла бы с ума на моем месте. Общение с природой есть лучшая подготовка для общения с людьми, если только вы действительно любите природу. Но теперь я хотела бы поехать в Европу, посмотреть цивилизованный свет, а между тем, вероятно, это никогда не случится. Во всяком случае, прежде всего я должна разыскать своего отца! — закончила она, вздохнув.

Леонард не сказал ничего и погрузился в глубокую задумчивость.

— А вы, мистер Утрам, какие надежды возлагаете на эту жизнь?

— Я! — горько воскликнул он. — Подобно вам, мисс Родд, я — жертва обстоятельств. Как я уже говорил вам, я — бедный искатель приключений, помогающий беднякам, и большого богатства!

— Зачем вам это? — спросила она. — Какой смысл рисковать жизнью в поисках богатства?

— Есть! — и Леонард рассказал о разорении его отца, о своем путешествии и о цели, которой он обещал добиться умирающему брату, — выкупить Утрам.

Разговор коснулся и Джен Бич. Хуанна все старалась выспросить своего собеседника об этой девушке, об ее наружности и, наконец, прямо спросила:

— Скажите, вы сильно ее любите?

— Да, я ее очень любил!

Хотя громадная разница и существует между словами «люблю» и «любил», но Хуанна не обратила на это внимания. Он сказал ей, что любил Джен Бич и, конечно, теперь еще любит ее. Откуда она могла знать, что образ этой далекой и ненавистой для нее Джен Бич давно вытеснен из его сердца другим образом.

Сердце Хуанны сжималось от скорби, и она поняла, что полюбила этого человека с самой первой встречи. Под влиянием этой, хотя и неосознанной еще любви, она дурно обошлась с ним раньше. Для нее была ужасна мысль о комедии брака. Еще обиднее было узнать, что он взялся за ее освобождение не ради нее самой, а в надежде приобрести богатство. Собрав всю свою энергию, она заговорила твердым голосом:

— Мистер Утрам, я весьма обязана вам, что вы мне рассказали об этом. Ваши слова сильно заинтересовали меня, и я серьезно надеюсь, что рассказ Соа о сокровищах окажется правдивым и что вы приобретете их с моей помощью! А теперь прошу вас простить мою резкость, грубость и мои горькие слова!

Хуанна стала снимать кольцо Леонарда со своего пальца, но тотчас же оставила это намерение. Это был его подарок, единственное звено между нею и человеком, теперь для нее совершенно потерянным. Неужели ей расстаться с кольцом? Оно напоминает ей так много!

Леонард с удивлением посмотрел ей в лицо. Он видел, что она страдает. Он любил ее. Может ли быть, что и она отвечала ему тем же и в этом разгадка ее странного поведения? Он хотел раз и навсегда выяснить этот вопрос, хотел сказать ей, что Джен Бич для него не более, как нежное воспоминание, и что она, Хуанна, стала для него всем.

Через несколько минут они были на берегу. Во время ос-

тановки раз или два он пробовал поговорить с ней откровенно, но она в самом начале разговора делалась холодной и неподвижной, как мрамор. Он не мог понять ее и стал даже несколько побаиваться ее.

XV

СМЕРТЬ МЭВУМА

Наконец, путешественники прибыли к развалинам поселения. Внутренность домов выгорела, но стены их были целы, а многие хижины туземцев были совершенно нетронуты. Леонард с дороги послал вперед людей сказать туземцам о возвращении Хуанны; весть быстро разнеслась по соседним краям, жители которых толпами стекались к месту высадки. С ними были и те люди Мэвума, которые не попали в плен к Перейре. Все они вышли навстречу Хуанне. Прием девушки был самый трогательный. Мужчины, женщины и дети бежали к ней, мужчины приветствовали ее радостными криками, а женщины и дети целовали ее платье и руки.

Нетерпеливо отстранив женщин, Хуанна стала расспрашивать мужчин, не слышали ли они чего-либо об ее отце. Но те отвечали отрицательно. Некоторые из них отправились вверх по реке в поиски за ним в тот же самый день, когда она была захвачена в плен, но до сих пор еще не вернулись.

Освобожденные пленники восторженно рассказали историю взятия и разрушения лагеря работорговцев. Оттер, видя удобный случай воспеть славу своего господина, метался взад и вперед среди толпы, потрясая копьем и распевая по зулусскому обычаю хвалебный гимн Леонарду.

— Слушайте! — говорил он. — Слушайте! Смотри на него, народ, и удивляйся!

Воздайте хвалу тому, кто сокрушил силу угнетателя!

Воздайте хвалу ему, освободителю Хуанны, которую он увел из дома злодея!

Воздайте ему хвалу, дети Мэвума, в его руках жизнь и смерть!

Никогда еще о таких подвигах не было слышно в этой земле!

Воздайте хвалу избавителю, возвратившему вам ваших детей!

— Да, воздайте ему хвалу! — сказала стоявшая подле Хуанна. — Воздайте ему хвалу, дети моего отца, так как без него никто из вас не увидел бы дневного света!

Как раз в это время появился на сцену и Леонард, слышавший слова Хуанны. Все поселенцы бросились к нему с криками, другие туземцы присоединились к ним.

— Хвала тебе! — кричали они.— Хвала тебе, избавитель!

И с этого дня Леонард стал известен у туземцев под именем Избавитель.

Вечером, когда Леонард, Хуанна и Франциско сидели за обедом в доме Мэвума, с беспокойством рассуждая о его судьбе и удивляясь, отчего о нем нет до сих пор никаких известий, они слышали шум во дворе.

В комнату вбежал Оттер с криком: Мэвум приехал!

Все выбежали во двор, где шесть человек держали носилки, на которых лежал мужчина, покрытый одеялами.

— О! Он умер! — крикнула Хуанна, прижимая руки к сердцу.

Леонард сначала думал, что она права, но с носилок послышался слабый голос, просивший туземцев нести его осторожно, и Хуанна бросилась вперед с криком:

— Папа! Папа!

Носильщики внесли мистера Родда в дом и поставили носилки на пол. Леонард увидел перед собой красивого мужчину лет пятидесяти, несомненно, близкого к смерти.

— Хуанна,— с трудом произнес мистер Родд,— это ты? Значит, ты спасена? Теперь я могу умереть спокойно!

Мы не будем передавать всех подробностей бессвязного разговора между отцом и дочерью.

По-видимому, мистера Родда постигла неудача в его поисках за слоновой костью в намеченном им месте. Не желая, однако, возвращаться с пустыми руками, он решился подняться дальше вверх по реке, но и тут его преследовали неудачи. Уже возвращаясь домой, он встретил людей, посланных Соа, и слышал от них о похищении его дочери Перейрой.

Известие он получил ночью, было слишком темно для продолжения пути, но под влиянием винных паров он решился тотчас же отправиться на поиски дочери, несмотря на темноту. Напрасно его люди указывали на опасность путешествия ночью. Он не обратил на их слова никакого внимания и тронулся в путь. Однако путешествие продолжалось недолго: вскоре они слышали проклятие и шум, вслед за которыми их господин исчез, и они не могли найти его до самого рассвета. Тогда только они увидели, что находились на краю небольшой, но крутой скалы и у подножья ее лежал Мэвум, без чувств, с тремя ранами и со сломанной правой ногой.

Несколько дней они ухаживали за ним здесь, пока, наконец, он не приказал им отнести его домой на носилках.

Франциско осмотрел раны мистера Родда и нашел их смертельными.

На следующее утро умирающий послал за Леонардом. Войдя в комнату, Леонард нашел его лежащим на полу, голова его покоилась на коленях у дочери, а патер Франциско молился подле него.

— Мистер Утрам,— сказал умирающий,— я узнал всю историю взятия лагеря и освобождения вами моей дочери. Это было самое смелое дело, о котором я когда-либо слышал, и только сожалею, что меня не было там в это время!

— Не говорите об этом,— сказал Леонард.— Быть может, вы слышали также, что я сделал это из известного расчета!

— Да, мне говорили об этом, но вас порицать тут не за что. Если бы только эта старая дура Соа посвятила меня в тайну этих рубинов, я сам давно бы отправился в поиски за ними. Ну, по крайней мере, я надеюсь, что вам удастся добыть их. Но у меня нет времени говорить о рубинах, так как смерть уже витает надо мною. Теперь слушайте, что я вам скажу. Я нахожусь в безнадежном состоянии и беспокоюсь не за себя, конечно,— не велика важность, если свет избавится от такого бесполезного человека, как я,— а за свою дочь. Что станет с нею? Я не оставляю ей ни цента. Эти проклятые работорговцы отняли у меня все. Мне остается только поручить дочь вашему попечению. Я слышал, что вы оба проделали брачную церемонию там, в лагере работорговцев, и не знаю, какие отношения установятся между вами после моей смерти. Но, что бы ни случилось, я полагаюсь на вашу честь и могу доверить ее только вам. Дайте мне слово, что вы будете заботиться о ней, а если бы ей угрожало самое худшее, что может случиться, то у нее есть яд для защиты самой себя. Ну, что вы скажете?

Леонард задумался, а умирающий с беспокойством следил за ним.

— Я беру на себя очень тяжелую ответственность,— наконец произнес он,— но пусть будет так. Я буду заботиться о ней так, как если бы она была моей женой или дочерью!

— Благодарю вас! — сказал мистер Родд.— Я верю вам!

В тот же вечер мистер Родд скончался, и на другой день состоялись его похороны, причем Франциско совершал погребение.

Прошло три дня, и Леонард не начинал разговора с Хуанной относительно продолжения путешествия, решив и не заикаться об этом, пока она сама не заговорит.

Наконец, Хуанна обратилась к нему сама:

— Мистер Утрам, когда вы предполагаете отправиться в путь?

— Право, не знаю. Я не уверен, что когда-либо отправлюсь. Это зависит от вас. Вы знаете, что я отвечаю за вас, и

моя совесть не позволяет мне вовлекать вас в такие похождения.

— Пожалуйста, не продолжайте,— отвечала она.— Я должна вам сказать, что сама решила отправиться туда!

— Однако вы без меня не можете отправиться! — сказал он с улыбкой.

— Неправда,— смело возразила Хуанна,— я могу отправиться и одна, и Соа будет указывать мне дорогу. Это вы не можете идти без меня, если только Соа говорит правду. Худо или хорошо, но мы пока действовали вместе, мистер Утрам, и не к чему теперь пытаться идти разными дорогами.

XVI

СОА ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ОБ ОПАСНОСТИ

Прошло три месяца с того дня, когда Хуанна объявила свое непоколебимое решение сопровождать Леонарда в его поисках за сокровищами людей тумана.

Был вечер, и караван путешественников-туземцев расположился на отдых на берегу реки, протекавшей по большой пустынной равнине. Среди них было трое белых: Леонард, Франциско и Хуанна. Караван шел под предводительством Петра, того самого, который был освобожден из лагеря Перейры. Кроме того, конечно, были карлик Оттер и старая нянька Хуанны — Соа.

Три месяца шли они, следуя указаниям Соа и подвигаясь постоянно к северо-западу. Сначала они десять дней плыли вниз по течению реки в лодках. Затем, оставив главное русло реки, они три недели поднимались по его притоку Мавуэ, вдоль горной цепи Манг-анджа. Пороги заставили их продолжать путешествие пешком.

Велики были опасности речного путешествия, но их нельзя было и сравнить с тем, что пришлось им перенести за время долгого пути по неизвестной стране, грозившей самыми разнообразными опасностями. Равнина тянулась за равниной, пустыня за пустыней, и, казалось, конца не будет долгому пути.

Климат становился все холоднее: они перешли часть неисследованного плато, отделяющего Южную Африку от Центральной. Местность была так ужасна, так пустынна, что носильщики начали роптать, уверяя, что их ведут на край света, где они встретят смерть. В одном только отношении путешествие было удобно: благодаря высоким местам нечего было бояться лихорадки, и путешественники не рисковали за-

блудиться, так как, по словам Соа, следуя вдоль берега реки, они непременно попадут в страну людей тумана.

Мы не станем описывать бесчисленные приключения, с которыми путешественники имели дело на каждом шагу, их встречи с дикими животными и дикарями. Все столкновения оканчивались благополучно благодаря огнестрельному оружию, с которым как туземцы, так и животные этих мест не были еще знакомы.

Наконец, они достигли границы страны людей тумана. Прямо перед ними возвышался громадный утес, или скалистая стена, шедшая поперек равнины, как гигантская ступень, высотой от 800 до 10 000 футов. С высоты этого плато стекали воды реки Замбези в виде ряда водопадов.

Едва путешественники поужинали, взошла луна, и при ее свете три европейца стали безнадежно рассматривать грозное естественное укрепление, с удивлением спрашивая себя, неужели они должны взобраться на эту твердыню и какие ужасы ожидают их за нею? В душе они уже жалели, что решились на такое безумное предприятие.

Леонард взглянул направо, где шагах в пятидесяти черные спутники их возились около костра. Они тоже молчали и также были удручены мыслью о предстоящих опасностях.

Соа подошла к ним и сказала:

— Избавитель, несколько месяцев тому назад, когда ты рыл золото у могильной горы, я заключила с тобой условие, обещая привести тебя в страну, где можно достать драгоценные камни, если ты освободишь мою госпожу. Ты спас госпожу, ее отец умер, и теперь настало время исполнить мое обещание. Если бы на то была моя воля, я никогда бы не исполнила его, так как, заключая условие, я хотела обмануть тебя. Но моя госпожа отказывается слушаться меня. «Нет, — говорит она, — то, что ты обещала от моего имени и за себя, должна исполнить, иначе, Соа, между нами все будет кончено».

Тогда, Избавитель, чтобы не расставаться с тою, кого я любила и воспитывала с детских лет, я уступила. И вот теперь вы стоите у границ страны моего народа. Скажи, Избавитель, ты намерен перейти эту границу?

— Для чего же я пришел сюда, Соа? — ответил он.

— Я не знаю. Ты пришел сюда, чтобы удовлетворить желание твоего сердца. Слушай: то, что я тебе рассказывала, верно, но я тебе еще не сказала всей правды. За горами живет сильный народ, у которого есть обычай приносить иностранцев в жертву своим богам. Идите туда, и они убьют вас!

— Прекрасно! Однако я прошел сотни миль не для того, чтобы накануне достижения цели повернуть назад. Ты мо-

жешь даже оставить меня одного, если угодно, но я пойду. Я не хочу быть одураченным!

— Никто из нас не имеет желания быть одураченным, мистер Утрам,— кротко заметила Хуанна,— по крайней мере, я предпочту умереть, чем вернуться назад ни с чем. А ты, Соа, скажи же, наконец, что мы должны сделать, чтобы примирить с собою твоих очаровательных соплеменников? Вспомни,— прибавила она, сверкнув глазами,— что я не позволю шутить над собою, Соа. В этом деле интересы Избавителя сливаются с моими, его гибель — моя гибель!

— Твоя воля — моя воля, госпожа,— ответила Соа,— я люблю тебя одну в целом свете, а остальных ненавижу! — прибавила она, посмотрев на Леонарда и Оттера.— Слушай! У моего народа есть закон, по крайней мере был, когда я еще жила среди него сорок лет тому назад. По этому закону всякий иностранец, перешедший границу летом, приносится в жертву матери Аке, а явившийся зимой — ее сыну Джалю, так как жители туманной страны не любят иностранцев. Но моему народу было предсказано, что Ака-мать и Джаль-сын вернутся в страну, которою они некогда управляли, в человеческом образе. Ака будет иметь такой же вид, как ты, госпожа, а Джаль — вид этой черной собаки-карлика, которого я в своем безумии и приняла за божество, увидев его впервые. Когда мать и сын вернутся в страну, короли ее должны будут сложить свою власть, а жрецы Змея будут служить им. С богами в страну вернутся мир и счастье, которые не прекратятся никогда. Госпожа, ты знаешь язык моего народа, в детстве я обучала тебя ему, ты знаешь также песнь, священную песнь возвращения, которую будет петь Ака, когда она вернется в свою страну. Я научу тебя, что нужно делать потом!

На следующее утро Леонарда разбудил шум его спутников-туземцев. Подойдя к ним ближе, он догадался о причине его: два бушмена, подкравшись к лагерю путешественников, стащили несколько мелких вещей и пытались скрыться с ними, но были пойманы. Воры выли от страха, пока их не успокоили, подарив им несколько пустых патронов и зернышек бус. Оттер при посредстве одного из людей Мэвума, знавших язык бушменов, стал расспрашивать дикарей о стране, лежащей за скалистой стеной. Пленники заявили, что сами никогда не осмеливались проникнуть туда, но слышали о ней от других. По их словам, страна эта холодна и чрезвычайно туманна, в ней живут рослые люди, одевающиеся в звериные шкуры и приносящие иностранцев в жертву Змею, а всех своих красивейших девушек они отдают в жены богу. Вот и все, что они знают об этой стране, так как немногие люди, про-

никшие туда, никогда не возвращались обратно. Очевидно, это — заколдованная страна.

Видя, что от этих людей более ничего нельзя добиться, Леонард отпустил их. Затем он приказал поселенцам готовиться к выступлению. Но здесь возникло новое затруднение. Переводчик повторил рассказ бушменов своим товарищам, и носильщики, вместо того чтобы складывать вещи путешественников, после короткого совещания в полном составе пошли к Леонарду.

— В чем дело, Петр? — спросил он вожака.

— Избавитель, мы не хотим идти туда на верную смерть. Правда, и назад трудновато идти, но все же лучше, так как хотя немногие из нас могут тогда вернуться живыми к своим хижинам; а если мы пойдем туда, — указал он на скалистую стену, — то все наверное умрем, принесенные в жертву дьяволу или Змею!

Леонард задумчиво пощипал свою бороду и, наконец, сказал:

— В таком случае, Петр, мне кажется, ничего более не остается сказать, кроме — прощайте!

Петр поклонился и пошел прочь со сконфуженным лицом. Хуанна остановила его. Вместе с Оттером и другими она молча слушала разговор и теперь впервые заговорила.

— Петр, — кротко сказала она, — когда ты и твои товарищи были в руках желтого дьявола, кто освободил вас?

— Избавитель.

— Так. А теперь, должно быть, мои уши обманывают меня или я действительно слышала, что ты и твои братья, со мной вместе спасенные Избавителем от позора и лишений, хотите покинуть его в минуту опасности?

— Ты слышала верно! — сказал печально Петр.

— Хорошо. Идите, дети Мэвума, моего отца, покиньте меня в нужде, но знайте, что я, белая женщина, пойду одна с Избавителем туда, куда вы боитесь ступить. Идите, дети моего отца, и пусть мир будет с вами, если это возможно. Как вы знаете, я верно предсказала гибель желтого дьявола; теперь я предскажу вам, что немногие из вас увидят снова свои краали и ты, Петр, не будешь в числе их. Те же, которые целы и невредимы вернутся домой, будут покрыты позором!

Поселенцы призадумались и затем все заявили, что пойдут за Хуанной хоть на край света.

Часть вторая В СТРАНЕ ТУМАНА

XVII НА ТОЙ СТОРОНЕ

Через час путешественники начали восхождение на скалистую стену, оказавшееся на самом деле еще более трудным, чем они предполагали. Дорог не было никаких, ибо люди, жившие за скалистой стеной, никогда не выходили на равнину, а немногие жители равнин почти никогда не отваживались подниматься по ее отвесам. За неимением других дорог путешественники следовали вдоль реки. Восхождение оказалось настолько трудным, что Леонард хотел уже бросить свою попытку взойти на скалистую стену и, следуя вдоль ее подошвы, постараться найти какую-либо иную дорогу, но Оттер, с ловкостью кошки взбиравшийся по отвесным скалам, с помощью веревки помог преодолеть наиболее опасные места, и поздно вечером путешественники, наконец, очутились на вершине стены. Ночь провели они, страдая от холода и ветра, пронизывавшего их до костей. Утром вся равнина оказалась покрытой туманом, который не исчез и к девяти часам, вследствие чего они решились продолжать свое путешествие под руководством Соа, следуя к северу по восточному берегу реки.

Целый день шли они, блуждая в тумане, как привидения, руководясь в своем пути лишь глухим журчанием реки. Ни одно живое существо не попало им навстречу, за исключением большого стада быков с прекрасной белой шерстью. Один из этих быков был убит Леонардом, ибо их пищевые запасы истощились.

Так как ночь близилась, то путешественники решили остановиться на ночлег. Во время заката солнца небо несколько прояснилось — по крайней мере, красный диск солнца стал виден сквозь туман, и они внезапно заметили гигантскую фигуру человека, одетого в козью шкуру, с большим копьем

в руке и с висевшим на бедре луком. Хуанна первая заметила его и с ужасом указала Леонарду на молча наблюдавшего за ними гиганта. Леонард, держа наготове ружье, бросился к тому месту, где стоял неизвестный, но тот исчез в тумане. Не успел Леонард вернуться к Хуанне, как в воздухе что-то просвистело и ударилось о землю вблизи него; нагнувшись, Леонард увидел большую стрелу с зазубренным острием и красными перьями на конце. Подняв свое ружье, он сделал выстрел по тому направлению, откуда была послана стрела, и приказал своему маленькому отряду приготовиться к защите, но никто более не появлялся. Ночь путешественники провели без сна, ожидая нападения и дрожа от холода; в довершение всех несчастий пошел крупный град. Настроение их не улучшилось, так как они увидели, что Соа говорила правду и что рассказы бушменов о великанах, покрытых шкурами,— не преувеличенные выдумки дикарей.

Наконец, наступило утро, пасмурное и туманное. Путешественники были едва живы от холода. Некоторые из носильщиков были так напуганы, что громко ворчали и думали было вернуться назад, но теперь никто из них не осмелился бы сделать и шага назад, кроме того, Леонард объявил им, что он предаст смерти каждого, кто выкажет ему малейшее неповиновение.

Промокшие до нитки, голодные и дрожа от холода, они продолжали свой путь по неизвестной стране. Соа с каждым часом становилась все злее и с горделивым видом выступала впереди. Целый день шли путешественники, не встретив ни одного человека; наконец, надвигавшийся мрак заставил их остановиться. Леонард и Оттер пошли разыскивать подходящее место для ночлега, где бы они могли раскинуть единственную имевшуюся у них палатку для Хуанны. Вдруг Оттер, издав громкий крик удивления, указал Леонарду на что-то видневшееся ярдах в ста перед ними.

— Смотри, баас, там дом, каменный дом, а на крыше растет трава!

— Глупости,— сказал Леонард,— просто куча камней. Впрочем, пойдем посмотрим!

Осторожно подойдя, они увидели, что это был действительно дом или подобие его, построенный из громадных необделанных камней, покрытый стволами маленьких деревьев, а сверху — зеленым дерном. В нем были два оконных и одно дверное отверстие, завешенные бычьими шкурами. Леонард позвал Соа и спросил у нее, что это такое.

— Это, без сомнения, дом пастуха, стерегущего стада короля или жрецов. Очень может быть, что здесь живет тот самый человек, который пустил вчера стрелу!

Убедившись, что внутри постройки никого не было, путешественники вошли в нее. Каменные стены из нетесаных камней, покрытые плесенью, земляной пол и убогая обстановка жилища дикаря имели в себе мало привлекательного, однако путешественники обрадовались возможности провести ночь под крышей. Бесчисленные насекомые беспокоили их, но все это были пустяки в сравнении с неудобствами предыдущих дней.

Прошла и эта тяжелая ночь, проведенная путешественниками на мокрой земле, и, наконец, настало утро. Туман рассеялся, и они могли ясно разглядеть местность. Они были в громадной равнине, мало-помалу возвышавшейся и оканчивавшейся у подножия величественной цепи гор со снежными вершинами. Нижние склоны горы были покрыты лесами.

Оттер взглянул вдаль своими ястребиными глазами и, наконец, спокойно сказал, обращаясь к Леонарду:

— Взгляни, баас. Старая ведьма не солгала нам. Вон там виден город «людей тумана»!

Взглянув по направлению, указанному карликом, Леонард разглядел в широкой излучине горной цепи, у ее подошвы, множество домов, построенных из серого камня и покрытых зеленым дерном.

— Да, это, очевидно, крааль великого народа, — продолжал Оттер. — Крепкий крааль. Взгляни, баас, как он превосходно защищен: сзади него такие горы, через которые никто не может перейти, а кругом стен течет река!

Некоторое время путешественники молча смотрели на открывшееся перед ними зрелище. Им казалось странным, что они достигли этого города. Какой-то прием они встретят за его стенами?

К полудню они приблизились к городу еще на пятнадцать миль и могли уже разглядеть его. Дома города были сгруппированы в виде улиц и построены так же, как и та хижина, где они провели ночь два дня тому назад. Между постройками выделялись по своей величине два здания, стоявших у самого склона горы. Одно из них своей конструкцией напоминало другие дома, но было окружено оградой, а другое, расположенное на возвышенности, имело вид римского амфитеатра. На дальнем конце этого амфитеатра стояла громадная каменная масса, имевшая грубое подобие человеческой фигуры.

— Что это за здание, Соа? — спросил Леонард.

— Нижнее — дворец короля, белый человек, а верхнее — храм Глубоких вод, он находится на том месте, где река берет начало в недрах гор!

— А что это за громадный камень по ту сторону храма?

— Это, белый человек, статуя бога, вечно охраняющего город своего народа.

— Должно быть, большой бог! — заметил Леонард, имея в виду размеры статуи.

— Он действительно велик, — отвечала она. — И мое сердце наполнилось страхом при одном взгляде на него.

После двухчасовой остановки путешественники снова тронулись в путь и скоро убедились, что их движение замечено. На дороге показались люди, одетые в козы шкуры с копьями в руках, луками и рогами. Подпустив путешественников ярдов на шестьсот, один из этих людей пустил в них стрелу и, протрубив в рог — по-видимому, это был сигнал, — исчез. Подойдя еще ближе, они ясно заметили вооруженных людей, переправляющихся в лодках и на паромках через реку. Вскоре все эти люди выстроились четырехугольником, пустым внутри, и весь полк, приблизительно тысяча вооруженных людей, двинулся им навстречу.

Положение становилось опасным.

XVIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ АКИ

Леонард обернулся и вопросительно посмотрел на своих спутников.

— Что делать? — спросил он.

— Мы подождем, пока они не подойдут ближе к нам, — ответила Хуанна, — затем я и Оттер пойдем одни навстречу им; я знаю песню, которой меня научила Соа. Не бойтесь, я хорошо выучила свой урок, и если все пойдет правильно, то они подумают, что мы — их исчезнувшие боги; по крайней мере, так говорит Соа!

— Да, если все пойдет правильно... А если нет?

— Тогда прощайте, — сказала Хуанна, пожав плечами. — Во всяком случае, мне надо подготовиться к эксперименту. Соа! Отнеси мой узел за те камни! — показала она рукой. — Да! Я забыла: мистер Утрам, вы должны дать мне ваш рубин!

Леонард отдал ей рубин, подумав, что, вероятно, он никогда уже не увидит его более. Во всяком случае, теперь нечего думать о рубинах, когда дело шло о спасении жизни.

Взяв драгоценный камень, Хуанна побежала за грудой скал на равнине, Соа пошла вслед за ней, неся узел.

Через десять минут Соа вышла из-за скал и окликнула путешественников. Подойдя к ней, они увидели интересное зрелище. За камнями стояла Хуанна в белом арабском одея-

нии, с открытыми шеей и плечами. Прекрасные волосы ее были распущены, доходя ей почти до колен, а над ее лбом, сверкая, как красный глаз, сиял большой рубин, искусно прикрепленный Соа посредством ленты.

— Взгляните на богиню и воздайте ей божеские почести! — сказала Хуанна, улыбаясь, но Леонард видел, что она дрожала от волнения.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сделать, но к своей роли вы очень подходите! — заметил он, ослепленный блеском ее красоты.

Хуанна покраснела, увидев восхищение в его глазах, и, обратившись к карлику, проговорила:

— Ну, Оттер, ты также должен подготовиться. Помни, что Соа говорила тебе. Что бы ты ни увидел и ни услышал, не открывай своего рта. Иди рядом со мной и делай то же, что и я, — вот и все!

Оттер, проворчав что-то, стал готовиться. Ему пришлось снять свою куртку и панталоны и остаться совсем нагим, исключая пояса, прикрытого мучей, местным костюмом жителей тумана.

— Что это значит? — спросил Петр, дрожавший от страха.

— Это значит, Петр, — сказала Хуанна, — что Оттер и я представляем собой богов этого народа. Если они нас примут за них — хорошо, если же нет — тогда мы погибли. Если мы будем признаны богами, остерегайтесь выдать нас малейшим неосторожным словом. Будьте благоразумны и молчаливы и делайте то, что мы время от времени будем говорить вам, если хотите остаться в живых!

Петр с удивлением отступил назад, а Леонард и Франциско обратили внимание на приближавшихся воинов людей тумана.

Медленно и в молчании приближались они, но их мерные шаги глухо отдавались в воздухе. Наконец, шагах в полтора-два они остановились. Леонард разглядел, что среди них не было ни одного человека ниже шести футов. В наружности их не было ничего отталкивающего, а большие глаза выражали странное спокойствие, спокойствие статуй. Все они были, по-видимому, хорошо дисциплинированы. У командиров кроме оружия в руках были еще трубы из рогов дикого быка.

Полк стоял молча, смотря на группу чужеземцев, или, скорее, на груды камней, за которыми они спрятались. В центре полка, построенного в виде пустого внутри четырехугольника, стояла группа людей, среди которых особенно выделялся могучей фигурой молодой воин, Леонард принял его за вождя или короля. Сзади него стояли советники, а впереди —

три пожилых человека с жестким выражением лица. Эти люди были обнажены до пояса и не имели при себе иного оружия, кроме ножей, прикрепленных к поясу. На груди их была вытатуирована голубой краской голова гигантского змея, очевидно, это были жрецы.

Пока путешественники наблюдали за ними, король, или вождь, отдал какой-то приказ, и командиры, приложив к губам рожки, протрубили какой-то сигнал.

Полк все еще продолжал стоять спокойно, смотря на камни, а три жреца приблизились к королю, или вождю, и стали с ним совещаться.

— Теперь пора! — сказала взволнованно Хуанна. — Если только они атакуют нас, все погибло: пустив только раз тучу своих стрел, они убьют всех нас. Пойдем, Оттер!

— Идите, Хуанна, — произнес Леонард. — Если что-нибудь случится, я постараюсь отомстить за вас прежде, чем буду сам убит. Идите и простите меня!

— В чем мне вас прощать? — сказала она, смотря на него сияющими глазами. — Разве вы не подвергались величайшей опасности ради меня?

— Да, иди, — заметила Соа, до сих пор чрезвычайно внимательно смотревшая на трех стариков в середине полка. — Здесь нечего бояться, если только этот глупец карлик будет держать свой язык за зубами. Я знаю свой народ и скажу тебе, что если ты споешь ту песню, то они объявят тебя и черного человека богами своей земли. Но торопитесь: солдаты скоро будут стрелять!

Соа была права: раздалась команда, и солнце засверкало на остриях тысячи стрел, направленных на путешественников.

Хуанна вскочила на большой камень и встала на нем во весь свой рост, освещенная яркими лучами солнца. При виде ее по рядам воинов пронесся шепот смущения. Громкий голос снова произнес команду, и стрелы воинов опустились к земле.

Тогда Оттер, прикрытый только мучей, вскочил на камень и стал рядом с Хуанной, и шепот солдат перешел в громкий крик удивления и страха.

Одно мгновение плохо подходящая друг к другу пара стояла вместе на камне, затем Хуанна соскочила с него, ее примеру последовал Оттер, и они вместе направились к воинам. Шагов двадцать Хуанна прошла в молчании, держа карлика за руку, а затем внезапно запела дикую, но мелодичную песню:

Я спала: плакали ли вы обо мне?

Я спала, но проснулась, мой народ.

Я не умерла, ибо никогда не могла умереть.
Теперь я вернулась назад.
Взгляните на меня, восставшую от сна;
Взгляните на странницу, долгожданную вами.
Повторите имя мое — Рассвет!

Воины со страхом и удивлением прислушивались к пению прекрасной женщины, приближавшейся к ним легкими шагами.

Подойдя к первым рядам, Хуанна остановилась, прекратив пение.

— Что же вы не приветствуете меня, дети детей моих? — громко спросила она.

Солдаты с ужасом смотрели один на другого, и Хуанна увидела, что ряды воинов вдруг раздвинулись и из-за них показались три старика, сопровождаемые вождем. Остановившись перед Хуанной в нескольких шагах, старший из них, которому было, по-видимому, лет девяносто, заговорил среди воцарившегося кругом молчания, обращаясь к молодой девушке:

— Кто ты? Женщина или дух?

— Я женщина и дух в одно и то же время! — ответила она.

— А тот, кто с тобою? — продолжал трепещущий жрец, показывая на Оттера. — Он бог или мужчина?

— Он бог и мужчина вместе!

— А те, — указал жрец на спутников Хуанны, — кто они?

— Это наши доверенные и слуги, люди, а не духи!

Три жреца стали совещаться между собой, а вождь с восхищением смотрел на прекрасную девушку. Старший из жрецов заговорил снова:

— Ты сказала нам на нашем собственном языке о таких вещах, которые долго были скрыты, хотя, быть может, о них еще помнят. Или, прекраснейшая, ты лжешь, и в таком случае вы все будете отданы на съедение Змею, против которого вы богохульствовали, или вы действительно боги, и тогда вам следует воздать божеские почести. Скажи нам твое имя и имя твоего карлика!

— Среди людей я слыла под именем Небесной Пастушки, а его звали Оттером, живущим в воде, но кроме этих мы имеем другие имена!

— Скажи нам их, Пастушка!

— В далеком прошлом я называлась Блеском, Зарей, Дневным светом, он — Молчанием, Ужасом, Мраком. Но в самом начале мы имели другие имена. Быть может, вы знаете их, слугители Змея.

— Быть может, знаем! — отвечали те. — А знаете ли вы?

— Эти священные имена в течение целых годов произносились изредка в полном мраке и с покрытою головою, — смело отвечала Хуанна, — а теперь, в час возвращения, их можно произносить громко, при свете дня. Слушайте, дети Змея, наши первоначальные имена: Ака — мое имя, мать Змея; Джаль — имя того, кто сам Змей! Ну, узнаете теперь нас?

Когда эти слова слетели с ее уст, вопль ужаса раздался в толпе воинов, и старший из жрецов закричал громким голосом:

— Падите ниц, дети Змея! Копьеносный народ, живущий в тумане! Ака, бессмертная королева, вернулась к нам. Джаль, бог, облекся в человеческую плоть. Олфан! Сложи власть: она принадлежит ему. Жрецы, раскройте перед ними двери храмов. Воздайте почести матери и честь — богу!

Все воины пали ниц, как один человек, громко крича:

— Ака, мать жизни, вернулась; Джаль, мрачный бог, облекся в плоть. Воздадим божеские почести матери и честь — богу!

Хуанна и Оттер стояли одни на ногах, все остальные лежали, распростершись на земле, за исключением, впрочем, вождя, по-видимому, не обнаруживавшего желания сложить свою власть в пользу карлика, независимо от того, был ли он богом или человеком. Оттер, с изумлением следивший за тем, что происходило перед его глазами и не понимавший ни слова, обратил внимание Хуанны, что вождь стоял на ногах. Великан, заметив, что карлик указал на него копьем, принял этот жест за изъявление гнева новоявленного божества. Суеверие взяло верх над гордостью, и он, подобно другим, опустился на колени.

Когда приветственные клики замолкли, Хуанна заговорила снова, обращаясь к старейшему из жрецов:

— Встань, дитя мое, — это дитя, надо сказать, могло быть ее прадедом, — и вы все встаньте, копьеносные воины и слуги Змея, и слушайте мои слова. Вы признали меня теперь по моему лицу, священному имени и красному камню. В давние времена моя кровь пролилась и превратилась в такие камни, которые вы ежегодно приносили в жертву тому, кто мой сын и кто убил меня. Теперь его царствование кончено. Конечно, он бог, но он снова любит меня как сын и с почтением преклоняет колена предо мной! Теперь проводите меня в город!

Хуанна медленно и важно, вместе с Оттером, стала отступать назад к куче камней, за которой стояли ее спутники, и пела все время, пока шла.

Хуанна и Оттер вернулись к своим спутникам, которые, лежа за камнями, с изумлением наблюдали за всем происшедшим. С души их скатилось тяжелое бремя, когда они увидели, что целый полк рослых людей простерся ниц перед молодой девушкой и карликом.

— Что случилось? — спросил быстро Леонард, когда Хуанна вернулась. — Ваш замысел, кажется, имел успех?

— Отошлите этих людей назад, и я скажу вам! — ответила Хуанна.

Когда Леонард исполнил это, молодая девушка разразилась истерическим смехом, ее напряженные нервы, наконец, не выдержали.

— Вы все должны с большим почтением относиться к Оттеру и ко мне, — сказала она, наконец, — потому что мы действительно боги. Не возмущайтесь, Франциско, я начинаю сама верить в это. Уверяю вас, что это факт. Они вполне признали нас за богов, и это — после пятиминутного разговора. Слушайте! — и она рассказала обо всем происшедшем.

Пока она говорила, полк начал двигаться уже не четырехугольником, а по отрядам. Отряд за отрядом проходили они мимо путешественников мерным шагом. Хуанна с Оттером опять стали на камне, и воины, проходя мимо них, бросали в воздух копыя с криками: «Слава матери! Слава Змею!» Наконец, последний отряд скрылся из глаз.

— Прекрасно, — сказал Леонард, — чем дальше, тем лучше, Хуанна! Вы — самая смелая и ловкая девушка в целом свете. Большинство молодых женщин на вашем месте забыли бы все и в критическую минуту упали в обморок!

— Я только, как попугай, повторяла то, чему меня научила Соа, — скромно сказала Хуанна, — я знала, что при малейшей ошибке с моей стороны буду убита, а это изощряет память. Скажу также, что если тот змей, о котором они так много говорили, хоть немного походит на изображенных на груди жрецов, то я не имею желания ближе познакомиться с ним. Я ненавижу змей. Если кого надо благодарить, так это Соа!

— Я с удовольствием сделаю это, — сердечно сказал Леонард, пришедший в самое лучшее настроение, — Соа, ты сказала нам правду и хорошо сделала свое дело, благодарю тебя!

— Разве ты принимал меня за лгунью? — отвечала старуха, устремив свои мрачные глаза в лицо Леонарда. — Я говорила тебе правду, Избавитель, что мой народ примет Хуанну и твою черную собаку за своих богов. Но разве я не гово-

рила тебе также, что остальным угрожает смерть? Если не говорила, то скажу теперь. Тебя не называли богом, Избавитель, ни этого Плешивого,— так туземцы звали Франциско из-за его тонзуры,— и твоя черная собака предаст вас своим тьякнъем. Когда ты увидишь челюсти Змея, ты вспомнишь, что Соа говорила тебе правду, Избавитель. Быть может, белый человек, в его желудке ты найдешь те красные камни, которых ищешь!

— Молчать! — сказала с негодованием Хуанна, и Соа отступила назад, как побитая собака.

— Проклятая старуха! — произнес с содроганием Леонард. — Это настоящий дьявол в юбке, но если мне суждено попасть в желудок Змея, то, надеюсь, я встречу и тебя там!

— Я, право, не знаю, что с ней сделалось. Воздух ее родины, очевидно, оказывает на нее плохое влияние! — сказала Хуанна.

— Все в руках будущего, а пока мы должны сами принять меры к тому, чтобы исход дела был для нас благоприятен. Оттер, слушай меня! — сказал Леонард и дал подробные указания карлику, как себя вести в роли бога.

Затем, позвав Петра и его товарищей, он сказал им, что замысел удался, Оттер и Хуанна приняты народом тумана за богов и для спасения всех необходимо стараться не подавать ни малейшего повода к сомнению в божественности Хуанны и Оттера.

Поселенцы быстро усвоили рассказ Леонарда и поняли, как им надо держаться.

Затем все направились к городу. Впереди шли двое белых мужчин, затем Хуанна с Оттером, сопровождаемые Соа, и, наконец, поселенцы. Через час они были на берегу реки, против города, к которому были подвезены на лодках. На другом берегу реки их ждали жрецы с двумя носилками, приготовленными для Хуанны и Оттера. Тысячи жителей толпились здесь, и когда божественная чета вступила на городскую почву, все простерлось ниц, разразившись криками приветствия.

Хуанна и Оттер не обратили на это никакого внимания. С подобающим достоинством они сели на носилки, и шествие тронулось. Сзади шли Леонард, Франциско и другие.

Солнце уже клонилось к закату, но путешественники могли еще достаточно ясно разглядеть город и население. Улицы были крайне грубо вымощены, дома стояли отдельно один от другого, окруженные садами. В городе имелась большая торговая площадь. Женщины были гораздо красивее мужчин, с прекрасными большими глазами и величественной походкой.

Перейдя торговую площадь, шествие подошло к воротам

нижнего из больших зданий, виденных с равнины; у дверей здания стояли жрецы с факелами. На дворе бил фонтан, и все здание отличалось грубою роскошью отделки. Судя по трону, стоявшему на дворе под навесом и сделанному из черного дерева и слоновой кости, здесь должно было быть жилище короля, что и оказалось впоследствии. Жрецы указали помещение для вновь прибывших: поселенцам в одном углу, Леонарду, Франциско и Соа — в другом; Хуанне и Оттеру отвели две отдельные комнаты во внутренней части дворца. Такое размещение было неудобно в том отношении, что они были отделены друг от друга, но пришлось покориться.

После ужина Леонард, прежде чем идти спать, заглянул на двор и встревожился, увидев у каждой наружной двери, ведущей в помещение, занятое путешественниками, часовых; перед дверьми Хуанны и Оттера стояли жрецы с факелами в руках. Когда Леонард хотел пройти мимо них, чтобы навестить Хуанну, они молча загородили ему дорогу своими большими копьями, и он принужден был оставить свою попытку.

— Зачем стоят жрецы перед дверьми Хуанны, Соа? — спросил Леонард.

— Они охраняют богов! — ответила та. — Без воли богов никто не может войти!

— Скажи, Соа, — спросил снова Леонард, — ты не боишься, что тебя узнают здесь?

— Много лет прошло с тех пор, когда я убежала отсюда, Избавитель, почему и думаю, что меня забыли, разве только жрецы откроют мою тайну посредством волшебства!

На следующее утро Леонард поднялся на заре и в сопровождении Франциско вышел на двор. Часовые уже не останавливали его, но жрецы по-прежнему стояли перед дверью Хуанны; Хуанна, услышав шум, вышла и приказала впредь беспрепятственно пропускать к ней ее спутников.

Путешественники вошли, и за ними закрылся занавес двери.

— Я так рада видеть вас, — сказала Хуанна. — Вы не знаете, как страшно мне было одной пробыть всю ночь в этой большой комнате. Я боюсь этих величественных жрецов, стоящих у дверей. Женщины, принесшие мне вчера пищу, все время бродили около и выли, как собаки. Это было ужасно!

— Очень жаль, что вы оставались одни, — сказал Леонард. — Но вы должны попытаться устроить иначе. Соа, по крайней мере, может спать с вами. А где Оттер? Надо навестить его! Я хочу посмотреть, как чувствует себя бог.

Хуанна подошла к двери и сказала жрецам, что она со своими слугами желает быть допущена к Змею. Они после некоторого колебания дали ей дорогу, и все четверо вошли во

дворик, в котором не было видно ни одного человеческого существа. Войдя в примыкавшую к нему комнату, они увидели любопытное зрелище. В громадном кресле под балдахином сидел Оттер с самым яростным видом. Четыре жреца, распростершись ниц перед ним, лежали на полу, беспрестанно бормоча молитвы.

— Здравствуй, баас! — вскричал он, вскакивая со своего места при виде Леонарда. — Здравствуй, Хуанна!

— Идиот! — сказал по-голландски Леонард, говоря самым смиренным тоном и преклоняя колени. — Если ты не вспомнишь, что ты бог, то я оплачу тебе за это, когда мы останемся одни. Вышли этих людей. Хуанна переведет им твои слова!

— Вон, собаки, — закричал на них Оттер, — вон и принесите мне пищи. Я хочу говорить с моим слугой, имя которого баас, и с моей матерью!

— Вот слова Змея, которые он произнес на священном языке! — сказала Хуанна, переводя слова Оттера жрецам.

Четверо дикарей встали и, низко нагнувшись, попятились задом из комнаты. Как только они ушли, Оттер оставил свой трон с восклицианием бешенства, заставившим прочих разразиться смехом.

— Смейся, баас, смейся, если хочешь, — сказал карлик, — ты никогда не был богом и не знаешь, что это такое. Что ты думаешь, баас? Всю ночь я просидел на этом большом стуле, а эти проклятые собаки жгли под моим носом вонючие курения и что-то бормотали. Еще час, — и я бросился бы на них и убил бы их, так как ничего не ел и голод делает меня безумным!

— Тс... — сказал Леонард, — я слышу шаги. Живее на своей трон, Оттер! Хуанна, станьте рядом с ним, а мы опустимся на колени!

Едва они успели сделать это, как занавес был откинут и вошел жрец, неся деревянный сосуд, покрытый материей. Медленно подполз он к трону с головою, почти касавшеюся его колен.

Затем, внезапно выпрямившись, он протянул сосуд, провозгласив громко:

— Мы принесли пищу, о Змей! Ешь и будь удовлетворен!

Оттер взял сосуд и, сняв покрывало, жадно взглянул на его содержимое, но был страшно разочарован.

— Собачий сын! — возмущался он на своем собственном языке. — Разве такую пищу надо подавать мужчине?

И, нагнув вниз сосуд, он показал его содержимое.

Там находилось немного овощей и водяных растений в сыром виде. В середине их был помещен прекрасный рубин, согласно какой-нибудь религиозной традиции или для укра-

шения — неизвестно. Леонард с удовольствием посмотрел на драгоценный камень, но карлик под влиянием голода, забыв о том, что его господин совершил далекое путешествие в поисках за такими камнями, пришел в ярость и, схватив рубин, швырнул его в лицо жрецу.

— Разве я угорь,— заревел он,— чтобы питаться травой и красными камнями?

Жрец, испуганный странным поведением божества, поднял рубин и убежал вон из комнаты.

Хуанна и Франциско разразились неудержимым смехом, и даже Соа удостоила улыбнуться, но только Леонард не смеялся.

— О осел!— горько сказал он.— Что ты сделал? Ты швырнул жрецу в лицо драгоценный камень, и он уже никогда не будет приносить их опять!

Оттер пришел в такое уныние и был так жалок, что Леонард простил его, заставив только съесть принесенную пищу.

Едва Оттер покончил с едой, как за дверьми раздались шаги, и в комнату снова вошли жрецы, во главе со стариком, с которым Хуанна говорила при первой встрече с детьми тумана. Его звали Нам.

Леонард стоял в это время возле Соа и заметил, что она, взглянув в лицо старого жреца, с трепетом отступила назад за трон.

Нам распростерся ниц перед богами и затем стал произносить речь, содержание которой Хуанна постепенно переводила своим спутникам. Жрец изъявил горькое сожаление о том, что Змею было нанесено оскорбление поднесением среди пищи красного камня, известного под названием «кровь Аки». Сделавший это человек должен был поплатиться своей жизнью. Он должен был понимать, что после того как мать и Змей примирились между собой, подносить Джалю эти камни — значит, напоминать ему о совершенном некогда грехе. Такой безумный поступок мог навлечь проклятие на всю страну. Пусть Змей будет спокоен. Уж отдано приказание спрятать эти камни в самое сокровенное место, и это сделал тот самый человек, кто совершил преступление. Если он вернется живым оттуда, то будет убит, но он не вернется из места, куда его послали, и в стране нельзя будет найти ни одного камня, который бы напоминал матери о прошедшем.

— О. Оттер, мой друг,— произнес про себя Леонард,— если я не заплачу тебе за это, то имя мое тогда не Утрам!

— Но довольно говорить о камнях,— продолжал Нам,— я пришел сообщить о более важной вещи. Этой ночью в храме будет собрание всего племени, за час до восхода луны, чтобы мать и Змей могли принять бразды правления над

страною в присутствии всего народа. В надлежащее время жрецы проводят в храм богов и их слуг!

Хуанна наклонила свою голову в знак согласия, и жрец повернулся, чтобы уйти, но прежде чем сделать это, он спросил снова, все ли идет так, как боги желают.

Хуанна велела ему выдавать всем ее слугам пищу и, кроме того, приказала принести рубины, так как «Змей прощает нанесенное ему оскорбление», а она хочет «посмотреть на свою кровь», пролитую много лет тому назад.

— Увы! Это невозможно, матушка! — отвечал тоном сожаления жрец. — Все камни, красные и голубые, сложенные в кожаных мешках, скрыты вместе с оскорбителем в таком месте, откуда их невозможно достать. Других же в это время года нельзя добыть, так как они лежат глубоко в земле, покрытой теперь снегом. Летом, когда солнце растопит снег, их можно найти, если только ваши глаза желают видеть их блеск!

Хуанна не ответила ничего, и жрец вышел. Леонард громко выругался, да и все были в унынии. Оттер заплакал от горя.

— Кто же мог бы знать это, баас?! — простонал он. — Вид зеленой пищи привел меня в бешенство. Теперь все погибло, и я должен еще несколько месяцев быть богом, если они только не откроют, кто я на самом деле!

— Ничего, Оттер, — сказал Леонард, почувствовав страдание к карлику при виде его искреннего горя. — Ты потерял эти камни, ты и найдешь их потом как-нибудь. Соа, отчего ты спряталась, когда вышел старый жрец?

— Потому, что это мой отец, Избавитель! — сказала она.

Леонард свистнул: возникло новое осложнение. Что если Нам узнает ее?

XX

ХРАМ ДЖАЛЯ

В большом смущении Леонард простился с Хуанной, обещая вскоре вернуться, и пошел навестить поселенцев.

Он нашел их в довольно хорошем помещении, причем они были обильно снабжены пищей и находились в тепле. Однако настроение их было подавленное, и они умоляли Леонарда не оставлять их одних, говоря, что каждую минуту ожидают, что их убьют. Он успокоил их как мог, обещав вскоре вернуться и напомнив, что жизнь их зависит от поддержания веры в божественность Хуанны и Оттера.

Остаток дня прошел довольно грустно. После первого возбуждения, вызванного их странным положением, наступила реакция, и все чувствовали себя в угнетенном состоянии духа. Молча сидели все в большой комнате, часам к десяти погрузившейся в полнейший мрак. За дверями слышались монотонные голоса жрецов, бормотавших молитвы. Наконец, Леонард, на которого эта картина навевала тоску, встал, объявив, что он пойдет погулять. Подойдя к большим воротам во дворе дворца, он стал смотреть сквозь них.

Туман немного рассеялся, и шагах в ста он увидел двери храма и его стены, футов в пятьдесят высоту. Там шли приготовления к церемонии и кучки народа толпились у дверей. Больше он ничего не разглядел, так как ворота дворца были заперты и часовые не пропустили его. До захода солнца стоял он и наблюдал, а затем вернулся к своим спутникам.

Прошел еще час. Занавес над входом в комнату был внезапно отдернут, и появились двенадцать жрецов со свечками в руках во главе с Намом. Простершись ниц перед Хуанной и Оттером, они молча лежали на полу.

— Говорите! — сказала, наконец, Хуанна.

— Мы пришли, о мать и о Змей, — сказал Нам, — вести вас в храм, чтобы народ мог взглянуть на своих богов!

— Хорошо, веди! — ответила Хуанна.

— Но сначала надо облачить тебя, матушка, — сказал Нам, — так как вне храма созерцать тебя никто не должен, кроме жрецов!

Он подал ей платье, вынутое одним из его помощников из большого кожаного мешка. Платье спереди застегивалось на пуговицы, сделанные из рога, и соткано было из мягкой шерсти черного козла. Платье было с рукавами и глухим капюшоном с двумя отверстиями для глаз и одним для рта.

Хуанна удалилась, чтобы одеться, и вскоре появилась снова в виде средневекового монаха. Жрецы дали ей в руки по белой и красной лилии, и весь ее туалет был, по-видимому, окончен. Затем они подошли к Оттеру и повязали ему лоб бахромой из шерсти, закрывавшей его глаза, а в руки дали скипетр из слоновой кости, очевидно, весьма древней работы, в виде змея, стоявшего на своем хвосте.

— Все готово! — сказал Нам.

— Ждите нас, — ответила снова Хуанна. — Но пусть с нами пойдут все наши слуги, кроме этой женщины, которая будет здесь ждать нашего возвращения!

Соа просила не брать ее в храм, на что Хуанна и согласилась, посоветовавшись с Леонардом, заметившим, что, вероятно, она имеет свои основания для этой просьбы.

— Они пойдут также, — сказал Нам, — и для них все при-

готовлено! — И усмешка скривила его сморщенное лицо.

Леонард встревожился, спрашивая самого себя, что такое могло быть для них приготовлено?

Все вышли во двор, где стояли вооруженные воины и двое носилок. Здесь же были и поселенцы с оружием в руках, испытывавшие сильный страх, так как их окружало около пятидесяти вооруженных воинов.

Хуанна и Оттер заняли места на носилках; позади носилок Леонард построил свой маленький отряд, став во главе его вместе с Франциско. У обоих в руках были ружья и револьверы за поясом; никто не отнял у них оружия, не зная его употребления. Затем они тронулись в путь, окруженные жрецами, размахивавшими зажженными факелами и распевавшими гимны, а спереди и сзади процессии шли ряды воинов, на копьях которых также горели факелы. Пройдя ворота дворца, процессия вступила на площадь, перейдя которую, подошла к широко распахнутым дверям храма.

Здесь Хуанна и Оттер сошли со своих носилок, и все факелы были потушены.

Леонард почувствовал, что его взяли за руку и повели неизвестно куда. Он не мог даже разглядеть лица ведущего его жреца, настолько темно было. По доносившемуся до него шуму он догадался, что и остальных вели подобным же образом. Раз или два он слышал голоса поселенцев, и восклицания ужаса или жалобы, за которыми следовал шум борьбы, произведенный, без сомнения, жрецами или солдатами, принуждавшими к молчанию нарушителей тишины. Вскоре Леонард догадался, судя по спертому воздуху, что они вступили в какое-то закрытое помещение.

— Должно быть, мы в туннеле! — прошептал он Франциско.

— Молчи, собака,— прошипел ему на ухо жрец.— Молчи, здесь священное место!

Они не поняли значения слов, но в тоне голоса совершенно ясно слышалась какая-то угроза. Леонард замолчал и только крепче сжал дуло ружья. Что это за место, куда их вели, быть может — тюрьма? Они скоро узнают это; казалось невероятным, чтобы эти варвары причинили какой-либо вред Хуанне. По туннелю или коридору они шли шагов полтора-ста. Сначала пол коридора постепенно понижался, затем стал ровным и, наконец, перешел в подъем, имевший ступени. Этих ступеней Леонард насчитал шестьдесят одну, высотой дюймов в десять каждая. Поднявшись на верх лестницы, они через семь шагов вступили опять в туннель, настолько низкий, что, проходя его, должны были нагибать головы. Выйдя через узкое отверстие, они очутились на платформе, сделан-

ной также из камня, и почувствовали веяние холодного ночного воздуха.

Мрак был так густ, что Леонард ничего бы не мог сказать, где он находится, но где-то далеко под ногами слышалось журчание воды и смешанный гул, как будто шепот тысячи людей. По временам доносился также шелест, напоминавший шум листьев в лесу или шуршание платьев многочисленных женщин. Ощущение, что он находится неизвестно где, шум воды и громадной толпы народа казались до такой степени странными, что ему представлялось, будто бесчисленный сонм духов окружил и следовал за ними.

Леонарду хотелось громко крикнуть, так велико было напряжение его нервов, обычно крепких, и он не один испытывал такое желание. Вдруг он услышал снизу истерические голоса нескольких людей и сердитый возглас жреца, приказывавшего молчать. Рыдания и смех перешли в страшный визг, за которым послышался шум борьбы, падение чего-то тяжелого, стон, и снова невидимые толпы народа шептались и шуршали платьями.

— Кого-то убили,— пробормотал Франциско на ухо Леонарду.— Кого только?

Леонард вздрогнул, но не успел ответить, так как рука жреца угрожающе закрыла ему рот.

Наконец, тягостное молчание было нарушено, и послышался голос старого жреца Нама. Среди царившей тишины могло быть слышно ясно каждое слово, но слова жреца доносились откуда-то издали, и звук их был тих и слаб. Вот что он говорил, как сообщила им после церемонии Хуанна:

— Слушайте меня, вы, дети Змея, древний народ тумана! Слушайте меня, Нама, жреца Змея! Прошло много поколений с начала времен,— так говорит легенда,— как мать-богиня, которую мы издревле почитаем, спустилась к нам с неба вместе со Змеем, своим сыном. Пока она была в стране, совершилось страшное преступление, мрак убил дневной свет, и свет ушел отсюда; мы не знаем, как и куда. С этого времени страна стала землей тумана; народ ее начал блуждать в тумане, и тот, кому имя Мрак, стал править над ним, отвечая смертью на его молитвы. Но в наказание за преступление Змей должен был лишиться человеческого вида и удалиться в священное место, где, как знаем мы и знали наши отцы, его символ обитает вечно в воде, требуя себе в жертву людей!

Но еще до убийства мать дала обещание своему народу.

«Я умру от руки того, кого родила, так назначено судьбою,— сказала она,— но оставлю вас не навсегда, и не вечно Змей будет нести наказание. Много поколений пройдет, и,

наконец, мы вернемся править нашей страной снова. Занавес тумана будет снят с вашей страны, и вы будете велики на земле. До тех пор избирайте себе королей и пусть они управляют вами. Не забывайте почитать меня и наблюдать за тем, чтобы алтарь Змея был постоянно влажен от крови и чтобы он не терпел лишений. А вот знак, по которому вы узнаете, что час забвения, наконец, наступил!

Я вернусь к вам в виде прекрасной белой девушки, а Змей из-за своего греха — в виде черного, отвратительного лицом карлика, фигура которого находится в нашем храме. Так мы вернемся к вам снова и вы узнаете нас, тогда мы скажем вам наши священные имена, которые отныне и до часу нашего возвращения не должны быть произносимы громко.

Но берегитесь, чтобы лживые и обманчивые боги не появились среди вас, так как тогда на вас обрушатся несчастья и солнце скроет свое лицо».

Так, дети тумана, говорила мать тому, кто был ее главным жрецом в те отдаленные времена. И вот теперь наступило назначенное время, и мне, его преемнику, в своем старческом возрасте удалось увидеть исполнение обещанного. Народ тумана! Бессмертные боги, имена которых священные, снова явились править своими детьми. Они пришли вчера, и вы сами слышали, как они громко называли священные имена.

Леонард стоял молча на одном месте некоторое время, затем быстро шагнул вперед, чтобы узнать, где он находится. Но едва он успел сделать один шаг, как почувствовал, что его правая нога встретила пустое пространство, и он чуть-чуть не свалился неизвестно куда.

Удержавшись, однако, он придвинулся назад к Франциско, шепнув ему, что при каждом неосторожном движении он рискует своей жизнью. Ночной мрак начал немного проясняться, возошла луна, и ее лучи осветили небо и верхушки гор.

Теперь Леонард мог различить, что влево от него высоко поднималась в воздухе черная масса, и что далеко внизу виднелось что-то вроде тени на поверхности бурлившей воды. Несколько времени он смотрел на эту воду, пока глухое восклицание Франциско не заставило его снова взглянуть вверх. Луна вышла из-за стен храма, и открылось удивительное зрелище.

Перед ним, глубоко внизу, стояло громадное здание без крыши, открытое с востока, занимавшее около двух акров пространства и окруженное громадной стеной, футов пятьдесят высотой. Здание это имело вид римского амфитеатра, все ступени которого были заняты сотнями людей, мужчин и женщин. На западной стороне храма возвышалась громадная

статуя, имевшая в высоту футов семьдесят или восемьдесят, сделанная, вероятно, из массива скалы. За этим колоссом, не далее ста шагов от него, поднимались высокие горы с вечно снежными вершинами.

Колосс имел вид громадного карлика с безобразным лицом, сидевшего с вытянутыми вперед руками, но с согнутыми локтями. Статуя стояла на платформе, выделанной из скалы; не далее как в четырех шагах от ее основания виднелся внизу круглый бассейн, в котором кипела и бурлила, как в котле, вода. Откуда она шла и куда направлялась, этого разглядеть было нельзя, но Леонард узнал впоследствии, что здесь-то и брала начало река, берегом которой они шли так много дней.

Выйдя из бассейна подземными ходами, пробитыми водой в скалах, она двумя потоками окружала городские стены, снова соединяясь на равнине. Между ступенями, расположенными рядами вокруг бассейна, и подножием статуи стоял алтарь, или жертвенный камень. На передней стороне этого алтаря, занимавшего поверхность целой комнаты, лежал священный человек, в котором Леонард узнал короля Олфана, а сбоку алтаря стояли жрецы, вооруженные ножами. Среди них была видна кучка поселенцев, дрожавшая от страха. Опасения их были небезосновательны, так как один из них был уже мертв. Это был тот человек, нервы которого не выдержали, и он издал вопль ужаса в темноте и за это был задушен.

Все это Леонард разглядел постепенно, но первое, что осветили блестящие лучи луны, скользя по амфитеатру, была громадная голова идола, и на ее поверхности, на высоте семидесяти футов от земли и около ста от уровня бурлившей в бассейне воды, сидела на троне из слоновой кости Хуанна. С нее был снят черный балахон, вместо которого было надето белоснежное платье, низко вырезанное на груди и перетянутое в талии поясом. Темные волосы были распущены, и в каждой руке она держала лилии, белую и красную, а на лбу блеснул, как красная звезда, рубин. Она сидела спокойно, но глаза ее были широко раскрыты от ужаса. Сначала лунный луч блеснул на драгоценном камне, потом осветил ее бледное, прекрасное лицо, затем белоснежные руки и грудь, белое платье и, наконец, подножие ее трона.

Когда луна осветила и нижние части статуи, Леонард увидел и Оттера. Карлик, не имея другой одежды, кроме пояса и бахромы на лбу, сидел тоже на троне, держа в своей руке скипетр из слоновой кости. Трон его, сделанный из черного дерева, был расположен на коленях колосса, футов на сорок ниже того места, где сидела Хуанна.

Наконец, Леонард разглядел и место, где находились он

и Франциско. Место было ужасно. Они стояли вместе с двумя жрецами на кисти правой руки идола, образовавшей маленькую платформу, поверхностью не более шести футов, на которую они взошли, пройдя через туннель, сделанный в руке идола. Никакой ограды не было вокруг, а перед ними и с обеих сторон на глубине девяти-десяти футов виднелась поверхность воды, а в пятидесяти футах — скалистая платформа. Вначале Леонард чуть не потерял сознание, но, сделав над собой необыкновенное усилие воли, устоял на месте, опершись на ствол ружья.

Внезапно он вспомнил о Франциско и поспешил открыть свои закрытые было глаза, чтобы не глядеть на зиявший в глубине водяной бассейн. Взглянув, он увидел, что священник уже потерял сознание от ужаса и, опустившись на колени, качался взад и вперед. Леонард проворно схватил Франциско за ярусу и таким образом удержал от падения.

Два жреца Змея, спокойно стоявшие на платформе, как будто под ногами их была твердая земля, увидав все происходившее, не пошевелились. Леонард заметил только, что на их лицах сверкнула злобная радость, и сердце его тоскливо сжалось. Что, если они ждут сигнала сбросить его вниз? Это могло случиться. Он уже видел их обряды и понял, что религия, исповедуемая ими, требовала крови и человеческих жертвоприношений.

XXI

КАК ХУАННА ПОКОРИЛА НАМА

Еще царило молчание и луна поднималась все выше и выше, освещая все большее и большее пространство; наконец, ее лучи скользнули по поверхности воды, и весь амфитеатр был освещен луной.

Тогда снова раздался голос Нама, стоявшего вместе с тремя помощниками на платформе левой руки колосса.

— Слушайте, вы, живущие в тумане дети Змея! Вы видели ваших древних богов, ваших отца и мать, вернувшихся назад, управлять вами и вести всех вас к миру, богатству, могуществу и славе. Вы видите их теперь. Скажите, верите ли вы в них и принимаете ли их? Отвечайте все до одного, громким голосом!

Могучий рев раздался в ответ на слова жреца:

— Верим и принимаем!

— Хорошо! — сказал Нам, когда шум затих. — Слушайте, вы, высокие боги, Ака и Джаль! Удостоьте выслушать вашего жреца и слугу, говорящего от имени ваших детей, народа

тумана. Царствуйте и управляйте нами! Примите власть и жертвы и живите в жилище королей. Мы возвращаем вам управление над всей землей, жизнь каждого человека в ваших руках, вам принадлежат все стада скота, город и его войско. В вашу честь алтари будут обагряться кровью, крики жертв будут музыкой для ваших ушей. Вы будете смотреть на того, кто издавна сторожит страшное, таинственное место, и он будет ползать под вашими ногами. Как вы правили нашими отцами, так управляйте и нами согласно издревле установленным обычаям. Слава тебе, о Ака, и тебе, о. Джаль, наши бессмертные боги!

Все собрание загудело вслед за жрецом:

— Слава тебе, Ака, и тебе, Джаль, наши бессмертные боги!

Затем Нам заговорил снова:

— Выведите вперед прекрасную девушку, назначенную для Змея, чтобы он мог посмотреть на нее и взять себе в жены. Выведите также и ту, которая двенадцать месяцев тому назад была обручена с каменным изображением, чтобы она пристилась со своим господином!

Около идола послышался шум, и с каждой стороны его показались по одной женщине, которых вели за руку жрецы к небольшому пространству между подножием статуи и краем бассейна. Девушки были поставлены одна по правую сторону алтаря, а другая — по левую. Обе они были высоки ростом и отличались несколько устрашающей красотой женщин народа тумана. Одна, поставленная вправо от алтаря, была совершенно обнажена; только пояс из козловой шкуры и роскошные распущенные волосы прикрывали ее наготу. На голове ее был надет венок из красных лилий. Стоявшая влево от алтаря была, наоборот, одета в черное платье, кругом которого было вышито изображение кроваво-красного змея, голова которого находилась на ее груди. Леонард заметил, что лицо женщины было искажено ужасом и вся она дрожала, тогда как вид другой, с венком на голове, был веселый и надменный.

Одно мгновение обе женщины стояли неподвижно у алтаря. Затем, по знаку Нама, увенчанная цветами была выведена вперед и трижды склонила свои колени перед идолом или, правильнее, перед Оттером, молча смотревшим на девушку, решительно не понимая значения происходившей на его глазах церемонии. Как оказалось впоследствии, он не мог бы действовать более мудро, по крайней мере, в интересах невесты, так как молчание служило знаком согласия.

— Взгляните, бог принимает ее! — воскликнул Нам. — Красота девушки приятна для его глаз. Стань в стороне, Сага

благословенная, чтобы народ мог посмотреть на тебя. Привет тебе, жена Змея!

Торжествуя улыбаясь, девушка отошла назад к своему месту у алтаря. Толпа загремела:

— Привет тебе, невеста Змея! Привет тебе, благословенная избранница!

Потом вывели и другую женщину, одетую в черное платье и она тоже совершила обряд преклонения перед идолом.

— Долой ее, чтобы она могла найти своего господина в его жилище! — яростно кричал Нам.

— Долой ее, ее дни кончены! — заревела толпа.

И не успела Хуанна вмешаться, не успела произнести хоть одно слово, как два жреца стащили с несчастной платье и одним взмахом швырнули ее далеко в бассейн с бурлившей водой. С криком упала несчастная в воду, и тело ее стало швырять из стороны в сторону бурными волнами. Вся толпа, наклонившись вперед наблюдала за нею. Леонард, нагнувшись вперед, также смотрел вниз.

Вода под ногами идола зашумела, и показалась голова громаднейшего крокодила. Глаза чудовища были величиной с кулак, желтые челюсти подобны пасти льва, и с нижней из них свешивались клочья белого мяса, придававшие ему вид бородатого козла. Кожа гигантского пресмыкающегося, имевшего в длину не менее пятидесяти футов, а в толщину четыре, была покрыта огромными наростами. Действительно, по внешнему виду чудовище, видимо, было очень старо.

Услышав шум в воде, пресмыкающееся выползло из пещеры под ногами идола, где оно скрывалось, чтобы найти свою обычную пищу из человеческих жертв, время от времени бросаемых ему. Подняв отвратительную голову и посмотрев вокруг, чудовище, наконец, нашло девушку и в одно мгновение исчезло с нею в глубине бассейна.

Пораженный ужасом, Леонард откинулся назад и взглянул вверх на Хуанну. Она согнулась в своем кресле, и ее глаза были закрыты, оттого ли, что она была без сознания, или просто сомкнуты, чтобы не видеть ужасного зрелища. Затем Леонард взглянул на Оттера. Карлик, смотря пристально на воду, спокойно сидел, подобно каменному изображению, подерживавшему его.

— Змей принял жертву! — вскричал снова Нам. — Змей взял ту, которая была его невестой, чтобы жить с ней в его священном жилище. Продолжим дальше жертвоприношение. Возьмите Олфана, бывшего короля, и принесите его в жертву. Сбросьте белых слуг матери. Схватите рабов, которые стояли перед нею на равнине, и принесите их в жертву. Выведите вперед пленных и принесите их в жертву. Совершим жертво-

приношение, установленное обычаем при короновании королей, чтобы бог, имя которому Джаль, был успокоен, чтобы он мог слушать просьбы своей матери, чтобы солнце светило нам, чтобы земля наша была плодотворна и чтобы мир был внутри наших стен!

Так кричал жрец, и Леонард почувствовал, что кровь стынет в его жилах и волосы на его голове поднимаются дыбом, так как, не понимая слов жреца, он догадывался об их значении. Он взглянул на двух жрецов, стоявших возле него, и мужество снова вернулось к нему. По крайней мере, у него есть ружье, и он будет сражаться за свою жизнь.

Жрецы внизу уже схватили Олфана, чтобы положить его могучее тело на жертвенный камень, но вдруг Хуанна заговорила в первый раз, и глубокое молчание воцарилось в храме.

— Слушайте, дети тумана! — начала она, и ее звучный голос, хотя слабо, но совершенно ясно был слышен среди ночной тишины. — Слушайте меня, народ тумана и вы, жрецы Змея. Ака и Джаль вернулись на землю, и вы вернули им управление; в их руках находится теперь жизнь каждого из вас. Как было сказано в древнем предании, мать оделась красотою, символом жизни и плодородной земли; сын — чернотою и безобразием, символом смерти и зла, рассеянного по земле. Теперь вы хотите принести жертвы Джалю согласно старому обычаю, чтобы он успокоился и слушал просьбы своей матери, чтобы земля была плодородна. Не это успокоит Джалья и не из-за жертвоприношения людей Ака будет упрашивать его, чтобы счастье царствовало в стране!

Слушайте! Старый закон уничтожается, и мы даем новый закон. Теперь час примирения, теперь жизнь и смерть должны идти рука об руку, и после долгих лет сердца Аки и Джалья сделались кроткими; они уже не жаждут людской крови, как жертвоприношения своему величию. Отныне вы будете приносить им плоды и цветы, а не жизнь людей. Смотрите, в моей руке я держу зимние лилии, белую и красную; одна бела, как снег, другая — цвета крови. Красную, выросшую на крови жертв, я бросаю прочь, а белый цветок любви и мира кладу себе на грудь. Он уничтожен, старый закон. Смотрите, он падает в жилище Змея, его родину; а новый закон расцветает над моим сердцем и внутри его. Так ли, мои дети, народ тумана? Принимаете вы или нет мое прощение и любовь?

Толпа смотрела, как красный цветок упал на поверхность воды. Затем, как один человек, толпа взглянула вверх и увидела на груди Хуанны белый цветок. Движимые общим побуждением, тысячи людей встали со своих мест с криком:

— Прошел день крови и жертв, настал день мира! Благодарим тебя, мать, и принимаем твое прощение и любовь!

Затем все снова смолкли и уселись на своих местах.

Верховный жрец Нам был уничтожен. В первый раз в течение всей своей жизни он должен был признать над собой господ в лице тех самых богов, которых он провозгласил.

— Пусть будет так! — сказал он.— Старый обряд уничтожается и вводится новый!

Его помощники развязали бывшего короля Олфана, и он поднялся с камня смерти.

— Олфан,— закричала сверху Хуанна,— мы, взявшие у тебя власть, отдаем тебе жизнь, свободу и честь. В оплату за это служи нам верно, или ты будешь лежать снова на этом камне. Клянешься ли ты нам в верности?

— Навеки! Клянусь! — ответил Олфан.

— Хорошо. Мы поручаем тебе командование войском наших детей. Прими под свою власть снова всех. Прикажи тем, кто привел нас сюда, отвести нас обратно в наше жилище и поставь около нас стражу, чтобы никто не побеспокоил нас. А вы, наш народ, пока прощайте. Идите с миром и спокойно живите под сенью нашего могущества.

XXII

РАССКАЗ ОЛФАНА О РУБИНАХ

Выйдя на свежий воздух, Леонард увидел, что Хуанна и Оттер, заняв свои места на носилках, уже направлялись к дворцу.

У ворот дворца их встретил Олфан с сотней солдат, поднявших копыя в знак приветствия при их приближении.

— Олфан, слушай наше приказание! — сказала Хуанна.— Не позволяй ни одному жрецу Змея войти в ворота дворца. Мы даем тебе власть над их жизнью и смертью. Поставь стражу у каждой двери и войди с нами!

Бывший король поклонился и отдал несколько приказаний, услышав которые, мрачные жрецы с ропотом отступили назад. Затем Хуанна и ее спутники прошли двор и вступили в комнату, где Хуанна провела предыдущую ночь. Здесь для них была приготовлена пища. Соа внимательно осмотрела всех вошедших и особенно Леонарда и Франциско, как будто она не ожидала увидеть их снова.

— Слушай, Олфан,— сказала Хуанна,— мы сегодня ночью спасли тебе жизнь и ты поклялся нам в верности, не так ли?

— Да, королева,— ответил воин,— и я буду верен своей клятве. Это сердце бьется для тебя одной. Жизнь, которую ты мне возвратила,— твоя, и для тебя я живу и умру за тебя!

Олфан смотрел на нее с таким выражением, что, по-видимому, как показалось Хуанне, к его суеверному чувству обожания примешивалось другое чувство восхищения мужчины перед женщиной. Не начал ли он подозревать, что она совсем не богиня? Время покажет все, но пламя, горевшее в его глазах, встревожило Хуанну.

— Не бойтесь,— продолжал Олфан,— тысяча человек будут охранять вас днем и ночью. Могущество Нама сокрушено, и теперь все ваши слуги могут спать спокойно!

— Хорошо, Олфан! Завтра утром ты снова придешь ко мне, так как нам надо о многом поговорить с тобой. А пока зорко смотри!

Олфан, поклонившись, ушел, и они, наконец, очутились одни.

После ужина по просьбе Леонарда Хуанна перевела все, что было сказано в храме. Внимательнее всех отнеслась к ее рассказу Соа.

— Скажи, Соа,— обратился к старухе Леонард, когда Хуанна окончила свой рассказ,— ты не ожидала, что мы вернемся?

— Нет, Избавитель! — согласилась она.— Я думала, что все вы будете убиты; это бы и случилось, если бы не Хуанна. Но я осталась здесь потому, что тот, кто хоть раз видел Змея, не захочет смотреть на него снова. Много лет тому назад я была невестой Змея, и если бы я не убежала, Избавитель, то моя судьба была бы такая же, как той, что умерла сегодня ночью!

— Теперь я не удивляюсь, что ты не пошла,— сказал Леонард.

— О баас, зачем ты не застрелил главного колдуна? Тогда это было легко сделать, и теперь он не был бы жив. Он сошел с ума от ярости, и я скажу тебе, что он погубит нас всех, как только будет в состоянии это сделать! — заявил Оттер.

— Да, лучше было бы сделать это,— сказал Леонард, пощипывая свою бороду,— но я не мог этого сделать. Кстати, Оттер, на будущее время помни, что имя твое Молчание. Счастье, что этот народ не понимает тебя. Что такое, Соа?

— Ничего, Избавитель,— сказала она,— только я думаю, что Нам — мой отец и что ты хорошо сделал, не застрелив его, как советует эта черная собака!

— Я должна лечь,— сказала Хуанна слабым голосом,— у меня кружится голова.

На следующее утро Леонард проснулся около девяти часов, так как заснул не ранее четырех часов утра. Франциско уже встал и был одет. Когда Леонард оделся, они пошли в комнату Хуанны, где был приготовлен завтрак. Здесь они нашли Оттера, чем-то весьма расстроенного.

— Баас, баас, они пришли и не хотят уходить! — сказал он.

— Кто?

— Женщины, баас! Та, которую называли моей женой, и с нею много других женщин, ее служанок. Их больше двадцати, и все рослые. Ну, что я с ними буду делать, баас?

Леонард стал успокаивать беднягу. Хуанна, бледная, вышла из своей комнаты, и все сели за завтрак. Но не успели они еще окончить его, как Соа доложила о приходе Олфана. Хуанна приказала впустить его.

— Все благополучно, Олфан? — спросила Хуанна.

— Все, королева! — ответил он. — Нам и его триста приверженцев сегодня на заре держат совет в жреческом доме. В городе большое смущение и много толков, но сердца народа легки, так как вернулись к нему его старые боги, принесшие с собой мир!

— Хорошо! — сказала Хуанна и стала искусно задавать Олфану вопросы, из ответов на которые мало-помалу узнала много подробностей о народе тумана.

По-видимому, это был очень древний народ, издавна живший в этом месте. Он жил не совсем изолированно, так как по временам вел войны с соседними племенами. Но с представителями этих племен дети тумана никогда не заключали браков, а пленных приносили в жертву при религиозных церемониях. Управление общиной сосредоточено было в руках общества жрецов Змея, звание которых переходило по наследству и исключения из правила были крайне редки. Совет жрецов избирал короля, а когда они были недовольны одним королем, то приносили его в жертву богам и избирали другого. Таким образом, отношения между властями — государством и церковью — были довольно натянуты, но до сих пор, как заявил со скрытой яростью Олфан, церковь одерживала верх.

Король в руках жрецов представлял простое орудие, орган исполнительной власти. Если он не умирал естественной смертью или не погибал в бою, то конец его был почти всегда один: он был приносим в жертву, если погода была плоха или Джаль гневался.

Страна была обширна, но крайне редко населена. Способных носить оружие людей в ней насчитывалось всего около четырех тысяч, из которых около половины жило в большом

городе, а остальные — в деревнях, по склонам гор. Причиной малонаселенности страны был обычай человеческих жертвоприношений, сделавший власть жрецов неограниченной, а их самих — богатейшими людьми по всей стране, так как они избирали жертвы из богатых семей для заклания на алтаре богов, а имущество их обычно конфисковывали «на нужды храма».

Дважды в год устраивались торжественные празднества в храме Джалю: одно — в начале весны, другое — осенью, после снятия жатвы. И в каждое празднество приносили много человеческих жертв, половину закалывали на камне, а половину бросали в бассейн на съедение Змею. Весенний праздник посвящен Джалю, а осенний — матери Аке. В праздник Джалю приносились в жертву одни женщины, а в праздник матери — одни мужчины. На съедение Змею поступали также и преступники. У жрецов есть еще много других обрядов, говорил Олфан, и они могут увидеть их во время весеннего праздника, который наступит через день.

— Его не будут праздновать! — сказала горячо Хуанна.

На вопрос Леонарда, куда делись красные камни и тот, кто оскорбил бога, принеся ему один из камней, Олфан ответил:

— Большинство из них брошено в реку, и оттуда их никто не может вытащить. Таких было три полных кожаных мешка. Но самые лучшие камни, — продолжал Олфан, — положенные в маленький мешок, были привязаны на шею согрешившего человека и вместе с ним опущены на веревках туда, где живет Змей, чтобы он вечно сторожил их. Этот человек, конечно, уже съеден Змеем.

Олфан ушел, но после полудня вернулся снова, чтобы доложить о приходе Нама и двух старших жрецов. Хуанна приказала впустить их, и те вошли. Вид у них был самый смиренный, головы низко опущены, но маска смирения не обманула Леонарда, заметившего мрачный огонь их глаз.

— Мы пришли, — сказал Нам, обращаясь к Хуанне и Отеру, сидевшим рядом на креслах, — мы пришли спросить ваших повелений, ибо вы дали нам новый закон, которого мы не понимаем. Через два дня будет праздник Джалю, к которому приготовлено пятнадцать женщин, чтобы принести их ему в жертву, чтобы утихла его ярость и чтобы души их он мог считать в числе своих слуг и отвратил свой гнев от народа тумана, дав ему хорошую погоду. Этот обычай существует уже много лет в стране, и, как только его не соблюдали, солнце не светило, хлеба не росли, и скот не плодился. Но теперь вы дали новый закон, и я, который все еще ваш слуга, пришел сюда спросить ваших приказаний. Как будет

идти празднество, и какие жертвы должны быть принесены вам?

— Празднество пройдет таким образом,— ответила Хуанна,— вы должны нам принести в жертву по быку и по козлу каждому; та же жертва должна быть принесена Змею, но не кровь людей. Кроме того, мы назначаем празднество днем, а не ночью!

— Хорошо! — сказал смиренно Нам.— Ваше слово — закон! — и, поклонившись до земли, старик вышел, сопровождаемый своими спутниками.

— Этот дьявольский жрец меня бесит! — сказала Хуанна, переведя присутствующим слова Нама.

— О баас, баас,— подхватил Оттер,— зачем вы не убили его сегодня ночью? Теперь он наверное бросит нас Змею!

Соа вышла из-за кресел, где скрывалась, пока в комнате находился Нам.

— Нехорошо собаке, выдающей себя за бога, угрожать жизни того, кого она обманула! — произнесла угрожающе старуха.— Быть может, настанет час, когда истина отомстит жи рукою своего верного слуги, которому ты угрожаешь смертью, подлый карлик! — И, прежде чем кто-нибудь успел ответить, Соа оставила комнату, бросив злобный взгляд на Оттера.

— Эта ваша старуха бесит меня, Хуанна,— сказал Леонард.— В одном я уверен, что мы не должны позволять ей проникать в наши планы; она и так знает довольно!

— Я не могу понять, что стало с Соа, она так изменилась! — печально ответила Хуанна.

— Вы заметили это только теперь, Хуанна, что касается меня, то я не думаю, чтобы она изменилась. Вид ее любезного родителя разбудил ее скрытые добродетели, вот и все!

XXIII

НОВЫЙ ЗАКОН

Наступил день праздника Джая. Согласно приказанию Хуанны, празднество должно было происходить днем, а не ночью. В сопровождении жрецов и воинов Хуанна и Оттер прежним порядком прибыли в храм. По-прежнему амфитеатр наполняла тысячная толпа, но на этот раз боги заняли место не на своих высоких тронах, а у подошвы идола, почти на краю бассейна. Леонард, Франциско и поселенцы стояли сбоку. День был пасмурный и холодный, и снег падал крупными хлопьями со свинцового неба.

Нам открыл праздник речью.

— Народ тумана! — начал он. — Вы собрались здесь, чтобы чествовать праздник Джала по древнему обычаю, но боги вернулись к нам, как вы знаете, и в своей мудрости изменили обычай. Пятнадцать женщин были приготовлены для жертвоприношения. Сегодня утром они встали, радуясь и ликуя, что назначены Змею, но их радость обратилась в печаль, потому что боги не хотят принимать их, выбрав новые жертвы для принесения себе. Привести их сюда!

Помощники жрецов вывели из-за идола двух упиравшихся быков и двух козлов. Они были убиты, за исключением одного козла, который, вырвавшись из рук своих преследователей, с громким блеянием бросился вниз к амфитеатру и стал скакать с одной скамьи на другую. Эта сцена была настолько комична, что даже мрачные и молчаливые дикари начали смеяться.

Праздник потерпел полное фиаско.

— Конечно, народ тумана, — сказал Нам, указывая на убитых животных, — жертвоприношение совершено, праздник Джала прошел. Пусть мать молит Змея, чтобы солнце сияло и плодородие благословило землю!

Празднество окончилось почти в десять минут, прежде же оно занимало большую часть ночи, каждую жертву убивали с известными церемониями. Ропот неодобрения раздался с заднего конца амфитеатра, ропот, перешедший вскоре в рев. Народ, приученный жрецами к кровавым зрелищам, ждал крови.

— Вывести женщин! Пусть их принесут в жертву Джалу по старому обычаю! — вопила яростно толпа в течение десяти минут.

Тогда Нам лукаво проговорил:

— Народ тумана! Боги дали нам новый закон, по которому следует вместо мужчин и девушек приносить в жертву быков и козлов, и вы сами приняли этот закон. Отныне это священное место должно обратиться в скотобойню. Пусть будет так, дети мои!

Возбужденная его словами толпа закричала: «Крови, крови!» Послышался шум и угрожающие крики. Король предложил лучше удалиться Хуанне и ее спутникам. Поднявшись со своего места, девушка подошла к туннелю в скале.

Не всем удалось беспрепятственно достичь входа в туннель, так как толпа разъяренного народа, руководимая двумя жрецами, прорвав цепь солдат, ворвалась на платформу и смешалась с маленьким отрядом спутников Хуанны.

Вход в туннель защищался дверью, которую Олфан и Леонард поспешили закрыть, как только нашли, что все прошли в нее, оставив за нею завывающую от ярости толпу. Затем

все поспешили к дворцу, исключая Олфана, оставшегося за дверью, чтобы наблюдать за движением толпы.

— Что это такое? — слабо спросила Хуанна, но в этот момент, откинув занавес, в комнату вошел Олфан с печальным лицом.

— Говори, Олфан! — сказала она.

— Народ приносит жертвы по-прежнему, королева! — отвечал он. — Не все мы прошли через ворота, двое из ваших черных слуг, смешавшись с толпою, были схвачены, и теперь их приносят в жертву Джалю и других с ними!

Леонард выбежал на двор и сосчитал поселенцев. Действительно, двух не доставало.

На обратном пути он встретил уходившего Олфана.

— Куда он идет? — спросил Леонард у Хуанны.

— Охранять ворота. Он говорил, что не ручается за солдат. Поселенцев нет?

— Увы, да. Двух не хватает!

Хуанна закрыла лицо руками.

Теперь началось для них самое страшное испытание, продолжавшееся около пяти недель.

Приближалась весна, время таяния снега. В этой холодной, туманной стране от более или менее раннего или позднего наступления теплой погоды зависела жатва. Стоило только весне запоздать на несколько недель, и жителям грозил голод. Праздник Джали и был установлен для того, чтобы обеспечить раннее наступление весны и хорошую жатву. Хуанна и Оттер уничтожили отвратительные церемонии праздника, и народ тумана, возбуждаемый жрецами, мрачно следил за результатами нового закона. Если погода улучшится, тогда хорошо, но если она ухудшится, тогда...

Леонард и Хуанна с беспокойством следили за погодой, но не было ничего утешительного: каждое утро густой туман висел над землею, а ночью дул холодный ветер.

Озлобление жителей выражалось в их отношении к спутникам Хуанны, становясь все более резким; они уже не осмеливались совсем выходить из своих помещений. К Хуанне и Оттеру пока еще относились с почтением.

Это была ужасная жизнь. Они ничего не могли делать, им нечего было читать. Большую часть дня Леонард и Хуанна проводили в разговорах на языке народа тумана с целью практики. Когда тема разговоров истощалась, они рассказывали друг другу о различных событиях своей прошлой жизни или даже сочиняли сказки, как дети или пленники. Да и на самом деле они были пленниками, которым грозила смерть.

Они хорошо узнали друг друга за эти пять недель, но ни одного нежного слова не было произнесено ими. Леонард не

забывал, что Хуанна вверена его попечению покойным отцом ее, и тщательно скрывал от нее свои чувства.

Хуже всего чувствовала себя Соа. Она видела, что Хуанна не доверяет ей больше. День за днем она со все возрастающей ревностью наблюдала за Леонардом.

Оттер тоже верил, что час смерти для всех близок, но не особенно беспокоился. Наоборот, несмотря на увещания Леонарда, он стал частенько прикладываться к сосуду с пивом. Когда Леонард предостерегал его, карлик отвечал сердито:

— Сегодня я — бог, баас, а завтра могу быть падалью! Пока я бог, дай мне пить и веселиться. Всю мою жизнь женщины проклинали меня за мое безобразие, а теперь моя жена считает меня великим и прекрасным. К чему же горевать? Скоро и так наступит конец. Уже Нам точит нож для наших сердец. Пойдем, баас, со мною и будем веселиться, если только Ака позволит!

— Ты принимаешь меня за такую же свинью, как ты сам! — сказал сердито Леонард. — Хорошо, делай, как хочешь, но берегись пива и вина. Теперь ты стал говорить на их языке, а когда пьян, то становишься болтлив. Сага — внучка Нама, и ты одурел от нее. Будь осторожен, а то ты будешь виноват в смерти всех нас!

— Это случится все равно, баас, так будем же пока смеяться, — возразил мрачно Оттер. — Неужели же я должен сидеть здесь, ничего не делая, до тех пор, пока не умру?

Леонард, пожав плечами, ушел. Он не мог порицать карлика, смотревшего на вещи с точки зрения дикарей.

В течение первой недели поселенцы, испуганные участью двух своих товарищей, не отваживались выходить за ворота дворца, но мало-помалу им наскучило однообразие жизни, и они приняли приглашение нескольких туземцев и без позволения Леонарда вышли на улицу. Вернулись они в свое помещение ночью пьяные, и двух из них не оказалось между ними. Когда они протрезвились, Леонард стал расспрашивать их об участи их пропавших товарищей, но они не могли ничего толком ему объяснить. Два пропавших поселенца так и не вернулись, а товарищи их на этот раз уже не принимали приглашений туземцев. Но все эти предосторожности не привели ни к чему. Вскоре ночью пропали неизвестно куда еще три человека, исчезли сквозь запертые и охраняемые двери. На том месте, где они спали, лежали их ружья и вещи, но сами они исчезли без следа. Олфан, узнав об этом, крайне встревожился и заметил, что во дворце есть тайные ходы, известные одним только жрецам. Возможно, что людей утащили этим путем.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПОСЕЛЕНЦЕВ

В день исчезновения трех поселенцев Нам пришел «воздать честь богам», что он делал еженедельно, и Леонард, успевший уже достаточно освоиться с местным языком, спросил у него, куда девались пропавшие слуги.

Жрец со свирепой улыбкой ответил, что боги, конечно, знают, куда девались их собственные слуги, и что, вероятно, они нашли нужным устранить их.

Затем, обратившись к Хуанне, он спросил, когда матери будет угодно войти в соглашение со Змеем, чтобы солнце светило и можно было сеять; народ ропщет, опасаясь голода.

Конечно, Хуанна не могла дать удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Поселенцев на ночь разместили в другое место. Несколько ночей они провели спокойно, но на третью ночь двое из них были похищены прежним таинственным образом. Один из оставшихся поселенцев клялся, что, проснувшись ночью, он увидел, как в их комнате раскрылся пол и из образовавшегося отверстия просунулись чьи-то длинные руки, схватившие одного из его товарищей. Леонард внимательно осмотрел каменный пол комнаты, в которой спали поселенцы, но ничего не обнаружил. После этого ни один из них, за исключением Оттера, не обращавшего ни на что внимания, не мог спать, опасаясь, чтоб его не утащили в темноте невидимые враги. Леонард и Франциско поочередно охраняли сон друг друга, лежа у дверей в комнату Хуанны. Что касается поселенцев, то невозможно описать охвативший их ужас. Горько упрекали они Леонарда, заведшего их в эту дьявольскую землю, и проклинали тот час, когда они впервые увидели его лицо. «Гораздо лучше было бы,— говорили они,— оставаться им в руках желтого дьявола, так как это был все же человек, а здесь живут колдуны, злые духи в человеческом образе».

Вожак поселенцев, Петр, которого они все любили, сошел с ума от ужаса и бегал взад и вперед по дворцу, выкрикивая проклятия Леонарду и Хуанне. Бывшие во дворе солдаты и женщины с любопытством наблюдали за ним. Так продолжалось несколько часов, товарищи его не хотели вмешиваться, думая, что он одержим духом. Наконец, несчастный покончил с собой. Напрасно Леонард просил остальных воздерживаться от спиртных напитков и быть всегда настороже — они не послушались его совета и один за другим исчезли таинственным образом.

Никогда Леонард не мог забыть чувства, овладевшего им, когда на пятый день их заключения, войдя утром в комнату

поселенцев, он нашел помещение пустым. На полу лежали два одеяла и заботливо положенные неизвестною рукою крест-накрест два жреческих ножа.

Оцепенев от ужаса, Леонард вернулся в комнату.

— Что такое? — спросила Хуанна, уже вставшая. Глаза молодой девушки выражали ужас, губы ее дрожали.

— Только что, — ответил он печально, — два последних из ваших слуг исчезли, и вот что осталось вместо них! — показал он найденные им ножи.

Хуанна не выдержала.

— О Леонард, Леонард! — сказала она, горько плача. — Ведь это были слуги моего отца, которых я знала с детства, и я довела их до этого страшного конца. Не можете ли вы придумать, как бы уйти из этих мест, иначе я умру от страха?! Я не могу спать более. Я чувствую, что за мною ночью следят, хотя не могу сказать — кто. Прошлой ночью мне казалось, что кто-то двигался вблизи занавеса, где вы с Франциско спали. Соа говорит, что это фантазия!

— Это невозможно, — сказал Леонард, — Франциско караулил. Да вот и он сам!

Франциско вошел в комнату с растерянным лицом.

— Утром, — едва мог произнести он, — очевидно, кто-то входил в комнату, где мы спали прошлой ночью. Все ружья исчезли, наши и поселенцев!

— Как! — ужаснулся Леонард. — Ведь вы же караулили ночью!

— Должно быть, меня усыпили на некоторое время; это ужасно, мы теперь без оружия!

— О! Неужели нет выхода отсюда? — спросила Хуанна.

— Нет никакой надежды! — мрачно ответил Леонард. — У нас здесь нет друзей, кроме Олфана, но у него мало власти, ибо жрецы склонили на свою сторону воинов. Да если бы нам и удалось бежать отсюда, что мы будем делать без оружия, без слуг? Все, что нам остается, это — скрепя сердце надеяться на лучшее. Конечно, правы те, кто говорит, что от поисков за сокровищами не бывает добра, но я все-таки надеюсь остаться в живых и приобрести их!

— Как, Избавитель, — раздался сзади него насмешливый голос, — ты все еще хочешь получить красные камни? Ты, чья кровь скоро сделается красной, подобно этим камням?! Поистине, жадность белого человека велика!

Леонард оглянулся. Соа, слышавшая их разговор, смотрела на него с выражением дикой ненависти в своих мрачных глазах. Внезапная мысль пришла ему в голову, не этой ли женщине они были обязаны своими несчастьями? Каким образом из всех слуг Хуанны только она одна уцелела?

Он стал расспрашивать Соа, и та не могла удержаться от выражения ненависти к нему, похитившему любовь ее господи, хотя и сказала, что неповинна в исчезновении поселенцев. Наконец, она заявила, что госпожа должна выбирать между ней и Избавителем.

— Пусть госпожа предоставит его жрецам и вверится ей, и она спасет ее!

Одна мысль о таком спасении возмутила девушку, и она стала упрекать Соа. Но старуха была непоколебима. Леонард уже вытащил уцелевший у него револьвер и хотел убить ее, но Хуанна остановила его. Тогда он велел Франциско принести веревку, чтобы связать Соа.

Франциско вышел и тотчас же вернулся в сопровождении Оттера. Месяц беспутства наложил свою печать даже не желзную натуру карлика. Его блестящие черные глаза были красны, руки дрожали, и он даже не мог твердо держаться на ногах.

— Ты опять пьян! — сказал Леонард. — Ступай прочь, мы здесь в горе и не хотим иметь дела с пьяницами. А теперь, Франциско, дайте мне эту веревку!

— Да, баас, я был пьян, — смиренно отвечал карлик, — надо выпить перед тем, как идти на смерть!

— Слушай, — сказал Леонард, — пока ты веселился, последние из людей Мэвума исчезли, и вот что осталось вместо них! — И он указал на ножи.

— Вот как, баас, — ответил Оттер, — ну, мы от этого немного потеряли, на них было мало надежды. Однако я хочу стать снова мужичиной, чтобы собственноручно задушить этого колдуна Нама!

— Скоро тебя самого задушат, Оттер! — сказал Леонард. — Смотри, перестань пить, а то я буду бить тебя!

— Я уже трезв, баас, в самом деле. Прошлой ночью я был пьян, но сегодня ничего не осталось, кроме сильной боли здесь! — И он хлопнул рукой по своей большой голове. — Зачем ты хочешь связать эту старую корову Соа, баас?

— Она грозит нам, Оттер. Она говорит, что предаст нас. Слушай, — продолжал Леонард, — мы должны сторожить эту женщину днем и ночью. Твоя очередь начнется с этой ночи — авось это удержит тебя от пьянства!

Связав Соа самым надежным образом, они положили ее в угол комнаты, и весь день Франциско и Леонард сторожили ее. Старуха не оказала никакого сопротивления, когда ее связывали, и не произнесла ни одного слова. Очевидно, после взрыва бешенства наступила реакция, и, утомленная, откинув голову назад, она заснула или сделала вид, что спит.

День прошел спокойно, без всяких происшествий. Олфан

посетил их и сообщил, что волнение в городе все усиливается. Невиданная ранее продолжительность холодной погоды приводила народ в суеверную ярость, которая, несомненно, должна вскоре вылиться в ту или иную форму насилия. Жрецы прилагали все усилия к тому, чтобы разжечь страсти, но непосредственной опасности еще не было.

После заката солнца Леонард и Франциско вышли на двор посмотреть на состояние погоды, но ничего утешительного не было: небо было так же, как и прежде, пасмурно, и дул пронизывающий, холодный ветер.

Возвратившись во дворец и строго наказав Оттеру наблюдать за Соа, они завернулись в свои одеяла и легли спать. Хуанна была уже в постели, поставленной непосредственно по другую сторону занавеси, у которой спали они, так как Хуанна боялась спать одна.

Среди ночи Леонард открыл глаза, услышав чьи-то шаги, и тотчас же протянул руку к занавеси, чтобы убедиться в безопасности Хуанны. Она была там и ее пальцы инстинктивно сжали его руку. Тогда он взглянул в другую сторону и увидел причину своего беспокойства. В дверях комнаты стояла невеста Змея, Сага, с зажженным факелом в одной руке и сосудом в другой. Красивая молодая женщина выглядела чрезвычайно живописно при свете факела, озарявшего ее благородную фигуру.

— В чем дело? — спросил Леонард.

— Все благополучно, баас, — ответил Оттер, — старуха под крепким надзором. Сага принесла мне воды, вот и все. Я просил воды, ибо внутри меня бушует пламя, и голова сильно болит. Не бойся, баас, пока я на часах, я не буду пить пива!

— Держись подальше от твоей жены, — ответил Леонард. — Скажи ей, чтобы она ушла прочь!

Леонард снова заснул, но рассвете его разбудил Оттер, громко окликнувший его печальным голосом:

— Баас, иди сюда!

Леонард, вскочив с постели, побежал к тому месту, где находился Оттер, и увидел, что Соа исчезла. Веревка, которой она была связана, валялась на полу.

— Негодяй! — рассвирепел Леонард, схватив Оттера за плечи. — Ты заснул, и она убежала. Теперь мы погибли!

— Да, баас, я заслужил это. Однако мне совсем не хотелось спать, пока я не выпил этой воды. Я никогда не спал на часах, баас!

— Оттер, — сказал Леонард, — твоя жена опоила тебя сонной водой?

— Может быть, басс. Но куда же ушла старуха?

— К Наму, своему отцу! — ответил Леонард.

Пока Леонард и Оттер говорили о внезапном исчезновении Соа, интересный разговор происходил ярдах в трехстах от них, в секретной комнате храма. В комнате были Нам, Соа и Сага.

Нам в это утро проснулся рано, задолго до рассвета. Сидя один в маленькой комнате, он предавался размышлениям. Действительно, ему было о чем подумать.

Боги, на служение которым он посвятил свою долгую жизнь, явились в образе людей и разрушили весь религиозный церемониал, без которого его должность лишается ореола, а его могущество является мифом, до и сами они относятся враждебно к нему. И действительно ли это боги? По виду в них нет ничего божественного: Хуанна — просто прекрасная женщина, а Оттер, видимо, — обыкновенный карлик, довольно разнузданного характера. Против божественности этих лиц говорило и то обстоятельство, что с прибытием их в стране вовсе не водворилось благополучия; напротив, погода установилась такая дурная, какой уже давно не было раньше.

Так размышлял Нам. Вдруг его мысли были прерваны стуком в дверь.

— Войди! — сказал он, накидывая на плечи козью шкуру.

Вошел жрец с зажженным факелом в руке, а за ним две женщины.

— Кто это? — спросил Нам, указывая на вторую женщину.

— Это служанка Аки, отец! — ответил жрец.

— Отведи ее в сторону и наблюдай за ней. Ну, Сага, рассказывай. Во-первых, какова погода?

— Очень пасмурно, отец, солнца не видно из-за густого тумана!

— Я догадывался об этом потому, что мне холодно даже здесь! — И он плотнее закутался в свое платье. — Еще немножко дней, и... — жрец остановился и затем продолжал: — Скажи мне о Джале, твоём господине!

— Джаль такой же, как и раньше: весел и немножко пьян. Он говорит на нашем языке плохо, но в последний раз, выпив, запел песню о подвигах того, кого они называют Избавителем. В песне говорилось о том, как он избавил богиню Аку от плена, — так, по крайней мере, поняла я эту песню!

— Может быть, ты неверно поняла? — сказал Нам. — Скажи, внучка, ты все еще считаешь этого бога?

— Я почитаю бога Джалья, а мужчину, жителя вод, ненавижу! — пылко проговорила Сага.

— Вот как! Всего два дня тому назад ты говорила мне, что любишь его и что нет такого бога, как этот мужчина, и нет такого мужчины, как этот бог!

— Это правда, отец, но теперь, когда он оттолкнул меня, сказав, что я надоела ему, и стал ухаживать за моею собственной служанкой, я требую жизни этой служанки!

Нам мрачно улыбнулся.

— Быть может, ты требуешь также жизни бога?

— Да,— отвечала она без всякого колебания,— я хотела бы видеть его мертвым, если это возможно!

Нам опять улыбнулся.

— Однако, внучка, у тебя характер совсем такой же, как у твоей бабки, моей сестры. Та заставила принести в жертву трех мужчин, возбудивших ее ревность. Ну, а что нужно этой женщине?

— Она была связана по приказанию Аки, и Джаль стерег ее. Но я напоила сонным питьем Джалья и, развязав ее, секретным ходом привела сюда, так как она желает говорить с тобой.

— Но ведь я не понимаю ее языка!

— Она, отец, понимает наш. Если бы она родилась в нашей земле, и то не могла бы говорить лучше!

Удивленный Нам позвал жреца и приказал ввести чужестранку.

— Ты хочешь говорить со мной? — спросил он Соа.

— Да, господин, но наедине. То, что я скажу тебе...

Нам рассмеялся.

— Не бойся! — сказала Соа, читая его мысли.— Видишь, я безоружна.

Нам приказал всем уйти и, когда дверь за ними закрылась, вопросительно посмотрел на Соа.

— Скажи мне, кто я такая? — начала она, снимая покрывало со своей головы и поворачивая лицо к свету факела.

— Как я могу знать, кто ты, чужеземка? Похоже, правда, на то, что ты нашей крови.

— Я действительно нашей крови. Обрати свой ум назад и подумай, не припомнишь ли ты дочь, которую ты любил много лет тому назад и которая по проискам твоих врагов была выбрана в невесты Змею! — И Соа остановилась.

— Продолжай! — сказал Нам тихо.

— Быть может, ты припомнишь, что, побуждаемый любовью и состраданием, ты в ночь жертвоприношения помог этой дочери избегнуть челюстей Змея.

— Я припоминаю кое-что,— ответил осторожно жрец,— но мне говорили, что та женщина подверглась мщению бога и умерла во время своего бегства.

— Это неправда. Я твоя дочь, а ты не кто иной, как мой отец. Я узнала тебя, как только увидела твое лицо!

— Докажи это и берегись, если ты лжешь! — сказал он. — Покажи мне тайный знак и шепни мне на ухо секретное слово!

Соа подошла к нему и сделала несколько движений рукой по столу, а затем, наклонившись вперед, прошептала что-то на ухо Наму. Едва она кончила, как старик поднял голову и на его глазах выступили слезы.

— Здравствуй, моя дочь! — сказал он. — Я думал, что одинок и никого из моих близких нет на земле. Здравствуй! Твоя жизнь была обещана Змею, но, забывая свои обеты, я буду покровительствовать тебе, хотя бы это стоило мне жизни!

И отец с дочерью обнялись с видимой нежностью, — зрелище, которое поразило бы всякого, кто знал характеры обоих.

Выйдя на минуту из комнаты и отпустив Сагу и жреца, Нам вернулся к своей дочери и просил объяснить ему, почему она явилась сюда с Акой.

— Прежде всего, отец, ты должен дать мне клятву, иначе я не скажу тебе ни слова. На крови Аки ты должен поклясться, что не сделаешь ничего против жизни той женщины, с которой я прибыла сюда. С другими можешь делать, что тебе угодно, но ее не должен трогать. Та, которую любишь ты, любит ее, а также потому, что этим ты достигнешь еще больших почестей!

— Разве я мог бы поднять руку против богов, дочка? Клянусь тебе кровью Аки: если я нарушу свою клятву, пусть Джаль поступит со мной так же, как поступил некогда с Акой!

Соа, хорошо зная, что подобную клятву невозможно нарушить, рассказала отцу всю свою жизнь: свой побег из страны тумана, описала свою жизнь с Хуанной, пленение последней работоторговцами и историю освобождения молодой девушки Леонардом.

Старый жрец, выслушав эти необычайные разоблачения, был не то что поражен ими, как громом, он был совершенно убит. Наконец, он разразился гневом и хотел немедленно предать смерти обманщиков, но Соа уговорила его быть осторожнее.

— Лучше сегодня явись к ним и смиренно проси их изменить погоду, чтобы солнце сияло. Затем скажи им, что до твоих ушей дошли странные слухи через Сагу и других женщин, слышавших слова бога Джалья: оказывается, что он вовсе не бог, но что ты этому не веришь. Наконец, скажи, что

если завтра утром небо не прояснится, то поверишь слухам, и в таком случае они должны быть приведены в храм для суда над ними по народному обычаю.

Затем она посоветовала умертвить карлика и Избавителя и отдать Хуанну в жены королю, который с этих пор станет послушным орудием в руках Нама. Во время же суда народного, когда ярость народа обратится против обманщиков, нужно заменить Хуанну — Франциско, одев его в платье: народ издали не признает обмана. А затем спрятать и выдать ее замуж.

— Замысел хорош, дочка! Однако все в руках судьбы. Пусть же все идет так, как назначено ею. А теперь следуй за мной, я тебе укажу место, где ты с удобством можешь расположиться. После обеда я пойду говорить с этими богами, которых ты напустила на нас!

* * *

Утро прошло довольно тяжело для четырех пленников во дворце. В течение нескольких часов они сидели вместе в комнате, почти не говоря ни слова, подавленные несчастьем и ужасом. Леонард и Хуанна, сидя рука об руку, тихо говорили, а Оттер, словно беспокойный дух, бродил взад и вперед, проклиная Соа, Сагу и всех женщин. Наконец, он исчез за дверьми.

Но карлик думал о мести, а не о пьянстве. Спустя несколько минут после его ухода Леонард, услышав шум и визг на дворе, выбежал из комнаты и увидел курьезное зрелище. На земле, окруженная группой других женщин, смеявшихся над ее положением, лежала стройная Сага, невеста Змея. Над нею стоял ее повелитель и господин — Джаль; запустив левую руку в ее длинные волосы, в правой он держал ременную плетъ и наносил ей жестокие удары.

— Что ты делаешь? — спросил Леонард.

— Учю свою жену, баас, — ответил, тяжело дыша, Оттер, — что нехорошо опаивать сонным питьем бога. — И, нанеся последний жестокий удар своей жертве, добавил: — Пошла вон, ведьма! Чтобы я не видел более твоей безобразной рожи!

Женщина встала и ушла с плачем, произнося проклятия, а карлик вернулся вместе с Леонардом в комнату.

Здесь они застали посланного от Нама, пришедшего просить аудиенцию.

— Пусть войдет, — сказала, вздохнув, Хуанна.

Войдя в комнату и склонившись смиренно перед Хуанной и карликом, Нам заговорил:

— О боги, я пришел от имени народа просить у вас совета. Неизвестно почему, но несчастья готовы обрушиться на страну: солнца не видно, и народ боится, что будет голод. Мы просим вас утешить нас от избытка вашей мудрости.

— А если мы этого не сделаем, Нам?

— Тогда народ просил вас соизволить прибыть в храм завтра, через час после восхода луны, чтобы он мог говорить с вами моими устами.

— А если нам надоел ваш храм и мы не пойдем туда, Нам? — спросила Хуанна.

— Тогда по приказанию народа, Ака, мы приведем вас туда. Такое приказание не может быть не исполнено! — ответил медленно верховный жрец.

— Берегись, Нам, — сказала Хуанна. — Здесь происходят странные вещи, которые вопиют о мщении. Наши слуги исчезли, подобно теням, а на их месте мы находим ваше оружие. — И она указала на ножи жрецов. — Завтра ночью мы придем в храм, но я снова повторяю тебе — берегись, ибо нашему долготерпению может прийти конец.

— Вы лучше нас знаете, куда делись ваши слуги. О Ака, — сказал жрец, молитвенно простирая вперед руки, — такие великие боги, как вы, сами можете охранить своих слуг! Мы благодарим вас, о боги, за ваши слова и молим пощадить нас, так как угрозы богов ужасны. А теперь мне надо вам сказать еще об одной вещи. Я прошу у вас правосудия, о боги. Моя внучка, Сага, невеста Змея, была жестоко избита каким-то злодеем здесь, во дворце; я встретил ее избитую и плачущую. Прошу вас наказать этого злодея смертью или плетью. Прощайте, о высокие боги!

Леонард посмотрел на смиренно склонившегося жреца, и его охватило желание последовать совету Оттера и убить его, ибо он знал, что жрец пришел с целью звать их к суду, а затем, может быть, к гибели. У него оставался еще револьвер, а широкая грудь жреца была слишком заметной целью, чтобы в нее можно было промахнуться; но стоило ли проливать кровь? Место Нама займут другие и оплатят насилием за насилие. Нет, пусть он уйдет спокойно, а там видно будет.

XXVI

ХУАННА КРИВИТ ДУШОЙ

День клонился к вечеру; погода была пасмурная и туманная, даже выпал град. После полудня туман был рассеян сильным ветром, дувшим с гор, но никакой перемены погоды к лучшему нельзя было ожидать.

После захода солнца Леонард подошел к воротам дворца и взглянул на храм, около которого уже собралась толпа народа. Некоторые из толпы, заметив его, подошли к воротам и, сжав кулаки, посылали ему проклятия.

— Вот предзнаменование того, что ожидает нас сегодня ночью,— сказал Леонард Франциско.— Дела наши очень плохи, дружище! Я не особенно беспокоюсь за себя, но у меня разрывается сердце при мысли о Хуанне. Чем все это кончится?

Возвратившись в комнату, они увидели, что Оттер, в течение последних двадцати четырех часов совершенно трезвый, сидел, скорчившись на полу, а Хуанна, погруженная в размышления, ходила взад и вперед по комнате.

— Что нового, Леонард? — спросила она, когда они вошли.

— Ничего, только там идут большие приготовления,— он кивнул по направлению к храму,— и толпа воет у ворот.

Последовало продолжительное молчание, прерванное приходом Олфана с встревоженным лицом.

— Что случилось, Олфан? — спросила Хуанна.

— Королева,— печально ответил тот,— в городе большое волнение, народ жаждет вашей крови. Нам сказал вам, что вас просят прийти в храм для переговоров с народом. Увы! Я должен вам сообщить иное; сегодня ночью состоится суд над вами перед советом старейшин.

— Мы догадывались об этом, Олфан. Ну, если приговор будет против нас, тогда что?

— Тогда, королева, все вы будете брошены в бассейн на съедение Змею.

— Не можешь ли ты защитить нас, Олфан?

— Не могу, королева! Солдаты действительно находятся под моей командой, но они не послушаются меня, так как жрецы нашептали им, что если солнце не покажется, то следующей зимою они все умрут с голоду. Извините меня, королева, но раз вы боги, то зачем вам нужна моя помощь? Ведь я простой человек. Разве боги не могут сами защитить себя и отомстить своим врагам?

Хуанна безнадежно посмотрела на Леонарда.

— Я думаю, вам лучше открыться ему! — сказал он по-английски.— Наше положение безнадежное. По всей вероятности, через несколько часов он узнает, что мы — обманщики. Пусть лучше он узнает правду из наших уст. Он — человек честный. Кроме того, нам он обязан жизнью, хотя его жизнь подвергалась опасности также из-за нас. Мы должны довериться ему и попытаться счастья. Если нас постигнет неудача, то все равно мы имели их уже много.

Хуанна поникла головой и некоторое время раздумывала; затем, подняв голову, она спросила:

— Олфан, мы одни? То, что я хочу сказать, не должно быть подслушано никем.

— Мы одни, королева, — ответил он, оглядевшись кругом, — но эти стены имеют уши.

— Олфан, подойди ближе!

Он подошел, и Хуанна, нагнувшись вперед, заговорила с королем почти шепотом:

— Ты не должен меня звать более королевой! Я не богиня, а только смертная женщина; этот же человек, — указала она на Оттера, — не бог, а просто черный карлик.

Она остановилась, ожидая эффекта, который должны были произвести ее слова. Выражение удивления пробежало по лицу короля, но оно было вызвано скорее ее смелостью, чем содержанием речи Хуанны. Затем он улыбнулся.

— Быть может, я и раньше догадывался об этом! — ответил он. — Однако я все еще должен звать тебя этим именем; ты — королева всех женщин. Разве есть другая столь прелестная и смелая? По крайней мере, здесь таких нет! — и король склонился перед нею с такой изысканной любезностью, которая была бы впору европейцу.

— Я очень рад узнать из твоих собственных уст, королева, — продолжал Олфан, — что ты не богиня, а смертная женщина, так как богини от нас далеки и мы должны почитать их издали, а смертных женщин мы можем любить! — И он снова поклонился.

— Честное слово! — сказал Леонард сам себе, — король выступает в качестве моего соперника.

Что касается Хуанны, то она вскочила, и лицо ее покрылось румянцем. Появилось новое осложнение, но теперь нельзя было обнаруживать свое недовольство.

— Слушай, Олфан, — сказала она, — теперь некогда заниматься разговорами, так как еще до рассвета я могу умереть и очутиться далеко от всякой любви и почитания. Мы пришли в вашу страну за теми красными камнями, которые вы называете кровью Аки и которые у белых людей имеют большую цену и служат для украшения их женщин. Вот почему я как женщина побудила Избавителя принять это путешествие, и теперь из-за моего безумия наша жизнь в опасности.

— Извини меня, королева, — сказал смущенно Олфан, — но, прежде чем ты окончишь своей рассказ, я хотел бы спросить, кто для тебя этот белый человек?

— Он — мой супруг! — смело сказала она.

Олфан печально поник головой, но искра сомнения закрылась в его душу, так как образ жизни Хуанны, до мелочей из-

вестный ему, противоречил ее ответу. Видя, что он не верит ей, Хуанна прибавила:

— Он мой супруг, и этот человек,— указал она на Франциско,— исполняющий у нас обязанности жреца, повенчал нас согласно нашим обычаям шесть месяцев тому назад, а Оттер был свидетелем брака.

— Ты говоришь, что Избавитель твой супруг, королева, и эти люди подтверждают это, исключая его самого. Скажи мне: ты любишь его и стала бы сожалеть, если бы он умер?

Хуанна вспыхнула, как рубин, украшавший ее лоб, но ответила:

— Да, я люблю его, и если бы он умер, то и я бы умерла!

Леонард с трудом подавил восклицание, готовое сорваться с его губ.

— Я слышал твой ответ, королева,— сказал Олфан тоном глубокого разочарования,— не угодно ли тебе окончить свой рассказ?

— Дальше остается недолго рассказывать,— сказала Хуанна, подавив вздох облегчения, когда затруднительный допрос был окончен,— женщина Соа, моя служанка, принадлежит к вашему народу. Она — дочь жреца Нама и убежала отсюда сорок лет тому назад, после того, как была избрана в невесты Змею.

— Где же она теперь? — спросил Олфан.

— Мы не знаем: прошлой ночью она исчезла, подобно прочим нашим слугам.

— Быть может, Нам знает, где она, и тогда вы скоро увидите ее,— высказал предположение Олфан.— Продолжай, королева!

— После того как Избавитель и я были обвенчаны, Соа, бывшая моей нянькой много лет, рассказала нам о великом народе, своих братьях, среди которых она желала бы умереть.

— Пусть ее желание исполнится! — вставил Оттер.

— Она и научила нас, что добраться до красных камней можно будет, разыграв роль богов.

Король закрыл свои глаза, как бы не желая созерцать красоту, принадлежавшую, как теперь он узнал, белому чужеземцу.

— Разве я не говорил, что власть моя мала, королева? — сказал он мрачно.— И потом, как я могу помогать тем, кто пришел в эту страну, чтобы обманывать нас, и навлек гнев богов на их детей?

— Но ведь мы спасли твою жизнь, Олфан, и ты поклялся нам в верности.

— Если бы вас не было, королева, то моя жизнь и не

подвергалась бы опасности, а в верности я поклялся богам, а не смертным, которым отомстят истинные боги. Как же я буду помогать вам?

— Но мы были друзьями, Олфан. Ты поможешь нам ради меня!

— Ради тебя, королева, — горько сказал он, — ради той, которая говорит, что этот человек — ее муж и что она любит его! Нет, это значит просить слишком многого. Если бы ты не была замужем и захотела благосклонно взглянуть на меня, короля этой земли, тогда, конечно, я умер бы за тебя в случае нужды. Но теперь! Нет ли у тебя других причин, по которым я, по-твоему, должен был бы рисковать своей жизнью для тебя и этих людей?

— Во имя дружбы, которую ты должен считать священной, кроме того, помогая нам, ты победишь Нама, иначе последний, погубив нас, погубит и тебя!

Олфан, подумав несколько, ответил:

— Поистине твой ум велик, королева, и смотрит далеко во мрак вещей! Ты могла бы быть королевой! Я человек иной расы, чем ты; я — дикий вождь дикого племени, имеющий весьма мало мудрости. Однако я научился следующим вещам: никогда не нарушать обещания, никогда не покидать друга и никогда не забывать оказанной услуги. Итак, королева, хотя ты не можешь для меня быть чем-либо, пока этот человек жив, я все-таки готов отдать за тебя свою жизнь. Что касается других, то скажу только, что не трону и не предам их. А теперь я пойду, чтобы поговорить с некоторыми из вождей, моих друзей, которые ненавидят жрецов, чтобы, если дело дойдет до суда, иметь их голоса в вашу пользу, так как без хитрости ничего нельзя сделать. Скоро я вернусь, чтобы проводить вас в храм. Пока прощайте.

И, поклонившись, король вышел.

По уходе короля несчастные искатели приключений решились на всякий случай поделить между собой яд Хуанны. Все взяли, только карлик отказался.

— Сбереги это для себя, баас, — сказал он. — Как бы ни умереть, но только не так. Я не люблю этих средств, от них люди корчатся и делаются зелеными. Нет, нет. Лучше встретиться с челюстями Змея.

Тогда Леонард и этот кусочек взял себе.

XXVII

ИСПЫТАНИЕ БОГОВ

Едва Хуанна успела спрятать остатки яда, как в комнату вошел Нам. После обычных приветствий, на этот раз еще бо-

лее многочисленных, чем раньше, он вкрадчиво заметил, что луна взошла на небо.

— Значит, нам пора отправляться! — угрюмо сказал Леонард.

Хуанна надела свое монашеское платье, а Оттер — красную бахрому и шапку из козьего меха, и они вышли из дворца; у ворот они встретили Олфана и воинов, а также большое число жрецов, которые должны были идти впереди и сзади них. Заняв свои места, все двинулись с большой торжественностью к храму, куда вошли через другие двери. На этот раз Хуанна и Оттер должны были занять места на удаленной от идола платформе, вблизи бассейна. На той же платформе было поставлено полукругом еще около тридцати сидений, предназначенных, очевидно, для старейшин.

Когда Хуанна и Оттер сели, а Леонард и Франциско поместились сзади них, Нам выступил вперед и обратился со следующей речью к совету старейшин и народу:

— Старейшины народа тумана! Я передал ваши желания священным богам, удостоившим несколько времени тому назад облечься в человеческую плоть и посетить свой народ; милостивые боги согласились явиться сюда, чтобы поговорить с вами о беде, угрожающей стране. Вот они лицом к лицу с вами и со всем большим собранием своих детей. Сообщите богам, чего вы хотите от них, чтобы они могли ответить вам своими собственными устами или через меня, их слугу.

Нам замолчал, и послышался сердитый ропот народа. Наконец, поднялся один из старейшин и обратился к Хуанне и Оттеру:

— Мы хотели узнать у вас, о Ака и о Джаль, почему лето покинуло эту страну. Теперь нам предстоит очень печальное будущее, ибо вместе с зимним снегом к нам придет голод. Несколько времени тому назад, о Ака и о Джаль, вы изменили нашу религию, запретив жертвы весеннего праздника, и с тех пор весна не приходила. Мы спрашиваем у вас об этом потому, что народ, посоветовавшись, просил сообщить вам нашими устами, что он не хочет иметь богов, убивающих весну. Скажите, о боги, и ты, Нам, говори также, чтобы мы могли узнать причину этих бед; а у тебя, Нам, мы хотим узнать, как ты провозгласил таких богов, чье дыхание убивает солнечный свет?

— Вы спрашиваете меня, о народ тумана, — ответила Хуанна, — почему зима мешает пробуждению весны, и я отвечу вам на это в немногих словах. Это случилось из-за вашего непослушания и жестокости ваших сердец, о мятежные дети. Разве вы не принесли в жертву кровь людей вопреки нашему запрещению? Разве наши слуги не были тайно похищены и

преданы смерти для удовлетворения вашей страсти к убийству?

Тогда старейшина снова поднялся со своего места и проговорил:

— Мы слушали твои слова, о Ака, и они очень неутешительны, так как жертвоприношения в обычаях страны и до сих пор от этого не происходило с нами ничего дурного. Если же здесь было оскорбление вам, то в нем виноваты жрецы, а не народ. В их руках находится это дело. Что касается ваших слуг, то мы не знаем ничего о них и постигшей их судьбе. Теперь, Нам, отвечай на обвинение богов и вопросы народа, так как ты — глава жрецов и провозгласил этих богов за истинных, поставив их управлять нами.

Нам выступил вперед, чувствуя себя довольно тревожно, так как хорошо знал, что его обвинители не будут церемониться с ним и что его жизнь, во всяком случае, висит на волоске.

— Дети тумана, — начал он, — ваши слова остры, но я не жалею на это, так как вы узнаете, что моя ошибка была весьма важна. Совершенно верно, что я — начальник слуг богов, равно как слуга народа. По-видимому, оказывается, я обманул как богов, так и народ, хотя и против моей воли. Слушайте! Вы знаете, как явились к нам воплощенные боги, как мы приняли их. После долгих наблюдений я, к крайнему моему стыду — увы! — убедился, что они не истинные боги, а негодные обманщики, вздумавшие занять места богов.

Он остановился, и рев ярости и удивления пронесся над амфитеатром.

— Вот, наконец, развязка! — шепнул Леонард на ухо Хуанне.

— Да, развязка, — сказала она, — но я ожидала ее, а потому смело встретим ее.

Когда шум утих, оратор из старейшин снова заговорил, обращаясь к Наму:

— Это очень важные слова, Нам, и если только ты докажешь правдивость их, мы можем поверить, что могут быть настолько преступные люди, которые осмелились назвать себя богами. Но, быть может, Нам, тебе хотелось устранить тех богов, которые грозили тебе смертью и не любят тебя?

— Я был бы слишком смел, если бы решился возвести ложное обвинение на этих чужестранцев, не имея на то достаточного основания! Слушайте, вот правда о тех, кого мы почитали как богов. Прекрасной женщине имя Хуанна, как она сама нам говорила, она — жена белого человека по имени Избавитель, а карлик, именуемый Оттером, — их слуга вместе с другим белым человеком и прочими. Живя в дальней

стране, эти люди и женщина случайно узнали историю нашего народа. Как? Я вам скажу сейчас. Узнали, что мы находим на нашей земле красные и голубые камни и пользуемся ими в наших религиозных церемониях. Среди белых людей эти камни ценятся очень высоко. Эти люди жаждали богатства, и они решили украсть их. С этой целью Хуанна изучила наш язык и разыграла роль Аки, а собака-карлик осмелился принять священное имя Джаль. Я буду краток. Они совершили свое путешествие, а остальное вы знаете. Но ни одного камня они не получили, так как и тот камень, что носит на лбу Хуанна, был принесен ею самой.

Затем, о дети тумана, когда у меня возникли сомнения относительно богов, я послал шпионов наблюдать за ними во дворце. Такими шпионами были женщина, данная в жены карлику, и ее служанки. Кроме того, я приказал схватить их черных слуг и бросить Змею, полагая, что если они имеют власть, то смогут защитить своих слуг. Но, как известно, эти люди не нашли защиты. Тем временем женщины донесли мне, что карлик вел себя, как подлая собака, и когда напивался пьяным, что случалось очень часто, то распевал о своих подвигах, совершенных вместе с Избавителем в других странах, хотя всего, что он говорил, они не могли мне сообщить, так как он плохо еще говорит на нашем языке.

Когда эти рассказы дошли до моих ушей, о народ тумана, то у меня исчезли последние сомнения, но все-таки я не имел бесспорных доказательств обмана этих людей. Тогда я попросил богов просветить меня, и они исполнили молитву. Среди спутников этих людей есть женщина, вчера она пришла ко мне и призналась во всем. Сорок лет тому назад она убежала из нашей страны, я не знаю, по какой причине, унеся с собой наши тайны. Она рассказала этим людям легенду о наших богах и научила их, каким способом можно обмануть вас и достать красные камни. Но сердце ее теперь раскаивается в совершенном ею зле, и я представляю ее вам, чтобы вы могли судить между мной и этими лжецами, навлекшими на меня позор. Вывести вперед эту женщину!

Наступило молчание, и вся масса народа стала нетерпеливо ждать появления свидетельницы. Два жреца вывели Соа и поставили ее перед судьями.

— Говори, женщина! — сказал Нам.

— Я происхожу из народа тумана, — заговорила Соа, — о чем вы можете судить по моему виду и выговору. Я — дочь жреца, и сорок лет тому назад, когда я была молода и прекрасна, убежала из этой страны по причинам, касающимся только меня. Направившись к югу отсюда, я шла три месяца, пока не пришла в одну деревню на берегу могучей реки, где и

прожила двадцать лет, зарабатывая себе пропитание как знахарка. В это время в деревню прибыл белый человек, жена которого, родив дочь, умерла. Я сделалась воспитательницей этой девочки. Моя воспитанница сидит теперь перед вами, и ее зовут Хуанна.

Прошло еще двадцать лет, и я захотела вернуться на родину, чтобы умереть среди своего народа, для чего рассказала о моей стране и ее богатствах Хуанне и ее мужу Избавителю, так как боялась идти одна. Затем я преступно объяснила им, как они могут выдать себя за вернувшихся на землю богов народа тумана. Будучи жадными, они согласились на это, надеясь достать красные камни.

Соа кончила, и Леонард, наблюдавший за толпой, шепнул Хуанне:

— Говорите скорей, если думаете что-либо сказать. Теперь они поражены и молчат, но в следующую минуту зашумят, и тогда...

— Народ тумана,— закричала Хуанна, воспользовавшись минутой наступившего за словами Соа молчания,— вы слышали слова Нама и той, что была моей служанкой! Они осмелились говорить, что мы не боги. Мы не снизойдем до оправданий перед вами. Но смотрите, небо накажет вас голодом, мором и междоусобной войной, и они будут свирепствовать среди вас до тех пор, пока не исчезнет весь народ. Вы умертвили наших слуг, оказали нам неповиновение, вот почему солнце не светит и лето не приходит. Довершите ваши преступления до конца, если хотите, и заставьте богов пойти по той же дороге, по которой прошли их слуги!

Что касается слов этой низкой женщины, то она не сказала главного, именно: что она дочь Нама и убежала отсюда потому, что сорок лет тому назад была избрана в невесты Змею и потому достойна смерти. Еще одно слово Наму, ее отцу. Если его рассказ верен, то он сам себя осудил, так как, несомненно, он знал все с самого начала из уст своей дочери Соа!

Да, зная правду, он осмелился поставить себя над страной богов, которых считал ложными, надеясь этим увеличить свою славу и власть, а когда это не удалось ему, то не постыдился громко заявить о своем бесстыдстве. Я сказала все, народ тумана! Теперь судите нас, и пусть судьба завершит ваш приговор, так как мы отказываемся от вас.

Хуанна кончила свою речь и отвернула свое лицо, плававшее негодованием. Сила ее красноречия и красота были настолько велики, что гробовое молчание водворилось после ее слов, между тем как Соа отступила назад, а Нам, видимо, струсил.

— Это ложь, народ! — крикнул он голосом, дрожавшим от ярости и страха. — Моя дочь призналась мне только сегодня утром.

Его слова вывели толпу из оцепенения; тотчас же поднялся невообразимый шум.

— Его дочери! Он говорит, что это — его дочери! Нам сознается в своих преступлениях! — кричали одни.

— Долой ложных богов! — ревели другие.

— Не трогать их: это истинные боги, они могут наслать на нас несчастья! — говорила третья партия, и среди них Леонард заметил Олфана.

Наконец, когда шум стал мало-помалу затихать, старейшина снова обратился к народу:

— Народ тумана! Успокойтесь и слушайте меня! Вы избрали нас в судьи этого дела и потому должны слушаться нашего приговора. Мы не скажем ни слова о том, боги или нет эти чужестранцы, назвавшие себя Акой и Джалем. Но если они ложные боги, то, конечно, Нам виновен вместе с ними.

Слушатели громко выразили свое одобрение, и Леонард заметил, что верховный жрец задрожал от страха.

— Однако они сказали нам устами той, которая сидит перед вами, что по их приказанию солнце перестало светить из-за нанесенного им оскорбления. Значит, по их приказанию оно может и снова показаться. Поэтому пусть они нам дадут знамение или умрут, если только они смертные, потому что бессмертных мы не можем убить. Знамение это следующее: если завтра на заре туман рассеется и солнце покажется из-за той горы, тогда мы будем почитать их. Если же утро завтра будет снова холодное и туманное, то истинные боги они или ложные, но мы свергнем их с вершины статуи в бассейн, чтобы Змей рассчитался с ними или они рассчитались со Змеем. Вот наш приговор, народ тумана, и Нам приведет его в исполнение, после чего его самого будут судить.

Большинство народа громко изъявило свое одобрение приговору, а меньшинство, не согласное с первыми, молчало, не смея заявить своего собственного мнения.

Хуанна поднялась со своего места и твердо проговорила:

— Мы слышали ваши слова и обсудим их. Завтра на заре вы увидите нас здесь! Но помните, мы жестоко отплатим за ваше неверие! Олфан, уведи нас отсюда!

Олфан выступил вперед со своими воинами, и процессия вернулась обратно во дворец при полном молчании народа. Во дворце они были в десять часов, как заметил Леонард по своим часам.

— Теперь давайте есть и пить, — сказал Леонард, когда

они очутились одни в комнате,— нам надо скопить силы на завтра!

— Да,— отвечала Хуанна с печальной улыбкой,— давайте есть и пить, так как завтра мы умрем.

XXVIII

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ФРАНЦИСКО

— Как вы думаете, можно ждать благоприятного исхода? — спросила Хуанна, когда они кончили свой ужин.

— Если солнце не покажется завтра, то мы умрем! — ответил Леонард, покачав головой.

— На это мало надежды, баас,— простонал Оттер.— Сегодняшняя ночь такая же, как и все ночи за эти пять недель. Неудивительно, что народ, живущий в таком климате, жесток и кровожаден.

Хуанна закрыла свое лицо руками и затем сказала:

— Они не говорили ничего о вас, Франциско, и о вас, Леонард, так что, может быть, вы уцелеете.

— Сомневаюсь в этом,— ответил Леонард,— да и, откровенно говоря, я предпочту умереть, если вы погибнете.

— Благодарю вас, Леонард. Но ведь это не поможет никому из нас. Что они сделают с нами? Столкнут с вершины идола?

Хуанна вздрогнула.

— Кажется, таково их любезное намерение, но, по крайней мере, нам незачем подвергаться этому, оставаясь в живых. Сколько времени действует ваш яд, Хуанна?

— Самое большее полминуты, я думаю, и даже меньше. Ты решительно отказываешься от него, Оттер? Подумай, другой конец ужаснее.

— Нет,— сказал карлик, ставший теперь, в ожидании неизбежной опасности, снова храбрым, решительным и спокойным, каким он был всегда,— нет, когда наступит время, я спрыгну в воду добровольно и попробую еще справиться с великаном, живущим в воде. А теперь пойду приготовить оружие, которым буду сражаться.

Он встал и отправился на то место, где он спал.

Франциско последовал его примеру и тоже направился спать. Леонард и Хуанна остались одни.

Несколько минут Леонард смотрел на ее прекрасное лицо, выражавшее глубокую печаль и раздумье, освещенное светом факела, и глубокий стыд и раскаяние овладели им. Кровь этой девушки была на его руках, и он ничем не мог помочь

ей; эгоист, он увлек ее за собой в это несчастное предприятие, и вот теперь наступает неизбежный конец. Он — ее убийца, убийца девушки, вверенной его попечению ее отцом.

— Простите меня,— сказал он, наконец, голосом, похожим на рыдание, положив свою руку на ее пальцы.

— В чем мне вас прощать, Леонард? — ласково заметила она.— Теперь, когда все кончено, я, оглядываясь назад, на прошедшие месяцы, вижу, что мне надо просить у вас прощения, так как я часто обижала вас.

— Глупости, Хуанна! Из-за моего преступного безумия вам угрожает смерть в расцвете молодости и красоты. Я ваш убийца, Хуанна,— и он хрипло рассмеялся, а затем продолжал: — Теперь мне надо высказаться; время коротко, хотя я часто клялся не говорить вам об этом. Я люблю вас!

И Леонард признался, как с первого взгляда у него в сердце вспыхнула любовь к Хуанне и заглохла любовь к Джен Бич.

Едва он кончил, Хуанна медленно повернулась к нему, протянула свои руки и положила свою голову на его грудь.

На один момент Леонард остолбенел.

Затем, придя в себя, он нежно поцеловал ее.

Тогда Хуанна, выскользнув из его объятий, сказала:

— Слушайте, Леонард, скажите, все ли мужчины слепы, или вы один составляете исключение? Неужели то, что мне доставляло столько мучений в последние пять или шесть месяцев, оставалось незамеченным вами? Леонард, вы не один почувствовали любовь в лагере работоторговцев. Но вы быстро охладили мое безумие, рассказав мне историю Джен Бич, и, конечно, после этого я стала скрывать мои чувства, и с большим, по-видимому, успехом. И хотя вы и говорите, что Джен Бич умерла и похоронена в вашем сердце,— в один прекрасный момент она может воскреснуть. Я не верю, что люди забывают свою первую любовь, хотя и стараются по временам убедить себя в противоположном.

— Нельзя ли оставить Джен в покое, моя дорогая? — ответил он с некоторым нетерпением.

— Я, конечно, готова не касаться ее и теперь и навсегда!

И она зарыдала на груди Леонарда, как испуганное дитя, а затем впала в глубокий сон или обморок, он не знал точно. Поцеловав ее в лоб и положив на постель, он вышел в соседнюю комнату, где находились Франциско и Оттер.

— Посмотри, баас! — сказал карлик, вынимая из-под своего платья какой-то предмет.

Это был удивительный инструмент, составленный из двух жреческих ножей. Ручки этих ножей Оттер укрепил неподвижно при помощи ремней, при чем получилось оружие около

двух футов длины, отточенные части которого были направлены в противоположные стороны.

— Что это такое, Оттер? — спросил Леонард, думавший о другом.

— Это кушанье для крокодила, баас; я прежде видел, что его братья ловились на эту удочку в болотах Замбези, — ответил карлик. — Конечно, он захочет съесть меня, но я приготовил для него другое блюдо. Да! Я в одном уверен, если он пойдет на меня, то будет хороший бой, кто бы ни остался победителем.

Оттер прикрепил длинный ремень к рукоятке ножей, затем намотал его вокруг своего тела, спрятав концы ремня, имевшего в длину около тридцати футов, и нож под своим платьем.

— Теперь я снова мужчина, баас, — сказал он решительно, — я покончил с пьянством и прочими глупостями, которыми занимался в часы моего безделья, а теперь пришло время сражаться. И я останусь победителем, баас. Вода — мой дом, и я не боюсь крокодилов, как бы велики они ни были, так как раньше убивал их. Вот ты увидишь, баас, увидишь.

— Я боюсь, что не буду в состоянии сделать это, Оттер, — ответил печально Леонард, — но желаю тебе, мой друг, удачи. Если ты выйдешь невредим из бассейна, то они будут думать, что ты действительно бог, и если ты только сумеешь отказаться от пьянства, можешь управлять ими до глубокой старости.

— Мне это не доставит удовольствия, если ты умрешь, баас, — сказал карлик с тяжелым вздохом. — Клянусь тебе, баас, если я останусь жив, то отомщу за тебя. Не бойся, баас. Если я буду снова богом, то убью их всех одного за другим, и когда они будут все мертвы, то убью себя и приду к тебе.

— Это очень любезно с твоей стороны, Оттер! — сказал Леонард с легким смехом, но вдруг занавес двери раздвинулся, и появилась Соа в сопровождении четырех вооруженных жрецов.

— Что тебе надо, женщина? — вскричал Леонард, инстинктивно бросаясь к ней.

— Назад, Избавитель, — сказала она, подняв руку и обращаясь к нему на диалекте сизуту, которого ее спутники не понимали. — Меня охраняют, и за моей смертью быстро следует твоя. Кроме того, тебе ни к чему убивать меня, так как я приношу надежду на жизнь той, которую ты любишь, и на твою собственную. Слушай: солнце завтра утром не покажется; уже теперь туман сгущается и будет держаться до тех пор, пока Хуанну и карлика не свергнут с вершины статуи; ты же и Плешивый будете оставлены в живых до осеннего жертво-

приношения, когда вас принесут в жертву вместе с другими.

— Зачем ты рассказываешь нам все это, женщина? — сказал Леонард. — Мы сами знаем это, исключая отсрочки нашей смерти, которой я не желаю. Если у тебя нет ничего лучшего сказать, то уходи вон, предательница, чтобы мы не видели более твоего ненавистного лица.

— Мне надо еще кое-что сказать тебе, Избавитель. Я еще люблю Хуанну, как ты, так же, как тот Плешивый любит ее. Но вот что я думаю: двое должны умереть на заре, но среди этих двоих Хуанны не будет. Утро будет туманное, статуя высока, и только немногие жрецы увидят жертву, закутанную в черное платье. Что если найти ей заместителя, похожего на нее фигурой, ростом и чертами лица? Со стороны никто не заметит обмана.

Леонард остолбенел.

— Кого же найти? — спросил он.

Соа медленно протянула руку и указала на Франциско.

— Вот человек! — сказала она. — Если его одеть в платье Аки, то кто отличит его от Хуанны? Река и Змей не возвращают тех, кого они проглотили.

Леонард, пораженный этим ужасным предложением, взглянул на Франциско, который стоял, не понимая ни слова из разговора Соа с Леонардом, не зная наречия сизуту.

— Скажи ему! — проговорила Соа.

— Подожди немного, — печально ответил Леонард. — Положим, что все уладится, что будет дальше с Хуанной?

— Она будет спрятана в темнице храма в его платье и под его именем, — указала Соа на Франциско, — пока ей не удастся убежать или вернуться и снова править народом. Мой отец посвящен в этот план и не будет препятствовать его исполнению из любви ко мне, а также, если говорить откровенно, потому, что он сам находится в опасности и надеется посредством Хуанны спасти свою жизнь, так как, пережив жертвоприношение, она будет считаться народом бессмертной богиней.

— И ты думаешь, что я доверю ее тебе одной, злодейке и клятвопреступнице, а также нежным чувствам твоего отца? Нет, лучше ей умереть, покончив раз навсегда со всеми страданиями и мучениями!

— Я этого не говорила, Избавитель! — ответила спокойно Соа. — Ты будешь взят вместе с ней, и если она будет жить, то ты не умрешь. Разве этого мало? Эти люди пришли взять тебя и Плешивого в темницу, они возьмут тебя и Хуанну, вот и все. Теперь поговори с ним. Может быть, он согласится.

— Франциско, подите сюда, — сказал серьезным голосом Леонард по-португальски и рассказал священнику все. Патер

стал мертвенно-бледен и сильно дрожал, но еще не успел Леонард окончить, как он оправился.

— Я согласен,— сказал он твердо.— Таким образом мне дано будет спасти жизнь сеньоры и искупить мой грех!

— Франциско,— пробормотал Леонард, который от волнения не мог говорить громко,— вы герой! С радостью я очутился бы на вашем месте, но это невозможно.

— Кажется, здесь два героя,— кротко сказал Франциско,— но к чему говорить это? Обязанность каждого из нас — умереть за нее, и я думаю, что будет гораздо лучше, если я один умру, оставя вас живым, чтобы любить и утешать ее.

Леонард задумался на одно мгновение.

— Кажется, иначе ничего не сделать,— сказал он наконец.— Но как я могу довериться этой женщине?— указал он на Соа.— Если же ей не довериться, то Хуанна умрет.

— Вы не должны беспокоиться об этом,— сказал Франциско,— в конце концов, она любит свою госпожу; она предала нас ведь только из ревности к ней.

— Затем другой вопрос,— сказал Леонард,— как мы поступим с Хуанной? Если она угадает наш план, то все погибнет. Соа, поди сюда.

Леонард передал ей, что Франциско согласен, но что Хуанна, конечно, ни за что не согласится содействовать их плану.

— Я взяла с собой то, что устранит все затруднения, Избавитель,— ответила Соа,— так как предвидела их. Вот здесь,— показала она маленькую бутылочку, которую вынула из кармана,— та самая вода, которую Сага дала пить твоей черной собаке в ночь моего бегства. Смешай немного этой воды с вином и попроси Хуанну выпить. Она упадет в глубокий сон, который будет продолжаться не меньше шести часов.

— Это не отрава? — подозрительно спросил Леонард.

— Нет, это не отрава. Какая нужда отравлять того, кто будет мертв на заре?

Леонард согласился.

Приготовив сонное питье, он бошел в комнату Хуанны и застал молодую девушку крепко спавшей на большой постели. Подойдя к ней, он нежно коснулся рукою ее плеча, проговорив:

— Проснись, дорогая!

Она приподнялась и открыла глаза.

— Это вы, Леонард? — спросила она.— Мне снилось, что я снова девочка и учуе в дурбанской школе и что пора вставать. О! Разве уже заря?

— Нет, дорогая, но скоро будет,— ответил он,— выпейте, это вам придаст мужества.

Она взяла питье и машинально выпила его.

— Какой неприятный вкус у этого вина! — сказала она и снова крепко заснула.

Леонард подошел к занавесу и позвал Соа и других. Они все вошли в комнату Хуанны, исключая жрецов, которые остались близ двери, тихо разговаривая между собой и, по-видимому, не обращая внимания на происходившее.

— Снимите это платье, Плешивый, — сказала Соа, — я дам вам другое.

Он повиновался и, пока Соа одевала крепко спавшую Хуанну в платье священника, вынул из кармана своего платья дневник, на чистой странице которого написал несколько строк. Затем, закрыв книжку, он подал ее Леонарду.

— Пусть сеньора прочтет то, что я написал здесь, — сказал он, — но лишь после моей смерти.

Леонард взял книжку, положил ее в карман и затем, быстро повернувшись к Оттеру, наскоро объяснил ему значение всего происшедшего.

Соа надела на Франциско черное платье Аки. Белого платья, носимого Хуанной при церковных церемониях, он не надел; оно осталось на молодой девушке, совершенно скрытое от взоров его рясой.

— Кто узнает со стороны, что это не она? — торжествующе спросила Соа и затем, подавая Леонарду большой рубин, снятый со лба Хуанны, прибавила:

— Это, Избавитель, принадлежит тебе. Не потеряй камня, ты много перенес, чтобы заслужить его.

Леонард, взяв камень, хотел сначала швырнуть его в лицо усмехавшейся старухи, но затем, сообразив о бесполезности такой выходки, спрятал его в карман.

— Пойдем! — продолжала Соа. — Ты должен нести Хуанну, Избавитель. Я скажу, что это Плешивый, которому стало дурно от страха. Прощай, Плешивый. В конце концов, ты — храбрый человек, и я уважаю тебя за этот поступок. Закрой капюшоном свое лицо и, если ты хочешь, чтобы Хуанна была жива, не отвечай ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали, старайся, Плешивый, также не кричать, как бы ни был велик твой страх.

Франциско подошел к постели, на которой лежала Хуанна, и, прошептав несколько слов прощания, обернувшись, сжал Леонарда в своих объятиях и поцеловал.

— Прощайте, Франциско, — сказал Леонард дрожащим голосом.

— Не плачьте, мой друг, — ответил священник, — я надеюсь встретить вас и ее в загробной жизни.

И они расстались.

БЕЛАЯ ЗАРЯ

Взяв Хуанну на руки, Леонард вышел из спальни в комнату, где остановился в нерешительности, не зная, что дальше делать. Соа, шедшая впереди его с факелом в руке в сопровождении четырех жрецов, подошла к стене комнаты, у которой она лежала связанной в ту ночь, когда Оттер был усыплен Сагой.

— Плешивый в обмороке от страха, он трус,— сказала она жрецам, указывая на ношу в руках Леонарда.— Откройте тайный выход.

Один жрец выступил вперед и нажал на камень в стене, который подался, открыв достаточно широкое отверстие, чтобы просунуть руку и нажать на скрытый за стеною механизм. Стена повернулась, как на шарнире, открыв ряд ступеней, ведущих в узкий коридор. Соа спустилась первая, держа в руке факел таким образом, чтобы оставить Леонарда с его ношей в тени. За нею шли жрецы, за жрецами следовал Леонард. Когда последний очутился в коридоре, один из них опять нажал секретный механизм, и тайный выход был заперт.

«Так вот как исчезли поселенцы!» — подумал про себя Леонард, тщательно наблюдавший за процедурой открывания и запираания секретного входа.

Оттер, следовавший за Леонардом, видел все это также, хотя издали. Когда стена снова стала на свое место, он обратился к Франциско.

— Я видел, как они открыли отверстие в стене и прошли через него. Конечно, наши товарищи-поселенцы прошли также этой дорогой. Не попытаться ли и нам сделать это?

— Чему это послужит, Оттер? — ответил священник.— Этот выход ведет только в храмовую темницу; если мы пойдем через него, то все будет открыто, и главным образом этот обман! — указал он на надетое на него платье Аки.

— Это верно,— сказал Оттер.— Ну, в таком случае сядем и будем ждать, пока они придут за нами.

Усевшись в большом кресле, они стали ждать. Франциско думал о прошлом, а Оттер стал петь о своих подвигах, главным же образом о взятии лагеря рабов, чтобы «оживить свое сердце», как он объяснил Франциско.

Через четверть часа занавес раздвинулся и в комнату вошла толпа жрецов во главе с Намом.

— Теперь молчи, Оттер! — прошептал Франциско, нахлобучив на лицо капюшон.

— Здесь сидят боги,— проговорил Нам, махнув своим факелом по направлению двух спокойно сидевших людей.— Сойдите, о боги, чтобы мы могли отнести вас в храм, где вы сядете на возвышенном месте, откуда можете наблюдать сияние восходящего солнца,— закончил иронически жрец.

Оттер и Франциско, не говоря ни слова, встали и заняли места на носилках. Тотчас же их понесли со значительной быстротой. Когда они были вне ворот дворца, Оттер взглянул из-за занавеса носилок, надеясь заметить какую-нибудь перемену в погоде, но тщетно: туман был гуще обыкновенного. У подземных ворот храма их встретил Олфан с воинами.

— Прощайте, королева,— шепнул он на ухо Франциско,— я отдал бы свою жизнь, чтобы спасти вас, но мне не удалось. Я отомщу за вас Наму и всем его слугам.

Франциско не ответил ничего, но, поникнув головой, поспешил вперед. Вскоре они очутились на голове идола, где ни один из них еще не был ранее. Поверхность головы идола имела в окружности около восьми футов и не была ничем защищена с краев. Трона из слоновой кости, на котором сидела некогда Хуанна, не было. Вместо него стояли два деревянных стула, на них должны были сесть жертвы. За ними стали Нам и три других жреца. Нам стал таким образом, чтобы его товарищи не видели фигуры Франциско, которого они принимали за Хуанну.

— Держи меня, Оттер! — прошептал Франциско.— Силы покидают меня, я упаду.

— Закрой глаза и откинься назад; тогда ты не будешь ничего видеть. Приготовь также свое средство, так как уже пора.

— Оно готово,— сказал священник.

Оттер ничего не ответил и принялся наблюдать за тем, что происходило внизу. Храм был окутан туманом, точно дымом, сквозь который он едва мог различить черную движущуюся массу собравшегося народа, в течение целой ночи ждавшего здесь развязки трагедии. Говор народа доходил до него, подобно журчанию воды. За ним стояли четыре жреца в торжественном молчании, устремив глаза на серую мглу.

Это было ужасное положение, и даже неустрашимый карлик почувствовал себя жутко.

Так прошло около пяти минут. Затем снизу из тумана раздался голос, произнесший следующие слова:

— Наверху ли те, кто называл себя Акой и Джалем, жрец?

— Наверху! — ответил Нам.

— Теперь час рассвета, Нам?— продолжал все тот же голос.

— Нет еще! — ответил Нам, всматриваясь в снежный пик, возвышавшийся сзади храма на тысячу футов.

Весь народ вместе с Намом стал с напряженным вниманием всматриваться в восток, ожидая разрешения мучившей всех загадки, истинные ли боги перед ними или ложные; эти минуты напряженного молчания были настолько ужасны, что Оттер, не выдержав, запел зулусскую военную песню. Громче и громче раздавался его голос. При этом он стал притаптывать своими босыми ногами по каменной платформе, тогда как народ с суеверным ужасом смотрел на него.

«Конечно, он бог, — думали некоторые, — если поет так громко перед тем, как попасть на зубы Змея».

— Он бог! — закричал один голос снизу, и его повторили во многих местах, пока, наконец, не водворилось молчание. Тогда и Оттер перестал петь и взглянул на небо. Увы, рассвет наступил, но снега, покрывавшие горы, оставались бледными, как лица мертвецов.

— Белая заря! Белая заря! — закричали в толпе. — Долой ложных богов! Бросить их Змею!

— Все кончено, — шепнул Оттер на ухо Франциско. — Ну, принимай теперь средство и прощай, друг!

Снизу опять раздался прежний голос:

— Красная заря или белая, скажите вы, стоящие наверху!

— Теперь совсем рассвело, и заря белая! — ответил Нам.

— Скорей! — шепнул Оттер Франциско.

Тогда священник поднес к своим губам руку, но спустя момент опять опустил ее, со вздохом шепнув Оттеру: «Не могу, пусть они убьют меня, а я сам не могу!»

Но прежде чем карлик успел что-либо сказать, природа сделала для Франциско то, что он не решался сам сделать. Внезапно он впал в бесчувственное состояние: лицо его покрылось смертельной бледностью, и он медленно опрокинулся назад. Нам поспешил поддержать его и, зная, что Франциско дурно, придержал его за плечи.

— Заря белая! Вы видите это вашими глазами! — раздался голос снизу. — Вы, стоящие наверху, столкните вниз ложных богов согласно приговору народа тумана.

Оттер, услышав это, понял, что настала пора ему действовать. Быстро оглянувшись, он увидел, что Нам и другой жрец схватили бесчувственное тело Франциско, готовые сбросить его вниз, а два других жреца протянули руки к нему самому. Едва они успели коснуться карлика, как он, схватив ближайшего из жрецов за туловище своими могучими руками, прыгнул вместе с ним вниз, со словами «пойдем вместе!».

Жрец издал отчаянный крик, и толпа с удивлением увиде-

ла, как карлик и его жертва исчезли в бушующей воде. Вслед за ним безжизненное тело Франциско, столкнутое вниз Намом, полетело с быстротою стрелы в воду и исчезло навеки.

Оттер выпустил жреца из своих железных объятий и, плывя над поверхностью воды, направился прямо к северной стороне бассейна, где, как он заметил, было менее быстрое течение и где скалистый берег, свешиваясь над водой, скрывал его от взоров сидевших наверху людей. Схватившись за выступ скалы, он перевел дыхание и осмотрелся: все было хорошо, он не был ранен. Жрец, который был тяжелее его, первый встретил поверхность воды и предохранил его от последствий падения с высоты.

— Здесь,— сказал сам себе Оттер,— я могу пробыть несколько часов и меня никто не увидит. Но еще надо иметь дело со Змеем.— И он, поспешно схватив свое оружие, сделанное им из двух ножей, распутал часть ремня около своего пояса. В самом центре бассейна, где вода образовала водоворот, еще было видно кружившееся тело жреца, но Франциско он нигде не заметил.

«Ну, если отец крокодилов здесь и проснулся, то сейчас, конечно, возьмет свою добычу,— подумал Оттер.— Надо ждать здесь и посмотреть, что будет».

В это время сверху раздался такой оглушительный шум, произведенный толпой, занимавшей амфитеатр, что на некоторое время им был заглушен даже рокот бушевавшей воды.

«Что это там произошло?»— подумал Оттер.

Шум поднялся оттого, что внезапно белая заря сменилась красной и пики гор окрасились в пурпур. На этом основании многие из народа стали кричать, что казенные боги были истинными богами. Но Нам ловко уверил их, что чудо оттого и произошло, что, когда казнены обманщики, настоящие боги сняли проклятие с народа тумана и дают свет.

С этим объяснением одни из народа согласились, другие нет, но открытого протеста не было заявлено, и собрание разошлось в беспорядке. Только жрецы и несколько любопытных остались у краев бассейна, чтобы наблюдать, что происходит в его глубине.

Тем временем Оттер увидел то, что заставило его забыть о странном шуме вверху. Обведя своими глазами окружность скалистой стены бассейна, он увидел круглое отверстие пещеры, расположенной непосредственно под основанием идола и имевшей в диаметре около восьми футов. Нижний край этой пещеры находился выше уровня воды в бассейне дюймов на шесть; оттуда лилась тонкая струя воды. Из отверстия пещеры показалось гигантское, ужасное пресмыкающееся — предмет поклонения народа тумана. Нырнув с необыкновенной быстро-

той в глубину, оно снова появилось на поверхности воды близ тела жреца, который готов был уже пойти ко дну. Подняв над водой свою страшную голову и разинув ужасную пасть с могучими челюстями, оно схватило жертву за середину туловища и исчезло под водой. Оттер видел затем, как пресмыкающееся вползло со своей добычей в пещеру.

XXX

КАК ОТТЕР СРАЖАЛСЯ СО ЗМЕЕМ

Тщательно прячась за выступами скалистых стен бассейна и держа наготове в руке двойной нож, Оттер подплыл к отверстию пещеры. Здесь он заметил по течению воды, что главный поток входил в бассейн ниже пещеры, а последняя была второстепенным каналом, через который река катилась лишь во время разлива.

Поднявшись на руках к устью пещеры, Оттер быстро скользнул вовнутрь ее, чтобы не быть замеченным со стороны амфитеатра. Впрочем, так как его одежда почти вся была смыта водой, его черное тело трудно было заметить на темном фоне скал.

Очутившись внутри пещеры в совершенной темноте, Оттер благодаря своей способности, нередко встречающейся у дикарей, видеть в темноте вскоре мог удовлетворительно ориентироваться. Пещера имела вид трубы, пробитой течением воды в твердой скале. На дне ее тек поток воды не глубже шести дюймов, по обеим сторонам которого лежали легкие камни или, скорее, крупный песок. Как далеко шла пещера, он пока не мог разглядеть, а также не заметил и ее страшного обитателя, хотя на песчаном дне пещеры заметны были громадные следы пресмыкающегося, а воздух в пещере был спертый и стоял отвратительный запах.

«Куда же этот дьявол ушел?— подумал Оттер.— Он должен быть вблизи, а между тем я не вижу его. Быть может, он лежит где-нибудь дальше».— И, продвинувшись на шаг или два, он начал всматриваться в мрак пещеры.

Теперь он заметил кое-что, сначала ускользнувшее от его глаз.

Это был столообразный камень, лежавший на дне пещеры, футах в восьми от ее входа, и имевший высоту футов в шесть на ложе ручья, протекавшего по дну пещеры.

«Должно быть, здесь крокодил спит!»— размышлял Оттер, продвигаясь немного вперед и разглядывая камень, а в особенности какой-то треугольный предмет, лежавший на нем, и еще что-то под ним.

«Должно быть, это другой камень,— подумал опять Оттер,—но отчего же он не унесен водой, и что это под ним?»— И он сделал еще шаг вперед.

Оттер всмотрелся в занимавший его внимание предмет и чуть не упал от ужаса, когда увидел, что то, что он принимал за второй камень, была голова жителя вод, на которой светились мрачным и меняющимся огнем два страшных глаза. Под головой чудовища лежало тело жреца.

«Может быть, я подожду, пока он съест его!»— размышлял карлик, знавший привычки крокодилов.— После этого я нападу на него, так как он заснет после еды».— И, остановившись на этой мысли, он продолжал стоять, наблюдая за зеленым огнем, вспыхивавшим и угасавшим в глазах чудовища.

Сколько времени стоял так Оттер, он сам не знал; только после нескольких минут ожидания он стал сознавать, что эти глаза приобрели над ним власть, притягивая его к себе какой-то неведомой силой.

Пораженный ужасом, он хотел убежать, чтобы скрыться от этих дьявольских глаз. Увы! Было слишком поздно!

В отчаянии Оттер упал на песок и закрыл со стоном свое лицо руками.

«Это дьявол с колдовством в глазах!»— подумал он.— Как мне, простому карлику, сражаться с царем дьяволов, принявшим вид крокодила?»

Даже теперь, когда он не смотрел на крокодила, Оттер чувствовал, что глаза чудовища притягивали его к себе. Однако мужество и рассудок снова вернулись к карлику.

«Оттер,— сказал он сам себе,— если ты будешь лежать так, то колдовство скоро сделает свое дело. Этот дьявол проглотит тебя, и его желудок будет твоей могилой. Это не подходящий конец для того, кого называли богом. Подумай только: если бы твой господин, Избавитель, увидел тебя скорчившимся здесь, как жаба перед змеей, как он стал бы смеяться: «О, я считал храбрым этого человека; он сам говорил много о том, как он будет сражаться с жителем вод, а теперь я вижу, что он — подлая собака и трус».

Карлику казалось, что эти слова действительно говорил ему Леонард, смеявшийся над его трусостью.

Вскочив на ноги, Оттер крикнул так громко: «Никогда, баас!»— что это отразило его слова в пещере. Сердце Оттера наполнилось мужеством, и с ножом в правой руке он бросился на своего врага.

Крокодил, ждавший, что человек упадет без чувств, подобно всем жертвам, на которых он устремлял свой ядовитый взгляд, услышав этот крик, пробудился от оцепенения. Он поднял голову, и огонь запылал в его мрачных глазах, длинное туловище

начало шевелиться. Все выше и выше он поднимал свою голову, наконец, сполз с камня и двинулся навстречу карлику.

Оттер снова громко закричал, наполовину от злобы, наполовину от страха, и этот звук, казалось, привел животное в еще большую ярость.

Оно разинуло свою гигантскую пасть и продвинулось вперед по-видимому, чтобы схватить карлика, но последний сделал быстрый прыжок и всунул двойной нож прямо в раскрытую пасть чудовища, направив один конец своего оружия по направлению мозга крокодила, а другой вонзив в язык. В ту же минуту Оттер почувствовал, что челюсти гигантского пресмыкающегося сомкнулись, не причинив, впрочем, вреда его руке, так как между его зубами были большие промежутки, в один из которых и попала рука Оттера. После этого Оттер бросился на песок и лег, оставив нож в пасти чудовища.

Сначала последнее затрясло своею страшной головой, что Оттер наблюдал, еле дыша, причем от смрадного дыхания чудовища его чуть не стошнило. Дважды крокодил открывал свою пасть, чтобы выхаркать кровь, но тотчас же принужден был сомкнуть свои челюсти.

«Ну, теперь он раздробит меня на куски своим хвостом!» — подумал Оттер, но чудовище, казалось, забыло о присутствии своего врага. Оно билось на полу пещеры, тяжело дыша, и, наконец, быстро кинулось из пещеры, увлекая за собой карлика, у которого к поясу был прикреплен один конец длинного ремня, привязанного, как мы уже говорили, к рукояткам ножей. При этом движении крокодила весь ремень распутался, и карлик, несколько раз перевернувшись и ударившись о стены пещеры, бывшие к счастью гладкими, очутился вместе с крокодилом на глубине бассейна.

Если бы на месте карлика был другой человек, то, конечно, он бы погиб, но карлик плавал как рыба или, лучше сказать, как то животное, именем которого он был назван.

Раненое чудовище дважды опускалось на дно бассейна на страшную глубину, увлекая карлика за собой. Кровь была ключом изо рта и ноздрей пресмыкающегося, густо окрашивая воду.

Крокодил нырнул в третий раз к устью одного из подземных русл реки, и Оттер обрадовался, что был привязан к крокодилу, так как, будучи уже утомлен, он бы сам не мог преодолеть силы течения.

Наконец, животное снова показалось на поверхности воды, и Оттер имел случай взглянуть вверх, где увидел массы народа, наблюдавшего за ним в большом волнении. Впрочем, Оттер не имел возможности долго заниматься этим наблюдением, так как крокодил впервые сообразил, что человек вблизи него был

причиной его страданий. Своими челюстями он не мог кусать, поэтому старался ударить карлика хвостом, но Оттер нырнул, избегая удара. Дважды карлику удался этот маневр, но на третий раз он почувствовал, будто его тело разлетелось на куски от страшного удара и глаза выскочили из орбит, вслед за тем он потерял сознание.

Очнувшись, Оттер увидел себя на дне пещеры, но не одного, так как рядом с ним лежал Змей, мертвый, скорчившийся в страшных предсмертных судорогах. Очевидно, при последнем издыхании крокодил устремился в пещеру, где он жил в течение многих лет, увлекши за собой Оттера.

Карлик взглянул на мертвое чудовище, и сердце его забилося гордостью: пред ним лежал распростертым ужас народа тумана, его действительный бог, убитый благодаря его ловкости и отваге.

«Если бы баас мог видеть это! — подумал карлик. — Увы! Он не может этого сделать!»

Затем Оттер, оторвав почти перетертый между челюстями крокодила конец ремня, захватил с собой последний, оставив ножи в пасти чудовища, откуда их невозможно было вытащить, так глубоко они вошли в кости и мускулы головы пресмыкающегося. Обмыв свои раны в воде, Оттер решил пойти вперед в поисках другого выхода из пещеры. Он главным образом стремился выйти на свежий воздух, где бы мог дожидаться наступления вечера и отдышаться после удушливого воздуха в пещере. Первым выходом из пещеры он боялся воспользоваться, опасаясь, что люди, толпившиеся у краев бассейна, увидя его, закидают стрелами. Сообразив, что вода в пещере должна была иметь какой-либо вход, Оттер пошел во мрак пещеры, руководясь журчанием воды. На своем пути он беспрестанно наткался на груды костей, остатки многочисленных жертв, пожранных чудовищем в течение многих лет. Среди этих груд оказался еще совершенно целый скелет, одетый в платье жреца. По-видимому, человек этот умер несколько недель тому назад. Увидев близ скелета совершенно целый костюм из козьего меха, Оттер, дрожащий от холода, поспешил надеть его на себя. Под платьем скелета лежал какой-то мешок, сделанный из бычьей кожи.

«Быть может, он прятал здесь свою пищу, — подумал Оттер, — хотя вряд ли кто-либо, собираясь посетить жителя вод, стал бы запастись пищей. Однако теперь она, конечно, испортилась, и мне лучше уйти отсюда. Только коршун может оставаться дольше в этом жилище смерти!» И Оттер поспешил вперед, держась рукой за стенки пещеры, в которой царил совершенный мрак. Карлик боялся двух вещей: во-первых, упасть в какую-нибудь расщелину пещеры, а во-вторых, опасался встре-

чи с другим крокодилом, так как, без сомнения, думал Оттер, дьявол был женат.

Но Оттер не попал в расщелину и не встретил другого крокодила. Очевидно, житель вод был старый холостяк.

После получасовой ходьбы карлик заметил перед собой свет, на который и бросился вперед, и вскоре очутился на противоположном от входа конце пещеры, почти совершенно загроможденном глыбами льда. Проползши между скважинами льдин, он очутился на краю непроходимой пропасти позади города, а перед ним поднимался к небу громадный ледник, на котором ярко отражалось солнце.

XXXI

В ЗАПАДНЕ

Пока Оттер боролся с крокодилом, Леонард также переживал невеселые минуты.

Пройдя через ряд туннелей и после многочисленных поворотов, которые Леонард старался запомнить, он с Хуанной, под предводительством Соа, очутился, наконец, в комнате, пробитой в скале и, очевидно, назначенной служить им помещением, так как в ней стояла кровать, покрытая меховыми одеялами, и стол, на котором стояли кушанья. По знаку Соа Леонард положил Хуанну на постель, а старуха поспешила закрыть ее лицо одеялом от посторонних взоров. В то же время Леонард почувствовал, что его схватили сзади. И в то время, как два жреца держали его за руки, третий, по указанию Соа, отбирал от него револьвер и охотничий нож.

— Ты, подлая собака,— сказал Леонард Соа,— берегись, я тебя убью!

— Убить меня, Избавитель, значило бы убить себя самого и кое-кого другого. Эти вещи взяты у тебя потому, что такие игрушки не для капризных детей.

— Обыщи его карманы!— прибавила она, обращаясь к четвертому жрецу.

Последний исполнил ее приказание и выложил все, что имел Леонард при себе, на стол: часы, дневник Франциско, большой рубин и, наконец, кусочек яда, завернутый в лоскуток козлиной кожи. Соа взяла последний предмет и, осмотрев его, произнесла:

— Как, Избавитель, и ты запасся лекарством, которое принесет мало счастья, если ты примешь его?

Подойдя к маленькой нише, сделанной в стене комнаты, она взяла что-то оттуда, и Леонард узнал маленький мешочек, который Хуанна прятала в своих волосах.

— Теперь ты не сможешь причинить себе вреда!— сказала Соа по-португальски.— Позволь мне сказать тебе еще одну вещь: пока ты будешь спокоен, все пойдет хорошо, но если ты сделаешь попытку убежать или причинить кому-либо из нас насилие, тогда тебя свяжут и поместят отдельно и этим ты навлечешь смерть на Хуанну. Остерегайся же этого, белый человек, и веди себя смирно, вспомни, что теперь пришел мой черед и ты вполне в моей власти!

— Я понимаю это, мой почтенный друг!— ответил яростно Леонард, стараясь овладеть собой.— Но не знаю, на что ты намекаешь, да я и не забочусь ни о чем, лишь бы известная особа находилась в безопасности!

— Не бойся, Избавитель, она в безопасности. Как ты хорошо знаешь, я ненавижу тебя и если оставила тебя в живых, так только потому, что без тебя она могла бы умереть. Поэтому не опасайся за нее. Не делай никаких попыток к насилию в отношении меня или моего отца, когда мы одни будем посещать тебя, так как все устроено таким образом, что местонахождение Хуанны не может быть никем открыто, и если ты поднимешь против нас руку, она погибнет. А теперь я должна оставить тебя, чтобы посмотреть, что делается в храме. Если она проснется прежде, постарайся не пугать ее. Прощай.

И Соа оставила комнату вместе с жрецами. Тяжелая дверь захлопнулась за ними.

Леонард взял со стола отобранные у него вещи и положил их снова в свои карманы. Револьвер, яд и нож Соа унесла с собой. Затем, отвернув одеяло с лица Хуанны, он стал смотреть на молодую девушку. Она спала глубоким и безмятежным сном; даже улыбка играла на ее лице. Тяжело вздохнув, Леонард стал осматривать комнату. В ней были две двери: одна, через которую они вошли, и другая — такой же прочности. Единственным открытым местом была та ниша, из которой Соа взяла яд. В сущности, это была не ниша, а сквозное отверстие в скале, имевшее вид амбразуры, обращенной узкой частью внутрь комнаты. Это отверстие привлекло внимание Леонарда как вследствие своей необычайной формы, так и потому, что через него к нему доносились какие-то звуки. Прежде всего Леонард различил шум текущей воды, затем до него донеслись голоса толпы, то усиливавшиеся, то замолкавшие. Наконец он понял, где они находились. Они, очевидно, были спрятаны в стене храма, в непосредственной близости от бассейна, а крики, доносившиеся до него, были крики народа, следившего за судьбой Оттера и Франциско.

В течение часа или более раздавались голоса, а затем наступило молчание, прерываемое только журчанием воды.

Леонард понял, что Оттер и Франциско погибли, и с тяже-

лым сердцем, полный самых мрачных дум, взял стул и сел вблизи Хуанны.

Молодая девушка еще спала под влиянием сонного питья. Наконец бледное лицо ее покрылось краской, она открыла глаза и села на своем ложе.

— Где я? — спросила она, недоумевающе оглядываясь кругом. — Это не моя постель.

— Успокойтесь, дорогая, я с вами! — сказал Леонард, взяв ее за руку.

— Я это вижу. Но где же другие и что это за ужасное место? Разве мы заживо похоронены, Леонард? Это место похоже на могилу!

— Нет, мы только в плену. Подите сюда, скушайте и выпейте сначала что-нибудь, тогда я расскажу вам все!

Она встала и впервые обратила внимание на свое платье.

— Что это? Это платье Франциско! Где же он сам?

— Кушайте и пейте! — повторил он.

Она машинально исполнила его просьбу, смотря в его лицо удивленными и испуганными глазами.

— Теперь, — произнесла она, — скажите. Я не могу выносить дольше неизвестности. Где же Франциско и Оттер?

— Увы, Хуанна, они умерли! — ответил он торжественно.

— Умерли, — простонала она, ломая свои руки, — Франциско умер? Но почему же мы еще живы?

Леонард рассказал весь план спасения, придуманный Соа.

Хуанна вскочила на ноги и устремила на собеседника свои сверкающие глаза.

— Как вы смели сделать это! — выкрикнула она. — Кто дал вам право на это? Я считала вас мужчиной, а теперь вижу, что вы трус!

— Хуанна, — сказал Леонард, — вам ни к чему говорить так. Все это было сделано ради вас, а не для кого-либо другого!

— О, конечно, вы так должны говорить, но я думаю, что вы сговорились с Соа умертвить Франциско с целью спасти вашу собственную жизнь. Между нами все кончено. Я больше никогда не буду разговаривать с вами!

— Вы можете сделать это, если вам будет угодно, — сказал запальчиво Леонард, приведенный ее словами в состояние крайнего раздражения, — но я буду говорить с вами. Вы бросили мне слова, за которые, будь вы мужчина, я постарался бы отомстить вам, но так как вы женщина, то я могу только ответить на них, а затем умываю руки. Когда к вам вернется здравый рассудок, то вы поймете, что я с радостью занял бы место Франциско. Но это было невозможно, так как, если бы я вздумал надеть на себя платье Аки, то был бы тотчас же узнан, и вы поплатились бы за мое безумие. Мы все хорошо понимали это,

и потому, посоветовавшись, решили сделать так, как я уже вам говорил. Я согласился, чтобы вас перенесли сюда, под тем только условием, что я буду сопровождать вас для вашей безопасности. Ну, а теперь я сожалею об этом: лучше бы пойти вместе с Франциско. Тогда, быть может, я нашел бы покой вместо обидных слов и упреков. Впрочем, не бойтесь, вероятно, я скоро последую за ним. Я знаю, что вы любили этого человека, этого героя; знаю также, что вы, случайно или намеренно, сделали все, чтобы, влюбив его в себя, нарушить покой его души. Поэтому я извиняю ваше поведение.

Он замолчал и посмотрел на нее, сидевшую на краю кровати с закушенными губами и поглядывавшую на него с выражением любопытства на прекрасном лице, в котором попеременно отражались то скорбь, то гордость и гнев. Даже в этот момент Хуанна думала не о Франциско и его жертве, а о человеке, которого она никогда так не любила, как теперь, когда он говорил с ней так горько, оплачивая ей ее же монетой.

— Я не могу состязаться с вами в резкости и грубости, — сказала Хуанна, — и не стану возражать вам. Однако, быть может, когда к вам вернется здравый рассудок, то вы вспомните, что моя жизнь касается только меня, и что я никому не давала права спасать ее за счет другого лица!

— Что сделано — сделано! — ответил мрачно Леонард. — В другой раз я не буду делать ничего подобного без вашего согласия. Кстати, мой бедный друг просил вас передать эту вещь! — И он подал ей дневник. — Он написал кое-что для вас на последней странице книжки и просил вас, если вам удастся избежать смерти, взять это на память о нем и не забывать его!

Хуанна взяла дневник и, повернув его к свету, открыла наугад. Первое, что бросилось ей в глаза, было ее собственное имя, так как в дневнике в действительности заключалось изложение увлечения священника Хуанной со дня их первой встречи и старания его преодолеть свою слабость. Поспешно перелистав дневник, она открыла наконец последнюю страницу, где Франциско признавался в своей любви к ней, которую он должен был скрывать по своему сану.

Хуанна расплакалась, читая предсмертные строки несчастного. Но открылась дверь, и в комнату тотчас вошли Нам и Соа.

— Избавитель, — сказал престарелый жрец, лицо которого и смущенные глаза носили на себе отпечаток различных волновавших его чувств, — и ты, Хуанна, я пришел, чтобы поговорить с вами. Как вы видите, я один, исключая эту женщину, — указал он на Соа, — но если вы совершите какое-либо насилие в отношении ее или меня, это послужит сигналом для вашей смерти. С большим трудом и немалым риском для самого себя

я спас жизнь Хуанны, устроив так, что вместо нее был принесен в жертву белый человек, ваш спутник!

— Жертвоприношение было совершено?— прервал его Леонард.

— Я буду откровенен с тобой, Избавитель,— ответил верховный жрец, которому Хуанна перевела вопрос Леонарда.— Я знаю теперь, что Хуанна и карлик не боги, а такие же смертные, как и мы; ты знаешь, что я осмелился оскорбить истинных богов, подменив избранную ими жертву. Жертвоприношение было совершено, но с такими знаменами, что я поставлен в тупик. Народ тумана поражен также, и никто не знает, что и думать обо всем этом. Белый человек, твой спутник, был сброшен в бесчувственном состоянии в воду, когда показалась белая заря, карлик же, твой слуга, не дожидаясь того, чтобы его столкнули, сам прыгнул вниз, захватив за собой одного жреца!

— Bravo, Оттер!— радостно воскликнул Леонард.— Я знал что он умрет молодцом!

— Он умер действительно молодцом, Избавитель!— сказал со вздохом Нам.— Таким молодцом, что многие клянутся, что он действительно бог, а не человек. Едва они исчезли в воде,— продолжал жрец,— как произошло такое чудо, о котором никогда не было слышно в нашей стране: белая заря превратилась в красную, быть может, потому, что я крикнул для успокоения народа, что ложные боги встретили свою гибель.

— В таком случае истинные боги должны быть удивительно слепыми,— заметила Хуанна,— видя, что я, которую ты осмеливаешься назвать ложной богиней, еще жива!

Этот аргумент заставил Нама замолкнуть на одно мгновение, но он нашелся что ответить Хуанне.

— Да, ты еще жива,— сказал он со странным ударением на слове «еще».— И если вы не будете безумствовать,— продолжал он,— то долго останетесь в живых оба, так как я вовсе не желаю вашей крови, стараясь провести в мире мои последние дни. Слушайте же конец моего рассказа. Пока народ с изумлением наблюдал за изменением зари, оказалось, что карлик, твой слуга, Избавитель, не был мертв в воде. Да! Можно было видеть, Избавитель, как громадный житель вод носился туда и сюда по бурлившей воде, а вместе с ним карлик, которому Змей не причинил никакого вреда. Как этот человек мог плавать вместе со Змеем, этого никто не может сказать!

— Bravo, Оттер!— снова сказал Леонард, обдумывая про себя объяснение чуда, которого он, конечно, не хотел открывать Наму.— Ну, чем же все это кончилось?

— Этого никто не знает наверно, Избавитель,— сказал в недоумении жрец.— Наконец житель вод опустился на дно вместе с карликом, но затем снова всплыл и вошел в пещеру,

свое жилище. Из рта его шла кровь. Но вошел ли карлик вместе с ним или нет, этого я не могу сказать, так как никто не мог этого разглядеть, а отважиться войти в пещеру, чтобы узнать правду, никто не смеет!

— Хорошо, мертв он или жив, но он хорошо сражался! — сказал Леонард. — А теперь, Нам, что тебе надо от нас? Этот вопрос, казалось, смутил жреца.

— Я пришел сюда, Избавитель, — ответил он, — рассказать вам, что случилось!

— То есть, — заметил Леонард, — сказать мне, что ты умертвил моего лучшего друга и того, кто у вас был ранее богом? Благодарю тебя, Нам, за эти новости. А теперь я беру на себя смелость спросить, какие твои дальнейшие намерения относительно нас?

— Поверь мне, Избавитель, я хочу спасти вашу жизнь. Если другие были принесены в жертву, то это не моя вина: в настоящее время страна в смятении и полна самых тревожных слухов. Я не знаю сам, что может случиться в течение ближайших дней, а пока вы должны оставаться здесь. Это — жалкое место для жилья, но зато тайное и безопасное. Впрочем, здесь еще другая комната, которой вы можете пользоваться; быть может, ты уже видел ее? — И, положив руку на что-то, казавшееся задвижкой, Нам открыл вторую дверь, которая вела в комнату одинакового вида с той, в которой они были, но несколько большего размера.

— Посмотри, Избавитель, — продолжал жрец, делая шаг вперед, чтобы войти в комнату, и затем отступая назад, как бы желая из учтивости дать пройти вперед Леонарду. Леонард почти машинально вошел в комнату, совершенно забыв о характере своего хозяина и о назначении этого жилища. Когда он вспомнил об этом и, быстро повернувшись, хотел уйти назад, тяжелая дверь с шумом захлопнулась перед самым его лицом, и он остался в западне.

XXXII

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ НАМА

Одно мгновение Хуанна стояла в безмолвном изумлении: проделка Нама была совершена так быстро, что она едва могла опомниться.

— Теперь, Хуанна, — начал вкрадчиво Нам, — мы можем свободно поговорить, ибо не годится слушать посторонним ушам то, что я тебе скажу!

— Мерзавец! — ответила она с негодованием, но затем,

понимая бесполезность упреков, прибавила:— Говори, я слушаю тебя!

Нам рассказал свой план ее выхода замуж за короля.

— Народу мы объявим,— за ончил он,— что ты была богиней, но из любви к Олфану отказалась на время от своей божественности и облеклась в плоть, чтобы провести немного лет с тем, кого ты полюбила!

— В самом деле,— сказала Хуанна,— а что, если я откажусь подчиниться этому плану, который, я думаю, мог выйти только из мозга женщины?!— И она указала на Соа.

— Ты права,— ответила Соа,— я составила этот план, чтобы спасти тебя и отомстить,— прибавила она пылко,— тому белому вору, который любит тебя; пусть он увидит тебя отданной дикарю!

— Но разве ты никогда не думала о том, Соа, что я могу иметь в этом отношении свои собственные желания?

— Конечно, но даже прекраснейшая из женщин не может всегда иметь то, что ей случится пожелать. Знай, что все должно быть сделано как ради тебя самой, так и ради моего отца. Олфан любит тебя; в эти смутные времена отцу и жрецам необходимо иметь поддержку в короле, расположение которого будет нами приобретено в тот день, когда он получит надежду иметь тебя женой. Наконец, для тебя самой, хотя бы ты и желала выйти замуж за человека твоего племени, лучше стать королевой, чем погибнуть жалким образом!

— Я думаю иначе, Соа,— спокойно ответила Хуанна, понимавшая, что ни жалобы, ни просьбы не помогут ей,— я предпочту умереть!— И она протянула руку к своим волосам, но остановилась, не найдя там яда.

— Ты предпочитаешь умереть,— сказала с холодной усмешкой Соа,— но это не так-то легко сделать, так как я отобрала у тебя яд во время сна.

— Я могу уморить себя голодом, Соа,— сказала с достоинством Хуанна.

— Это потребует несколько времени, а сегодня ты станешь женой Олфана! Необходимо, конечно, чтобы ты сама дала согласие на брак с ним, так как он в своем безумии объявил, что может жениться на тебе, только получив согласие из твоих уст и в присутствии свидетелей!

— В таком случае я боюсь, что этот брак не состоится!— сказала Хуанна с горьким смехом, чувствуя омерзение к этой негодной женщине, которая в своей необузданной любви хотела спасти жизнь своей питомицы ценой ее позора.

Между тем Соа сказала ей, что если она не выполнит указанного плана, то умрет Избавитель.

Жрец и его дочь оставили Хуанну одну. Несколько долгих

часов провела молодая девушка в мрачной комнате, в которую, кроме журчания воды, не доходило никакого звука.

В эти часы перед нею пронеслись все приключения, испытанные ею в течение последних шести месяцев; но ужас всего перенесенного ею бледнел перед тем, что ждало ее впереди. День проходил для нее с томительной медленностью; наконец, когда начали сгущаться ночные тени, снова пришли Нам и Соа.

— Мы пришли за ответом!— произнес жрец, вставляя в стенную скобку принесенный им светильник.— Соглашаешься ли ты или нет взять в супруги Олфана?

— Не соглашаюсь!— ответила Хуанна.

— Подумай еще!

— Я думала, и вот мой ответ!

Нам схватил руку Хуанны, говоря:

— Поди сюда, я тебе покажу кое-что!— И он подвел ее к двери в следующую комнату. Соа, погасив светильник, вышла из комнаты, заперев за собою дверь, так что Нам и Хуанна остались в полном мраке.

— Хуанна,— сурово сказал Нам,— ты сейчас увидишь того, кого называешь Избавителем, но помни: если ты крикнешь или даже скажешь громко одно слово, он умрет!

Хуанна ничего не ответила, хотя сердце ее тревожно забилось. Внезапно в верхней части двери, ведущей в комнату Леонарда, образовалось отверстие, через которое Хуанна могла видеть то, что делалось в соседней комнате, не будучи сама видима оттуда, так как там было светло, а она находилась в полном мраке. Хуанна увидела, что в соседней комнате лежал на полу связанный Леонард, вблизи отверстия в полу, окруженный жрецами. Шагах в двух от двери стояла Соа, на которую жрецы устремили свои глаза, видимо, ожидая ее приказаний.

Едва только Хуанна успела посмотреть на эту сцену, отверстие в двери опять закрылось, и Нам проговорил:

— Ты видела, что Избавитель связан; видела отверстие в полу тюрьмы. Тот, кого бросят в это отверстие, попадет в пещеру Змея, оттуда нет возврата ни для кого. Через отверстие мы бросаем пищу жителю вод, пока нет жертвоприношений. Выбери одно из двух: или добровольно выйди замуж за Олфана сегодня ночью, или на твоих глазах Избавитель будет брошен Змею. В последнем случае ты все равно выйдешь замуж за Олфана, хочешь ты этого или нет. Что ты скажешь?

Хуанна решила еще немного сопротивляться, думая, что вся сцена была проделана только для того, чтобы испугать ее.

Тогда Нам, открыв отверстие в верхней части двери, шепнул одно слово на ухо Соа, а та отдала какое-то приказание жрецам. Хуанна увидела, что связанного Леонарда положили вблизи отверстия в полу так, что его голова свесилась внутрь этого

отверстия, и одного движения достаточно было, чтобы сбросить его вниз, в пещеру Змея.

— Развяжите его,— слабо произнесла Хуанна,— я выхожу замуж за Олфана!

Нам снова шепнул что-то Соа, и та приказала жрецам оттащить Леонарда в сторону, что те и исполнили с видимой неохотой. В то же время дверное отверстие опять закрылось.

— Я сказала «развяжите его»,— повторила Хуанна.— А он лежит на полу, как срубленное дерево, не имея возможности пошевелиться!

— Нет,— возразил Нам,— быть может, ты раздумашь, и тогда придется его снова связать, а это сделать не так-то легко, так как он силен и отважен. Слушай, когда Олфан придет просить твоей руки, ты не должна говорить ему ничего о том человеке, он его считает мертвым. Если же ты хоть слово скажешь о нем, то он умрет. Ты поняла меня?

— Понимаю,— ответила Хуанна,— но, по крайней мере, надо снять повязку с его рта!

— Не бойся, это будет сделано после того, как ты поговоришь с Олфаном. А теперь скажи, когда тебе будет угодно принять его?

— Когда хочешь. Чем скорее все будет кончено, тем лучше!

— Хорошо! Дочь моя,— обратился Нам к Соа, только что вошедшей в комнату.— Зажги, пожалуйста, огонь и попроси короля Олфана.

Соа пошла исполнять приказание своего отца, а Хуанна, будучи не в силах совладать с охватившим ее ужасом, опустилась на кровать, закрыв руками лицо. На мгновение в комнате водворилась тишина: затем дверь снова открылась, и перед Хуанной появился король Олфан, сопровождаемый Соа.

— Берегись,— шепнул Хуанне Нам,— одно слово, и Избавитель умрет!

XXXIII

БУДЬ БЛАГОРОДНЫМ ИЛИ НИЗКИМ!

Некоторое время Хуанна молча смотрела в лицо Олфана, на котором, однако, не могла прочесть ничего, так как король, подобно всем своим соплеменникам, привык скрывать свои чувства под маской торжественного спокойствия. Он стоял перед нею, опершись на древко копья; с опущенной слегка головой и устремив темные глаза на ее лицо, бесстрастный, неподвижный, являя собой картину дикого достоинства. Свет факелов падал на него, освещая его богатырскую, стройную фи-

гуру. Он отражался на его ожерелье из слоновой кости — символе королевской власти — запястьях и кольцах, на глянцевитой шерсти его платья из коровьего меха и блестящих локонах черных волос, подвязанных узкой белой лентой.

— Говори, Олфан! — произнесла наконец Хуанна.

— Мне сказали, королева, — начал Олфан низким, звучным голосом, — что ты хочешь говорить со мной. Я, как и всегда, повинуюсь тебе. Королева, я узнал, что твой супруг умер, и, поверь мне, сожалею об этом. В этом постыдном деле я не принимал участия. Смерть его, а также и другого белого человека и карлика произошла по вине этого жреца; он клялся, что был вынужден так поступить, ибо народ криками требовал их смерти. Королева, они все ушли, а ты, как слабая голубка, прилетевшая издалека, из южного края, сделалась добычей орлов народа тумана!

Но всего несколько часов тому назад я и тебя считал мертвой вместе с тысячами людей и думал, что твое прекрасное тело было сброшено Намом на заре с вершины статуи. Скажу тебе, что, видя это, я, воин, плакал и проклинал самого себя за то, что, хотя я и король, но был лишен возможности спасти тебя. Потом этот человек, верховный жрец, пришел ко мне и рассказал всю правду, а также сообщил придуманный им план для спасения твоей жизни, для упрочения моей власти и его собственной безопасности. Выйди за меня замуж, королева! — закончил Олфан.

Хуанна быстро сообразила свое положение. Оно было отчаянно. Нам и Соа стояли по обеим сторонам, причем последняя держалась близ двери, за которой лежал связанный Леонард. Она знала, что стоило ей сказать одно слово правды королю, и Леонард умрет. Поэтому оставалось одно — согласиться для виду сделаться женой Олфана. Хотя ей казалось постыдным обманывать этого честного человека, единственного их друга среди народа тумана, но обстоятельства вынуждали ее к этому.

— Олфан, — сказала она, — я выслушала тебя, и вот мой ответ: я согласна взять тебя себе в супруги. Ты знаешь мою историю, знаешь, что тот, кто был моим господином, умер сегодня, — Соа одобрительно улыбнулась на эту ложь, — и что я любила его. Надеюсь, что ты будешь настолько добр, что предоставишь мне несколько недель, чтобы я могла оплакать свое вдовство прежде, чем перейду от него к тебе. Больше я ничего не скажу тебе, но, конечно, ты поймешь скорбь моего сердца и все то, чего я не высказала.

— Пусть будет так, как ты желаешь, королева! — ответил Олфан, целуя ее руку, причем его хмурое лицо засияло от счастья. — Ты перейдешь ко мне тогда, когда будет угодно те-

бе, но я боюсь, что одну вещь ты должна будешь проделать сейчас же!

— Что, Олфан?— спросила с беспокойством Хуанна.

— Только то, королева, что обряд должен быть совершен сейчас же. Это необходимо по многим причинам, о которых ты узнаешь завтра. Кроме того, таково было мое соглашение с Намом, закрепленное клятвой на крови Аки, а такой клятвы я не могу нарушить!

— О нет, нет!— сказала Хуанна в отчаянии.— Подумай, Олфан, как я могу. Муж мой умер всего только шесть часов тому назад. Дай мне хоть несколько дней!

В разговор вмешался Нам.

— Королева,— сказал он,— теперь нечего терять время в пустых разговорах. От этой церемонии зависит больше, чем ты думаешь,— жизнь многих людей, быть может, наша собственная и особенно жизнь того, о ком мне теперь не годится говорить!— И как бы случайно Нам повел глазами на дверь соседней комнаты.

Олфан подумал, что жрец намекает на его собственную жизнь, но Хуанна и Соа хорошо понимали, что речь идет о Леонарде.

— Ты слышала эти слова, королева,— сказал Олфан,— они верны. Теперь опасные времена, и если наш замысел будет выполнен, то я должен дать клятву вождям и совету старейшин, что ты вернулась на землю снова, чтобы стать моей женой!

— Хорошо,— в отчаянии ответила Хуанна,— но неужели я, будущая королева этого народа, буду обвенчана тайно? Я желаю иметь, по крайней мере, свидетелей. Позови нескольких вождей, которым ты доверяешь, Олфан, иначе может наступить время, когда меня не станут считать за настоящую королеву и никого не будет, кто бы мог восстановить мою честь!

— Этого нечего бояться, королева,— ответил Олфан с легкой улыбкой,— однако твоё желание вполне законно. Я позову трех из моих вождей, людей, которые не предадут нас!— И он повернулся, чтобы пойти за ними.

— Не оставляй меня,— удержала его Хуанна,— я верю тебе, но этим двум — нет. Я боюсь быть одна вместе с ними!

— Здесь ни к чему свидетели!— воскликнул Нам угрожающим голосом.

— Королева просит свидетелей, и они будут!— ответил вспыльчиво Олфан.— Старик, довольно ты играл мною, до сих пор я был твоим слугой, а теперь хочу быть твоим господином. Несколько часов тому назад твоя жизнь была в моих руках, когда белая заря превратилась в красную! Я пощадил тебя потому, что ты поддел меня на эту приманку,— указал он

на Хуанну.— Ну, нечего класть руку на рукоять ножа, ты забываешь, что у меня есть копье. Твои жрецы за дверьми, я это знаю, но там и мои вожди, которым я сказал, где нахожусь; если я исчезну, как многие здесь исчезали, то за мою жизнь ты ответишь, Нам, так как власть поколеблена. А теперь повинуйся мне. Прикажи женщине позвать того, кто стоит на страже у двери; нет, не шевелись,— прибавил он, направляя острие своего копья на обнаженную грудь жреца.— Прикажи ей подойти к двери и позвать жреца. Я сказал — к двери, а не за нее, или берегись!

Нам струсил: его оружие сделалось его господином.

— Повинуйся!— сказал он Соа.

— Повинуйся, но не более!— повторил Олфан.

Рыча, как волчица, женщина подошла к двери и, приоткрыв ее, свистнула.

— Спрячься, госпожа!— сказал Олфан.

Хуанна отошла в неосвещенный угол комнаты, и в тот же момент раздался голос у открытой двери, произнесший:

— Я здесь, отец!

— Теперь говори!— сказал Олфан, приближая копье на дюйм ближе к сердцу Нама.

— Сын мой,— сказал жрец,— пойди ко входу, которым вошел король, ты найдешь там трех вождей, позови их сюда!

— И смотри, не говори ни с кем по пути!— шепнул Олфан на ухо Наму.

— И смотри, не говори ни с кем по пути!— повторил Нам.

— Слушаю, отец!— сказал жрец и ушел.

Минут через десять двери снова отворились и чей-то голос произнес:

— Вожди здесь!

— Позови их сюда!— сказал Нам.

Трое рослых, вооруженных копьями вождей вошли в комнату. Один из них был брат короля, а двое других — его избранные друзья.

— Братья,— обратился Олфан к вновь вошедшим,— я послал за вами, чтобы сообщить вам о тайне и просить вас быть свидетелями брачной церемонии. Богиня Ака, брошенная сегодня в бассейн Змея, вернулась на землю женщиной и хочет сделаться моей женой. Не спрашивайте ни о чем,— прибавил он, заметив удивление на лицах вождей.— А теперь, жрец, делай свое дело!

Впоследствии Хуанне все это происшествие казалось сном, которого она даже не могла в точности припомнить. Кажется, она стояла рядом с Олфаном, причем Нам бормотал молитвы и заклания, призывая имена Аки и Джали. Больше она ничего не могла припомнить. Ей на память пришла другая брачная

церемония, совершенная Франциско в лагере работоторговцев над нею и Леонардом. Странная ирония судьбы: ей пришлось принимать участие в двух драмах, в одной из которых Леонард должен был подвергнуться церемонии брака, чтобы спасти ее, а во второй — она должна была сделать то же самое для его спасения.

Наконец все было кончено, и еще раз Олфан склонился перед нею, поцеловав ее руку.

— Да здравствует королева народа тумана! — воскликнул он.

Вожди повторили его слова.

Хуанна очнулась как бы от сна. Что теперь делать? Что можно было сделать? Казалось, все было потеряно. Но внезапно ее осенило вдохновение.

— Правда, что я королева, Олфан?

— Да, госпожа!

— И, как королева народа тумана, имею власть, не правда ли, Олфан?

— Даже над жизнью и смертью! — ответил тот важно. — Впрочем, если ты присудишь к смерти кого-либо, то должна дать ответ мне и совету старейшин. Все в этой стране твои слуги, и никто не смеет ослушаться тебя, исключая религиозные дела!

— Хорошо! — сказала Хуанна и, обратившись к вождям, повелительно произнесла:

— Схватить этого жреца, по имени Нам, и эту женщину!

Олфан удивленно посмотрел на нее, а вожди стояли в нерешительности, но Нам не медлил и сделал быстрый прыжок к двери.

— Подожди немного, Нам, — сказал король, заграждая ему путь копьем, — конечно, королева имеет свои причины, и ты, очевидно, узнаешь их. Держите их, вожди, раз королева приказала так!

Три человека бросились на Нама и Соа. Старый жрец, выхвативший было свой нож, скоро покорился, но с Соа сладить было не так легко: она визжала и кусалась, как дикая кошка, порываясь подойти к двери Леонарда и крикнуть находившимся внутри жрецам.

— Не позволяйте ей подходить к этой двери, — крикнула Хуанна, — сейчас я вам все объясню.

Тогда брат короля схватил Соа и, бросив ее на кровать, стал рядом, приставив острие своего копья к ее горлу.

— Теперь, королева, — сказал Олфан, — твоя воля исполнена, и, быть может, ты объяснишь нам все?

— Слушай, король, слушайте вы, вожди! — ответила Хуанна. — Эти лжецы сказали вам, что Избавитель умер, не правда

ли?! Он не умер, а лежит связанный в соседней комнате, но если бы я сказала вам слово об этом, он бы умер. Олфан, знаешь ли ты, как было получено мое согласие стать твоей женой? В этой двери открылось отверстие, сквозь которое я увидела своего мужа, связанного, с закрытым ртом и положенного над отверстием в полу тюрьмы, которое ведет в неизвестное мне место.

«Соглашайся, или он умрет»,— сказали они, и я, ради моей любви, согласилась. Вот в чем состоял их замысел, Олфан: женить тебя на мне отчасти потому, что та женщина, бывшая моей нянькой, не желает моей смерти, отчасти потому, что Нам хотел воспользоваться этим, чтобы спасти самого себя от народного гнева. Не думай, однако, Олфан, что ты удержал бы меня надолго; после того, как ты послужил его цели, ты бы умер тайным образом как человек, знающий слишком много!

— Это ложь!— сказал Нам.

— Молчать!— ответила Хуанна.— Отворите эту дверь и вы увидите, лгала ли я!

— Подожди немного, королева!— сказал Олфан, казавшийся крайне удрученным всем происшедшим.— Если я понял тебя правильно, твой супруг жив. А потому ты говоришь, что слова и клятвы, которыми мы обменялись, не значат ничего и ты не жена мне?

— Это так, Олфан!

— В таком случае я готов сделаться злодеем и допустить его смерть,— медленно сказал король,— знай, госпожа, что я не могу отказаться от тебя!

Хуанна побледнела как смерть, поняв, что страсть этого человека, раз ей дали волю, ускользнула из-под ее контроля.

— Я не могу отказаться от тебя!— повторил он.— Разве я поступил нехорошо с тобой? Разве я не говорил тебе: согласишься или откажи, но, раз согласившись, ты не должна брать своих слов назад! Королева, ты обручена со мною. Те клятвы, которые ты произнесла, не могут быть нарушены. Теперь слишком поздно: ты моя, и я не позволю тебе уйти к другому, хотя бы этот другой был твоим мужем до меня!

— А Избавитель? Неужели я должна сделаться убийцей своего супруга?

— Нет, я буду защищать его и найду средство выслать его из страны.

Хуанна, пораженная отчаянием, молча стояла, как вдруг резкий смех Соа подействовал на нее, как удар бича, и молодая девушка заговорила снова:

— Король, до сих пор ты хорошо поступал со мной. Останься же благородным до конца. Ты говоришь, что любишь меня. Скажи же, если бы моя жизнь зависела от одного твоего

слова, разве ты не сказал бы его? То же самое произошло и со мной. Я сказала это слово и на один только час обманула тебя. Неужели ты, столь великодушный, свяжешь меня этой клятвой, данной мною для того, чтобы спасти моего возлюбленного от власти этих собак? Если так, то, значит, я ошиблась в тебе, думая, что ты скорее погибнешь, нежели будешь настолько низок, что принудишь беспомощную женщину быть твоей женой, женщину, единственное преступление которой состоит в том, что она обманула тебя ради спасения жизни своего мужа!

Хуанна остановилась и, сложив молитвенно свои руки, умоляющими глазами смотрела на смущенное лицо короля, но, видя, что он молчит, прибавила:

— Скажу тебе еще одно, король. Конечно, ты сильнее меня и можешь взять меня силой, но тебе не удержать меня при себе, и тот час, когда ты захочешь овладеть мною, будет моим последним, а ты будешь иметь запятнанную честь и мертвую невесту!

Олфан хотел ответить, но Соа, беспокоясь, что жалобы Хуанны преодолели его страсть, заговорила:

— Не давай себя одурачить, король, пустыми речами женщины или ее фальшивыми угрозами. Она не убьет себя, я знаю ее слишком хорошо. Когда ты женишься на ней, то она скоро полюбит тебя, так как мы, женщины, относимся с почтением к тем, кто господствует над нами. Избавитель — ее супруг только по имени: я жила с ними несколько месяцев и знаю все. Возьми ее, король, теперь же, сейчас, или будешь всю жизнь оплакивать ее потерю и собственное безумие.

— Я не хочу отвечать на ложные слова этой рабыни, — сказала, гордо выпрямившись, Хуанна, — и будет более достойно тебя, король, не слушать их. Я сказала все. Теперь делай, что ты хочешь. Будь велик или ничтожен, будь благороден или низок, как научит тебя твоя душа!

И, внезапно опустившись на пол, она принялась горько плакать, причем ее длинные волосы закрыли ее лицо и руки.

Дважды король взглянул на нее и дважды отворачивался, как бы не смея более смотреть. Наконец он заговорил, устремив свои глаза на стену:

— Встань, королева! — печально сказал он. — Перестань плакать, тебе нечего бояться меня. Я всегда исполнял твою волю, но спрячь свое лицо от меня, мое сердце разбито, и я не могу смотреть на то, что я потерял!

Все еще плача, но полная удивления перед тем, что дикарь мог быть так великодушен, Хуанна поднялась с полу и несвязно заговорила слова благодарности, в то время как вожди с изумлением смотрели на нее, а Соа издевалась и проклинала всех.

— Не благодари меня! — кратко сказал Олфан. — Ты, ко-

торая читаешь в сердцах всех, верно прочла в моем сердце. Ну, а теперь, покончив с любовью, пойдем воевать. Женщина, в чем секрет этой двери?

— Найди его сам!— прорычала Соа.— Зная ключ, ее легко открыть, Олфан, так же, как и женское сердце. Если не найдешь ключа, то надо овладеть входом силой, так же, как и женской любовью. Конечно, ты, столь искусный в добывании невест, не нуждаешься в моих советах для открытия двери, потому что ты не слушал моих слов относительно женщин, Олфан, и допустил смягчить себя при виде женских слез, а ты мог бы смыть их поцелуями!

Хуанна, слыша это, в первый раз сказала себе, что у нее с Соа все покончено, что бы ни случилось впоследствии. Действительно, немногие женщины могли бы простить то, что она перенесла из-за нее.

— Направь-ка на нее копье!— сказал Олфан одному из вождей.

Только почувствовав прикосновение стали, Соа перестала смеяться и открыла секрет двери.

XXXIV

КАК ОТТЕР ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПЕЩЕРЫ ЗМЕЯ

Очутившись на дне ледника, Оттер осмотрелся кругом.

Он стоял на краю пропасти, опускавшейся тремя террасами, общая высота которых была не менее трехсот футов. Насколько он мог видеть, было совершенно невозможно спуститься ни на одну из этих террас без помощи веревки. Рассмотреть ближе Оттер не мог, так как шагах в четырехстах от отверстия, ведущего в пещеру, склоны гор, покрытые снегом, были так круты, что он не отважился довериться им.

Усевшись на землю, карлик стал обдумывать свое положение.

Оттер понимал, что было бы безумием пытаться ускользнуть через бассейн до наступления темноты. Перед ним круто поднималась гора, склоны которой были покрыты глыбами льда. Однако кое-где виднелись полоски земли с росшими на них деревьями, кустарниками и даже цветами. Проголодавшись, Оттер пошел искать себе какой-нибудь пищи среди этой бедной растительности.

Взобравшись на склон горы, он вскоре нашел знакомые ему растения, которые были принесены ему в пищу когда-то жрецами.

Подкрепившись этой жалкой пищей и найдя большой сук, заменивший ему палку, он продолжал карабкаться по склону

горы, пока, наконец, не достиг перевала, где и остановился в изумлении: сзади него глубоко лежал город тумана.

Над его головой могучий пик на тысячи футов возносился вверх, оканчиваясь на самой вершине чем-то похожим на человеческий палец, обращенный к небу. Перед ним зрелище было еще страннее: снежные поля, прерываемые черными расщелинами скал, лежавшие одно ниже другого и переходившие постепенно в поля, покрытые растительностью.

Первое из этих снежных полей лежало в полумиле от того места, где стоял Оттер, и ниже его на несколько сот футов.

Между краем перевала и этим полем простиралась громадная пропасть с такими стенами, что ни одно животное не могло бы ступить здесь ногой. Со дна этой пропасти подымалась скала, служившая ложем для ледника, соединявшего обе стены пропасти и служившего своего рода мостом через нее.

Поверхность этого моста местами была довольно отлога, а местами довольно крута. Однако Оттер не мог разглядеть, прерывался ли ледяной мост в каком-нибудь месте на ширину хоть нескольких ярдов.

Желая узнать это, карлик взял один из осколков скал, выглаженных от постоянного трения об лед, и столкнул его вниз по гладкой поверхности ледяного моста. Камень быстро покатился вниз, изменяя свою скорость в зависимости от крутизны склона, по которому он проходил, но нигде не останавливаясь. Приблизившись к самой узкой части моста, он понесся вниз со страшной быстротой, и в одном месте, очевидно, встретил пустое пространство, о ширине которого трудно было судить. Камень как бы повис в воздухе, но через одно мгновение продолжал свой путь по снежному полю и наконец остановился, представляясь издали в виде мошки на белой скатерти.

— Вот, если человек сядет на такой камень, то ему можно безопасно перейти через этот мост!— сказал сам себе Оттер.— Однако немногие согласятся на такое путешествие, разве верная смерть будет позади их!

Решив сделать вторую пробу, он взял второй камень, более легкий, чем первый, и пустил его вниз по ледяному мосту. Достигнув самого узкого места, камень исчез.

Карлик повторил свой опыт в третий раз, выбрав самый тяжелый камень, какой только он мог сдвинуть. На этот раз камень, подобно первому, благополучно миновал расщелину моста. «Странное место,— подумал Оттер,— лучше, если мне не придется поехать на таком каменном коне!»

С этими словами Оттер пошел обратно в пещеру, где решил провести ночь, чтобы с рассветом попытаться искать выхода через горы, примыкавшие к противоположному концу туннеля.

С этой целью он отошел на несколько шагов от входа в пе-

щеру и сел вблизи хвоста мертвого крокодила. Он пытался за-
снуть, но не мог. Ему казалось, что глаза мертвого крокодила
смотрят на него из глубины и что мертвецы, жертвы чудовища,
шепчут один другому рассказы о своей страшной гибели. Ужас
все более и более овладевал Оттером.

Чтобы успокоить себя, Оттер начал громко говорить сам с
собой. Вдруг он испуганно вскочил, волосы встали на его голо-
ве дыбом, зубы застучали и самый нос, как он говорил впослед-
ствии, похолодел от ужаса — он услышал, или ему показалось,
что сверху раздался голос его господина, звавшего его по
имени.

Карлик задрожал при звуке этого голоса. Только громкое
«дурак», которым его обозвал Леонард, несколько привело его в
себя. Однако из осторожности он все-таки спросил:

— Если это ты, баас, то отчего ты говоришь из воздуха?
Подойди ближе ко мне, чтобы я мог коснуться тебя и успоко-
иться!

— Я не могу этого сделать, Оттер, — отвечал тот, — я свя-
зан и нахожусь в тюрьме над тобой. Здесь в полу есть отвер-
стие, и, быть может, ты взберешься ко мне!

Карлик встал на ноги и, подняв свою палку, достал до по-
толка пещеры, на котором он скоро отыскал и отверстие.

Поспешно привязав ремень к средней части палки и сделав
в ремне петлю, достаточную для того, чтобы поставить ногу,
карлик швырнул палку в отверстие и стал дергать за ремень.

— Готово, ремень держится крепко! — прошептал сверху
Леонард. — Взирайся!

Через полминуты карлик был уже возле Леонарда.

— У тебя есть нож, Оттер?

— Да, баас, есть, но маленький, больших уже нет!

— Оттер, мои руки связаны у меня за спиной. Разрежь уз-
лы и дай мне нож, чтобы я мог освободить ноги!

Оттер повиновался, и Леонард вскочил на ноги, с облегче-
нием выпрямившись.

— Где госпожа, баас?

Леонард рассказал Оттеру о коварной проделке Нама.

— Не лучше ли нам убежать, баас? Я нашел выход в горы!

— Убежать, оставив Хуанну! Лучше, когда жрецы вернутся
сюда, схватим их и завладеем их ножами. А затем подумаем,
что дальше делать. Мы можем взять у них ключи!

— Да, баас, сделаем так. Ты возьмешь палку, она крепка!

— А что же у тебя будет? — спросил Леонард.

— Я в две минуты сделаю себе оружие! — И, отвязав ре-
мень от палки, Оттер начал копошиться над ним. — Я готов,
баас! — произнес карлик. — Где мы станем?

— Здесь! — ответил Леонард, подведя его к двери. — Мы

спрячемся у двери и, когда они войдут и, закрыв дверь, станут смотреть, где я, набросимся на них. Только, Оттер, все это надо сделать без шума!

Когда они стали по местам, Оттер шепотом рассказал Леонарду о своем бое с крокодилом.

Едва карлик успел кончить свой рассказ, как открылась дверь и в комнату вошли двое жрецов, из которых один нес в руке светильник. Не подозревая ничего, он повернулся, чтобы закрыть дверь. В это время Леонард, выйдя из тени, ударил его по голове палкой с такой силой, что жрец был оглушен, если не убит, и, не издав ни звука, повалился на пол. В то же время Оттер, искусно накинув петлю на шею второго жреца, крепко затянул ее, и жрец также упал на пол.

После этого они овладели ножами и ключами жрецов.

Почти вслед за этим вторая дверь в комнату открылась и через нее вошли Хуанна, Олфан, Нам, Соа и трое других мужчин.

На одно мгновение воцарилось молчание. Затем один из спутников Олфана воскликнул:

— Смотрите: бог Джаль вернулся и уже требует себе жертв!— указал он на лежавших на полу жрецов.

На лицах вошедших отразилось сильное смущение, даже Олфан и Нам были поражены тем, что казалось им чем-то вроде чуда, тогда как Леонард и Хуанна смотрели друг на друга, три вождя глядели на Оттера как на духа. Однако одно лицо в этой компании не растерялось — то была Соа. Пользуясь тем, что вождь, под надзором которого она находилась, зажевал, она молча отступила в тень и исчезла в ту же дверь, через которую вошли все. Через минуту Оттер, услышав шум за той дверью, в которую вошли двое жрецов, подошел к ней, чтобы открыть ее. В то же время Олфан хватился Соа.

— Где женщина, дочь Нама?— спросил он.

— Кажется, она ушла и заперла нас здесь, короли!— ответил спокойно Оттер.

Подойдя к дверям, все убедились, что они были заперты.

— Это ничего не значит, здесь есть ключи!— сказал Леонард.

— Они не помогут нам, Избавители!— ответил Олфан.— Эти двери запираются толстыми каменными засовами, толще моей руки. Теперь эта женщина ушла за жрецами, которые скоро будут здесь, чтобы убить нас, как крыс в клетке!

— Скорее! Нечего терять времени!— сказал Леонард.— Взломаем двери!

— Да, Избавитель,— насмешливо сказал Нам.— Бейте их вашими кулаками, пронизывайте камни вашими копьями, они, конечно, ничего не значат перед вашей силой!

«Я ВОЗНАГРАЖДЕН, КОРОЛЕВА»

Соа ушла, конечно, для того, чтобы позвать на помощь своему отцу жрецов и отомстить Леонарду, Оттеру и, наконец, Олфану. Верная смерть угрожала всем запертым в комнате. Необходимо было поскорее выбраться из нее. В течение часа они пытались взломать двери, но безуспешно: их ножи и копья только царапали двери, не поддававшиеся их усилиям. Также безуспешной была и попытка разрушить их огнем; не достигнув ничего, они сами чуть не задохнулись в дыму.

— Неужели ничего нельзя сделать?— спросил наконец Леонард.— Если так, то наша игра, кажется, проиграна!

— Баас,— сказал Оттер,— мы можем спуститься вниз, в отверстие, через которое я поднялся сюда. Житель вод мертв, я собственноручно убил его, и теперь его нечего бояться. Внизу же идет туннель, ведущий на склон горы. На вершине этого склона начинается ледяной мост, по которому можно достигнуть прекрасной страны.

— Пойдем туда!— вмешалась Хуанна.

— Я видел этот мост,— сказал Олфан, между тем как его вожди изумленно смотрели на человека, победившего Змея,— но никогда не слышал, чтобы кто-либо осмелился поставить на него свою ногу!

— Через него можно переправиться, хотя и с большой опасностью,— возразил Оттер.— По крайней мере, лучше сделать эту попытку, нежели оставаться здесь, чтобы нас убили колдуны!

— Я думаю, нам лучше отправиться туда, Леонард!— сказала Хуанна.— Если надо умереть, то лучше на открытом воздухе. Только что же делать с Намом? Может быть, Олфан и вожди предпочтут остаться здесь?

— Нам во всяком случае пойдет с нами,— ответил сурово Леонард,— мне надо свести счеты с этим господином. Что касается Олфана и вождей, то они должны сами решить этот вопрос.

— Что ты собираешься делать, Олфан?— спросила Хуанна.

— Кажется, королева,— ответил он, опустив глаза,— я поклялся защищать тебя до последней крайности и сделаю это с тем большей готовностью, что теперь моя жизнь имеет для меня весьма малую цену. Мои же товарищи, я думаю, подобно тебе, предпочтут умереть на воздухе, нежели ожидать здесь смерти от рук жрецов.

Все три вождя утвердительно кивнули головами в знак со-

гласия со словами короля. После этого, захватив с собой запас пищи, оказавшейся в изобилии в комнате, все спустились в пещеру Змея.

— Оттер,— спросил у карлика Леонард, очутившись в пещере,— ты не видел здесь рубинов?

— Там, возле жителя вод, лежит какой-то мешок, баас,— ответил беспечно карлик,— но я не позаботился заглянуть в него. Что за нужда теперь для нас в красных камнях?

— Теперь нет, но они могут пригодиться впоследствии, если мы уйдем отсюда.

— Да, баас, если мы уйдем отсюда,— ответил Оттер, думая о ледяном мосте,— мы можем захватить его по пути!

Как раз в это время был спущен вниз Олфаном и вождями Нам, озиравшийся не без некоторого ужаса, так как до сих пор ни он, ни кто другой из его собратьев не осмеливался посетить священное жилище бога Змея. После него спустились вожди и, наконец сошел вниз Олфан.

— Нам надо спешить, Избавитель,— сказал король,— дверь сейчас будет открыта!

И, действительно, все услышали сильный треск вверху. Оттер стал дергать за ремень, пока, наконец, палка не скользнула по отверстию в полу и не упала к его ногам.

— Нечего им оставлять это, чтобы они могли последовать за нами,— сказал он,— да это еще может пригодиться нам!

В это время голова одного из жрецов показалась над отверстием. Нам, воспользовавшись этим, поспешно крикнул:

— Ложные боги убежали через туннель в горы, вместе с ними и лже-король. Преследуйте их и не бойтесь: житель вод мертв. Не думайте обо мне, Наме, и убейте их!

С восклицанием ярости Оттер, ударив его по лицу, повалил навзничь, но зло было уже сделано, и голос сверху ответил Наму:

— Мы слышим тебя, отец! Сейчас возьмем веревки и спустимся вниз!

Все двинулись вперед. Проходя мимо мертвого крокодила, все на одно мгновение остановились посмотреть на гигантское пресмыкающееся.

— Этот карлик — действительно бог!— сказал один из вождей.— Ни один человек не мог бы сделать ничего подобного!

— Вперед,— сказал Леонард,— нам нельзя терять времени!

Пройдя мимо крокодила, они наткнулись на груды костей.

— Где же мешок, Оттер?— спросил Леонард.

— Здесь, баас!— ответил карлик, вытащив что-то из-под разложившегося трупа несчастного жреца, оскорбившего но-

воявленного бога и опущенного за это в пещеру к Змею. Леонард взял мешок и, развязав ремень, которым он был перевязан, посмотрел внутрь его. Оттер держал над ним светильник. В глубине мешка сверкали красным и голубым цветом драгоценные камни.

— Это целое сокровище!— сказал Леонард с восторгом.— Наконец-то счастье вернулось к нам!

— Сколько весу в мешке?— спросила Хуанна, когда все поспешили вперед.

— Около семи-восьми фунтов, я думаю!— ответил Леонард, все еще полный восторга.

— Семь или восемь фунтов драгоценных камней, прекраснейших в целом свете! В таком случае отдайте мне мешок. Мне нечего нести, а вам надо иметь теперь обе руки свободными!

— Верно!— ответил Леонард, отдавая ей мешок.

Вскоре они достигли устья туннеля и, пройдя между глыбами льда, очутились на склоне горы. Но в это время облака закрыли луну, и при наступившей темноте было бы безумием начать восхождение на гору, рискуя заблудиться и сломать себе шею среди бесчисленных расщелин и пропастей.

Посоветовавшись, они решили закрыть вход в туннель оказавшимся под рукой материалом: кусками мерзлого снега, щепом и немногими большими камнями, которые, по счастью, удалось найти вблизи. Вскоре в туннеле послышались голоса жрецов, становившиеся все громче и громче. Надо было каждую минуту ждать нападения, однако его не последовало и голоса жрецов замолкли.

— Что же они решили делать?— сказал Леонард.— Взойти на гору по другой тропинке и отрезать нам путь?

— Не думаю, Избавители!— ответил Олфан.— Я не знаю такой тропинки. Они пошли за тяжелыми брусьями и хотят сломать ледяную стену!

— Нет, тропинка есть!— сказал один из вождей.— В дни моей молодости я часто лазил по ней, разыскивая подснежные цветы.

— Вот что, королева,— сказал Олфан, подумав немного,— мы можем взять этого человека в проводники и вернуться через горы в город, где можем найти друзей среди воинов и дать битву жрецам!

— Нет, нет,— страстно воскликнула Хуанна,— я скорее умру, чем вернусь назад в то страшное место, где все равно в конце концов найду свой конец. Иди туда, если хочешь, Олфан, и предоставь нас нашей судьбе!

— Этого я не могу сделать, королева, я поклялся!— гордо ответил он.— Но слушай, мой друг,— обратился король к одному из вождей.— Ступай по той тропинке, если можешь сде-

лать это в темноте, и приведи нам помощь. Поскорее, мы постараемся продержаться до твоего прихода. Но если ты не найдешь нас в живых, то я поручаю тебе: говори везде, что боги оставили нашу страну из-за того, что с ними дурно поступили, и подними народ против жрецов. Только тогда можно будет покончить с ними раз и навсегда!

Не сказав ни слова, вождь пожал руку Олфану и двум своим товарищам, поклонился Хуанне и исчез в темноте. Все опустились на землю у входа в туннель и ждали, что будет. Оттер благоразумно захватил меховые платья жрецов, и это значительно помогло им справиться с холодом.

— Леонард,— сказала Хуанна,— вы еще не знаете, что произошло после того, как Нам запер нас в отдельную комнату?

И она рассказала ему все.

Когда она кончила, Леонард встал и, взяв за руку Олфана, произнес:

— Король, благодарю тебя! Пусть судьба отнесется к тебе так же, как ты отнесся ко мне и моим близким!

— Не говори больше ни слова, Избавитель,— ответил поспешно Олфан.— Я исполнил только долг и мою клятву, хотя это мне и тяжело!

Взглянув вверх, они заметили, что снежные вершины гор начали краснеть от приближающейся зари и в туннеле снова слышались голоса, а сквозь щели в грубом ледяном сооружении, заграждавшем вход, заблестели огни. Очевидно, жрецы, запасшись необходимыми орудиями, явились снова.

Вскоре действительно раздались глухие удары в ледяную стену.

— Скоро рассветет, Избавитель,— спокойно сказал Олфан.— Я думаю, что вы можете теперь вполне безопасно начать восхождение на гору!

— А что же делать с этим человеком?— указал Леонард на Нама.

— Убить его!— проговорил Оттер.

— Нет, нет пока!— сказал король.— Возьми это,— и Олфан протянул Леонарду копье третьего вождя, оставленное им,— и захвати с собой жреца. Если нас осият, то вы можете купить свою жизнь ценой его жизни, если же мы отбросим жрецов и вам удастся уйти, то сделайте с ним что вам будет угодно!

— Я хорошо знаю, что сделаю!— пробормотал Оттер, сверкнув глазами на жреца.

— А теперь прощайте!— продолжал Олфан тем же спокойным тоном.— Принесите еще льду или камней, если можно, стена трещит!

Леонард и Оттер молча пожали руку короля, но Хуанна не могла расстаться с ним таким образом. Ее сердце было полно мысли о его доброте.

— Прости меня,— пробормотала она,— я причинила тебе горе, за которым, боюсь, последует смерти!

— Сожаление не поможет ничему, королева, а смерть я охотно встречу, поверь мне. Отправляйся же, и пусть счастье сопутствует тебе. Желаю тебе уйти безопасно с теми блестящими побрякушками, которых ты желала. Да будешь благословенна ты со своим Избавителем долгими годами взаимной любви. Когда же состаришься, то вспоминай иногда дикого человека, любившего тебя, когда ты была молода, и отдавшего свою жизнь для твоего спасения.

Хуанна слушала, и слезы полились из ее глаз. Затем, внезапно обняв за шею гиганта, она поцеловала его.

— Я вознагражден, королева,— нежно воскликнул он,— и, может быть, твой супруг не приревнует. А теперь — скорее отправляйтесь!

Пока король говорил, небольшая часть стены под ударами жрецов обрушилась, и из отверстия показалось лицо жреца. Олфан с криком поднял копьё и метнул его. Жрец упал назад, а в это время пришли вожди с камнями, которыми и заложили отверстие.

Леонард и Хуанна, повернувшись, побежали вверх по склону горы, причем Оттер с проклятиями гнал перед собой Нама, надевая его ударами кулака, пока, наконец, тот не свалился со стеною на землю. Никакими усилиями Оттер не мог заставить его встать на ноги.

— Вставай, подлая собака!— сказал Леонард, угрожая ему копьём.

— В таком случае ты должен развязать мои руки, Избавитель,— ответил жрец,— я очень слаб и не могу идти по горам со связанными на спине руками. Конечно, вам нечего бояться старого и безоружного человека!

— Я думаю, что теперь нечего бояться,— пробормотал Леонард,— хотя в прошлом нам доводилось сильно бояться тебя!— И, взяв нож, он разрезал связывавшие руки Нама веревки.

Хуанна обернулась и посмотрела назад. Далеко внизу она могла различить фигуры Олфана и его товарищей, стоявших плечом к плечу один возле другого, и даже блеск лучей солнца на остриях их копий. Еще ниже она увидела поросшие травой крыши земного ада, города тумана, бесконечную равнину за ним и реку, извивавшуюся змеей. Там же виднелись и громадные стены храма, и черный колосс, на верху головы которого она сидела в тот страшный час, когда тысячи людей при-

ветствовали ее как свою богиню и откуда ее друг Франциско был свергнут вниз на ужасную смерть.

Нам, шепча проклятия, шел вперед, награждаемый неутонимым Оттером ударами в спину. Хуанна, потеряв из виду Олфана и его товарищей, присоединилась к своим спутникам, и все они продолжали в полной безопасности свой путь, пока, наконец, не достигли края перевала и не увидели ледяного моста, ведущего к снежным полям.

XXXVI

ТОРЖЕСТВО НАМА

— Куда же мы пойдем?— спросила Хуанна.— Неужели мы должны спуститься в эту пропасть?

— Нет, госпожа,— ответил Оттер.— Посмотри, перед тобой мост!— И он указал на ледяную ленту, соединявшую оба края бездны.

— Мост!— проговорила с ужасом Хуанна.— Как, эта скользкая и крутая, как крыша дома, полоса льда — мост? Да на нем не может устоять и муха!

— Оттер,— сказал Леонард,— ты или шутишь или сошел с ума! Как мы можем перейти через это место? Не успеем мы сделать и десяти шагов по этому мосту, как упадем и разобьемся вдребезги!

— Вот как, баас: мы должны сесть, каждый из нас, на один из этих плоских камней и тогда камень перевезет нас на противоположную сторону пропасти. Я знаю, я однажды пробовал это!

— Ты хочешь сказать, что переходил через пропасть?

— Нет, баас, но я послал вниз три камня. Два пролетели благополучно, а третий исчез в середине пути. Я думаю, что там, в мосту, перерыв, но мы должны рискнуть. Если камень достаточно тяжел, то он перелетит через провал, если же нет, тогда мы провалимся вниз и навеки успокоимся!

— Неужели нет другого пути?

— Я не вижу, баас, я думаю, что нам лучше перестать разговаривать и приготовиться, а то ведь жрецы за нами. Если ты посторожишь на верху перевала, чтобы не было нечаянного падения, я пойду за камнями.

— А что делать с этим человеком?— сказал Леонард, указывая на старого жреца, лежавшего лицом вниз в снегу, по-видимому, в полном изнеможении.

— О, мы должны задержать его еще немного, баас; если жрецы придут, то он может быть нам полезен. Если же они не

придут, то я поговорю с ним потом. А теперь он не может убежать!

Леонард пошел на вершину перевала, бывшую ярдах в двадцати от того места, где они стояли, а Оттер стал искать нужные ему камни.

Хуанна, повернувшись спиной к ледяному мосту, на который она едва отважилась взглянуть, села на камень, чтобы отвлечь свои мысли от предстоящего ей нового и ужасного испытания, развязав мешок, стала любоваться драгоценными камнями. Она выбрала наиболее крупные камни и разложила их на обломке скалы возле себя. Вскоре перед ней лежало такое сокровище, которое никогда не снилось ни одной белой женщине.

Созерцая это сокровище, Хуанна забыла обо всем на свете, кроме необычайной красоты и бесконечной ценности камней, добытых для Леонарда при ее помощи.

Старый жрец поднял голову и некоторое время смотрел на нее с холодным и жестоким выражением лица и стал медленно перекатываться по снегу по направлению к ней, избегая малейшего шума.

Полюбовавшись на свое сокровище, Хуанна стала снова складывать камни в мешок и, крепко завязав его, хотела надеть себе на шею. В этот момент чья-то сухая старческая рука мелькнула перед ее глазами и вырвала у нее мешок. С громким криком молодая девушка вскочила на ноги и увидела, что старый жрец, захватив мешок, побежал прочь с необыкновенной быстротой. Оттер и Леонард, услышав ее крик и думая, что жрец хотел убежать, поспешили наперерез ему. Но он и не думал бежать. Шагах в сорока от того места, где стояла Хуанна, над пропастью свешивался маленький выступ скалы. К этому-то месту и направился Нам. Остановившись на краю выступа над пропастью, он обернулся лицом к своим преследователям.

— Если вы сделаете еще шаг, — закричал он, — то я брошу этот мешок туда, откуда вам никогда не достать его. На этих скалистых стенах нельзя поставить ноги, а на дне пропасти — вода!

Леонард и Оттер остановились, дрожа за судьбу драгоценных камней.

— Слушай, Избавитель, — продолжал Нам, — ты пришел в нашу страну за этими вещицами, не правда ли? Найдя их, ты хотел бы уйти с ними? Но прежде чем уйти, ты хотел бы убить меня из мести за то, что я доказал, что вы обманщики, и хотел принести вас в жертву оскорбленным вами богам. Но ведь красивые камни теперь у меня в руках, и, если я выпущу их из своих рук, то они исчезнут для тебя и всего света навеки. Скажи теперь, поклянешься ли ты оставить мне жизнь и позволишь ли

мне мирно вернуться домой за то, что я отдам тебе назад эти камни?

— Да, да, клянемся тебе в этом!— сказал Леонард, не будучи в состоянии скрыть своего беспокойства.— Иди сюда, Нам, и мы дадим тебе спокойно уйти, но если ты бросишь камни вниз, то и сам последуешь за ними!

— Вы клянетесь!— сказал презрительно жрец.— Ты дошел до того, что соглашаешься пожертвовать мстью в угоду твоей жадности, о белый человек с благородным сердцем! Ну, я выше тебя; хотя я и не благороден, но хочу пожертвовать своей жизнью для того, чтобы обмануть ваши желания. Как? Неужели можно допустить, чтобы священное сокровище народа тумана было украдено двумя белыми ворами и их черной собакой? Никогда! Я хотел вас убить всех, но мне это не удалось, и теперь я очень рад этому, видя, что могу нанести вам удар сильнее, чем сама смерть. Да разразится над вами проклятие Джалья и Аки, бездомные собаки! Живите изгнанниками, умрите в нищете, и путь ваши отцы, матери и дети плюнут на ваши кости, как я это делаю. Прощайте!

И он плюнул по направлению к ним, а затем внезапным движением опрокинулся и полетел в пропасть, унося с собой сокровище.

Несколько времени все трое, пораженные происшедшим, молча стояли на месте, устремив свои глаза на выступ скалы. Наконец Хуанна, рыдая, упала на снег и стала упрекать себя, что по ее вине Леонард сделался нищим.

Леонард, хотя и был огорчен этой потерей, стал утешать ее. В это время Оттер прикатил два камня: один, побольше, для девушки и Леонарда, другой, поменьше, для себя.

Но теперь — другая беда. Хуанна ни за что не соглашалась сесть на камень, чтобы совершить опасный переход. С большим трудом ее спутникам удалось убедить ее.

— Послушай, госпожа,— говорил карлик,— я свяжу тебя и Избавителя веревкой для безопасности и сам покажу вам дорогу!

С этими словами Оттер оттащил оба камня на самый откос пропасти и, связав веревкой по талии Леонарда и Хуанну, стал готовиться к своеобразному переходу через ледяной мост.

— Ну, Избавитель,— проговорил он,— когда я перейду через мост, вы оба должны лечь на камень и слегка оттолкнуться копьём. Тогда, прежде чем вы успеете опомниться, вы уже будете возле меня!

И Оттер лег на камень лицом книзу с легким смехом, хотя Леонард заметил, что и он дрожал.

— Теперь, баас,— сказал карлик, схватившись своими длинными руками за края камня,— когда я скажу, толкни слег-

ка камень и тогда увидишь, как может лететь черная птица. Нангись ко мне, баас!

Леонард повиновался, и карлик шепнул ему:

— Я хотел только сказать, баас, на тот случай, если мы более не встретимся, так как несчастные случаи бывают и на самых безопасных дорогах, что я очень сожалею о том, что вел себя свиньей в городе тумана, но пьянство и женщины испортили и лучших людей, чем я. Не отвечай мне, баас, а толкни камень, а то я уже начинаю бояться!

Положив свою руку на заднюю часть камня, Леонард дал легкий толчок. Камень начал двигаться, сначала очень медленно, затем все скорее и скорее и, наконец, со свистом понесся по скользкому ледяному пути. Достигнув подошвы первого склона, он поднялся на легкий подъем следующего склона, но так медленно, что Леонард подумал, что он остановится. Однако он перевалил через хребет и исчез на несколько секунд в неглубокой впадине, образованной поверхностью льда, откуда опять вылетел на вершину второго, более длинного поля с весьма крутым спуском. Отсюда камень понесся с быстротой стрелы, пока не достиг самой узкой части ледяного моста, показавшейся издали серебристой нитью, затем, внезапно поднявшись на воздух, через несколько секунд продолжал свое движение по ледяному пути, пока, наконец, не остановился.

Леонард посмотрел на свои часы — время, занятое переходом, не превышало пятнадцати секунд, а расстояние было не менее полумили.

— Посмотрите,— сказал он Хуанне, все время сидевшей с закрытыми рукой глазами, чтобы не видеть страшного путешествия карлика,— он на той стороне, цел и невредим!— И он показал на фигуру, казалось, весело танцевавшую на снежном поле и кричавшую:

— Поезжай, баас, это легко!

— Я рада, что он цел,— слабым голосом сказала Хуанна.— Теперь мы должны отправиться вслед за ним. Возьмите, Леонард, мой платок и завяжите, пожалуйста, мне глаза, я не могу иначе!

Затем она призналась, что часто дурно поступала с Леонардом, и чистосердечно попросила прощения. Конечно, ее спутник от души простил ее.

Леонард повел молодую девушку к плоскому камню, но по дороге споткнулся и упал, потащив за собой Хуанну. По счастью, падение было далеко от края пропасти и потому оказалось безопасным. Вставая, он заметил какие-то красные пятна на снегу, присмотревшись ближе, он увидел три великолепных рубина, а немного подальше и четвертый. Очевидно, когда Хуанна укладывала камни в мешок, эти откатились и, по счастливой

случайности, уцелели от зорких глаз Нама. Леонард с радостью поднял их и спрятал в карман. Хуанна ничего не заметила, так как очищала лицо и волосы от снега, засыпавшего ее при падении.

Леонард дал время Хуанне оправиться, а затем снова повел ее к камню, но вдруг сзади них раздался глухой звук чьих-то шагов по снегу и, обернувшись, он увидел бежавшую к ним Соа, почти нагую, с раной от копья в боку и с выражением безумия в глазах.

— Ступай прочь или...— И он поднял выразительно свое копье.

— О Хуанна,— умоляющим голосом воскликнула старуха,— возьми меня с собой, я не могу жить без тебя.

— Скажите ей, чтобы она шла прочь,— сказала Хуанна, узнав голос Соа,— я не хочу ее больше видеть!

— Слышишь, Соа,— сказал Леонард.— Подожди! Как дела там?— указал он рукой по направлению к туннелю.— Говори правду!

— Я не знаю, Избавитель, когда я была там, Олфан и его брѣт еще держались у входа в туннель и не были ранены, но один вождь был мертв. Я пробежала мимо них и вот что получила!— показала она на рану в боку.

— Если они еще немного продержатся, к ним может подоспеть помощь!— проговорил про себя Леонард.

Затем, не говоря ни слова, он лег вместе с Хуанной на широкий камень лицом книзу.

— Сейчас мы отправимся, Хуанна!— проговорил он.— Держитесь крепче за край камня правой рукой и не отнимайте руки, а то мы оба можем соскользнуть с него!

— О, возьми меня с собой, дитя мое, возьми с собой, я не стану больше злобствовать, а буду служить тебе по-прежнему!— отчаянным голосом закричала Соа, и крик ее гулко отдавался в горах.

— Держитесь крепче!— сквозь зубы проговорил Леонард и, отняв свою правую руку от талии Хуанны, при помощи копья слегка оттолкнулся от выступа скалы сзади него. Камень вздрогнул и медленно и величественно начал двигаться вниз по ледяному пути.

Сначала он, казалось, еле-еле двигался, затем, в следующую секунду, когда движение его сделалось более ощутимым, Леонард услышал шум за собой и почувствовал, что за его ногу ухватилась человеческая рука. Произошел толчок, вследствие которого они чуть не слетели с камня, но Леонард крепко ухватился за передний край камня, и рука перестала почти тащить его за ногу, хотя он и чувствовал еще ее на своей щиколотке.

ПЕРЕПРАВА ПО ЛЕДЯНОМУ МОСТУ

Приподняв осторожно голову, Леонард взглянул через плечо, и ему стало все ясно. В своей безумной любви к Хуанне, которую она предала и оскорбила, Соа хотела броситься на камень, чтобы отправиться вместе с ними, как только камень начал двигаться. Но было слишком поздно, и, почувствовав, что она скользит вперед, Соа в отчаянии ухватила за то, что подвернулось ей под руку, а именно — за ногу Леонарда. Теперь она должна была сопровождать их в их ужасном путешествии, но тогда как они катились вниз на камне, ее волокло за ними по ледяному скату.

Искра сострадания вспыхнула в груди у Леонарда, когда он заметил ее странное положение, но делать было нечего, к тому же он был занят опасностью, угрожавшей Хуанне и ему самому. Со все возрастающей быстротой они мчались вниз по длинному скату, приближаясь к первому подъему, ярдах в десяти от вершины которого движение их замедлилось гораздо больше, чем у Оттера, так что Леонард ожидал остановки камня. Но этого не случилось, и они достигли верхушки подъема, спустившись с которого, попали в ледяную выемку. Затем они, наконец, очутились в начале склона ярдов в четырехста или пятисот длиной и настолько крутого, что человек не мог бы стоять на нем, если бы даже поверхность склона и не была скользкой. Ширина ледяного моста здесь быстро уменьшилась и, наконец, в ближайшей к противоположному краю пропасти казалась длинной белой иглой, а вскоре, по-видимому, мост совсем прерывался.

Они продолжали мчаться вниз, рассекая воздух. Уже была пройдена половина, чуть не две трети пути. Наконец Леонард взглянул, и мороз пробежал у него по коже. Ширина моста в том месте, где они находились, не превышала размеров небольшой комнаты, ярдах в шестидесяти далее она суживалась до того, что камень почти покрывал ее, а с обеих сторон под ним зияли безграничные пропасти. Но это было еще не все: в самом узком месте ледяная лента прерывалась на ширине десяти-двадцати футов, а затем дальше продолжалась с более низким уровнем, поднимаясь круто к снежному хребту, где цел и невредим сидел Оттер.

Холодный пот прошиб Леонарда. Вот уже перед его глазами провал, вот уже камень, оставив ледяной путь, понесся по воздуху. Но прежде, чем они достигли противоположного края провала, Леонард услышал нечеловеческий крик и почувствовал такой сильный толчок, что не мог удержаться за камень,

который выскочил из-под него, а он, ударившись о лед, продолжал нестись по его гладкой поверхности. Леонард почувствовал, что ледяная поверхность жжет его, как раскаленное железо, но его ногу уже выпустила державшаяся за нее человеческая рука, и затем он более ничего не помнил, так как впал в бесчувственное состояние.

Придя в себя, он услышал голос Оттера, кричавшего ему:

— Лежи спокойно, баас, не шевелись, ради своей жизни, я приду к тебе!

Леонард совсем очнулся и, слегка приподняв голову, увидел, в каком отчаянном положении находился.

Им оставалось преодолеть всего около пятидесяти футов ледяной поверхности, но на протяжении этих пятидесяти футов лед был так гладок и поверхность его так круто подымалась вверх, что ни один человек не мог бы взобраться по ней. Под ними склон продолжался на тридцать-сорок ярдов вниз, пока, наконец, не встречал соответствующего подъема, ведущего к прорыву моста.

На этой ледяной поверхности они и лежали, распростершись, как орлы. Сначала Леонард удивился, отчего они не соскользнули назад на дно откоса, где бы они, конечно, погибли, так как выбраться оттуда было невозможно без особых приспособлений. Но их спасла счастливая случайность.

Когда бесчувственные тела Леонарда и Хуанны вынеслись по инерции вверх по подъему, то, конечно, стали скользить назад, в соответствии с законами тяжести, и разбились бы вдребезги, если бы их не задержало копье, рукоятка которого была соединена с обвязывавшим их талии ремнем. Острие этого копья застряло в расщелине льда.

Все это понял Леонард постепенно, он увидел также, что Хуанна была мертва или без чувств, он не мог пока сказать точно.

— Что ты хочешь делать?—спросил он Оттера.

— Подожди, баас, дай мне время подумать!— И на минуту Оттер, присев на льду, задумался.

— Нашел!— сказал он затем и, сняв с себя платье из козьего меха, стал резать его на куски дюйма в два шириной. Связав крепкими узлами эти куски, он получил довольно сносную веревку достаточной длины.

Затем, заострив конец своей палки, он глубоко укрепил ее в земле и снегу на краю ледяного пояса, привязал к ней импровизированную веревку и по ней быстро спустился к Леонарду.

— Разве госпожа умерла, баас?— спросил он, посмотрев на побледневшее лицо Хуанны и ее закрытые глаза.— Или она только спит?

— Я думаю, она только в обмороке,— ответил Леонард.—

Но ради неба, Оттер, действуй проворнее, а то я замерз на этом льду. Что ты хочешь делать?

— Вот что, баас: обвязать около твоего пояса сделанную веревку, затем развязать ремень, связывающий тебя с госпожой, и вернуться на вершину склона, откуда я могу ее поднять наверх, так как ремень очень прочен и она будет легко скользить по льду, а ты последуешь за ней!

— Хорошо!— сказал Леонард.

Когда все это было сделано, держась одной рукой за ледяную скалу, другой рукой держась за древко копья, Оттер с большим трудом взбирался вверх по льду, держа в зубах ремень. Замерзшему на льду Леонарду казалось, что прошли часы, прежде чем Оттер поднялся на вершину склона и велел ему отпустить Хуанну.

Леонард повиновался, и карлик, сидя на снегу и упершись ногами в край ледяного моста, стал тянуть молодую девушку кверху. Леонард с облегчением вздохнул, когда увидел ее, наконец, распростертой на снегу.

Затем Оттер, поспешно отвязав ремень от талии Хуанны и сделав петлю, кинул ее Леонарду, а тот надел ее на свои плечи. Вынув копьё из расщелины, в которой оно стояло, он начал свое восхождение. Первые движения причиняли ему мучительную боль, и неудивительно, так как кровь из ран, полученных им при путешествии по льду, заморозила его члены. Собрав всю энергию, он стал подниматься по самодельной веревке, а Оттер тащил его за ремень.

Хорошо, что карлик бросил Леонарду вторую веревку, так как вдруг палка, к которой была прикреплена веревка из кусков платья, выскочила из того места, где она была закреплена, и покатилась вниз вместе с веревкой. Карлик, громко вскрикнув, чуть было не бросился вперед, но удержался и крепко стал держать длинный ремень, на котором и повис Леонард, раскачиваясь как маятник на гладкой поверхности льда.

— Мужайся, баас,— сказал Оттер, крепко державший веревку,— когда я буду тянуть кверху, старайся подняться!— И он потянул вверх ремень, причем Леонард старался зацепиться на льду коленами, пятками и свободной рукой.

Увы! Держаться было не за что, он был словно на гладкой поверхности стекла с наклоном в шестьдесят градусов.

— Подожди немного, баас,— сказал карлик, изнемогавший от усталости,— постарайся сделать во льду острием копья маленькое гнездо и, когда я потяну, помогай мне тянуть тебя, опираясь на копьё!

Леонард сделал это, не говоря ни слова.

Медленно, с огромными трудностями Оттер поднял Леонарда вверх по скату на два фута. Этот процесс пришлось повто-

рить несколько раз, пока, наконец, Леонард поставил свою левую ногу на нижнюю ступень, вырубленную Оттером во льду. Еще одно последнее усилие — и Леонард, дрожащий, как испуганное дитя, лежал на краю ледника.

Испытание было кончено, опасность миновала, но зато ценой каких усилий!

Нервы Леонарда были совершенно расшатаны; он не мог держаться на ногах, лицо было окровавлено, ногти обломаны, и одна из костей ног обнажилась от трения о лед, не говоря уже об ушибах. Состояние Оттера было немногим лучше: руки его были изрезаны веревками, и он был совершенно без сил. Меньше всех пострадала Хуанна, бывшая в обмороке с начала движения по ледяному мосту, она не получила даже ушибов после падения с камня, так как, будучи легче Леонарда, упала на него. Кроме того, толстая одежда из козьего меха предоохранила ее от ранений, исключая небольших царапин и ушибов. Об их страшном положении в то время, когда они повисли на копье, она не знала ничего, равно как и о смерти Соа.

— Оттер,— пробормотал Леонард дрожащим голосом,— ты не потерял бутылки с вином?

— Нет, баас, она цела!

— Поднеси ее к моим губам, если можешь!

Карлик дрожащей рукой протянул ему бутылку, и Леонард сделал несколько глотков.

— Что случилось с Соа, Оттер?

— Я не мог точно разглядеть, баас, я был слишком испуган, даже более, нежели катясь сам на камне. Но я думаю, что ноги ее задели за край пропасти и она свалилась. Это хороший конец для нее, злой, старой коровы!— прибавил он довольным тоном.

— А для нас был очень близок худой конец,— сказал Леонард,— но все-таки мы избегли его. За все рубины на свете я не хотел бы пройти опять этой дорогой!

— И я также, баас. Да, это было ужасно! А теперь,— прибавил он,— не пора ли нам разбудить госпожу и уходить отсюда?

— Да,— сказал Леонард,— хотя я не знаю, куда мы пойдем. Во всяком случае недалеко, я еле двигаюсь!

Подойдя к Хуанне, Оттер влил ей в рот несколько капель туземного вина, а Леонард стал растирать ей руки, после чего она вскоре быстро очнулась, присела и, видя лед перед собой, закричала:

— Возьмите меня отсюда, возьмите, я не могу этого сделать, Леонард, не могу!

— Все уже кончено, дорогая!— ответил он со слабой улыбкой.

Оттер собрал их небольшой багаж, состоявший главным об-

разом из ременной веревки и копья, и они побрели вверх по снежному склону. В двадцати-тридцати ярдах впереди их и почти бок о бок лежали два камня, на которых они ехали по мосту, а возле них — те два, которые были пущены раньше Оттером.

Когда они достигли вершины склона, Оттер, обернувшись назад, сказал:

— Взгляни, баас, на той стороне стоят люди!

Он был прав. На далекой окраине пропасти виднелись фигуры людей, которые, казалось, махали оружием и что-то кричали. Были ли это жрецы, усилившие сопротивление Олфана и преследовавшие их, или солдаты короля, победившие жрецов,— этого, за дальностью расстояния, нельзя было рассмотреть.

Путешественники начали спускаться с одного ледяного поля на другое, и только большой пик над ними напоминал им о близости страны тумана. После частых остановок, вызванных усталостью, они к вечеру очутились, наконец, ниже снеговой линии, в мягком и теплом климате.

— Я должна остановиться,— сказала Хуанна, когда солнце начало садиться,— я не могу больше идти!

Леонард в отчаянии посмотрел на Оттера.

— Вот там большое дерево, баас, и вода около него!— сказал карлик.— Это хорошее место для ночлега: здесь тепло, и мы не будем страдать от холода. Да, нам везет. Подумайте, как мы провели прошлую ночь.

Они подошли к дереву, и Хуанна в полном изнеможении опустилась на землю, прислонившись спиной к его стволу. Леонарду с трудом удалось уговорить ее съесть кое-что из скудных запасов и глотнуть вина, после чего она впала в сон, скорее похожий на оцепенение.

XXXVIII

ПРОЩАНИЕ ОТТЕРА

Нечего говорить о том, что наступившая ночь была одной из самых ужасных, какие только приходилось провести Леонарду. Несмотря на свою крайнюю усталость, он не мог спать: его нервы были слишком потрясены, да и раны сильно беспокоили его. Хотя климат местности был мягок, но со снежных гор дул холодный ветер, и они даже не могли развести огня, чтобы согреться и прогнать диких животных, завывавших невдалеке от них.

Едва ли когда-либо беглецы были в более отчаянном и без-

надежном положении, чем Леонард и его спутники в эту ночь: безоружные, выбившиеся из сил, без пищи и почти без одежды, находившиеся в неизвестной им местности среди пустынь Центральной Африки. Если не подоспее к ним откуда-нибудь помощь, на что было мало надежды, то они должны погибнуть от голода в челюстях львов или от копий туземцев.

Наконец ночь прошла и наступила заря, но Хуанна проснулась только тогда, когда солнце было уже высоко на небе. Леонард, подползши к ней на близкое расстояние — ходить он уже не мог, — увидел, что она блуждающими глазами посмотрела на него и сказала что-то о Джен Бич. Она была в бреду. Что же можно было сделать? Как двинуться в путь с женщиной в горячке среди пустыни? Оставалось только ждать смерти.

Несколько часов Леонард и Оттер провели в безмолвном ожидании. Наконец Оттер, лучше всех перенесший невзгоды предыдущего дня, взяв копье, подарок Олфана, сказал, что пойдет на поиски дичи. Леонард кивнул ему головой, хотя трудно было ожидать успеха от охоты человека, вооруженного только копьем.

К вечеру карлик вернулся с пустыми руками, заявив, что хотя дичи и попадалось много, но убить ему ничего не удалось, как и ожидал его господин. Страдая от голода, провели они ночь, поочередно ухаживая за Хуанной, все еще бредившей. На заре Оттер опять ушел, оставив Леонарда, который не мог заснуть и лежал, скорчившись подле Хуанны, закрыв лицо руками.

До полудня карлик вернулся к Леонарду, радостно сообщив ему, что, кажется, есть надежда на спасение.

— Что такое, Оттер? — спросил он.

— Там идет какой-то белый человек и с ним более сотни слуг, баас! — сказал карлик. — Они поднимаются на склон горы.

— Ты, должно быть, сошел с ума, Оттер! — возразил Леонард. — Скажи во имя Аки и Джалья, что здесь делать белому человеку? Только я и Франциско были настолько глупы, что забрались в эти места! — И Леонард, закрыв глаза, замолк и вскоре от усталости заснул.

Оттер смотрел на него некоторое время, затем, хлопнув себя рукой по лбу, снова отправился вниз по склону. Спустя час Леонарда разбудил звук многих голосов и чья-то рука сильно встряхнула его.

— Проснись, баас, — говорил карлик, расталкивая своего спавшего господина, — я привел сюда белого человека!

Леонард, подняв голову, увидел перед собой окруженного вооруженными носильщиками и другими слугами англичанина средних лет с круглым, добродушным лицом, загоревшим на

солнце, с большими темными глазами. Незнакомец с состраданием смотрел на Леонарда.

— Как вы поживаете, сэр?— спросил он приятным голосом.— Насколько я мог узнать от вашего слуги, вы не в блестящем положении. Ба! Да тут есть женщина!

Леонард вместо ответа произнес несколько бессвязных фраз.

— Ахмет,— сказал тогда незнакомец, обращаясь к рядом стоявшему арабу,— пойдй к первому мулу и возьми хинина, шампанского и пирожков из овсяной муки, они, кажется, нужны в этом, вели также носильщикам разбить мою палатку здесь, возле воды, да живей!

Прошло сорок восемь часов, и благодушный незнакомец сидел на походном стуле возле входа в палатку, внутри которой лежали две фигуры, обе закутанные в одеяла и сладко спавшие.

— Должно быть, они скоро проснутся!— проговорил про себя незнакомец, вынув изо рта трубку.— Хинин и шампанское хорошо подействовали на них. Но что за бессовестный лгун этот карлик! Одну вещь он хорошо делает — это ест. И что они делали здесь? Я знаю пока одно, что не видел более благородного вида мужчины и более прекрасной девушки!— И, набив снова свою трубку, незнакомец начал курить.

Десять минут спустя Хуанна внезапно села на своем ложе. Дико оглядевшись кругом и наконец увидев Леонарда, лежавшего у другой стенки палатки, она подползла к нему и, принявшись целовать его, заговорила:

— Леонард! Вы живы еще! Мне снилось, что мы оба умерли!

Мужчина, к которому она обратилась с этими словами, проснулся также и ответил ласками на ее поцелуи.

— Это довольно трогательно! Должно быть, они супруги или собираются пожениться. Во всяком случае, пока мне лучше уйти на время!— пробормотал незнакомец, заглянув в палатку.

Когда через час путешественник вернулся, он нашел их уже вполне бодрствующими, сидевшими на солнце у входа в палатку. Оба помылись и оделись в то платье, которое они нашли в палатке. Приподняв свой шлем, он подошел к ним. Леонард и Хуанна встали при виде его.

— Позвольте представиться!— произнес незнакомец.— Я английский путешественник, совершающий маленькую экспедицию за свой счет, за недостатком других занятий. Мое имя — Сидии Уоллес!

— Меня зовут Леонард Утрам,— ответил Леонард,— а эта молодая леди — мисс Хуанна Родд!

Мистер Уоллес снова поклонился.

«Итак, они не были женаты!»— подумал он.

— Мы глубоко обязаны вам, сэр,— продолжал Леонард,— вы спасли нас от смерти!

— Вовсе нет,— отвечал м-р Уоллес,— вы должны благодарить вашего слугу, карлика, а не меня: если бы он не увидел нас, мы прошли бы значительно левее вас. Меня привлек к себе этот большой пик над нами, кажется, высочайший во всей цепи гор Биза-Мушинга. Я хотел подняться на него прежде, чем вернуться домой через озеро Ньясса, Ливингстонию, Блэкшайр и Килиману. Но, быть может, вы не откажетесь сообщить мне, как вы очутились здесь? Я слышал кое-что от вашего карлика, но его рассказ несколько фантастичен!

Леонард передал вкратце историю своих приключений мистеру Уоллесу, который, по-видимому, не поверил ни одному его слову.

Впрочем, выслушав спокойно рассказ Леонарда до конца, Уоллес поднялся со своего места, сказав, что пойдет поохотиться немного.

До захода солнца он явился снова и, подойдя к палатке, попросил извинения у Леонарда и Хуанны за свою недоверчивость.

— Я был там,— сказал он,— на той дороге, которой вы шли, видел ледяной мост и камни, рассмотрел ступени, сделанные во льду карликом. Все нашел так, как вы мне говорили, и мне остается только поздравить вас, что вам удалось благополучно перенести самые ужасные опасности, о которых я когда-либо слышал!

— Кстати,— прибавил путешественник,— я послал людей исследовать пропасть на протяжении нескольких миль, но они донесли мне, что нет ни одного места, по которому можно было бы спуститься в нее, и я боюсь, что драгоценные камни потеряны навеки. Сознаюсь, что я хотел бы проникнуть в страну тумана, но мои нервы недостаточно крепки для перехода через ледяной мост, да и камни не могут скользить вверх по скату. Кроме того, вы уже достаточно натерпелись всего и, должно быть, с нетерпением ждете возможности вернуться в цивилизованные страны. Поэтому, отдохнув здесь дня два, мы можем отправиться в Килиману, до которой отсюда, не принимая во внимание неблагоприятных случайностей, три месяца пути!

Вскоре они отправились в путь, но описывать подробности этого путешествия не входит в нашу задачу.

* * *

Наконец они благополучно прибыли в Килиману. На следующее утро мистер Уоллес отправился в почтовую контору, где его ожидали письма, а Леонард и Хуанна вышли погулять, пока еще солнце не особенно жгло. Наступило время, когда им

неудобно было больше пользоваться любезностью м-ра Уоллеса, а между тем у них не было в кармане ни одного пенни. Когда они медленно подвигались вперед по обширным африканским пустыням, питаясь в изобилии попадавшейся дичью, любовь и поцелуи заменяли им все на свете. Но теперь они приближались к цивилизованным странам, где без денег было невозможно жить.

— Что нам делать, Хуанна? — спросил печально Леонард. — У нас нет денег на то, чтобы добраться до Наталя, и нет кредита, чтобы занять где-нибудь!

— Мне кажется, мы должны продать большой рубин, — сказала она со вздохом, — хотя мне очень жаль расставаться с ним!

— Никто здесь не купит такого камня, Хуанна, да он, может быть, и не настоящий рубин!.. Может быть, Уоллес даст мне под него безделицу, хотя мне и не хотелось бы просить у него. Я, впрочем, должен признаться вам, что у нас не один рубин, а целых пять!

— Откуда, Леонард? Ведь Нам захватил все!

— Нет, кое-что, по счастью, уцелело!

И Леонард рассказал Хуанне о своей находке, достав рубины из своего полого пояса.

Хуанна с восторгом рассматривала камни.

— Знаете, Леонард, больше всего удручало меня сознание, что благодаря моему легкомыслию мы лишились сокровищ, из-за которых пришлось перенести столько мук. Теперь у меня свалилась с души огромная тяжесть. Эти камни так прекрасны, что, наверно, мы получим за них много денег. Покажите их мистеру Уоллесу и посоветуйтесь с ним, как лучше поступить. Он так хорошо относится к нам.

— Да, вы правы, я, пожалуй, так и сделаю.

После прогулки они сели за завтрак, к концу которого вернулся из города мистер Уоллес.

— Я могу сообщить вам хорошие новости, — проговорил он. — Через два дня здесь будет пароход, так что, расплатившись с моими людьми, я могу отправиться на нем в Аден, а оттуда домой. Конечно, вы также поедете со мной. Здесь несколько номеров «Timez», просмотрите их, мистер Утрам, пока я буду читать свои письма.

— Мистер Уоллес, мне совестно злоупотреблять вашей добротой, но у нас нет ни копейки денег. Все наше богатство заключается в этих камнях, причем я не уверен, что это действительно настоящие рубины.

Говоря это, Леонард разложил на столе пять великолепных рубинов.

Мистер Уоллес с удивлением смотрел на камни.

— Но ведь это нечто невиданное! Я никогда в жизни не видал таких прекрасных камней такой чистой воды и таких чудовищных размеров. Да вы богатый человек! Вам стоит только приехать в Лондон и появиться среди наших ювелиров, как они заплатят вам бешеные деньги.

— Да, но до Лондона надо доехать,— печально заметил Леонард.

— Так вы находите, что камни настоящие!— радостно воскликнула Хуанна.— Леонард все время сомневается.

— Ну конечно, настоящие, разве возможна такая подделка? Я не знаток в рубинах, мистер Утрам, но все же понимаю, что такая подделка невозможна. Вы можете считать себя обеспеченными. Хорошо, что среди всех злоключений вам удалось спасти хоть это. Конечно, мы едем вместе в Лондон продавать ваши камни! И продадим их там хорошо, за дорогую цену.

Через два дня из города им сообщили, что прибыл идущий на север пароход.

Оттер, все последнее время не говоривший ни слова, торжественно приблизился к Леонарду и Хуанне с протянутой вперед рукой.

— Что такое, Оттер?— спросил Леонард, помогавший укладывать Уоллесу его охотничьи трофеи.

— Ничего, баас! Я пришел сказать «прости» тебе и госпоже, вот и все. Я хочу уйти прежде, чем увижу, что паровая рыба увезет вас прочь!

Леонард и Хуанна так сроднились с Оттером, что даже во время приготовлений их к отъезду в Англию никому из них в голову не пришла мысль о возможности расстаться с ним.

— Почему же ты хочешь уходить?— спросил Леонард.

— Потому что я — безобразная, старая собака, баас, и не могу быть полезен вам там!— кивнул карлик по направлению к морю.

— Кажется, ты намекаешь на то, что не хочешь оставить Африку даже на время?— сказал Леонард с плохо скрытым огорчением и тревогой.— А я взял тебе билет на пароход.

— Что говорит баас?— медленно спросил Оттер.— Баас взял мне место на паровой рыбе?

Леонард утвердительно кивнул головой.

— В таком случае я прошу прощения, баас! Я думал, что ты покончил со мной и хочешь бросить меня, как сломанное копье!

— Значит, ты хочешь ехать с нами, Оттер?— воскликнул Леонард с оживлением.

— Хочешь ехать?!— с удивлением воскликнул карлик.— Разве ты не мой отец и не моя мать, и разве то место, где будешь ты, не мое место? Знаешь ли, баас, что я теперь хотел сделать? Я хотел влезть на вершину дерева и следить за паро-

вой рыбой, пока она не исчезнет на краю света, затем я взял бы эту веревку, так хорошо мне послужившую среди народа тумана, накинул бы ее себе на шею и повесился бы на том дереве. Ведь это самый лучший конец для старых собак, баас!

Леонард отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившие у него на глазах. Привязанность карлика тронула его более, чем он это хотел показать.

XXXIX

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Спустя шесть недель к подъезду лучшего ювелирного магазина Лондона подъехал экипаж, из которого вышли Леонард, Хуанна и мистер Уоллес. В магазине было довольно много народа, но навстречу Уоллесу из-за прилавка вышел, извинившись перед покупателями, пожилой человек.

— Вы, вероятно, хотите видеть мистера Бартлоета? Он здесь, сэр, пожалуйста, я провожу вас.

Пожилый человек повел мистера Уоллеса и следовавших за ним Хуанну и Леонарда в глубь магазина, где за тяжелой плюшевой портьерой скрывалась дверь в контору крупной ювелирной фирмы.

Пройдя контору, они вошли в небольшой, но очень уютно обставленный кабинет. В глубине за столом сидел знакомый мистера Уоллеса, мистер Бартлет, глава фирмы.

Увидев мистера Уоллеса, он быстро встал и приветливо поздоровался с ним, поздравляя его с приездом.

— Альфред, позвольте вам представить моих приятелей — мистера Леонарда Утрама и его жену. Им нужно поговорить с вами по делу о драгоценных камнях.

Ювелир пригласил всех присесть.

Леонард вынул из портфеля продолговатую коробку, открыл ее, и на зеленом сукне стола ярко засияли кровавым блеском пять громадных рубинов людей тумана.

Ювелир и его помощник остолбенели от удивления при виде редких камней.

— Какая красота! По окраске — настоящие восточные корунды! — воскликнул ювелир.

Мистер Бартлет осторожно взял один из рубинов, отошел к противоположной стене, где стоял продолговатый узкий высокий стол, уставленный различными принадлежностями ювелирного мастерства, сделал ряд опытов, результатов которых Леонард и Хуанна дожидались, затаив дыхание, затем медленно вернулся к столу.

— Да, рубины превосходные, настоящие, поразительной

красоты. Я не встречал таких ни разу. Вы владеете редким сокровищем, сэр Утрам. Можно мне спросить вас, откуда они?

Не успел Леонард ответить, как вмешался мистер Уоллес.

— Это длинная история, сэр Альфред, я как-нибудь на досуге расскажу вам, а сейчас вкратце сообщу, что они привезены из глубины Африки, из далеких, недоступных мест. И, что самое важное, больше их оттуда достать невозможно. Оцените их.

— Оценивать их сейчас невозможно. Оставьте их у меня на два дня. Я приглашу некоторых специалистов, и мы оценим их. Вы хотите продать их?

— Да,— ответил Леонард.

— Камни настолько ценны, что я один вряд ли буду в состоянии купить их. Придется с кем-нибудь сообща купить ваши сокровища, мистер Утрам.

Рубины были оставлены у ювелира, а Леонард и Хуанна, полные радости, отправились осматривать Лондон. Леонард с удовольствием познакомил молодую жену со всеми достопримечательностями старинной столицы Англии.

Через два дня ювелир купил у Леонарда его рубины, причем один из них, самый большой, Леонард удержал для Хуанны. За четыре остальных рубина получил колоссальную сумму, обеспечивавшую его на всю жизнь.

* * *

Таким образом, путешествие в страну тумана оказалось не напрасным. Леонард стал богатым человеком и отправился, согласно данному умирающему брату обещанию, выкупить свое родовое имение.

Однако выполнить это ему не удалось, замка он не нашел. На месте старинной мрачной усадьбы новый владелец успел построить машиностроительный завод. Вокруг завода вырос целый рабочий поселок, кипела оживленная промышленная жизнь, и от прежней барской усадьбы не осталось никаких следов. Выполнение обещания, таким образом, отпадало само собой.

* * *

Жизнь в Англии не понравилась ни Хуанне, ни Леонарду, а тем более Оттеру. Привычка к свободной, интересной, полной приключений жизни в Африке сделала из Леонарда другого человека. Жизнь в Англии казалась прекрасной издалека, она была слишком однообразна, монотонна, стеснительна.

Через год такой жизни Леонард и Хуанна охотно простились с Англией и снова вернулись в Африку, где на одном из притоков Замбези построили себе, по выражению Оттера, «просторный каменный крааль».

СОДЕРЖАНИЕ

КЛЕОПАТРА

<i>Часть I.</i> Приготовление Гармахиса	12
<i>Часть II.</i> Падение Гармахиса	51
<i>Часть III.</i> Месть Гармахиса	151

ЛЮДИ ТУМАНА

<i>Часть первая.</i> У работоторговцев	204
<i>Часть вторая.</i> В стране тумана	278

Г. Р. Хаггард
КЛЕОПАТРА. ЛЮДИ ТУМАНА.

Редактор Т. Вичирко
Технический редактор В. Казачкова
Художественное оформление С. Гладченко

Сдано в набор 15.10.91г. Подписано в печать 25.11.91г.
Формат 84х108 1/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура Тип "Таймс"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Изд. № 1.
Тираж 100 000 экз. Цена 12 руб.

660049. Красноярск, ул. Коммуна, 66.
Редакционно-издательский центр "Гротеск"
управления печати и массовой информации

Иркутская типография издательства "Восточно-Сибирская правда"
664009. Иркутск, ул. Советская, 109

